

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт Европы
Российской академии наук

Март
Апрель

2-2023

Современная **ЕВРОПА**



ISSN 0201-7083

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК



Современная **ЕВРОПА**

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

2 (116) март-апрель 2023 г.

ШЕФ-РЕДАКТОР

член-корр. РАН Ал.А. ГРОМЫКО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

ГРИНБЕРГ Р.С. (Россия), ГРУШКО А.В. (Россия),
ЖУРКИН В.В. (Россия), КАРРЕР Д'АНКОС ЭЛЕН (Франция),
НЕКИПЕЛОВ А.Д. (Россия), НИВА ЖОРЖ (Швейцария),
РОГОВ С.М. (Россия), ФАРА ДЖАН МАРИЯ (Италия),
ФРАНКО МАРК (Бельгия), ЧУБАРЬЯН А.О. (Россия)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Н. ЛУНКИН

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

К.А. ГОДОВАНЮК

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А.А. РОЖИН

РЕДАКТОРЫ: Т.Н. СТЕПАШИНА, О.К. ШИМАНСКАЯ,

С.А. ЗАБЕЛИН, Д.И. КОЛЕСОВ, Р.М. ПЛЮСНИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРБАТОВ А.Г., АЛЛИСОН Р. (Британия), БЕЛОВ В.Б., БОРКО Ю.А.,
БЕРГМАНН В. (Германия), БУТОРИНА О.В., ВОДОПЬЯНОВА Е.В.,
ГОЛОВНИН М.Ю., ДАНИЛОВ Д.А., ЗОЛОТАРЁВ П.С., КАВЕШНИКОВ Н.Ю.,
МИРОНЕНКО В.И., НОСОВ М.Г., ПОТЕМКИНА О.Ю., РИЧЧЕРИ М. (Италия),
РУБИНСКИЙ Ю.И., СМЕРНОВ В.А., ФЛОГАИТИС С. (Греция),
ШВЕЙЦЕР В.Я., ШИШЕЛИНА Л.Н.

МОСКВА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Contemporary
EUROPE

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH JOURNAL
EST. JANUARY 2000

CONTENTS

MASLOVA E., SHEBALINA E. Italy in the Rome – Paris – Berlin Triangle • **GUTENEV M., SERGUNIN A., SHADRINA O.** Arctic Science Diplomacy of the Nordic Countries • **BABAEV K.** Iceland and China: Strategic Partnership in the Arctic and Euro-Atlantic • **GARBUZAROVA E.** The Central Asian Direction of French Foreign Policy (1992–2022) • **SHCHERBAK I.** Modernisation of Crisis Response at Global and Regional Levels • **TRUNOV Ph.** The Phenomenon of Unfriendly Multilateralism Inside the “Collective” West • **CHIKHACHEV A.** French Defense Policy: “The Copernican Revolution” or Business as Usual? • **GRACHEVA M.** Federal Spending Planning in Germany: Accuracy of Projections • **PODKOLZINA I.** The Role of Inflation in the UK Economy in the Post-Pandemic Era • **DUBYANSKIY A.** Reformatting the Russian Monetary System in Modern Conditions • **KOMAR O.** Russia and European Countries: Statistical Assessment of Differences in the Level of Gender Differentiation • **YAZKOVA V.** Meritocracy in Focus of Scientific Controversy: Catholic Church and Italian Intellectuals • **MIROSHNIKOVA E.** Challenges to Freedom of Religion or Belief in the European Multicultural Context (the Case of Religious Education) • **GROMYKO A.I.** Where the World is Heading? The Chronicle of Grand Transformation • **BONDARENKO K., KHARITONOVA N.** Well-being of Immigrants in Germany: Country of Origin and Income Convergence • **ZHIRNOVA L.** Ethnic Factor in Electoral Behavior in Latvia: Spatial Effect • **SCHOLARLY LIFE**

INHALT

MASLOVA E., SCHEBALINA E. Italien in dem Dreieck Rom-Paris-Berlin • **GUTENEV M., SERGUNIN A., SCHADRINA O.** Arktische Wissenschaftsdiplomatie der nordischen Länder • **BABAEV K.** Island und China: strategische Partnerschaft in der Arktis und im Euro-Atlantik-Raum • **GARBUZAROVA E.** Zentralasiatische Richtung französischer Außenpolitik • **SHCHERBAK I.** Modernisierung der Krisenreaktion auf globaler und regionaler Ebene • **TRUNOV F.** Phänomen unfreundlichen Multilateralismus innerhalb des kollektiven Westens • **TSHIHATSCHEV A.** Französische Militärpolitik: kopernikanische Revolution oder stetige Kontinuität • **GRACHEVA M.** Bundeshaushaltsplanung in Deutschland: Genauigkeit der Projektierung • **PODKOLZINA I.** Inflation in britischer Wirtschaft in der Zeit nach der Pandemie • **DUBJANSKIY A.** Moderne Umformatierung russisches Währungssystems • **KOMAR O.** Russland und europäische Länder: Einschätzung der Geschlechterdifferenzierung • **JAZKOVA V.** Meritokratie in der Wissenschaftspolemik: katholische Kirche und italienische Intellektuellen • **MIROSHNIKOVA E.** Herausforderungen für die Religionsfreiheit in Rahmen des Multikulturalismus in modernem Europa (auf Beispiel des Religionsunterrichtes) • **GROMYKO A.I.** Wohin steuert die Welt? Chronik kolossaler Transformation • **BONDARENKO K., KHARITONOVA N.** Wohlstand der Migranten in Deutschland: Differenzierung auf Grund des Herkunftslandes und Einkommenskonvergenz • **ZHIRNOVA L.** Raumwirkung ethnischen Faktors im Wählerverhalten in Lettland • **WISSENSCHAFTLICHES LEBEN**

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

<i>Маслова Е.А., Шебалина Е.О.</i> Италия в треугольнике Рим–Париж–Берлин	5
<i>Гутенев М.Ю., Сергунин А.А., Шадрина О.Н.</i> Арктическая научная дипломатия стран Северной Европы	19
<i>Бабаев К.В.</i> Исландия и Китай: стратегическое партнёрство в Арктике и Евroatлантике	33
<i>Гарбузарова Е.Г.</i> Центральнoазиатское направление внешней политики Франции (1992–2022)	49

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

<i>Щербак И.Н.</i> Модернизация кризисного реагирования на глобальном и региональных уровнях	59
<i>Трунов Ф.О.</i> Феномен недружественного мультилатерализма внутри «коллективного» Запада	73
<i>Чихачев А.Ю.</i> Военная политика Франции: «Коперниканская революция» или сохранение преемственности?	87

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

<i>Грачева М.В.</i> Планирование федеральных расходов в Германии: точность проектировок	100
<i>Подколзина И.А.</i> Инфляционные процессы в британской экономике в постпандемийный период	116
<i>Дубянский А.Н.</i> Переформатирование денежной системы России в современных условиях	131

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

Комар О.Н. Россия и страны Европы: оценка уровня гендерной дифференциации	142
--	-----

ОБЩЕСТВО И РЕЛИГИЯ

Язькова В.Е. Меритократия в фокусе научной полемики: католическая церковь и итальянские интеллектуалы	157
Мирошникова Е.М. Вызовы религиозной свободе в условиях мультикультурализма современной Европы (на примере религиозного образования)	169

РЕЦЕНЗИИ

Громыко Ал.А. Куда идёт мир? Летопись грандиозной трансформации	180
--	-----

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЁНОГО

Бондаренко К.А., Харитонова Н.А. Благосостояние иммигрантов в Германии: страновые различия и конвергенция доходов	186
Жирнова Л.С. Этнический фактор в электоральном поведении в Латвии: пространственный эффект	202

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Второй Европейский семинар ИЕ РАН и ИНИОН РАН: религиозный фактор	215
Журнал «Современная Европа» вошел в число лучших изданий Science Index	223

*Точка зрения авторов публикуемых материалов
может не совпадать с мнением редколлегии журнала.*

Подписка на наш журнал производится
в отделениях связи по каталогу “Роспечать”, индекс 79701
и объединённому каталогу “Пресса России”, индекс 14492

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

УДК 327

**ИТАЛИЯ В ТРЕУГОЛЬНИКЕ
РИМ – ПАРИЖ – БЕРЛИН**

© 2023 **МАСЛОВА Елена Александровна***

Кандидат политических наук, доцент

*Кафедра интеграционных процессов, старший научный сотрудник
ИМИ МГИМО МИД России; 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76*

Старший научный сотрудник, Институт Европы РАН

125009, г. Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3

***E-mail:** e.maslova@inno.mgimo.ru

© 2023 **ШЕБАЛИНА Екатерина Олеговна****

Кандидат исторических наук

*Научный сотрудник ИМИ, помощник проректора по кадровой политике,
ст. преподаватель кафедры романских языков МГИМО МИД России*

119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76

****E-mail:** shebalina.e.o@my.mgimo.ru

Поступила в редакцию 22.12.2022

После доработки 31.01.2023

Принята к публикации 09.02.2023

Аннотация. В ноябре 2021 г. Италия и Франция подписали Квиринальский договор о двустороннем усиленном сотрудничестве. Документ предполагает формирование треугольника Рим – Париж – Берлин, учитывая Ахенский договор 1919 г. Франции и ФРГ. Для Италии Квиринальский договор играет в первую очередь символическую роль. Во-первых, он предоставляет доступ в эксклюзивный формат стран-лидеров ЕС. Во-вторых, договор укрепляет авторитет Рима и представляет Италию страной, заслуживающей доверия. В-третьих, соглашение выполняет функции маяка, закладывая основу и модель регулярного взаимодействия для сближения двух стран. В документе отсутствуют жесткие обязательства, поэтому его эффективность зависит от политической конъюнктуры и воли политиков, находящихся у власти. После смены правительства в Италии резко изменилось отношение к Квиринальскому договору, что влияет на претворение его принципов и идей в жизнь.

Ключевые слова: Италия, Квиринальский договор, итало-французские отношения, Драги, Мелони, политический союз.

DOI: 10.31857/S0201708323020018

EDN: ottgpj

В условиях ограниченной внешнеполитической автономии Италия проводит политику аккомодационизма¹ [Шибкова, 2021], которая сочетается с политикой «нагретого кресла»² (“politica del sedere”) [Baldi, 2014]. При этом членство в союзах и альянсах (как формальных, так и неформальных) выступает важным внешнеполитическим инструментарием реализации национальных интересов. Заключение соответствующего договора является, во-первых, важным сигналом относительно будущего поведения государства, во-вторых, способом защитить национальные интересы страны от несогласованных действий будущих администраций. Подписание союзнических соглашений – это стремление сблизить взаимные ожидания и уменьшить неопределенность относительно политики другой стороны. Союзы повышают уровень устойчивости между государствами, усиливая их взаимозависимость [Истомин, 2018].

Италия – средняя держава с глобальными интересами, что, в частности, выражается в заключении соглашений с третьими странами за периметром НАТО и ЕС. В то же время Италия готова занять место Британии в Евросоюзе, тем самым укрепляя свою акторность путём присоединения к франко-германскому тандему. Этот вопрос прорабатывался в стране с 2017 г. сразу после референдума о выходе Британии из Евросоюза.

В XXI в. наметился тренд к расширению горизонтальных военных и/или политических гарантий участников региональных объединений без непосредственной поддержки ведущих мировых игроков [Истомин и др., 2021: 278]. Один из таких примеров – Квиринальский договор, подписанный премьер-министром Италии М. Драги и президентом Франции Э. Макроном в ноябре 2021 г. В соответствии с итальянским законодательством, международный договор подобного уровня должен пройти процедуру ратификации в парламенте. 25 мая 2022 г. Палата депутатов 352 голосами «за» (39 депутатов – представители партии «Братья Италии» – проголосовали «против») одобрила договор, передав его на рассмотрение в Сенат. Там 164 голоса были отданы за ратификацию договора, 21 голос – «против», 5 депутатов воздержались.

В итоге Квиринальский договор вступил в силу. Депутаты партии «Братья Италии» не могли отменить решение правительства М. Драги. Теперь же премьер-министром Италии является Дж. Мелони, которая категорически выступала против подобной формы сотрудничества Италии и Франции. В день подписания договора

¹ Аккомодационизм как модель внешнеполитического поведения характеризуется пассивностью, уклончивостью, предпочтением дипломатических способов разрешения международных конфликтов над военными, лояльностью по отношению к гегемону, ограниченной самостоятельностью в принятии внешнеполитических решений.

² Политика «нагретого кресла» (“politica del sedere”, *ит.*) – выражение принадлежит послу Пьетро Куарони (1898–1971), впоследствии ставшее частью политического дискурса и стратегической культуры Италии. Под политикой «нагретого кресла» подразумевается стремление страны являться членом как можно большего числа международных организаций и площадок, зачастую без «реального» влияния и вклада в работу. В этой связи принято также говорить о «политике присутствия».

она негативно охарактеризовала инициативу, утверждая, что страна дарит Франции возможность говорить за Италию, ничего от этого не выигрывая¹.

В этих условиях актуальность приобретает анализ позиции Италии в формирующемся треугольнике Рим – Париж – Берлин, положений Квиринальского договора, вытекающих из него обязательств, а также позиции правительства Дж. Мелони по реализации целей и принципов договора.

Рим вместо Лондона

Оценка возможности Италии занять более значимое место в европейской архитектуре неоднозначна. С одной стороны, в силу менее крупной экономики и высокой волатильности политической жизни, Рим является лишним во франко-германском тандеме. С другой – выход Британии из Евросоюза вместе с отсутствием других кандидатов на лидерство дают Италии основания претендовать на большую роль в управлении интеграционным процессом в Европе и, если не заменить Лондон по уровню влияния, то стать силой, с которой Парижу и Берлину нужно считаться. Для Итальянской Республики, которая стояла у истоков объединенной Европы, ЕС стал неотъемлемой частью идентичности. Несмотря на периодические проявления евроскептицизма (которые можно назвать еврокритицизмом), британский сценарий на Апеннинах малореалистичен [DISPOC/LAPS, IAI, 2022]. Напротив, в условиях ресурсной слабости Рим может предложить Брюсселю идею еврооптимизма и стать ее главным проводником.

Амбиции Италии на лидерство в ЕС во многом основывались на личности М. Драги. Технократу и бывшему председателю Европейского центрального банка пророчили роль главного европейского политика нынешнего поколения. Новый премьер-министр Дж. Мелони, при полной поддержке европейского внешнеполитического курса и усиления взаимодействия в рамках НАТО, занимает конфликтную позицию по вопросам европейских ценностей и внутриевропейской повестки, не обладая достаточным авторитетом среди лидеров ЕС. После ухода А. Меркель с поста канцлера ФРГ место неофициального лидера ЕС вакантно. В этой роли можно представить Э. Макрона, однако новое поколение перспективных французских политиков пока не сформировалось [Зуева, Тимофеев, 2022].

В потенциальном треугольнике Франция – Германия – Италия последняя не намерена исполнять пассивную роль. Об этом заявил М. Драги менее чем через месяц после вступления в должность: в начале марта 2021 г. в условиях пандемии *COVID-19* он заблокировал поставку крупной партии вакцины (250 тыс. доз) в Австралию, когда в Италии был ее дефицит. Дж. Мелони также не планирует занимать второстепенную позицию: ее правительство пытается проводить самостоятельную политику в области управления миграцией, например, отказывается принимать суда с нелегальными мигрантами. Тем самым итало-французские отношения, характеризующиеся проявлениями острой напряженности с приходом лидера «Братьев Италии»,

¹ Giorgia Meloni. Trattato di Quirinale. Twitter. URL:

<https://twitter.com/giorgiameloni/status/1463964968710201347> (дата обращения: 21.01.2023).

проходят очередную проверку на прочность. Политические отношения Италии и Франции можно назвать холодными и носящими скачкообразный характер.

Наряду с претензией на повышение статуса, Италия может играть привычную для нее роль балансира между полюсами – Берлином и Парижем. В данном направлении сделаны определенные шаги – подписан Квиринальский договор с Францией (ноябрь 2021 г.) и прорабатывался аналогичный договор с Германией.

Однако внутривнутриполитические процессы на Апеннинах могут сильно повлиять на амбиции Рима. Положение М. Драги было как его преимуществом, так и уязвимостью: быть внепартийным и находиться у власти на протяжении длительного времени в итальянской политической реальности практически невозможно. После его ухода в отставку осенью 2022 г. состоялись внеочередные парламентские выборы, завершившиеся победой Дж. Мелони [Маслова, 2022]. Реализация национального плана по восстановлению и устойчивости экономики столкнулась с большими трудностями. Лидерство в Евросоюзе представляется все более далеким для Италии, т. к. политика нового премьер-министра отклоняется от общеевропейского курса.

Ось Рим – Париж

Отношения Италии и Франции исторически характеризуются неприятием и соперничеством. Опрос, проведенный в июне 2019 г. в рамках итало-французских диалогов, организованных Институтом политических исследований Парижа (*Institut d'études politiques de Paris, Sciences Po*) и Свободным международным университетом социальных наук им. Гвидо Карли (*Libera Università Internazionale degli Studi Sociali «Guido Carli», LUISS*) при участии Форума Амброзетти, выявил следующее: от 38 до 40% итальянцев не любят Францию. Среди названных причин – высокомерие французов, выход французских компаний на итальянский рынок, позиция Парижа по некоторым вопросам, в частности по управлению миграцией и кризису в Ливии¹.

После первого избрания Э. Макрона президентом Франции итало-французские отношения были отмечены напряженностью. Это связано с разногласиями по кризису в Ливии, регулированием миграционных потоков в Средиземноморье, приобретением верфей «Эс-ти-экс» (*STX*) итальянской компанией «Финкантиери» (*Fincantieri*), неспособностью занять общую позицию в Восточном Средиземноморье, а также по отношению к Турции [Алексеевкова, Чихачев, 2022].

Изменения начались в 2017 г.: 26 сентября Э. Макрон выступил с речью о новой инициативе для Европы, в которой заявил о необходимости углубления европейской интеграции и схожих позициях по этому вопросу с Италией. На следующий день состоялся двусторонний саммит в Лионе, на котором президент Франции, отметив рост напряженности, выступил с предложением разработки итало-французского договора для стабилизации отношений. Э. Макрон предложил за-

¹ Ceccarelli D. Macron il più filo-italiano dei presidenti francesi. The Huffington Post. 25.11.2021. URL: https://www.huffingtonpost.it/entry/marc-lazar-macron-il-piu-filo-italiano-dei-presidenti-francesi_it_619fa46ce4b0ae9a42ab9839/ (дата обращения: 21.01.2023).

ключить стратегический договор с Италией наподобие Елисейского договора 1963 г. с Германией.

Работа над наполнением договора началась в январе 2018 г., однако последовавший кризис в отношениях, кульминацией которого стал отзыв французского посла из Рима, привел к заморозке проекта. В 2018–2019 гг., помимо разногласий по важным экономическим и международным вопросам, возникали поводы к открытой политической конфронтации – от противоречий Э. Макрона с министром внутренних дел и вице-премьером Италии М. Сальвини до встречи вице-премьера Л. Ди Майо с лидером «желтых жилетов» (эпизод побудил Париж отозвать в феврале 2019 г. посла в Риме К. Массе).

С осени 2019 г. отношения начали выправляться, что было закреплено на двустороннем саммите в Неаполе в феврале 2020 г. На нем продолжилась работа над новым договором. Однако в отличие от 2018 г., когда рабочая группа состояла из политологов, подготовка текста была передана внешнеполитическим ведомствам.

Выходу на новый уровень отношений способствовало назначение М. Драги премьер-министром. Немалую роль в сближении сыграло решение французских властей экстрадировать в Италию бывших членов «Красных бригад», о чем итальянская сторона просила неоднократно. Эти обстоятельства привели к подписанию Квиринальского договора.

Дж. Мелони в должности премьер-министра недвусмысленно высказалась касательно договора на пресс-конференции в конце 2022 г.: «Квиринальский договор с Францией неработоспособный, и его контуры еще не очень ясны... Я оставляю за собой право оценить, работает договор или нет, и на основании этого буду решать, как действовать дальше»¹.

Квиринальский договор: сущность и обязательства

Договор о двустороннем усиленном сотрудничестве между Итальянской и Французской Республиками подписан 26 ноября 2021 г. в Риме в Квиринальском дворце. Документ состоит из 12 статей. 10 из них представляют предметные области, по которым стороны намерены сотрудничать (внешняя политика; безопасность и оборона; европейская интеграция; миграция, юстиция и внутренние дела; экономическое, промышленное и цифровое сотрудничество; социальное, устойчивое и инклюзивное развитие; космос; образование, исследования и инновации; культура, молодежь и гражданское общество; приграничное сотрудничество). Договор имеет неограниченный срок действия. Предусмотрены ежегодные межправительственные саммиты, однако на настоящий момент они не проводились. В годовщину подписания договора между лидерами Италии и Франции состоялся символический теле-

¹ Conferenza stampa di fine anno del Presidente Meloni. Governo Italiano. 29.12.2022. URL: <https://www.governo.it/it/articolo/conferenza-stampa-di-fine-anno-del-presidente-meloni/21405> (дата обращения: 21.01.2023)

фонный разговор, который, однако, был посвящен соболезнованиям Э. Макрона жертвам оползня на о. Искья¹.

Договор является всеобъемлющим политическим документом, в соответствии с которым Италия и Франция «обязуются развивать между собой координацию и способствовать синергии соответствующих действий на международном уровне», а также реализовывать «промышленные партнерства в конкретных военных секторах». Центральное место занимает ст. 2 «Безопасность и оборона», состоящая из семи параграфов. Стороны обязуются «укреплять возможности Европы в сфере обороны, тем самым работая над упрочнением европейской опоры НАТО». М. Драги подчеркнул, что на основе внешнеполитических установок Вашингтона «должна быть построена настоящая европейская оборона, которая, конечно, дополняет НАТО, а не заменяет: чем сильнее Европа, тем сильнее НАТО»². В связи с этим отмечен значительный рост итальянских военных расходов, которые сегодня превышают 70 млн евро в день.

В рамках структурных союзов соответствующих военных отраслей Италия содействует Франции в укреплении стратегических ядерных сил и связанных с ними военно-космических систем. Э. Макрон запустил программу модернизации, которая включает разработку атомных подводных лодок третьего поколения, вооруженных новыми баллистическими ракетами, и истребителей шестого поколения (*FCAS*³), оснащенных новыми гиперзвуковыми крылатыми ракетами с ядерными боеголовками.

Италия уже принимает участие в программе создания истребителя шестого поколения «Темпест» (*Tempest*) совместно с Британией. Итало-французское сотрудничество в данной сфере дополнит имеющиеся программы, если Рим не предложит их объединить под своим началом. Договор может способствовать сотрудничеству Франции и Италии в создании системы малых модульных ядерных реакторов (программа на сумму 30 млрд евро запущена Э. Макроном в рамках модернизации французских ядерных сил). В ст. 2 государства обязуются «содействовать транзиту и размещению вооруженных сил другой Стороны на своей территории» без уточнения определенной цели и координировать участие в «международных миссиях по урегулированию кризисов», в частности в Средиземноморье, регионе Сахель и в Гвинейском заливе.

В соответствии с договором готовилось наращивание участия итальянского спецназа с бронетехникой, штурмовиками и вертолетами в оперативной группе «Такуба», которая действовала под французским командованием в Мали и соседних странах. Официально итальянские военные дислоцировались в регионе для борьбы с терроризмом, но по факту – для контроля над одним из самых богатых стратегиче-

¹ Nel primo anniversario del Trattato del Quirinale, Macron chiama Meloni: “Solidarietà per Ischia”. Rai news. 26.11.2022. URL: <https://www.rainews.it/articoli/2022/11/macron-meloni-ischia-solidariet-trattato-quirinale-d245817f-fa7e-4e83-a895-8d50d11c1953.html> (дата обращения: 21.01.2023)

² Dichiarazioni alla stampa Draghi – Macron. Governo Italiano 26.11.2021. URL: <https://www.governo.it/it/articolo/dichiarazioni-alla-stampa-draghi-macron/18667> (дата обращения: 21.01.2023)

³ *Future Combat Air System* – Авиационная боевая система будущего. – Прим. ред.

ским сырьем районов, эксплуатируемым американскими и европейскими ТНК. Таким образом, говорится в Квиринальском договоре, Италия и Франция вместе «вносят свой вклад в поддержание международного мира и безопасности, а также в защиту и поощрение прав человека».

Документ не содержит новелл или новых сфер сотрудничества и не устанавливает обязательств. В нем говорится о координации взаимодействия; совместной работе по вопросам, представляющим взаимный интерес; поддержке сотрудничества на принципах взаимности и паритета. Договор носит амбивалентный характер: в сферах, где обе страны тесно сотрудничали без политической составляющей (например, бизнес и инвестиции), взаимодействие продолжается при любых лидерах, в то время как политические отношения носят конъюнктурный характер и зависят от партийного профиля конкретного премьер-министра. Надо отметить, что Франция обратила внимание и на Испанию: 19 января 2023 г. премьер-министр Испании П. Санчес и президент Франции Э. Макрон подписали в Барселоне договор о дружбе, предусматривающий укрепление двусторонних отношений по таким вопросам, как миграция, оборона, энергетика.

Таким образом, Квиринальский договор публично фиксирует факт усиленного сотрудничества Италии и Франции и демонстрирует стремление обеих государств закрепить на поколения вперед вектор евроинтеграции (или пока у власти находятся последовательные европеисты и атлантисты).

Помимо официальных предметных областей сотрудничества, перечисленных выше и изложенных в договоре, в таблице 1 представлен количественный контент-анализ текста Квиринальского договора, который позволяет выявить его семантику и основные акценты.

Эффективность договора будет измеряться уровнем работоспособности двусторонних механизмов (а не декларативными заявлениями о дружбе), которые надо создать: обмен высшими государственными служащими, которые в течение своей карьеры работают в системе другого государства-партнера; создание специальных межправительственных комитетов; регулярные межминистерские консультации и встречи на высшем уровне. Очевидно, что эффективность договора пока не проходит проверку временем и реализация вышеуказанных инициатив заморожена со сменой премьера и политической повестки в целом.

Квиринальский договор является новаторским для итальянской внешней политики и ее традиционной дипломатической культуры. Некоторые итальянские исследователи, включая тех, кто критически относится к соглашению, отмечают, что европеизм Рима традиционно трактуется как обладающий ярко выраженной многосторонностью. Подписание Квиринальского договора впервые привело к реализации проекта привилегированных отношений с одной страной – Францией, которая подтолкнула Италию к формулированию конкретной двусторонней повестки.

При этом можно выделить дополнительные препятствия на пути к новым целям. Неприятие французов в итальянском обществе до сих пор прослеживается в общественном сознании и в итальянских политических кругах. Эти установки уходят корнями в период Рисорджименто, актуализация которого связана с возрождением неонационалистических идей в XXI в.

Таблица 1

Число упоминаний лексем в тексте Квиринальского договора

№	Лексема	Число упоминаний (шт.)
1.	Европейский (<i>Europea, europeo, europei, europee</i>)	98
2.	Общий (<i>Comune, comuni</i>)	44
3.	Сотрудничество (<i>Cooperazione</i>)	42
4.	Особенный (<i>Particolare</i>)	36
5.	Обязуются (<i>S'impegnano</i>)	33
6.	Развитие (<i>Sviluppo</i>)	31
7.	ЕС (<i>Unione, Unione Europea</i>)	25
8.	Взаимный обмен (<i>Scambio, scambi</i>)	23
9.	Уровень (<i>Livello</i>)	21
10.	Устойчивый (<i>Sostenibile</i>)	20
11.	Безопасность (<i>Sicurezza</i>)	17
12.	Оборона (<i>Difesa</i>)	16
13.	Укреплять (<i>Rafforzare</i>)	16
14.	Экономика, экономический (<i>Economica, economico, economici</i>)	15
15.	Мобильность (<i>Mobilità</i>)	14
16.	Проекты (<i>Progetti</i>)	14
17.	Благоприятствовать (<i>Favorire</i>)	13
18.	Защита (<i>Protezione</i>)	13
19.	Космос (<i>Spazio</i>)	13
20.	Культурный (<i>Culturale, culturali</i>)	14
21.	Двусторонний (<i>Bilaterale, bilaterali</i>)	18
22.	Вместе (<i>Insieme</i>)	9
23.	Консультации (<i>Consultazioni</i>)	9
24.	Наука (<i>Ricerca</i>)	9
25.	Цифровой, цифровизация (<i>Digitale, digitalizzazione</i>)	10
26.	Биоразнообразие (<i>Biodeversità</i>)	6
27.	Средиземноморский (<i>Mediterraneo</i>)	6

Составлено авторами при помощи программы «VoyantTools».

Сопротивление двустороннему подходу в международных отношениях – результат исторической памяти Италии. Начиная с объединения страны отношения с континентальными державами всегда были сложными. Италия стремилась утвер-

диться среди них, но была относительно слаба. Также существует проблема самовосприятия, которое передается по наследству в некоторых категориях элиты.

Тем не менее не следует кардинально противопоставлять двусторонний подход Квиринальского договора и итальянскую традицию многосторонней дипломатии. Основная задача документа заключается в содействии новому политическому курсу на сближение двух стран в рамках ЕС и новым взаимовыгодным проектам. На примере франко-германского договора в текущей континентальной конъюнктуре можно утверждать, что французский европеизм продолжит укрепление. Италия же может выиграть в роли балансира.

Образование треугольника Рим – Париж – Берлин в нынешнем виде автоматически повлечет укрепление атлантического вектора политики ЕС, т. к. три державы считают своим главным приоритетом в области безопасности партнерские обязательства в рамках НАТО [Мельникова, 2021]. Данный фактор обуславливает значительную согласованность действий лидеров указанных стран с Вашингтоном, диктующим задачи в области внешней политики и политики безопасности. Треугольник может казаться попыткой создать собственную ось влияния, но фактически он выступает инструментом еще большего закрепления интересов США в европейском регионе.

Необходимо учитывать и слабые стороны такого альянса. Уязвимость оси Париж – Рим – это ливийское досье. Действия французской администрации (от военной интервенции в страну в 2011 г. до поддержки Х. Хафтара) идет в разрез с итальянскими интересами в регионе. Остаются открытыми вопросы, как два государства смогут решить противоречия в рамках союзнических отношений и кому придется уступить. При этом Ливия не упоминается в договоре, в отличие от важного для французской стороны региона Сахель.

Кроме того, спорными являются финальные положения документа. «Договор имеет неограниченный срок действия без ущерба для права каждой Стороны денонсировать его по дипломатическим каналам с предварительным уведомлением не менее чем за 12 месяцев. В этом случае Договор прекращает свое действие по истечении шести месяцев после даты получения ходатайства о расторжении. Эта денонсация не ставит под сомнение права и обязанности Сторон, вытекающие из проектов, инициированных в соответствии с настоящим Договором». Это означает, что принятые решения остаются в силе даже после расторжения. Таким образом, правительства обоих государств должны осмотрительно подходить к принятию обязательств перед партнером.

Согласно ежегодному опросу Итальянского института международных политических исследований (*Istituto per gli Studi di Politica Internazionale*) и компании «Ипсос» *ISPI-IPSOS* «Итальянцы и внешняя политика» от декабря 2021 г., 48% итальянцев считают Францию наиболее важным союзником Италии в Европе. В 2020 г. доля респондентов с таким ответом составила только 18%. Социологи предполагают, что росту способствовало заключение Квиринальского договора [ISPI, 2021].

Ось Рим – Берлин

Отношения Италии и Германии носят более прагматичный и менее эмоционально окрашенный характер по сравнению с Францией. Для Италии Германия – важнейший торговый партнер, рынок сбыта (сталь, машиностроение, химическая и фармацевтическая продукция, транспортное оборудование и продукты питания), так и поставщик химической и фармацевтической продукции, автомобилестроения, электротехники и электроники, машиностроения и металлургии.

Вскоре после избрания О. Шольц прибыл в Рим с официальным визитом (20 декабря 2021 г.) [Соколов и др., 2021]. Несмотря на то что на первый взгляд результаты переговоров М. Драги и О. Шольца могут показаться размытыми и слишком общими (на пресс-конференции в высказываниях лидеров преобладали фразы-клише, свидетельствующие о настрое на сотрудничество: «Мы договорились, что хотим быть ближе и как можно больше консультироваться по различным вопросам внешней политики, с которыми сталкиваются наши страны»; «...одной из первых тем, которую мы затронули, является необходимость совместной работы для укрепления европейской интеграции и даже, если возможно, ускорения интеграционного процесса. Более сильный и сплоченный Союз в интересах всех, в интересах Германии, в интересах Италии»; «мы будем работать над общим планом»¹), в повестку дня были включены конкретные вопросы.

Что касается внешней политики, для Германии и Италии было важно «сверить часы» в отношении Китая и России. Немецкий лидер незадолго до поездки в Рим посетил не только Париж и Брюссель, но и Варшаву. О. Шольц использовал встречу помимо прочего для того, чтобы подчеркнуть сложные отношения с Москвой. Канцлер ФРГ заявил, что нарушение украинских границ приведет к серьезным последствиям, однако не уточнил, подразумевает ли он остановку запуска газопровода «Северный поток – 2». Внутренние вопросы Евросоюза стали приоритетными в ходе двусторонних переговоров. Ясно прослеживается запросная позиция Италии в отношении Германии по поводу реформы Пакта стабильности и роста: в течении долгого времени Рим и Париж настаивают на смягчении правил и оказывают давление на Берлин, в частности в отношении инвестиций. Однако О. Шольц всегда предпочитал не давать конкретного ответа, заявляя, что Пакт уже достаточно гибок².

Во время двусторонней встречи с М. Драги в первую очередь обсуждалась разработка Плана действий, который может способствовать укреплению трехсторонних отношений с Францией. Документ должен определять сроки, процессы и действия, направленные на систематизацию каналов сотрудничества между государствами и обновляться каждый год. О. Шольц декларировал, что видит в М. Драги гаранта сотрудничества с проевропейским правительством в Риме. Премьер-

¹ Dichiarazioni alla stampa del Presidente Draghi e del Cancelliere Scholz. YouTube. 20.12.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hKPPQrfqZc> (дата обращения: 21.01.2023)

² Там же.

министр Италии, заявляя о «новой динамике»¹ в отношениях Рима и Берлина, хотел отразить в идее заключения двустороннего договора готовность поставить на обсуждение все вопросы без предварительных условий и укрепить треугольник Рим – Париж – Берлин, а также использовать потенциальное соглашение как политический инструмент для устранения недопонимания в отношениях Германии и Италии. Последняя всегда критиковала ФРГ за попытки установить гегемонию в Европе и нежелание предпринимать реальные действия в миграционном вопросе, в то время как Берлин осуждал Рим за нестабильные экономические показатели и неустойчивую политическую ситуацию.

С приходом к власти Дж. Мелони идея заключения двустороннего договора де-факто исключена из повестки дня. Пресс-конференция по итогам состоявшейся 3 февраля 2023 г. встречи канцлера ФРГ и премьер-министра Италии не отличалась определенностью: в ее основу легли заявления о фундаментальной важности сотрудничества двух стран. Это не означает, что при Дж. Мелони исключена вероятность подписания Плана действий, но если соглашение заработает, то премьер-министр будет использовать договор как инструмент недопущения изоляции со стороны локомотивов европейской политики. Это особенно актуально для Италии после нескольких попыток исключить ее из обсуждения общеевропейских вопросов.

Высока напряженность между двумя странами в подходе к проблеме миграции, а также в отношении распределения средств согласно национальному плану восстановления и развития (PNRR) и REPowerEU – инструмента преодоления энергетической зависимости от России. На пресс-конференции премьер-министру Италии пришлось оправдываться за сказанные в 2019 г. слова о том, что у нее «аллергия на Германию». О. Шольц и Э. Макрон демонстративно дают понять Дж. Мелони, что она играет второстепенную роль, а главные решения принимаются в треугольнике Берлин – Брюссель – Париж.

Последний пример трудностей в отношениях лидеров Италии, Франции и Германии – протокольный инцидент, произошедший 8 февраля 2023 г., когда в рамках заседания Европейского совета Дж. Мелони не была приглашена на ужин с участием Э. Макрона, О. Шольца и В.А. Зеленского. Произошедшее премьер-министр назвала событием, ставящим под вопрос европейское единство. Сложно сказать, идет ли речь об изоляции Италии или о стремлении Франции и Германии продемонстрировать первенство в попытках разрешить украинский кризис под предлогом того, что именно они являлись участниками «нормандского формата». Этот эпизод сильно ударил по авторитету Рима, особенно с учетом визита в июне 2022 г. в Киев М. Драги, Э. Макрона и О. Шольца.

Сегодня невозможно сделать вывод о том, обретет ли треугольник Рим – Париж – Берлин конкретные очертания и механизмы взаимодействия и станет ли частью ядра Евросоюза. Однако Рим пытается действовать на нескольких направлениях, в т. ч. в построении конфигураций взаимодействия и влияния. Параллельно с данным треугольником Италия стремится разыграть «средиземноморскую карту» и вы-

¹ Dichiarazioni alla stampa del Presidente Draghi e del Cancelliere Scholz.

строить неформальный союз со странами Южной Европы, претендуя на субрегиональное лидерство. Тем самым страна вступает в прямую конкуренцию с Францией, подписавшей Барселонский договор в начале 2023 г.

Выводы

Для Италии Квиринальский договор имеет большое значение. Во-первых, он предоставил Риму возможность стать частью треугольника лидеров Евросоюза. Во-вторых, договор укрепил авторитет государства и вызвал к нему большее доверие (эта категория стала особенно важна в бытность Дж. Конте премьер-министром Италии). В-третьих, документ закладывает основу и модель регулярного взаимодействия для сближения двух стран по многим направлениям на многие годы вперед. Магистральное направление – уверенный путь к углублению евроинтеграции.

Потенциальная проблема участников Квиринальского договора заключается в том, что их обязательства не прописаны в документе. Встает вопрос о его формальном характере. Правоцентристы, пришедшие к власти, продемонстрировали незаинтересованность и скептическое отношение к договору, который не отражает видение правящей коалиции и противоречит ее предвыборным заявлениям. На лицо неустойчивость договора и его зависимость от политической конъюнктуры.

В текущей политической конфигурации Франция находится в большем выигрыше: она заключила договоры как с Италией, так и с Германией, и пытается извлечь выгоду из двух расширенных пактов о сотрудничестве, в то время как Рим прекратил работу над подготовкой схожего договора с Берлином. Формирование треугольника Рим – Париж – Берлин, который может укрепить как Евросоюз, так и позиции Италии, остается незавершенным.

Квиринальский договор не разрешил ряд серьезных противоречий между двумя государствами, в числе которых ливийское досье, проблема миграции и угроза для Рима оказаться в ловушке чрезмерного влияния Парижа. Франция остается политическим и экономическим конкурентом Италии. Триггером подписания Квиринальского договора и развития итало-французского диалога стал личностный фактор. Твердые проатлантические и европеистские позиции М. Драги и Э. Макрона стали катализатором развития данного проекта, а приход к власти правых поставил под вопрос его будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев Е.С., Чихачев А.Ю. (2022) Квиринальский трактат – двусторонний договор о будущем ЕС? *Современная Европа*. № 3. С. 33–48. DOI: 10.31857/S0201708322030032.
- Зуева К.П., Тимофеев П.П. (2022) Президентство Э. Макрона во Франции: итоги первого пятилетия (2017–2022). *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 66. № 10. С. 45–55. DOI 10.20542/0131-2227-2022-66-10-45-55.
- Истомин И.А. (2018) *Логика поведения государств в международной политике*. МГИМО МИД России, Москва. 296 с.

Истомин И.А., Силаев Н.Ю., Сушенцов А.А. (ред.) (2021) *Стратегии союзничества в современном мире: военно-дипломатический инструментарий международно-политической конкуренции*. МГИМО МИД России, Москва, Россия. 371 с.

Маслова Е.А. (2022) Парламентские выборы в Италии 2022: лидеры и идеи. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 5. С. 55–62. DOI: 10.15211/vestnikieran520225562.

Мельникова Ю.Ю. (2021) На пути к стратегической автономии ЕС: промежуточные итоги. *Современная Европа*. № 7. С. 115–124. DOI: 10.15211/soveurope72021115124.

Соколов А., Пименова Е., Давыдов А. (2021) *Выбор в Бундестаг 2021. Путеводитель*. МГИМО МИД России, Москва. 32 с.

Шибкова М.О. (2021) Альянсы Ad hoc как доминанта внешнеполитического инструментария Италии. *Международные процессы*. № 1 (64). С. 139–154. DOI:10.17994/IT.2021.19.1.64.4.

Baldi S. (ed.) (2014) *Un ricordo di Pietro Quaroni*. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale, Roma, Italia. 102 p.

DISPOC/LAPS, IAI (2022) *Gli Italiani e la Politica Estera 2022*. Ottobre. Istituto Affari Internazionali, Roma, Italia. 23 p.

ISPI (2021) *Gli italiani e la politica internazionale*. Sondaggio ISPI. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/gli-italiani-e-la-politica-internazionale-32705>. (accessed: 21.01.2023)

Italy in the Rome – Paris – Berlin Triangle

E.A. Maslova*

Candidate of Sciences (Politics)

MGIMO University, 76, Vernadsky prospect, Moscow, Russia, 119454;

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences,

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

***E-mail:** e.maslova@inno.mgimo.ru

E.O. Shebalina**

Candidate of Sciences (History)

MGIMO University, 76, Vernadsky prospect, Moscow, Russia, 119454

****E-mail:** shebalina.e.o@my.mgimo.ru

Abstract. In November 2021 Italy and France signed the Quirinal Treaty for a Strengthened Bilateral Cooperation. The document suggested the emergence of the Rome – Paris – Berlin triangle following the Aachen Treaty concluded in 2019 between France and Germany. The Quirinal Treaty has a high significance for Italy. Firstly, it secures its place among the leaders of the EU. Secondly, the Treaty strengthens Rome's credibility, portraying Italy as a trustworthy country. Thirdly, the agreement lays the basis for regular bilateral interaction. In the absence of hard commitments fulfillment of the Treaty depends on domestic affairs and international agenda of the political leaders. The volatility of Italian politics may affect the integrity of the alliance. There has been a dramatic change of attitude to the Quirinal Treaty under the premiership of G. Meloni, which has a direct impact on its implementation. At the same time the Quirinal Treaty fails to resolve some se-

rious differences between the two countries, including the Libyan case and the migration issue. Moreover, this bilateral agreement threatens to place Rome in a subordinate position. In the current political configuration France is at an advantage in light of concluded treaties with both Italy and Germany.

Key words: Italy, Quirinal Treaty, Italy-France relations, Draghi, Meloni, political union.

DOI: 10.31857/S0201708323020018

EDN: ottgpj

REFERENCES

- Alekseenkova E.S., Chikhachev A.Yu. (2022) Kvirinal'skij traktat – dvustoronnij dogovor o budushchem ES? [The Quirinal Tractatus – a bilateral treaty on the future of the EU?], *Sovremennaya Evropa*, 3, pp. 33–48. DOI: 10.31857/S0201708322030032. (In Russian).
- Baldi S. (ed.) (2014) *Un ricordo di Pietro Quaroni*, Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale, Roma, Italia.
- DISPOC/LAPS, IAI (2022) *Gli Italiani e la Politica Estera 2022*. Ottobre. Istituto Affari Internazionali, Roma, Italia. 23 p.
- ISPI (2021) *Gli italiani e la politica internazionale*. Sondaggio ISPI. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/gli-italiani-e-la-politica-internazionale-32705>. (accessed: 21.01.2023)
- Istomin I.A. (2018) *Logika povedeniya gosudarstv v mezhdunarodnoj politike* [Behaviour Logic of States in the International Politics], MGIMO MID Rossii, Moscow, Russia. (In Russian).
- Istomin I.A., Silaev N.Yu., Sushentsov A.A. (ed.) (2021) *Strategii soyuznichestva v sovremennom mire: voenno-diplomaticeskij instrumentarij mezhdunarodno-politicheskoy konkurencii* [Allied strategies in today's world: the military and diplomatic toolkit of international political competition], MGIMO MID Rossii, Moscow, Russia. (In Russian).
- Maslova E.A. (2022) Parlamentskie vybory v Italii 2022: lidery i idei [2022 Italian general elections: leaders and ideas], *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*, 5, pp. 55–62. DOI: 10.15211/vestnikieran520225562. (In Russian).
- Melnikova Yu.Yu. (2021) Na puti k strategicheskoy avtonomii ES: promezhutochnye itogi [Towards EU strategic autonomy: intermediate results], *Sovremennaya Evropa*, 7, pp. 115–124. DOI: 10.15211/soveurope72021115124. (In Russian).
- Shibkova M.O. (2021) Al'yansy Ad hoc kak dominantna vneshnepoliticheskogo instrumentariya Italii [Ad hoc alliances as Italian key statecraft tool], *International trends*, 1(64). DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.4. (In Russian).
- Sokolov A., Pimenova E., Davydov A. (2021) *Vybor v Bundestag 2021. Putevoditel'* [Elections to the Bundestag 2021. The guide], MGIMO MID Rossii, Moscow, Russia. (In Russian).
- Zueva K.P., Timofeev P.P. (2022) Prezidentstvo E. Makrona vo Francii: itogi pervogo pyatiletiya (2017–2022) [The Presidency of E. Macron in France: The Results of the First Term (2017–2022)], *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 66(10), pp. 45–55. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-10-45-55. (In Russian).

УДК 327.82(98)

АРКТИЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ¹

© 2023 ГУТЕНЕВ Максим Юрьевич*

Кандидат философских наук, доцент

Кафедра международных отношений, политологии и регионоведения ЮУрГУ

454080, Россия, Челябинск, пр-т Ленина, 76

***E-mail:** gutenevmi@susu.ru **ORCID:** 0000-0002-8583-7429

© 2023 СЕРГУНИН Александр Анатольевич**

Доктор политических наук, профессор

Кафедра теории и истории международных отношений СПбГУ

191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3

Кафедра политологии Нижегородского государственного университета

603023, Россия, Н. Новгород, пр. Гагарина, д. 23

****E-mail:** a.sergunin@spbu.ru **ORCID:** 0000-0002-4683-0611

© 2023 ШАДРИНА Ольга Николаевна***

Кандидат философских наук, доцент

Кафедра гуманитарных наук Северного государственного медицинского

Университета. 163069, Россия, Архангельск, Троицкий просп., д. 51

*****E-mail:** shadrina.olga.29@mail.ru **ORCID:** 0000-0003-0726-1572

Поступила в редакцию 18.11.2022

После доработки 23.12.2022

Принята к публикации 09.02.2023

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-01287.

Аннотация. Арктическая научная дипломатия (АНД) представляет собой один из инновационных инструментов по продвижению позитивного имиджа страны, укреплению международного научного сотрудничества и содействию решению наиболее острых проблем региона. Цель исследования – определить общие и отличительные черты АНД Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции. В статье проанализированы мотивация и приоритеты АНД пяти североευропейских стран, а также созданная ими научно-исследовательская инфраструктура для развития международного сотрудничества в регионе. Государства Северной Европы стремятся координировать свои арктические исследования и создавать совместные структуры для этих целей. В настоящее время происходит постепенное складывание общей стратегии АНД, однако этот процесс пока полностью не завершен. Общей чертой рассмотренных стран является важная роль АНД в рамках их полярных стратегий. Страны Северной Европы уделяют ей больше внимания, чем другие арктические государства. Это обусловлено тем, что первые обладают меньшими экономическими, человеческими, геополитическими и военными ресурсами, чем США, Канада и Россия, поэтому видят в АНД эффективный инструмент повышения международного статуса на Крайнем Севере.

Ключевые слова: Арктика, международное сотрудничество, научная дипломатия, страны Северной Европы, арктическая стратегия

DOI: 10.31857/S020170832302002X

EDN: otxjzt

В последнее десятилетие, во многом благодаря развитию международного научного сотрудничества на Крайнем Севере, отечественные и зарубежные ученые все чаще говорят о понятии «арктическая научная дипломатия» (АНД) [Berkman et al., 2018; Гутенев, Сергунин, 2022; Замятина, Пилясов, 2017]. Многие страны, арктические и неарктические, активно используют АНД для продвижения интересов и повышения международного статуса в регионе. В научном сообществе постепенно укореняется трактовка арктической научной дипломатии как инновационного инструмента публичной и научно-технической дипломатии, нацеленной на формирование позитивного имиджа страны, динамичное развитие международных партнерских связей в области науки и создание благоприятных условий для решения наиболее значимых проблем региона [Гутенев, Сергунин, 2022; Davis, Patman, 2015; Fedoroff, 2009; The Royal Society, 2010].

Задача исследования – выявление общих и отличительных черт АНД пяти североευропейских стран, являющихся лидерами в этой области международной деятельности. Сравнительный анализ проведен на основе нескольких критериев, включающих такие показатели, как упоминание АНД в стратегических документах страны, наличие координирующих органов на уровне государства и академического сообщества, приоритеты, проведение престижных международных конференций, а также состояние научно-исследовательской инфраструктуры (наличие полярных станций и научно-исследовательского флота) (Табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ АНД североευропейских стран

Страна Показатель	Дания, включая Гренландию и Фареры	Исландия	Норвегия	Финляндия	Швеция
Упоминание АНД в страте- гических документах	+	+	+	+	+
Наличие координиру- ющих органов АНД	+	+	+	+	+
Приоритеты АНД	изменение климата, арктические экосистемы, океаногра- фия, геофи- зика, геоло- гия, обще- ственные науки	изменение кли- мата, гляциоло- гия, морская биология, меж- дународная по- литика и право, безопасность, нефте- и газодо- быча, история и культура, соци- ально- экономическое развитие, ген- дерное равен- ство, туризм, здравоохранение, арктическое судоходство	изменение кли- мата, нефтегазо- вые и биологиче- ские ресурсы, геомагнитные явления, судо- ходство, здраво- охранение, ко- ренные народы	изменение кли- мата, судострое- ние, производ- ство оборудова- ния для нефтега- зовой индустрии, энергосберега- ющие техноло- гии, альтерна- тивные источни- ки энергии, раз- витие промыш- ленной и транс- портной инфра- структуры, логи- стика, телеком- муникации, жи- лищное строи- тельство в зоне вечной мерзлоты и низких темпе- ратур, рыболов- ство в арктиче- ских морях, лесное хозяй- ство, арктиче- ский туризм	изменение кли- мата, экология, геология, океа- нология, матери- аловедение, гляциология, сохранение био- разнообразия, возобновляемые и альтернатив- ные источники энергии, корен- ные народы, обеспечение доступа к каче- ственному здра- воохранению и образованию, гендерные ис- следования, интеграция тра- диционного знания в науку
Проведение престижных научно- практических конференций	-	«Полярный круг», Рейкьявик	«Арктические рубежи», Тром- се; «Диалог на Крайнем Севе- ре», Буде	-	-
Количество полярных станций	9	3	6	3	2
Количество научно- исследова- тельских су- дов, включая ледоколы	4	2	4	1	1

Источник: составлено авторами.

АНД Дании

В датской арктической стратегии 2011 г. отмечается, что основными причинами развития АНД являются изменение климата и неблагоприятная экологическая ситуация в Арктике¹. Датчане считают, что научная дипломатия полезна для принятия органами государственной власти решений по вопросам арктической политики (например, для оценки рыбных запасов и определения датской политики в области арктического рыболовства), а также выработки приоритетов социально-экономического и экологического курса в регионе.

В качестве приоритетов научных исследований названы изменение климата, арктические экосистемы, океанография, геофизика, геология, общественные науки. Необходимость укрепления международного научного сотрудничества в регионе обосновывается прагматическими соображениями, в частности возможностями сэкономить средства для реализации дорогостоящих арктических проектов и привлечь квалифицированные кадры из зарубежных стран.

Дания – одна из первых арктических стран, начавших активное развитие арктических исследований и международного сотрудничества в данной области. В 1988 г. был создан специальный комитет при канцелярии премьер-министра Дании по разработке стратегии арктических исследований. В 1989 г. основан Датский полярный центр для их координации.

Дания принимала активное участие в проведении Международного полярного года, выделив в 2007–2009 гг. 86 млн крон (свыше 14 млн долл. США) на проекты в рамках мероприятия. Из 163 исследовательских проектов в сфере мониторинга климатических изменений, реализованных датскими научно-исследовательскими институтами в 2007 г. в Гренландии, 56 имели международный характер [Рекец, 2021].

В начале 2010-х гг. возникла потребность в координации международного научного сотрудничества в Арктике на правительственном уровне. В 2013 г. на базе датского Министерства образования и науки учрежден Форум арктических исследований – консультативный орган, сформированный из представителей ведущих университетов и научных институтов страны, занимающихся арктическими исследованиями².

Датские правящие круги рассматривают АНД как инструмент разрешения споров между арктическими государствами по поводу раздела континентального шельфа в Северном Ледовитом океане. В 2007 г. состоялась международная экспедиция *Lomrog I*³, в задачи которой входил сбор данных для доказательства того, что подводный хребет Ломоносова является продолжением Гренландии. В мае 2016 г. экспертная группа во главе с дипломатом П. Таксю Енсенем обнародовала доклад

¹ Denmark, Greenland and the Faroe Islands: Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011–2020. Copenhagen: Ministry of Foreign Affairs. URL: <http://um.dk/~media/UM/English-site/Documents/Politics-and-diplomacy/Greenland-and-The-FaroeIslands/Arctic%20strategy.pdf?la=en> (дата обращения: 11.01.2023)

² The Forum for Arctic Research. URL: <https://ufm.dk/en/research-and-innovation/international-cooperation/the-polar-secretariat/the-forum-for-arctic-research>. (дата обращения: 11.01.2023)

³ *Lomrog – Lomonosov Ridge off Greenland* («Хребет Ломоносова у берегов Гренландии»). – Прим. ред.

под названием «Датская дипломатия и оборона в переломный период. Видение интересов и ценностей Дании на перспективу до 2030 г.». Группа выступила с предложением основать в Гренландии исследовательский хаб – кластер междисциплинарных научных исследований, который должен стать ключевым элементом датской АНД¹. На территории острова находится сеть полярных станций – крупнейшая в Северной Европе. В Гренландии и на Фарерских островах базируется большинство датских научно-исследовательских судов (НИС).

С началом украинского кризиса в 2014 г. прервалось сотрудничество датских и российских специалистов по совместному изучению арктического континентального шельфа. В конце 2014 г. Копенгаген подал заявку на расширение арктического шельфа в соответствующую комиссию ООН, не согласовав свои действия с Россией и Канадой и выступив с притязаниями на участки, на которые претендуют последние.

В целом Дания продолжает уделять АНД большое внимание, считая ее важным инструментом международной научно-технической политики и усиления своего влияния в регионе.

АНД Исландии

В парламентской резолюции Исландии по арктической политике страны (28 марта 2011 г.) отмечается необходимость укрепления научного потенциала в области арктических исследований и утверждения представлений об Исландии как о месте проведения различных заседаний, конференций и дискуссий по арктическим вопросам. В резолюции перечислены вопросы, которые должны сформировать исследовательскую повестку: изменение климата, гляциология, морская биология, международная политика и право, безопасность, нефте- и газодобыча, история и культура, социально-экономическое развитие, гендерное равенство, здравоохранение и арктическое судоходство². Подчеркнута необходимость участия исландских ученых в международных форумах и организациях: рабочих группах Арктического совета, Международном арктическом научном комитете (МАНК), Университете Арктики, программах ЕС и пр.

В декабре 2020 г. опубликован документ «Исландия и Гренландия в новой Арктике», в котором рекомендуется усилить сотрудничество между двумя островами, включая научный компонент. В частности, в докладе предложено учредить международный мозговой центр под названием «Гренландия в Арктике» в Нууке и Арктический центр в Рейкьявике для форума «Полярный круг», который Исландия организует в октябре каждого года. В Арктическом центре могут быть размещены

¹ Dansk diplomati og forsvar i en brydningstid. Vejen frem for Danmarks interesser og værdier mod 2030. Udredning om dansk udenrigsog sikkerhedspolitik. 01.05.2016. S. 36. URL: https://www.altinget.dk/misc/148396_udredning_indhold_FINAL_PRINTVENLIG.pdf (дата обращения: 11.01.2023)

² Government of Iceland. A Parliamentary Resolution on Iceland's Arctic Policy. 28.03.2011. P. 11. URL: <https://www.government.is/media/utanrikisraduneyti-media/media/nordurlandaskrifstofa/A-Parliamentary-Resolution-on-ICE-Arctic-Policy-approved-by-Althingi.pdf> (дата обращения: 11.01.2023)

зарубежные ученые, аспиранты. В нем также предполагается расположить Арктический музей¹.

В октябре 2021 г. парламент принял новую резолюцию по Арктике. В ней также подчеркнута значимость АНД для национальных интересов страны и укрепления позиций в регионе. В резолюции перечислен ряд конкретных проектов и инициатив в области международного научно-технического сотрудничества².

Для реализации АНД в Исландии создана специальная институциональная инфраструктура. Основная база формирования кластера научных исследований – Университет Акурейри, основанный в 1987 г. В 1998 г. на территории университетского кампуса основан Арктический институт имени В. Стефансона, применяющий междисциплинарный подход к пониманию взаимоотношений между человеком и окружающей средой. В 1999 г. по инициативе президента Исландии О. Гримссона на базе Университета Акурейри организован Северный исследовательский форум (СИФ). В 2013 г. для координации арктических научных исследований создана Исландская сеть сотрудничества в Арктике, штаб-квартира которой расположена на территории кампуса.

Ряд программ АНД реализуется по линии национальных правительственных учреждений. Например, Исландский научно-исследовательский центр (ИНИЦ) финансирует и продвигает научные исследования по арктической проблематике. Он был образован в 2003 г. и курируется Министерством образования, науки и культуры. ИНИЦ оказывает профессиональную помощь в подготовке и осуществлении национальной научно-технической политики, в т. ч. на Крайнем Севере. Центр стремится развивать международное взаимодействие: на сегодняшний день активная работа ведется с Норвегией и Китаем. На основе соглашения о сотрудничестве между ИНИЦ и Институтом полярных исследований Китая в октябре 2018 г. открыта китайско-исландская арктическая обсерватория «Кархолл» (*Kárhóll*) на севере Исландии.

Исландия активно привлекает к развитию научной инфраструктуры международные ресурсы. Например, на полуострове Тьернес около Акурейри в совместном ведении Японского национального института полярных исследований и Научного института при Исландском университете функционирует станция по изучению северного сияния³. Для зарубежных ученых открыта Полевая станция Риф на полуострове Мелпракаслетта, специализирующаяся на мониторинге климатических изменений и уязвимых экосистем.

Исландия принимает активное участие в АНД по линии Арктического совета (АС). Рабочие группы по сохранению арктической флоры и фауны и по защите арктической морской среды АС находятся в городе Акурейри, что для Исландии является важным фактором в позиционировании страны на межправительственном

¹ Greenland and Iceland in the New Arctic. Recommendations of the Greenland Committee Appointed by the Minister for Foreign Affairs and International Development Co-operation. Reykjavik. The Ministry for Foreign Affairs. 2020. P. 208, 212. (дата обращения: 11.01.2023)

² Iceland's Policy on Matters Concerning the Arctic Region. Parliamentary Resolution 25/151. 10.2021. 28 p. URL: https://www.government.is/library/01-Ministries/Ministry-for-Foreign-Affairs/PDF-skjol/Arctic%20Policy_WEB.pdf (дата обращения: 11.01.2023)

³ Там же. P. 27.

форуме. Во время председательства Исландии в АС (2019–2021 гг.) и в Совете министров Северных стран (2019 г.) большое количество научных мероприятий прошло на территории Исландии и за ее пределами. С 2017 г. по 2026 г. ИНИЦ и Университет Акурейри предоставили помещения для секретариата МАНК.

Одна из наиболее важных инициатив Исландии – ежегодный форум «Полярный круг» в Рейкьявике. В последние годы (за исключением 2020 г., когда он не проводился из-за пандемии коронавируса) в форуме участвовали более 2 тыс. чел. из 60 стран, что сделало его крупнейшей в мире площадкой по вопросам арктического сотрудничества¹. Были также определены такие масштабные мероприятия, как ежегодные конференции «Арктические рубежи» (г. Тромсе, Норвегия) и «Арктика – территория диалога» (Россия). Исландия рассматривает «Полярный круг» в качестве важнейшего инструмента АНД. Правительство собирается использовать создаваемый в Рейкьявике Арктический центр для размещения постоянного секретариата форума.

АНД Норвегии

Норвегия первой из арктических стран приняла специальную стратегию в Арктике (декабрь 2006 г.), в которой ставилась задача развития международного научного сотрудничества и создания доступной для зарубежных исследователей научно-исследовательской инфраструктуры в регионе². Норвежское правительство предприняло активные меры по созданию и развитию международного исследовательского кластера в Нью-Олесунне на Шпицбергене. Наряду с норвежскими станциями, там были созданы полярные станции еще девяти стран. В 1993 г. в административном центре архипелага Лонгйире учрежден Университетский центр Шпицбергена, студенческий и преподавательский состав которого наполовину является международным, а рабочим языком выступает английский.

Норвежский город Тромсе, где размещаются Секретариат АС, Университет Тромсе – Арктический университет Норвегии и научно-исследовательские институты, является местом проведения престижной международной конференции «Арктические рубежи». В последние годы становится авторитетной конференция «Диалог на Крайнем Севере», проводимая на ежегодной основе Университетом Норд в г. Буде.

В декабре 2013 г. Норвежский исследовательский совет, выполняющий роль основного источника финансирования АНД, опубликовал доклад под названием «Норвежские полярные исследования. Научная политика на 2014–2023 гг.». В нем дан критический анализ норвежского участия в международном научном сотрудничестве на Крайнем Севере и намечены исследовательские приоритеты на следующие 10 лет. Кроме того, в докладе озвучены планы по дальнейшему развитию научно-исследовательской инфраструктуры в Арктике, включающей 6 полярных

¹ Arctic Circle assemblies. URL: <https://www.arcticcircle.org/assemblies> (дата обращения: 11.01.2023)

² The Norwegian Government's High North Strategy. Oslo. Norwegian Ministry of Foreign Affairs. 2006. P. 8. URL: <https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/ud/vedlegg/strategien.pdf> (дата обращения: 11.01.2023)

станций и 4 НИС, а также перед норвежскими учеными поставлена задача больше публиковаться в международных журналах¹.

Принятая в ноябре 2014 г. обновленная арктическая стратегия Норвегии поддержала на политическом уровне задачи АНД, сформулированные в докладе 2013 г. В документе подчеркивалась важность сотрудничества с Россией в сфере АНД, особенно при изучении нефтегазовых и биологических ресурсов в районе делимитации в Баренцевом море.

Новая норвежская стратегия в Арктике 2017 г. сохранила приоритеты международного сотрудничества в сфере исследований. В их число входят такие вопросы, как изменение климата, нефтегазовые и биологические ресурсы Арктики, геомагнитные явления в полярных широтах, судоходство, развитие системы здравоохранения, проблемы коренных народов Севера и пр. В документе отмечено, что бизнес-сообщество и академические круги взаимодействуют недостаточно тесно в регионе, поэтому были предложены меры для решения этой проблемы². Стратегия 2017 г. акцентировала внимание международного арктического научного сообщества на необходимости более активного привлечения ресурсов ЕС и североευропейских финансовых институтов для проведения естественнонаучных исследований в регионе.

АНД Финляндии

Стратегические документы Финляндии объясняют необходимость развития международного научного сотрудничества в Арктике как глобальными и региональными изменениями климата, так и необходимостью продвижения новых бизнес-моделей и социальных стратегий в меняющихся условиях.

Кроме научных задач, по мнению Хельсинки, АНД должна выполнять другие функции. Согласно финским арктическим стратегиям 2010 и 2013 гг., основная задача АНД – повышение геополитического веса Финляндии в арктическом регионе³. В Стратегии 2021 г. подчеркивается значимость научных исследований не только для повышения международного авторитета страны, но и для укрепления финской обороноспособности в регионе⁴.

¹ Norwegian polar research. Research policy 2014–2023. Oslo. The Research Council of Norway. 2013. 32 p. URL: <https://www.forskningssradet.no/siteassets/publikasjoner/1253993655002.pdf> (дата обращения: 11.01.2023)

² Norway's Arctic Strategy – between geopolitics and social development. Oslo. Norwegian Ministries. 2017. P. 24. URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/fad46f0404e14b2a9b551ca7359c1000/arctic-strategy.pdf> (дата обращения: 11.01.2023)

³ Finland's Strategy for the Arctic Region. Helsinki. Prime Minister's Office. 2010. P. 18. URL: https://arcticportal.org/images/stories/pdf/J0810_Finlands.pdf; Finland's Strategy for the Arctic Region 2013. Government resolution on 23 August 2013. Helsinki. Prime Minister's Office. 2013. P. 24. URL: https://vnk.fi/documents/10616/1093242/J1613_Finland%E2%80%99s+Strategy+for+the+Arctic+Region.pdf/cf80d586-895a-4a32-8582-435f60400fd2?version=1.0 (дата обращения: 11.01.2023)

⁴ Finland's Strategy for Arctic Policy. Working group of public servants responsible for Arctic issues. Steering group for the Strategy for Arctic Policy. Helsinki. Finnish Government. 2021. P. 59–61.

Как и многие другие североευропейские страны, Финляндия относится к АНД прагматично, подчеркивая, что она поможет укрепить позиции финского бизнеса в регионе, особенно в таких областях, как судостроение, производство оборудования для нефтегазовой индустрии, энергосберегающие технологии, альтернативные источники энергии, развитие промышленной и транспортной инфраструктуры, логистика, телекоммуникации, жилищное строительство в зоне вечной мерзлоты и низких температур, рыболовство в арктических морях, лесное хозяйство, арктический туризм и пр.

Хельсинки также признает значимость АНД для принятия политиками арктических стран разумных, научно обоснованных решений и важную роль международного научного сотрудничества в решении социальных проблем региона, в частности для обеспечения будущего молодежи, проживающей на северных территориях.

Финляндией создана разветвленная научно-исследовательская инфраструктура для имплементации АНД. В нее входят два крупных научно-образовательных кластера в Рованиеми и Оулу. В структуре Университета Лапландии в Рованиеми функционирует Арктический центр, основанный в 1989 г. С начала работы состав его научных сотрудников планировался как интернациональный. В международный консультативный совет центра входят ведущие арктические эксперты со всего мира. Учреждение рассматривалось в качестве возможного места размещения секретариата Арктического информационного центра ЕС, который задумывался как сетевой проект, состоящий из 19 различных исследовательских институтов стран-членов Евросоюза [Билалова и др., 2021; Heininen et al., 2020: 51].

К организациям, активно участвующим в АНД, относятся Университет Хельсинки, Университет Восточной Финляндии, Финский метеорологический институт и Национальный комитет арктических и антарктических исследований. В исследовательскую инфраструктуру входят три полярные станции и одно НИС. Финансированием арктических научных проектов, включая международные, занимаются Финская академия наук, Финское агентство по финансированию технологий и инноваций, Центр технических исследований Финляндии, «Бизнес Финляндии», Стратегический исследовательский совет, а также программа ЕС «Горизонт Европа» (*Horizon Europe*) и структурные фонды Евросоюза.

Несмотря на прогресс финских арктических исследований, Стратегия 2021 г. констатировала их фрагментированность, наличие параллелизмов в финансировании различных проектов, отсутствие самоокупаемости и стабильности¹. В связи с этим задачи по оптимизации арктических исследований, их лучшей координации и интеграции в международное академическое сообщество (особенно Евросоюза и Северной Европы) остаются приоритетами финской АНД.

С началом специальной военной операции России на Украине (СВО) большинство финских научно-образовательных учреждений, как и другие западные участники АНД, следуя указаниям правительства, прервали связи с российскими партнерами и свернули сотрудничество с Россией в рамках АС и Совета Баренцева/Евроарктического региона.

¹ Там же. Р. 59.

АНД Швеции

Мотивация Швеции в области АНД во многом сходна с другими рассматриваемыми государствами (особенно с Данией и Финляндией). В шведских арктических стратегиях 2011 и 2020 гг. необходимость АНД объясняется общностью проблем, стоящих перед арктическими государствами, прежде всего вызовами климатического и экологического характера¹.

В числе других причин АНД шведские стратегические документы называют не только содействие бизнесу и повышение международного авторитета страны, но и возможность улучшить отношения между региональными игроками, а также укрепить международные институты, в первую очередь Арктический совет, в рамках которого осуществляются многочисленные интернациональные научные проекты². Это означает, что Стокгольм видит в АНД эффективный инструмент публичной дипломатии.

К приоритетам международных научных исследований Швеция относит, помимо традиционных климатических и экологических исследований, геологические и океанологические исследования, материаловедение, гляциологию, пути и способы сохранения биоразнообразия, возобновляемые и альтернативные источники энергии, а также социальные проблемы, включая положение коренных народов, обеспечение доступа к качественному здравоохранению и образованию населения северных регионов³. Швеция – одна из первых арктических стран, определивших в качестве научных приоритетов такие темы, как гендерное равенство и необходимость интеграции традиционного знания коренных народов в классическую науку.

Научная инфраструктура шведской АНД включает полевую исследовательскую станцию в Абиско и научно-исследовательскую станцию Тарфала, расположенную в горах Кебнекайсе на севере Швеции. В Кируне (неформальная столица арктической зоны Швеции) расположен радар, который входит в Европейскую ассоциацию радарных систем некогерентного рассеяния, объединяющую радары Северной Скандинавии и Шпицбергена. Для проведения регулярных морских арктических экспедиций Швеция использует ледокол «Один». Как правило, в них участвуют не только шведские, но и зарубежные ученые [Билалова и др., 2021].

К основным шведским научно-исследовательским центрам, участвующим в АНД, относятся Стокгольмский университет, университеты Люлео, Умео, Лунда, Упсалы и Гетеборга. Международное научное арктическое сотрудничество активно развивается по линии университетской арктической пятерки – вузы в Люлео, Умео

¹ Sweden's strategy for the Arctic region. Stockholm. Government Offices of Sweden. 2011. P. 24, 30. URL: <https://www.government.se/4ab1ed/contentassets/85de9103bbbe4373b55eddd7f71608da/swedens-strategy-for-the-arctic-region>; Sweden's strategy for the Arctic region. Stockholm. Government Offices of Sweden. 2020. P. 38. URL: <https://www.government.se/4ab869/contentassets/c197945c0be646a482733275d8b702cd/swedens-strategy-for-the-arctic-region-2020.pdf> (дата обращения: 11.01.2023)

² Sweden's strategy for the Arctic region 2011. P. 12, 23, 40; Sweden's strategy for the Arctic region 2020. P. 38.

³ Там же. P. 39.

(Швеция), Рованиemi, Оулу (Финляндия) и Тромсе (Норвегия)¹. Видную роль в международном сотрудничестве в области естественных наук играет Шведский метеорологический и гидрологический институт.

С конца 2010 г. шведское правительство инициировало международную исследовательскую программу по изучению истории, культуры, языка и традиционного хозяйства саамов. Ее финансирование осуществляется Шведским советом по изучению окружающей среды, Агентством сельскохозяйственных наук и пространственного планирования, Шведским исследовательским советом и Шведским советом по проблемам труда и социальным исследованиям.

Координация деятельности различных научно-образовательных учреждений страны в сфере АНД осуществляется правительственным органом – Шведским секретариатом полярных исследований. В последнее время характерной чертой шведской АНД стало привлечение ресурсов Евросоюза для реализации масштабных научных проектов в регионе. Швеция также активно сотрудничает с США и Великобританией в сфере арктической гляциологии, исследований морского дна и атмосферы.

В Стратегии 2020 г. говорится о необходимости развития научного сотрудничества с неарктическими странами, имеющими интересы в регионе. Однако критически настроенные эксперты считают этот тезис декларативным. В частности, они указывают, что шведские государственные организации и частные компании отказываются от сотрудничества, например, с китайскими партнерами, которых подозревают в шпионаже и научно-технической экспансии [Khozhami, 2021].

Для Стокгольма АНД стала важным приоритетом его арктической стратегии, от которого он не собирается отказываться в обозримом будущем, несмотря на турбулентность мировой политики и ее негативные последствия для Крайнего Севера.

Заключение

Общей чертой пяти североевропейских стран является серьезное внимание к АНД в арктических стратегиях. Это обусловлено тем, что они обладают меньшими ресурсами для влияния на геополитическую, геостратегическую и геоэкономическую ситуацию в регионе по сравнению с Россией, Канадой и США. АНД представляет область, в которой страны Северной Европы обладают конкурентными преимуществами, и могут занять место равное более крупным арктическим игрокам.

В отличие от России, Канады и США, где арктическая проблематика занимает важное, но не главное место в системе национальных приоритетов, страны Северной Европы считают себя частью Арктики, оказывающей непосредственное влияние на их климат, экологию, экономику, внутреннюю и внешнюю политику, демографическую ситуацию, а также состояние общественного сознания. По этой причине они уделяют арктическим исследованиям и международному научному сотрудничеству больше внимания, чем другие арктические страны.

В отличие от России или США, которые ориентируются на обслуживание внутренних нужд, АНД североевропейских стран имеет внешнюю направленность. По-

¹ Там же. Р. 38.

следние благосклонно относятся к сотрудничеству с другими региональными и нерегиональными игроками. Страны Северной Европы используют научную дипломатию не только для продвижения своих национальных интересов. Трансграничные интересы, а также решение глобальных проблем и вызовов занимают важное место в повестке североевропейских государств.

Страны Северной Европы создали разветвленную инфраструктуру АНД, включающую университетские комплексы, специализированные научно-исследовательские институты, сеть полярных станций, научно-исследовательский флот, а также координирующие органы. Для подавляющего большинства объектов характерно отсутствие военной составляющей: большинство экспедиций и полярных исследований в европейской Арктике осуществляется благодаря гражданским научно-исследовательским судам, а не военно-морскому флоту и/или береговой охране в отличие от США и Канады.

Североевропейские государства стремятся координировать арктические исследования и создавать совместные структуры для этих целей. Можно говорить о постепенном складывании их общей стратегии АНД. Все страны активно используют финансовые, организационные и интеллектуальные ресурсы Евросоюза для повышения эффективности арктической научной дипломатии (при том, что Исландия и Норвегия не входят в ЕС).

До начала пандемии *COVID-19* отношения между североевропейскими странами и Россией в сфере АНД развивались динамично. В академическом сообществе преобладала точка зрения, что после паузы, вызванной коронавирусом, научное сотрудничество возобновится. Однако с началом СВО сотрудничество в сфере АНД практически прекратилось. Позиция правительственных кругов стран Северной Европы заключается в способствовании развитию научно-технического сотрудничества между собой и другими западными государствами. С Россией допускается сохранение научных контактов на индивидуальном, но не на институциональном уровне. Перспективы сотрудничества с РФ в области АНД остаются неопределенными, однако надежды на его возобновление остаются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Билалова А.Д., Гвишиани А.Д., Посёлов В.А. (2021) Ключевые научные институты скандинавских стран и международные проекты, ведущие исследования по изучению и освоению Арктики. *Вестник ОНЗ РАН*. Т. 13. NZ2002. DOI: 10.2205/2021NZ000372.

Гутенев М.Ю., Сергунин А.А. (2022) Арктическая научная дипломатия России: теория и практика. *Вестник международных организаций*. Т. 17. № 3. С. 155–174.

Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. (2017) Новое междисциплинарное научное направление: арктическая региональная наука. *Регион: экономика и социология*. № 3(95). С. 3–30.

Рекец М.О. (2021) Научная дипломатия как новый инструмент арктической политики Дании. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. № 3(29). С. 105–120.

Berkman P.A., Kullerud L., Pope A., Vylegzhanin A.N., Young O. (2017) The Arctic Science Agreement propels science diplomacy. *Science*. Vol. 358(6363). P. 596–598. DOI: 10.1126/science.aag0890.

Davis L.S., Patman R.G. (2015) *Science Diplomacy: New Day or False Dawn?* World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd, Singapore, Singapore. 296 p.

Fedoroff N. (2009) Science Diplomacy in the 21st Century. *Cell*. No. 136(1). P. 9–11.

Heininen L., Everett K., Padrtova B., Reissell A. (2020) *Arctic Policies and Strategies – Analysis, Synthesis, and Trends*. International Institute for Applied Systems Analysis, Laxenburg, Austria. 263 p. DOI: 10.22022/AFI/11-2019.16175.

Khorrami N. (2021) *Sweden's New Arctic Strategy: Change and Continuity in the Face of Rising Global Uncertainty*. The Arctic Institute. 04.05. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/sweden-new-arctic-strategy-change-continuity-face-rising-global-uncertainty/> (accessed: 12.01 2023)

Lord K. M., Turekian V.C. (2007) Time for the New Era of Science Diplomacy. *Science*. Vol. 315. P. 769–770.

The Royal Society (2010) *New frontiers in science diplomacy: navigating the changing balance of power*. Science Policy Centre, London, UK. 32 p. URL: https://www.aaas.org/sites/default/files/New_Frontiers.pdf (accessed: 12.01 2023)

Arctic Science Diplomacy of the Nordic Countries

M.I. Gutenev*

Candidate of Sciences (Philosophy)

Associate Professor of the South Ural State University

76 Lenin Ave., Chelyabinsk, Russia, 454080

***E-mail:** gutenevmi@susu.ru **ORCID:** 0000-0002-8583-7429

A.A. Sergunin**

Doctor of Sciences (Politics)

Professor of the Department of Theory and History of International Relations of St. Petersburg State University

1/3 Smolny str., Saint Petersburg, Russia, 191060

Professor of Political Science, Nizhny Novgorod State University

23, Gagarina Pr., Nizhny Novgorod, Russia, 603023

****E-mail:** a.sergunin@spbu.ru **ORCID:** 0000-0002-4683-0611

O.N. Shadrina***

Candidate of Sciences (Philosophy)

Associate Professor of the Northern Medical State University

51 Troitsky Ave., Arkhangelsk, Russia, 163069

*****E-mail:** shadrina.olga.29@mail.ru **ORCID:** 0000-0003-0726-1572

Abstract. Arctic science diplomacy (ASD) is one of the innovative tools for promoting a positive image of the state and building strong international partnerships in the region. This study aims to identify common and distinctive features of Swedish, Finnish, Norwegian, Icelandic and Danish ASDs. The article analyses the motivation and main priorities of the Nordic ASD both at the national and regional levels. The state of the ASD infrastructure in each of the Nordic countries is also described. The Nordic states seek to coordinate their Arctic research and create joint structures for these purposes. Since Denmark, Finland and Sweden are the EU members, The Nordic countries are actively using the financial, organizational and intellectual resources of the EU to increase the effectiveness of their ASD. A common feature for all five Nordic countries is also the

close attention they pay to ASD as part of their polar strategies. The Nordic countries focus on the ASD since they have much less economic, geopolitical and military resources than such "Arctic giants" than the United States, Canada and Russia. The article also indicates that with the start of the Russian special military operation in Ukraine, scientific cooperation between the Nordic countries and Russia has been significantly reduced on the initiative of these states. This has further complicated the situation in the Arctic region.

Key words: Arctic, international cooperation, science diplomacy, Nordic countries, Arctic strategy

DOI: 10.31857/S020170832302002X

EDN: otxjzt

REFERENCES

- Berkman P.A., Kullerud L., Pope A., Vylegzhanin A.N., Young O. (2017) The Arctic Science Agreement propels science diplomacy, *Science*, 358(6363), pp. 596–598. DOI: 10.1126/science.aag0890.
- Bilalova A.D., Gvishiani A.D., Posyolov V.A. (2021) Klyuchevye nauchnye instituty skandinavskih stran i mezhdunarodnye proekty, vedushchie issledovaniya po izucheniyu i osvoeniyu Arktiki [Key scientific institutes of the Scandinavian countries and international projects conducting research on the study and development of the Arctic], *Vestnik ONZ RAN*, 13, NZ2002. DOI: 10.2205/2021NZ000372. (In Russian).
- Davis L.S., Patman R.G. (2015) *Science Diplomacy: New Day or False Dawn?* World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd, Singapore, Singapore.
- Fedoroff N. (2009) Science Diplomacy in the 21st Century, *Cell*, 136(1), pp. 9–11.
- Gutenев M., Sergunin A. (2022) Arkticheskaya nauchnaya diplomatiya Rossii: teoriya i praktika [Russia's Arctic science diplomacy]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy* [International Organisations Research Journal], 17(3), pp. 155–174. (In Russian).
- Heininen L., Everett K., Padrtova B., Reissell A. (2020) *Arctic Policies and Strategies – Analysis, Synthesis, and Trends*, International Institute for Applied Systems Analysis, Laxenburg, Austria. DOI: 10.22022/AFI/11-2019.16175.
- Khorrami N. (2021) *Sweden's New Arctic Strategy: Change and Continuity in the Face of Rising Global Uncertainty*. The Arctic Institute. 04.05. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/sweden-new-arctic-strategy-change-continuity-face-rising-global-uncertainty/> (accessed: 12.01.2023)
- Lord K.M., Turekian V.C. (2007) Time for the New Era of Science Diplomacy, *Science*, 315, pp. 769–770.
- Rekec M.O. (2021) Nauchnaya diplomatiya kak novyj instrument arkticheskoy politiki Danii [Science diplomacy as a new tool of Denmark's Arctic policy.], *Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir*, 3(29), pp. 105–120. (In Russian).
- The Royal Society (2010) *New frontiers in science diplomacy: navigating the changing balance of power*. Science Policy Centre, London, UK. URL: https://www.aaas.org/sites/default/files/New_Frontiers.pdf (accessed: 12.01.2023)
- Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. (2017) Novoe mezhdisciplinarnoe nauchnoe napravlenie: arkticheskaya regional'naya nauka. [A New Interdisciplinary Scientific Direction: Arctic Regional Science], *Region: Economics and Sociology*, 3 (95), pp. 3–30 (In Russian).

УДК 327

ИСЛАНДИЯ И КИТАЙ: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЁРСТВО В АРКТИКЕ И ЕВРОАТЛАНТИКЕ

© 2023 БАБАЕВ Кирилл Владимирович*

Доктор филологических наук

*и.о. директора Института Китая и современной Азии РАН,
директор Центра международных проектов Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
117218, Россия, Москва, Нахимовский пр. 32*

***E-mail:** kbabaev@iccaras.ru **ORCID:** 0000-0001-5731-8667

Поступила в редакцию 12.11.2022

После доработки 27.12.2022

Принята к публикации 09.02.2023

Аннотация. В статье проанализирована история становления и развития китайско-исландских отношений, которая привела к формированию полноценного политического и экономического партнерства, а также текущая политика КНР в отношении Исландии и планы Китая по использованию острова в качестве одного из плацдармов для продвижения в Европу, в Атлантический регион и Арктику. В работе последовательно рассмотрены интересы обеих сторон, хроника развития двусторонних экономических и политических отношений, последние события, связанные с возвращением Китая в Исландию после периода пандемии, и дальнейшие планы КНР по развитию отношений и их использованию для расширения сферы влияния в Арктике и Евро-Атлантике. Предпринятый анализ призван помочь понять логику китайской политики продвижения в Арктику, что весьма важно для дальнейшего развития российско-китайского сотрудничества в данном регионе, и дать представление о том, как укрепление Китая на севере Европы может в будущем повлиять на баланс сил и интересов не только в Арктике, но и в евро-атлантическом пространстве.

Ключевые слова: Китай в Арктике, китайско-исландские отношения, арктическая политика Китая, Северный морской путь, геотермальная энергетика, китайско-европейские отношения.

DOI: 10.31857/S0201708323020031

EDN: oucpiɑ

В 1995 г. Китай стал первой страной в Азии, где открылось посольство Исландии. Тогда же в Рейкьявике после длительного перерыва возобновилась работа посольства КНР, которое появилось на острове после установления дипломатических отношений в 1971 г. Однако если в годы «культурной революции» в Пекине не задумывались об экспансии в Северную Европу и Арктику, то события первых двух десятилетий XXI в. показали, что возобновление дипломатической активности Китая в Исландии стало точкой запуска одной из стратегических инициатив КНР в глобальном масштабе – арктической стратегии. Исландия выбрана в качестве приоритетного партнера по ряду направлений арктической политики Пекина – как экономического, так и политического плана. Островное государство остается одной из важнейших реперных позиций для Китая в Европе, точкой входа КНР как в евроатлантическое пространство, так и в Арктический регион [Guschin, 2015]. В 2012 г. Исландия стала первым арктическим государством, заключившим с Поднебесной межгосударственное соглашение по арктическим вопросам¹. В 2013 г. оно было дополнено Соглашением о свободной торговле² – также первым таким документом, подписанным КНР со странами Европы.

Географическая позиция Исландии делает ее важным игроком в глобальной геополитической игре. Остров расположен, во-первых, на стыке Атлантического и Северного Ледовитого океанов, и во-вторых, между Северной Америкой и Европой. Стратегическое положение Исландии для формирования единого Евро-Атлантического военно-политического пространства обусловило вступление страны в НАТО с момента создания альянса в 1949 г. После 2006 г. американские войска были выведены из главного аэропорта острова Кефлавик, однако Исландия остается членом НАТО и заключила двусторонние договоры о вооруженной защите с Норвегией, Данией и США, что объясняется отсутствием собственных постоянных вооруженных сил.

Китайско-исландские отношения приобретают важность в контексте расширения внешнеполитической активности Китая, начавшейся с приходом к власти председателя КНР Си Цзиньпина в 2012 г. В течение последнего десятилетия лозунг «политики открытости», который Китай использовал для политической и экономической экспансии, дополнен формулировкой «ответственность за глобальное развитие». Пекин, таким образом, открыто претендует на всемирный характер своих внешнеполитических интересов. Если китайской политике в Африке, Центральной и Юго-Восточной Азии, Латинской Америке посвящено значительное число научных работ, то европейское и особенно арктическое измерения китайского глобаль-

¹ China's Arctic Policy. 26.01.2018. URL:

https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (дата обращения: 11.12.2022).

² Free Trade Agreement between Iceland and China. Fact Sheet. 15.04.2013. URL: https://www.government.is/media/utanrikisraduneyti-media/media/fta-kina/China_fact_sheet_enska_15042013_Final.pdf (дата обращения: 11.12.2022).

ного проекта нуждаются в более тщательном изучении, особенно с учетом растущего соперничества США и КНР [Петровский, Филиппова, 2022].

В этой связи необходимо проанализировать развитие китайско-исландских отношений, приведшее к формированию полноценного политического и экономического партнерства, а также текущую политику КНР в отношении Исландии и планы Китая по использованию острова в качестве плацдарма для продвижения в Европу, в атлантическое пространство и Арктику.

Такой анализ, во-первых, призван объяснить логику китайской политики продвижения в Арктику, что важно для дальнейшего развития российско-китайского сотрудничества в регионе, а во-вторых, дает представление о том, как закрепление Китая на севере Европы может в ближайшем будущем повлиять на баланс сил и интересов как в Арктике, так и в евро-атлантическом пространстве.

Интересы сторон

Основой интереса Китая к сотрудничеству с Исландией является арктическая политика. Пекин сосредоточил внимание на Арктике задолго до того, как стратегия КНР в регионе была зафиксирована в едином документе «Белая книга по арктической политике» в 2018 г.¹ До конца XX в. Китай с Арктикой напрямую связывал только Шпицбергенский трактат 1925 г., об участии в котором не помнили до начала 1990-х гг. [Wu, 2022]. Однако в 1996 г. КНР вступила в Международный арктический научный совет и с 1999 г. запустила серию научных экспедиций. В 2004 г. основана арктическая станция «Хуанхэ» на острове Шпицберген, а в следующем году Китай принял Международный научный арктический саммит, впервые проводившийся в Азии. Официальные лица КНР делали многочисленные заявления об интересе к научному изучению Арктики, экологическим и климатическим исследованиям и освоению Северного морского пути (СМП) между Европой и Северо-Восточной Азией, на западном конце которого лежит Исландия. Последнее направление (в Китае его называют «Полярным шелковым путем») является флагманским в рамках китайской инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП). Последние два десятилетия Китай активно наращивает деятельность в этом направлении, что отмечено в «Белой книге».

Арктическая стратегия КНР предусматривает пять направлений работы:

- 1) научные экспедиции и исследования;
- 2) защита окружающей среды и экосистем Арктики в контексте глобальных изменений климата;
- 3) сотрудничество в целях защиты и рационального использования арктических ресурсов и судоходных путей;
- 4) участие в арктическом управлении, улучшении и развитии существующего правового режима управления Арктикой на региональном и глобальном уровнях;
- 5) укрепление мира и стабильности в Арктике во имя общих интересов всех стран [Петровский, 2020].

¹ China's Arctic Policy.

По всем направлениям КНР заинтересована в сотрудничестве с Исландией. В частности, остров важен в качестве транспортно-логистического узла при перемещении товаров по СМП из Восточной Азии в Европу и обратно. Грузооборот по нему даже в непростые для мировой экономики времена продолжает расти: в 2022 г. он приблизился к 35 млн т¹ и, по оптимистичным прогнозам, может достичь впечатляющей цифры в 200 млн т уже в 2030 г.² Немалую часть грузов составят перевозки из Китая в Европу и обратно, т. к. СМП позволяет сократить расстояние между двумя центрами мировой экономики на 6,5 тыс. км по сравнению с маршрутом через Индийский океан.

Исландия, в которой отсутствуют крупные месторождения полезных ископаемых, важна как транспортный хаб. Логистика СМП предусматривает необходимость перевалочных баз, часть из которых будет находиться на территории России, а часть – на западном участке пути: в Норвегии, Гренландии или Исландии. Именно последняя является наиболее подходящим партнером для Китая.

Не менее важную роль для Пекина играет возможность освоения природных богатств Арктического региона. КНР как крупнейший в мире нетто-импортер ископаемого сырья заинтересован в доступе к добыче углеводородов на шельфе Северного Ледовитого океана. Согласно подписанной Китаем Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., суверенные права на разведку и разработку полезных ископаемых на континентальном шельфе принадлежат исключительно прибрежным странам [Слободчикова, Абрамович, 2022]. По этой причине участие КНР в освоении месторождений возможно только на основе сотрудничества с арктическими государствами, большинство из которых относится к западному лагерю и в условиях противостояния между Вашингтоном и Пекином не готово предоставить Китаю преференции.

По этим причинам Китай не ведет добычу на арктическом шельфе, однако активно действует в железорудной отрасли в странах Скандинавии. В частности, в 2011 г. государственный гигант КНР компания «Блюстар» (*Bluestar*) стала контролирующим акционером мирового лидера в производстве ферросплавов, кремния и продукции из него «Элкем» (*Elkem*), имеющего заводы в Норвегии и Исландии³. Ряд металлургических проектов в области добычи разрабатываются на территории Гренландии, где Китай заинтересован в строительстве урановых рудников.

Научное освоение Арктики диктует необходимость сотрудничества с арктическими государствами. Запуск исследовательских проектов китайских компаний и организаций в Арктике состоялся с открытием станции «Хуанхэ». Позднее Китай подключился к международному научно-исследовательскому проекту Европейской

¹ Грузооборот на Севморпути в 2022 году превысит прогнозные значения и составит 33,8 млн тонн. Portnews. 25.10.2022. URL: <https://portnews.ru/news/337570/> (дата обращения: 11.12.2022)

² Объем перевозок по Севморпути до 2030 г. превысит 200 млн тонн – Юрий Трутнев. Portnews. 13.04.2022. URL: <https://portnews.ru/news/328011/> (дата обращения: 11.12.2022)

³ Orkla sells Elkem to China National Bluestar. Wall Street Online. 11.03.2011. URL: <https://www.wallstreet-online.de/nachricht/3081110-press-release-orkla-sells-elkem-to-china-national-bluestar> (дата обращения: 11.12.2022)

научной ассоциации по некогерентному рассеянию радиоволн (*European Incoherent Scatter Scientific Association, EISCAT*), призванному сконструировать мощную радарную станцию для наблюдения верхних слоев атмосферы (проект также имеет военное значение), и строит за свои средства главный элемент радара – купол диаметром в 70 м [Криворотов, 2013]. Использование Китаем норвежского полярного архипелага в качестве точки запуска арктической политики объясняется тем, что Шпицбергенский трактат позволяет любому государству свободно осуществлять на архипелаге научную и коммерческую деятельность. В 2010 г. Шанхайский институт полярных исследований подписал соглашение с Норвежским полярным институтом, по которому Китай предоставил Норвегии современное научное оборудование для исследований в Арктике, обязался обеспечить строительство нового научного центра и исследовательского судна для работы во льдах [Conley, 2012: 40].

Наконец, очевиден политический интерес КНР к Исландии. Посольство, открывшееся в 2005 г., – крупнейшее в Северной Европе с возможностью увеличения штата до нескольких сотен сотрудников и может использоваться для интенсификации дипломатической деятельности во всем регионе.

Китай больше интересуют не двусторонние отношения, а вовлеченность в деятельность международных арктических организаций и форумов. Главным объектом активности Пекина остается Арктический совет (АС) – региональная межправительственная организация, объединяющая восемь арктических стран.

В 2010 г. КНР выдвинула концепцию «приарктических государств» (*Near-Arctic states*), а позже – концепцию «заинтересованной стороны в Арктике» (*Arctic Stakeholder*), допускающую самые широкие толкования заинтересованности [Лэй, 2021]. На этих основаниях с 2009 по 2013 гг. Китай добивался статуса постоянного наблюдателя в АС [Тулупов, 2013]. Одним из драйверов этого процесса была Исландия. В случае закрепления китайских проектов на ее территории и строительства инфраструктуры Пекин сможет дальше расширять свое влияние как в АС, так и в других институтах, определяющих будущее Арктики. Важнейшим фактором является противостояние КНР с США, в которое с 2022 г. все более активно вовлекается Европа. Ограничения на китайские инвестиции и торговлю в странах ЕС будут в ближайшие годы только усиливаться, особенно под давлением Вашингтона, в то время как Исландия не является членом Евросоюза и, напротив, имеет с Европой очень непростую историю взаимоотношений. Исландия обладает наименьшим населением и объемом экономики среди стран Северной Европы (если не рассматривать автономную от Дании Гренландию), поэтому даже небольшие инвестиции или финансовая помощь со стороны КНР являются существенными. В этих условиях предпочтительным политическим партнером для Пекина выступает именно Рейкьявик.

Интерес Исландии к сотрудничеству с КНР очевиден. Экономическое положение государства в последние полтора десятилетия довольно нестабильно. После инвестиционного роста в 2002–2007 гг. Исландию охватил экономический кризис, в результате которого в 2008–2009 гг. ВВП страны снизился более чем на треть (с 2% в 2007 г. до почти 8% в 2011 г.) а также выросла безработица. Частные инвестиции за три года (2007–2010 гг.) сократились в четыре раза [Криворотов, 2013: 169]. В 2019–2020 гг. последовало очередное снижение ВВП, в результате кото-

рого его размер в 2020 г. практически не превышал уровень 2010 г.; снова стала расти безработица¹.

В ходе кризиса 2008 г. европейские и международные институты отказались помочь Исландии, в результате чего правительству страны пришлось просить поддержки у России и Китая. Сразу три крупнейших банка страны оказались на грани банкротства, и финансовую помощь Пекина Рейкьявик воспринял с благодарностью. В дальнейшем Китай не раз выражал готовность оказывать помощь и осуществлять инвестиционные вложения в исландскую экономику (хотя крупных инвестиций так и не последовало), поэтому правительство островного государства в течение долгого времени рассматривало КНР как одного из важнейших перспективных экономических партнеров. Совместные проекты вносят важный вклад в развитие экономики Исландии и ее основных отраслей, включая рыболовство, разведку шельфовых месторождений, электроэнергетику.

Чрезвычайно важным для Исландии является позиционирование страны как транспортного узла СМП. Правительство заинтересовано в развитии отношений с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), стремящимися наладить торговые маршруты через Арктику. В условиях формирования новой инфраструктуры транспортного сообщения между Азией, Европой и Америкой, Исландия пытается закрепить за собой статус полярного хаба на арктических маршрутах, что полностью совпадает с интересами Китая. Однако для достижения этой цели необходимо как развивать морскую инфраструктуру, так и осуществлять множество научных исследований в области полярной навигации, специальных технологий работы в суровых климатических условиях. У Исландии нет инвестиций для развертывания такой работы, а другие арктические государства не заинтересованы в том, чтобы делиться технологиями или инвестициями с соперником в регионе. В итоге Китай (как и другие страны АТР) становится естественным партнером для Исландии.

Кроме того, Рейкьявик использует Пекин как важный противовес в напряженных отношениях с Брюсселем и Лондоном. Заявка Исландии на вступление в Евро-союз, поданная в 2009 г., была отозвана после пяти лет сложных переговоров, выявивших кардинальные противоречия между позициями сторон по целому ряду вопросов. ЕС потребовал изменить законодательство страны в области рыболовства. Были выдвинуты и другие экономические претензии, на удовлетворение которых Исландия не пошла из-за нежелания поступиться суверенными экономическими правами. В результате с середины прошедшего десятилетия наметилось резкое охлаждение отношений между Рейкьявиком и Брюсселем. Исландия взяла курс на ускоренное развитие отношений с Китаем. Однако, как утверждают стороны переговоров, окончательная точка в вопросе о вступлении в ЕС не поставлена, и кон-

¹ Всемирный банк. Data Commons, Исландия. URL: https://datacommons.org/place/country/ISL?utm_medium=explore&mprop=amount&popt=EconomicActivity&cpv=activitySource%2CGrossDomesticProduction&hl=ru (дата обращения: 11.12.2022).

сультации продолжаются. Китай в этой ситуации может использовать исландское правительство как противовес для достижения лучших условий на переговорах с объединенной Европой [Николаев, 2016: 63].

Политическое сотрудничество с КНР по вопросам освоения Арктики также важно для Исландии. После создания по инициативе Дании «арктической пятерки» (*Arctic Five*: Дания, Канада, Норвегия, Россия и США), в которую островное государство не было включено, Рейкьявик ощутил себя вне важных процессов арктического сотрудничества, что послужило причиной активного поиска других возможностей упрочения своего влияния в регионе. Опасения по поводу «олигополизации» Арктики пятью государствами, каждое из которых обладает существенной силой по сравнению с Исландией, высказывались в парламенте страны¹. Взаимодействие с Пекином рассматривается Рейкьявиком как один из форматов взаимопомощи по получению обеими странами «доли» в регионе, т. к. обе страны оказались обделенными по сравнению со странами «арктической пятерки» [Погодин, Ван, 2017: 282].

Хроника отношений

Двусторонние отношения между государствами бурно развивались с 2005 г. Тогда состоялось важное событие: Исландия стала первой страной, признавшей КНР государством с развитой рыночной экономикой [Nielsson, Nauksdottir, 2020]. Экономическое сотрудничество развернулось в отрасли, в которой Исландии принадлежит мировое лидерство, – геотермальной энергетике. Китай как крупнейший импортер энергоресурсов заинтересован в построении возобновляемой энергетики. В 2006 г. ведущее предприятие в геотермальной сфере – исландская «Оркла Энерджи» (*Orkla Energy*) и китайский гигант «Синопек» (*Sinopet*) основали совместное предприятие (СП) «Шаньси Грин Энерджи Геотермал Девелопмент» (*Shaanxi Green Energy Geothermal Development*), в котором китайской стороне достался контрольный пакет. Соглашение предусматривало создание системы геотермального центрального отопления в ряде городов КНР. К 2021 г. предприятие обеспечивало теплом 100 млн м² жилья, став крупнейшей в мире компанией в сфере геотермального отопления с более чем 2 млн потребителей².

За созданием первого СП последовали стажировки многочисленных китайских студентов в Исландию для обучения программам по геотермальной энергетике. В 2010 г. исландская «Энел» (*Enel*) получила разрешение на проведение работ по добыче геотермальной электроэнергии в провинции Шаньси и Внутренней Монго-

¹ A Parliamentary Resolution on Iceland's Arctic Policy. 28.03.2011. URL: <http://www.mfa.is/media/nordurlandaskrifstofa/A-Parliamentary-Resolution-on-ICE-ArcticPolicy-approved-by-Althingi.pdf> (дата обращения: 11.12.2022).

² Arctic Green Energy Corporation. Corporate website. URL: <https://arcticgreen.com/projects/> (дата обращения: 11.12.2022).

лии¹. В 2018 г. *Sinoproc* добился нового соглашения с исландской «Арктик Грин Энерджи» (*Arctic Green Energy*) на поставку технологий для строительства новых геотермальных станций в провинции Хэбэй. Сделку на 250 млн долл. профинансировал Азиатский банк развития². Сотрудничество КНР с Исландией в геотермальной отрасли остается фундаментом экономического партнерства двух стран: в декабре 2022 г. *Sinoproc* рапортовала о планах 25-процентного роста сотрудничества в этой сфере в ближайшие годы³.

В 2008 г. именно Китай оказал наиболее действенную помощь исландскому правительству и финансовой системе в условиях глубокого финансового и экономического кризиса. Позже президент Исландии О.Р. Гримссон скажет: «Китай и Индия оказали разнообразную конструктивную помощь Исландии, в то время как Европа отнеслась к нам враждебно, а США и вовсе бездействовали»⁴. ЕС и США, довольно безразлично отнеслись к тому, что КНР приняла роль ближайшего друга европейской страны, входящей в состав НАТО.

Ситуация начала меняться в 2011 г., когда мировые СМИ облетела новость о том, что китайский бизнесмен Хуан Нубо, владелец компании «Чжункунь», подал заявку на приобретение обширного участка у северного побережья Исландии для строительства туристического комплекса. Участок составляет 0,3% территории Исландии. Президент и премьер-министр страны поддерживали сделку, однако министерство внутренних дел под давлением общественных и экологических организаций (и, скорее всего, западных союзников) сочло ее неприемлемой. В американских и европейских СМИ писали о том, что Хуан Нубо является бывшим высокопоставленным функционером Коммунистической партии Китая и за ним стоит китайское государство, которое намерено построить на севере Исландии глубоководный порт для приема своих судов⁵. В результате сделка не состоялась.

Весной 2012 г. Рейкьявик впервые за всю историю взаимоотношений посетил премьер Государственного совета КНР Вэнь Цзябао. С этого визита (в сопровождении 9 министров китайского правительства) он начал турне по Европе, сигнализируя об особых отношениях Китая и Исландии. По словам президента Исландии, количество визитов китайских официальных лиц к 2012 г. превысили приезды

¹ Lowana, V. Iceland banks on geothermal for economic expansion. *The Guardian*. 12.10.2010. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2010/oct/12/iceland-banks-geothermal-economic> (дата обращения: 11.12.2022).

² Сарханянц К. Исландия обеспечит Китай геотермальной энергией. *Коммерсант*. 26.03.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3585106> (дата обращения: 11.12.2022).

³ Zheng Xin. Country warming up to energy beneath the crust. *China Daily*. 15.12.2022. URL: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202212/15/WS639a8bb3a31057c47eba48ea.html> (дата обращения: 11.12.2022).

⁴ Ward, A. & L. Hook. Iceland's president welcomes Chinese interest. *Financial Times*. 02.09.2011. URL: <https://www.ft.com/content/4716d5c2-d57f-11e0-9133-00144feab49a> (дата обращения: 11.12.2022).

⁵ Hands off our wilderness. *The Economist*. 24.09.2011. URL: <https://www.economist.com/europe/2011/09/24/hands-off-our-wilderness> (дата обращения: 11.12.2022).

представителей всех стран Запада, вместе взятых¹. В этом году два государства подписали, помимо рамочного Соглашения о сотрудничестве в Арктике, меморандумы о взаимопонимании в сфере морских и полярных исследований и технологий и в области геотермальных исследований².

В ходе визита в Пекин в 2013 г., впервые в европейской истории, после шести лет переговоров министр иностранных дел Исландии подписал с КНР уже упомянутое Соглашение о свободной торговле³. Для Китая это стало настоящим прорывом: он в течение длительного времени добивался режима свободной торговли со странами ЕС, однако из-за широкого диапазона мнений в европейских странах эта задача оказалась недостижимой. Даже заключение соглашения такого рода с четырьмя членами Европейской ассоциации свободной торговли, не входящими в ЕС (Швейцария, Норвегия, Исландия, Лихтенштейн), оказалось сложным, поэтому выбор одного из этих государств в качестве «окна в Европу» для КНР оказался весьма важен⁴. Соглашение быстро доказало эффективность.

Торговое сотрудничество между двумя странами за время после подписания Соглашения показывает быстрые темпы роста. Китайский рынок заинтересован в морепродуктах, косметике, текстильной и сельскохозяйственной продукции из Исландии. Сегодня КНР является вторым крупнейшим импортером товаров в Исландию (9% общего объема импорта, или 695 млн долл. США в 2021 г.⁵) и быстро догоняет лидера – Норвегию. В 2022 г. физический объем импорта китайских товаров в Исландию впервые превысит 100 млн т⁶. По объему экспорта Китай вошел в десятку крупнейших торговых партнеров острова: с 2013 г. объем товарного экспорта вырос втрое и достиг 20 млн т в год. С 2004 по 2021 г. экспорт Исландии в КНР вырос с 17 млн до 129 млн долл., импорт увеличился с 46 млн до 207 млн долл.⁷ В

¹ Overn K. Kina forsker og smigrer seg til innflytelse i Arktis. Aftenposten. 28.12.2012. URL: <https://www.aftenposten.no/verden/i/rAzxe/kina-forsker-og-smigrer-seg-til-innflytelse-i-arktis> (дата обращения: 11.12.2022).

² Joint Statement between the Government of the People's Republic of China and the Government of Iceland on Comprehensively Deepening Bilateral Cooperation. Beijing. 15.04.2013. URL: <https://www.government.is/media/forsaetisraduneyti-media/media/frettir/1/Joint-statement-of-PMs-Iceland-China-2013.pdf> (дата обращения: 11.12.2022).

³ Valdimarsson, R.O. Iceland Is First in Europe to Sign Free Trade Pact With China. Bloomberg. 15.04.2013. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2013-04-15/iceland-is-first-in-europe-to-sign-free-trade-pact-with-china> (дата обращения: 11.12.2022).

⁴ Here's why China's trade deal with Mauritius matters. World Economic Forum. 15.02.2021. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2021/02/why-china-mauritius-trade-deal-matters/> (дата обращения: 11.12.2022).

⁵ Iceland Imports by Country, 2021. URL: <https://tradingeconomics.com/iceland/imports-by-country> (дата обращения: 11.12.2022).

⁶ Statistics Iceland. URL: https://px.hagstofa.is/pxen/pxweb/en/Efnahagur/Efnahagur__utanrikisverslun__1_voruvidskipti__01_voruskipti/UTA06003.px/table/tableViewLayout1/?rxid=8d0587e7-e342-42a5-9e5c-f52db7628d19 (дата обращения: 11.12.2022).

⁷ Trading Economics, Nov 2022. URL: <https://tradingeconomics.com/iceland/exports/china> ; <https://tradingeconomics.com/china/exports/iceland> (дата обращения: 11.12.2022).

среднем объеме торговли между странами в последнее десятилетие растет более чем на 20% в год [Gunnarsson, Nielsson, 2019: 90].

Интенсивно развивается финансовое сотрудничество. Продолжает действовать соглашение о валютном свопе на 370 млн евро, предложенное в 2010 г. Народным банком КНР Центральному банку Исландии. Это соглашение несколько раз продлевалось.

Ширится научное взаимодействие двух стран в арктических широтах. Соглашение о сотрудничестве в Арктике и Меморандум о взаимопонимании в сфере морских и полярных исследований и технологий позволили сторонам запустить ряд научно-исследовательских проектов в арктических водах [Кучерявый, 2021]. В 2012 г. Исландия впервые принимала первый китайский ледокол «Сюэлун», совершивший переход через СМП и посетивший Рейкьявик и другие порты Исландии. Экспедиция приняла на борт исландских ученых и совместно с ними провела ряд океанографических исследований к востоку от норвежских островов Ян-Майен [Криворотов, 2013: 161]. Это был в большей степени ознакомительный рейс судна средней проходимости, построенного в 1993 г. на Украине. В 2019 г. Китай спустил на воду второй «Сюэлун», сконструированный при помощи финских проектировщиков. В это время появились сведения о строительстве третьего, более мощного ледокольного судна¹. Исландские порты – идеальная локация для временного базирования китайских ледоколов, и их значение со временем будет только расти.

В 2018 г. начала работу китайско-исландская арктическая научная обсерватория в Картхолле² – первая исследовательская станция, работающей в Исландии вместе с Китайским полярным научно-исследовательским институтом. Цель проекта, по заявлению его инициаторов, заключается в исследованиях ледового покрова, атмосферы и биосферы арктического региона, а также океанских вод [Николаев, 2016].

Экономическое и научное сотрудничество конвертируется в политическое. Примерно с 2010 г. дипломатическая активность Исландии, обеспокоенной работой «арктической пятерки», направлена на привлечение инвестиций и организацию совместных проектов с неарктическими государствами в освоении Арктики. В день подписания Соглашения о свободной торговле, 15 апреля 2013 г., в Вашингтоне президент Исландии О.Р. Гримссон объявил о создании новой международной организации «Полярный круг». Ее цель – упреждение новых площадок для сотрудничества государств и общественных организаций всего мира для работы в Арктике. Китай активно участвует в деятельности форума.

¹ Humpert, M. China reveals details of a newly designed heavy icebreaker. Arctic Today. 17.12.2019. URL: <https://www.arctictoday.com/china-reveals-details-of-a-newly-designed-heavy-icebreaker/> (дата обращения: 11.12.2022).

² В Арктике официально открыта китайско-исландская исследовательская станция. Синьхуа. 19.10.2018. URL: http://russian.news.cn/2018-10/19/c_137542671.htm (дата обращения: 11.12.2022).

Эти действия существенно ускорили принятие Китая (и ряда других неарктических государств) в АС в качестве постоянных наблюдателей. Одной из причин стало то, что арктические державы обеспокоились, что проблемы региона могут начать обсуждаться на иных форумах, в т. ч. на площадке ООН, и решили, что эффективнее обладать возможностью наблюдать за действиями соперников.

Подписывая документы о получении статуса наблюдателя в Арктическом совете, КНР обязалась признавать суверенитет и особые права восьми государств-членов АС. Однако позже китайские официальные лица делали заявления о том, что Арктика является глобальным достоянием и должна принадлежать всему человечеству. Одно присутствие в АС явно не является главной целью Пекина.

Сотрудничество двух государств в политической, научной, экономической сферах и в рамках арктических международных организаций достигло уровня, который уже в середине 2010-х гг. начал беспокоить Вашингтон. До этого США пассивно реагировали на китайские инициативы в Арктике и дали зеленый свет КНР на участие в АС в качестве постоянного наблюдателя.

Поводом для активного вмешательства США стало приглашение Исландии присоединиться к ОПОП, направленное Китаем в 2018 г. Новый посол КНР в Рейкьявике, свободно владеющий исландским языком, Цзинь Чжицзянь заявил: «рассматривая вопрос о подписании меморандума о сотрудничестве в рамках инициативы ОПОП между нашими правительствами, Китай и Исландия получают возможность и далее развивать практическое сотрудничество в таких областях, как сельское хозяйство и рыболовство, строительство авиационной и коммуникационной инфраструктуры, зеленая энергетика, арктические дела, туризм, образование и научные обмены»¹.

Такие намерения обеспокоили Вашингтон. Уже в 2019 г. Рейкьявик посетили вице-президент США М. Пенс, госсекретарь М. Помпео и генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг. Они заявили о рисках китайского присутствия на острове, а первый поблагодарил Исландию за отказ от участия в ОПОП, несмотря на то что Рейкьявик не дал официального ответа на китайское предложение (до сих пор)². Сегодня маловероятно, что Исландия пойдет на демонстративное ущемление интересов США и вступит в состав участников проекта [Hauksdottir, 2019].

Благодаря усилиям Вашингтона наблюдается ослабление динамики развития китайско-исландских отношений в политической сфере. В недавнем детальном обзоре двусторонних отношений за период 1995–2021 гг. исландские ученые Б. Торхальтсон и С. Гримсдоттир выделяют четыре фазы: сближение (1995–2007 гг.), поиск Исландией помощи для выхода из кризиса (2008–2015 гг.), постепенный отход от поиска помощи (2015–2017 гг.) и застой (с 2017 г.). Последняя фаза, по мне-

¹ Iceland: What is China doing there and why. Clingendael Report. 06.2020. URL: <https://www.clingendael.org/pub/2020/presence-before-power/3-iceland-what-is-china-doing-there-and-why/> (дата обращения: 11.12.2022).

² Remarks by the Vice President in a Press Gaggle in Reykjavik, Iceland. 04.09.2019. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-vice-president-press-gaggle-reykjavik-iceland> (дата обращения: 11.12.2022).

нию авторов, стала следствием не только давления США и стран Европы, но и разочарования Исландии объемом полученных инвестиций и сотрудничеством в научной сфере [Thorhallsson, Grimsdottir, 2022].

Основной причиной отсутствия активных прорывов в экономической и политической сферах стали в большей степени пандемийные ограничения. В течение 2020–2022 гг. бизнесмены и официальные представители могли взаимодействовать только онлайн, хотя и тогда проводились совместные заседания рабочих групп по имплементации Соглашения о свободной торговле, а руководство КНР не забывало обмениваться теплыми посланиями с исландскими коллегами¹. После снятия ограничений в конце 2022 г. появились первые признаки возврата Китая в Исландию. В октябре 2022 г. первая группа из шести исследователей прибыла на полярную станцию Картхолл после трехлетнего отсутствия².

В дополнение к обзору политических, экономических и научных аспектов сотрудничества Пекина и Рейкьявика требуется сказать, что в обеих странах наблюдается позитивное отношение к развитию двусторонних отношений. Китайские СМИ активно обсуждают и анализируют успехи Исландии в европейском футболе. Исландия остается популярным направлением для китайских студентов и туристов: в 2019 г. (до пандемии *COVID-19*) количество туристов из Китая на острове составило 139 тыс. человек – рост в пять раз с 2014 г.³ Несколько тысяч китайских студентов прошли курс исландского языка в Пекинском университете иностранных языков⁴. Можно ожидать роста показателей по туризму и студенческим обменам уже в 2023 г. В Исландии, как показывают недавние социологические исследования, отношение к КНР и китайцам позитивное [Huijbens, 2015]. Эти факторы будут способствовать дальнейшему укреплению отношений между государствами.

Планы и прогнозы

В ближайшие годы основные усилия КНР в области укрепления взаимодействия с Исландией будут более интенсивными, чем в последние три года. Они будут сосредоточены на следующих направлениях:

¹ Xi says China to push for new progress in relationship with Iceland. China Daily. 08.12.2021. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202112/08/WS61b07dc8a310cdd39bc7a29c.html> (дата обращения: 11.12.2022).

² Lipin M. China Begins to Revive Arctic Scientific Ground Projects After Setbacks. VOA News. 05.12.2022. URL: <https://www.voanews.com/a/china-begins-to-revive-arctic-scientific-ground-projects-after-setbacks-/6860756.html> (дата обращения: 11.12.2022).

³ Minutes of the 4th China-Iceland FTA Joint Committee Virtual Meeting. 18.12.2020. URL: [http://fta.mofcom.gov.cn/iceland/xieyi/Minutes%20of%20the%204th%20CIFTA%20Virtual%20Meeting\(20210210\)-final.pdf](http://fta.mofcom.gov.cn/iceland/xieyi/Minutes%20of%20the%204th%20CIFTA%20Virtual%20Meeting(20210210)-final.pdf) (дата обращения: 11.12.2022).

⁴ Alexander J., Yang Sh., Zhang D. China is Now the Second Largest Supplier for Iceland. iChongqing. 29.07.2022. URL: <https://www.ichongqing.info/2022/07/29/china-is-now-the-second-largest-supplier-for-iceland-dialogue-with-diplomats/> (дата обращения: 11.12.2022)

- 1) создание инфраструктуры для китайских торговых и научно-исследовательских (в т. ч. ледокольных) судов в исландских портах, строительство и реконструкция портовых мощностей на острове;
- 2) интенсификация совместных научно-исследовательских проектов по исследованию Арктики, в т. ч. разведка полезных ископаемых на шельфе Северного Ледовитого и в северной части Атлантического океана;
- 3) активизация сотрудничества в рамках арктических международных организаций, в т. ч. АС и форума «Полярный круг».
- 4) наращивание экономического и финансового сотрудничества, инвестиционных вложений компаний КНР в энергетику, коммуникации, туристическую инфраструктуру острова;
- 5) конвертация Китаем научных и экономических связей в военно-политические в рамках совместных проектов в области региональной и арктической безопасности, полицейских технологий.

Основное противодействие будет исходить от США, Канады и, вероятно, Дании, которая с недоверием относится к деятельности Исландии в Арктике. Следует ожидать более интенсивного вмешательства Вашингтона во внешнюю политику Рейкьявика, давления на остров через структуры НАТО. Сложно сказать, какие формы может принять противостояние КНР и США в Арктике, но очевидно, что Исландия будет одним из важных факторов в этом процессе.

В то же время можно с уверенностью предполагать, что сближения между ЕС и Исландией в ближайшее время не произойдет: на сегодняшний день на фоне сотрудничества с КНР остров в этом не заинтересован, особенно в условиях стагнации в европейской экономике. Это, разумеется, облегчает для Пекина шаги по дальнейшему закреплению в Северной Европе через Исландию.

Выводы

Тема сближения Китая и Исландии обретает особенную важность и остроту в текущей геополитической ситуации обострения политических и военно-технологических противоречий между США и КНР в глобальной перспективе. В условиях, когда Соединенные Штаты намерены создать сеть военно-политических союзов вдоль морских границ Китая (см. подробнее [Бабаев, 2023]), Пекин стремится не только обезопасить рубежи, но и сделать несимметричные шаги, выходя на сотрудничество с небольшими государствами, имеющими важное геостратегическое положение недалеко от границ США и их союзников.

Этим стратегическим интересам соответствует выбор Исландии как важного партнера Китая в Арктическом и Атлантическом регионах. Однако в последние годы начинается ослабление взаимного интереса двух стран. Важно учесть, насколько выход КНР из изоляции вследствие пандемии будет способствовать возвращению к исландскому вектору внешней политики. Скорее всего, руководство КНР понимает, что в ситуации выбора стратегического партнера между США и Китаем исландские власти предпочтут первых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабаев К.В. (2023) Вся 'Индо-тихоокеанская' рать: система военно-политических союзов США в Индийском и Тихом океанах. *Контурь глобальных трансформаций*. Т. 16, № 1. В печати.

Криворотов А.К. (2013) Арктическая активизация Китая: взгляд из Скандинавии. Китай в мировой и региональной политике. *История и современность*. № 18. С. 158–192.

Кучерявый А.Ю. (2021) *Взаимодействие КНР и Исландии в Арктике в XXI веке*. День науки: Материалы XXX научной конференции Амурского государственного университета. Амурский государственный университет, Благовещенск. С. 226–227.

Лэй Ш. (2021) Позиционирование Китая в Арктике: эволюция концепций и механизмы продвижения. *Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. Т. 24. № 4. С. 99–110. DOI: 10.24866/1813-3274/2021-4/99-110

Николаев Н.А. (2016) Сотрудничество Китая и Исландии в Арктике. Арктика XXI век. *Гуманитарные науки*. № 2(8). С. 57–66.

Петровский В.Е. (2020) Стратегия России и Китая в Арктике: сравнительный анализ. *Китай в мировой и региональной политике*. *История и современность*. № 25. С. 154–167. DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10009

Петровский В.Е., Филиппова Л.В. (2022) *Россия и Китай в Арктике*. Весь мир, Москва. 168 с.

Погодин С.Н., Ван Ц. (2017) Арктическое сотрудничество Китая со странами Северной Европы. *Евразийский юридический журнал*. № 2 (105). С. 279–283.

Слободчикова С.Н., Абрамович М.М. (2022) Арктическая политика Китая: публично-правовые аспекты. *Право и государство: теория и практика*. № 1(205). С. 102–104. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_1_102

Тулупов Д. (2013) Членство Китая в Арктическом совете. РСМД. 19.06. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chlenstvo-kitaya-v-arkticheskom-sovete/> (дата обращения: 19.06.2013).

Conley H.A. (2012) *A New Security Architecture for the Arctic. An American Perspective*. A Report of the CSIS Europe Program. 17.01. Center for Strategic and International Studies, Washington, USA. 44 p.

Gunnarsson T., Nielsson E. (2019) An Icelandic Perspective. *Nordic – China Cooperation: Challenges and Opportunities*. Ed. by A.B. Forsby. NIAS Reports. No. 52. P. 87–94.

Guschin A. (2015) China, Iceland and the Arctic. *The Diplomat*. 20.05. URL: <https://thediplomat.com/2015/05/china-iceland-and-the-arctic> (accessed: 20.05.2015).

Hauksdottir G.R.Th. (2019) *Pressure in the Arctic: China-Iceland Relations in the Era of U.S.-China Rivalry*. Institute for Security and Development Policy. 04.12. URL: <https://www.isdp.se/pressure-in-the-arctic-china-iceland-relations/> (accessed: 04.12.2019).

Nielsson E.T., Hauksdottir G.R.Th. (2020) Kina, investeringer og sikkerhetspolitikk: Politikk og perspektiver i Norden – Island. *Internasjonal Politikk*. No. 78(1). P. 68–78. DOI: 10.23865/intpol.v78.2075

Thorhallsson B., Grimsdottir S. (2022) *Lilliputian Encounters with Gulliver: Sino-Icelandic Relations from 1995 to 2021*. Institute of International Affairs, Reykjavik, Island. 33 p.

Wu F. (2022) Shaping China's Engagement with the Arctic: Nationalist Narratives and Geopolitical Reality. *Journal of Contemporary China*. 15.09. DOI: <https://doi.org/10.1080/10670564.2022.2124353>

Iceland and China: Strategic Partnership in the Arctic and Euro-Atlantic

K.V. Babaev*

Doctor of Sciences (Philology)

*Acting Director Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences;*

*Director of the Center for International Projects of the Financial University
under the Government of the Russian Federation*

32, Nakhimovsky pr., Moscow, Russia, 117218

***E-mail:** kbabaev@iccaras.ru **ORCID:** 0000-0001-5731-8667

Abstract. The article analyses the development of China-Iceland relations which led to a full-scale political and economic partnership between the two countries, the current issues in Chinese policies towards Iceland, its plans to use the island as a starting point for expansion in Europe, Atlantic and Arctic regions. The paper explores the interests of the two states, stages of development of their relations, recent development with China's return to Iceland after three years of the pandemic, and Chinese intentions to enhance the partnership in order to extend its influence in Arctics and Euro-Atlantics. This analysis sheds light on the Chinese policy in the Arctic which is important for the future of Russo-Chinese relations in the region, and on how the Chinese entrenchment in Northern Europe may change the balance of power and interest not only in the Arctic, but in the Euro-Atlantic region. The article reveals that China, as a non-Arctic state, is striving to intensify cooperation with Iceland, but the relations in recent years have begun to sour both due to the pressure from the United States and the EU, as well as pandemic restrictions. Despite Iceland's tense relations with the European partners and the United States and the active assistance of China, in the future Iceland may be inclined to choose the United States as a strategic partner.

Key words: China in Arctics, China-Iceland relations, China Arctic policy, Northern Sea Route, geothermal energy, China-Europe relations.

DOI: 10.31857/S0201708323020031

EDN: oucpia

REFERENCES

- Babaev K.V. (2023) Vsja 'Indo-tihookeanskaja' rat': sistema voenno-politicheskikh sojuzov SShA v Indijskom i Tihom okeanah [The whole 'Indo-Pacific' army: the system of US military-political alliances in the Indian and Pacific Oceans], *Kontury global'nyh transformacij*, 16(1). In press. (In Russian).
- Conley H.A. (2012) *A New Security Architecture for the Arctic. An American Perspective*, A Report of the CSIS Europe Program, 17.01, Center for Strategic and International Studies, Washington, USA, 44 p.
- Gunnarsson T., Nielsson E. (2019) An Icelandic Perspective, in Forsby A.B. *Nordic – China Cooperation: Challenges and Opportunities*, NIAS Reports, 52, pp. 87–94.
- Guschin A. (2015) China, Iceland and the Arctic, *The Diplomat*, 20.05. URL: <https://thediplomat.com/2015/05/china-iceland-and-the-arctic> (accessed: 20.05.2015).

Hauksdottir G.R.Th. (2019) *Pressure in the Arctic: China-Iceland Relations in the Era of U.S-China Rivalry*, Institute for Security and Development Policy, 04.12. URL: <https://www.isdp.se/pressure-in-the-arctic-china-iceland-relations/> (accessed: 04.12.2019).

Krivorotov A.K. (2013) Arkticheskaia aktivizatsiia Kitaya: vzgliad iz Skandinavii. [China's Arctic Activation: a view from Scandinavia], *Kitai v mirovoi i regional'noi politike, Istoriia i sovremennost'*, 18, pp. 158–192. (In Russian).

Kucheriavyi A.Yu. (2021) *Vzaimodeistvie KNR i Islandii v Arktike v XXI veke*. [Interaction between China and Iceland in the Arctic in the XXI century], *Den' nauki: Materialy XXX nauchnoi konferentsii Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Amurskii gosudarstvennyi universitet, Blagoveshchensk, Russia*. (In Russian).

Lei S. (2021) Pozitsionirovanie Kitaia v Arktike: evoliutsiia kontseptsii i mekhanizmy prodvizheniia [China's positioning in the arctic: evolution of concepts and promotion mechanisms], *Aziatsko-tikhookeanskii region: ekonomika, politika, parvo*, 24(4), pp. 99–110. (In Russian).

Nielsson E.T., Hauksdottir G.R.Th. (2020) Kina, investeringer og sikkerhetspolitikk: Politikk og perspektiver i Norden – Island, *Internasjonal Politikk*, 78(1), pp. 68–78. DOI: 10.23865/intpol.v78.2075

Nikolaev N.A. (2016) Sotrudnichestvo Kitaia i Islandii v Arktike [Cooperation between China and Iceland in the Arctic], *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki*, 2(8), pp. 57–66. (In Russian).

Petrovskii V.E. (2020) Strategiia Rossii i Kitaia v Arktike: sravnitel'nyi analiz [Strategy of Russia and China in the Arctic: comparative analysis]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriia i sovremennost'*, 25, pp. 154–167. (In Russian).

Petrovskii V.E., Filippova L.V. (2022) *Rossii i Kitai v Arktike*. [Russia and China in the Arctic], *Ves' mir*, Moscow, Russia. (In Russian).

Pogodin S.N., Van T. (2017) Arkticheskoe sotrudnichestvo Kitaia so stranami Severnoi Evropy [China's Arctic cooperation with the Nordic countries], *Evraziiskii iuridicheskii zhurnal*, 2(105), pp. 279–283. (In Russian).

Slobodchikova S.N., Abramovich M.M. (2022) Arkticheskaia politika Kitaia: publichno-pravovye aspekty [China's Arctic Policy: Public legal aspects], *Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika*, 1(205), pp. 102–104. (In Russian).

Thorhallsson B., Grimsdottir S. (2022) *Lilliputian Encounters with Gulliver: Sino-Icelandic Relations from 1995 to 2021*, Institute of International Affairs, Reykjavik, Island, 33 p.

Tulupov D. (2013) *Chlenstvo Kitaia v Arkticheskoi sovete* [China's membership in the Arctic Council], *RIAC*, 19.06. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chlenstvo-kitaya-v-arkticheskoi-sovete/> (accessed: 19.06/2013) (In Russian).

Wu F. (2022) Shaping China's Engagement with the Arctic: Nationalist Narratives and Geopolitical Reality, *Journal of Contemporary China*, 15.09. DOI: <https://doi.org/10.1080/10670564.2022.2124353>

УДК 327

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ (1992–2022)

© 2023 ГАРБУЗАРОВА Елена Геннадьевна*

Кандидат исторических наук

*доцент кафедры политологии Кыргызско-Российского Славянского университета
720000, Кыргызстан, г. Бишкек, ул. Киевская 44, ауд. 203*

**E-mail: play_elenag@mail.ru*

Поступила в редакцию 18.11.2022

После доработки 22.12.2022

Принята к публикации 09.02.2023

Аннотация. С момента распада СССР Франция проявляет заинтересованность в выстраивании отношений со странами Центральной Азии по широкому спектру направлений взаимодействия. Франция – одно из первых европейских государств, признавших независимость новых республик. В статье проведен анализ внешнеполитического курса Парижа на этом стратегическом направлении, а также факторов, определяющих интерес к Центральной Азии. В условиях трансформации мирового порядка и глобальной геополитической напряженности Франция стремится стать влиятельным игроком в мировых политических процессах, что побуждает Париж проводить активную внешнюю политику в Центральной Азии. Франция заинтересована в развитии тесного сотрудничества со странами региона в таких сферах, как энергетика и безопасность. Усилия Франции направлены на снижение зависимости стран Центральной Азии от России и Китая. По прошествии тридцати лет во Франции осознали, что в процессе выстраивания международных связей национальная элита государств региона ориентируется на принципы прагматизма, а не на идеологические соображения. По этой причине в центральноазиатской политике Франция не столько апеллирует к либерально-демократическим ценностям, сколько подчеркивает выгоду сотрудничества в сфере экономики. Сделан вывод, что Франция усиливает экономическое измерение внешнеполитического курса в этом регионе с акцентом на расширение сотрудничества с двумя ведущими субъектами региона – Узбекистаном и Казахстаном.

Ключевые слова: Франция, Центральная Азия, Европейский союз, Узбекистан, Казахстан, Таджикистан

DOI: 10.31857/S0201708323020043

EDN: oudqzn

Факторы заинтересованности Франции в странах ЦА

Распад СССР и появление новых независимых государств привлекли внимание Франции, руководство которой поставило цель интегрировать новые республики в мировую политику и экономику. Важнейшей составляющей внешней политики президента Франции Ф. Миттерана было поддержание стабильности и безопасности на пространстве бывшего СССР. Изоляция новых независимых государств могла вызвать деструктивные процессы с долгосрочными последствиями для всей Евразии. Страны ЦА, в отличие от Белоруссии, Украины и государств Закавказья, в силу географической удаленности не входили в планы европейских политиков о будущих границах Европы [Тимофеев, 2013: 87]. Однако это не повлияло на интерес Франции к региону. В условиях геополитических трансформаций Париж стремился содействовать новым республикам в построении основ устойчивой государственности, снижая риски непредсказуемости политических процессов в ЦА.

Франция начала выстраивать двусторонние отношения со странами региона сразу после распада СССР. В 1992 г. были установлены дипломатические отношения со всеми государствами ЦА. В 1993 г. Париж инициировал создание Французского института исследований Центральной Азии (*IFEAC*) с целью получить полное представление о регионе и происходящих там событиях и процессах. Однако отношения Франции и стран ЦА не отличались динамизмом и развивались по инерции. Визит в регион в 1994 г. Ф. Миттерана, призванный усилить экономическое измерение двустороннего сотрудничества, не принес желаемых результатов.

Франция активно участвовала в создании в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия (ЦАЗСЯО) [Guilhaudis, 2008]. В 1997 г. Париж предложил свои рекомендации в проект резолюции о создании ЦАЗСЯО, которые сводились к необходимости учета принципов международного права и обязательному достижению коллективного согласия при создании зоны.

Интерес Франции к сотрудничеству со странами ЦА обусловлен следующими факторами. Во-первых, он связан с политикой Парижа, направленной на диверсификацию маршрутов импорта углеводородов и снижение зависимости от российской нефти. Регион рассматривается как перспективное направление сотрудничества в сфере поставок углеводородов на европейский рынок. Например, активную инвестиционную деятельность в Казахстане осуществляет французская нефтегазовая компания «Тоталь» (*Total*). В 1993 г. она получила долю в размере 16,81% в проекте Кашаган и заняла одно из ведущих мест в нефтяной отрасли Казахстана. В дальнейшем компании удалось приобрести 51,1% доли участия по двум разведочным блокам «Северный» и «Южный» в Актюбинской области (общая площадь – 14,5 тыс. кв. км)¹. Франция также содействовала восстановлению нефтяной отрасли в Узбекистане. В 1997 г. в Бухаре реконструирован нефтеперерабатывающий завод при поддержке французской компании «Текнип» (*Technip*) [Roy, 2011: 194]. Во-

¹ Тоталь в Казахстане. URL: http://kazweld.kz/sites/default/files/kz_weld_brochure_ru.pdf (дата обращения: 06.12.2022)

вторых, Франция, как и другие страны-участницы ЕС, руководствуется геополитическим мотивом сдерживания России [Юн, 2011: 51]. В-третьих, Париж автономно и в рамках общей политики Евросоюза продвигает ценностно-идеологическую повестку в странах ЦА, акцентируя внимание на вопросах соблюдения принципов демократии, прав человека и верховенства закона. В 2005 г. Франция поддержала санкции в отношении Узбекистана, когда Брюссель обвинил Ташкент в нарушении прав человека во время насильственного подавления волнений в Андижане. После этого отношения между двумя странами ухудшились и, как следствие, некоторые французские инициативы, например открытие Французского института исследований Центральной Азии, были свернуты [Peugrouse, 2012]. В 2008 г. Франция, председательствуя в Совете ЕС, запустила проект «Инициатива ЕС по верховенству права для Центральной Азии», реализованный в партнерстве с Германией [Асылбекова, Надежук, 2015: 42]. В-четвертых, стратегическим приоритетом Парижа в регионе является борьба с наркотрафиком. По инициативе президента Ж. Ширака странам ЦА была выделена помощь в рамках программы ТАСИС¹ для борьбы с угрозой распространения наркотиков [Антюхова, 2012: 22]. В мае 2003 г. Франция организовала конференцию на тему «Пути транзита наркотиков: из Центральной Азии в Европу» с участием министров иностранных дел из 55 стран мира. По итогам подписана Парижская декларация, в которой участники проявили готовность «объединить все усилия для укрепления потенциальных возможностей каждой страны для развития партнерских отношений в каждом регионе, для поисков решения этой проблемы во всех ее аспектах»².

Афганский фактор в центральноазиатской политике Франции

В начале XXI в. Франция проявила интерес к военно-политическому сотрудничеству со странами региона, а именно к обеспечению коллективными усилиями (как по линии НАТО, так и в двустороннем формате) региональной безопасности в контексте антитеррористической кампании в Афганистане. Магистральным стало таджикское направление. Благодаря Парижу активизировалось взаимодействие Душанбе с европейскими институтами, которые в 1990-е гг. не проявляли значительного интереса к республике из-за внутривнутриполитической нестабильности. Таджикистан был интересен Франции как удобный стратегический плацдарм. 8 декабря 2001 г. подписано соглашение о размещении в аэропорту Душанбе французских Военно-воздушных сил (до 450 военных) и оборудования. Франция освобождалась от арендной платы взамен модернизации инфраструктуры аэропорта [Кутнаева, 2010: 36]. В декабре 2002 г. подписано Соглашение о сотрудничестве между военными учреждениями Франции и Таджикистана, предусматривающее участие таджикских военных в учениях и мероприятиях в соответствии с планом двустороннего сотрудничества [Шарифзода, 2021: 159].

¹ Программа оказания технической помощи странам СНГ (Technical Assistance for the Commonwealth of Independent States, TACIS). – *Прим. ред.*

² Парижская декларация от 21-22 мая 2003 г. URL: https://www.paris-pact.net/parispact/uploads/res/_legacy/declruss.pdf (дата обращения: 06.12.2022)

В 2009 г. достигнуты соглашения с Кыргызстаном об использовании аэропорта Манас французскими военными служащими и с Казахстаном об обеспечении транзита военного имущества и персонала через территорию последнего¹. В 2012 г. Франция получила возможность использовать аэропорт г. Шымкента как перевалочный пункт для вывоза своего военного имущества из Афганистана и дальнейшей его транспортировки через железнодорожную систему Казахстана в сторону Европы.

Афганский вопрос вернулся в центр внимания межгосударственного сотрудничества в августе 2021 г., после возвращения к власти в Афганистане движения «Талибан»². Первостепенная задача Франции – не допустить превращение Афганистана в прибежище для террористов и радикальных группировок [Charillon, 2021]. Руководствуясь концепцией стрессоустойчивости, Пятая республика принимает активное участие в купировании возможных вызовов и угроз, исходящих с территории Афганистана. Париж на центральноазиатском направлении фокусируется на решении таких проблем, как терроризм, наркотрафик, торговля людьми, и позиционирует себя гарантом стрессоустойчивости национальных государств. Однако Франция экспортирует только 1,5% военных технологий и оборудования в страны ЦА [Heinecke, 2018: 1], что несопоставимо с российскими военными поставками. По данным Федеральной таможенной службы, объемы поставок военной техники из России за первое полугодие 2021 г. составили 35,6 млн долл. в Казахстан и 12 млн долл. в Узбекистан³.

После прихода талибов к власти в Афганистане Франция опасается экспорта угроз безопасности и резкого увеличения потока мигрантов в Европу. Афганский вопрос стал предметом обсуждения Э. Макрона и руководства стран ЦА. Париж выразил готовность к укреплению двустороннего сотрудничества в области обеспечения стабильности и безопасности в регионе. Например, 26 июля 2022 г. Франция приняла участие в Международной конференции по Афганистану, организованной в Ташкенте по инициативе узбекской стороны.

Политика Франции в ЦА в условиях формирования новой геополитической реальности

Формирующаяся геополитическая реальность заметно повлияла на внешнеполитическую активность Франции в ЦА. В новых условиях Париж рассчитывает играть более заметную роль в мировой политике. На фоне напряженных отношений с Россией растет интерес Франции к интенсификации сотрудничества со странами

¹ О подписании Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Французской Республики об обеспечении транзита военного имущества и персонала через территорию Республики Казахстан в связи с участием Вооруженных Сил Французской Республики в усилиях по стабилизации и восстановлению Исламской Республики Афганистан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P090001532> (дата обращения: 29.11.2022)

² Организация признана террористической и запрещена в РФ. – *Прим. ред.*

³ Россия ускорила военные поставки в СНГ из-за кризиса в Афганистане. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/11/2021/617c04fb9a7947019f38427f> (дата обращения: 3.12.2022)

ЦА. Одновременно в регионе усиливается экономическое влияние Китая, что представляет угрозу французским экономическим интересам. Париж стремится, во-первых, снизить геополитическое влияние России; во-вторых, замедлить китайскую экономическую экспансию; в-третьих, укрепить свои региональные позиции, расширив сотрудничество со странами ЦА, в первую очередь с ведущими субъектами – Казахстаном и Узбекистаном, в области энергетического сотрудничества и освоения урановых месторождений и их экспорта во Францию. Париж ищет возможности снизить энергетическую зависимость от Москвы и обеспечить энергетическую безопасность за счет расширения сотрудничества со странами ЦА.

Политическим лидерам государств Центральной Азии, которые предпочитают опираться на концепцию диверсификации внешнеполитических и внешнеэкономических связей, импонирует интерес Парижа к усилению межгосударственного экономического и инвестиционного сотрудничества. Франция рассматривается как одно из направлений многовекторной внешней политики Казахстана и Узбекистана.

При первом президенте Узбекистана И. Каримове франко-узбекские отношения развивались в позитивном ключе. 27 октября 1993 г. был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве. В 1994 г. в Ташкенте создана Межведомственная комиссия по вопросам сотрудничества с Францией с целью координации и оперативной реализации программ двустороннего сотрудничества в политической, научно-технической и культурной областях¹. Во время президентского срока Ш. Мирзиёева франко-узбекские отношения, благодаря инициативной политике Франции, вышли на новый уровень развития. В 2018 г. по приглашению Э. Макрона с официальным визитом в Париж прибыл президент Узбекистана Ш. Мирзиёев. Франция стала первой страной в Европе, которую посетил узбекский политический лидер. Во время встречи Э. Макрон продемонстрировал желание нарастить объемы взаимной торговли, а также реализовать перспективные инвестиционные проекты. На фоне экономической либерализации в Узбекистане растет интерес французских предпринимателей к региону. В рамках двусторонней встречи обсуждалась реализация проектов с такими французскими компаниями, как «Эйрбас» (*Airbus*), «Тоталь» (*Total*), «Винчи» (*Vinci*), «Орано майнинг» (*Orano Mining*), «Тоталь Эрен» (*Total Eren*), «Веолия» (*Veolia*), «Фивс Штейн» (*Fives Stein*), «Буиг» (*Bouygues*), «Ранжис» (*Rungis*) и др.² Итогом двусторонней встречи стало подписание 10 межправительственных и межведомственных документов, а также соглашений и контрактов на сумму свыше 3,4 млрд евро³.

¹ Постановление кабинета министров Республики Узбекистан о создании Межведомственной комиссии по вопросам сотрудничества с Францией от 7 февраля 1994 г. URL: <https://lex.uz/docs/644565> (дата обращения: 04.12.2022)

² По итогам визита Мирзиёева во Францию подписано 10 документов. URL: <https://kun.uz/ru/news/2018/10/09/po-itogam-vizita-mirziyeva-vo-franciu-podpisano-10-dokumentov> (дата обращения: 4.12.2022)

³ Узбекско-Французские отношения: новое измерение (Часть первая). URL: <https://uza.uz/ru/posts/uzbeksko-frantsuzskie-otnosheniya-novoe-izmerenie> (дата обращения: 04.12.2022)

Рубежным этапом во франко-узбекском сотрудничестве стал визит Ш. Мирзиеева в Париж в ноябре 2022 г.¹ По итогам встречи принято совместное заявление в целях развития отношений всеобъемлющего партнерства высокого уровня; подписаны соглашения о стратегическом партнерстве с Французским агентством развития по реализации программы сотрудничества на 2023–2025 гг. и программа сотрудничества между внешнеполитическими ведомствами на период 2023–2024 гг.; достигнуты договоренности по реализации приоритетных проектов торгово-экономического, инвестиционного и финансового сотрудничества на сумму более 6 млрд евро. В настоящее время наметилась тенденция роста товарооборота между двумя странами. С января по сентябрь 2022 г. объем двусторонней торговли увеличился на 5,6% по сравнению с аналогичным периодом и составил более 230 млн долл. Стороны также подписали соглашение о стратегическом партнерстве между компаниями *Orano* и «Навоиуран» о внедрении французской модели для цепи добавленной стоимости в узбекскую атомную промышленность. Это позволит нарастить добычу и переработку урана вдвое к 2030 г., что сделает Францию главным конкурентом России в Узбекистане. Для Ташкента, оценивающего экономическую целесообразность совместного с Москвой проекта строительства АЭС из-за его высокой стоимости, курс на укрепление сотрудничества с Парижем в сфере атомной энергетики может стать наиболее оптимальным.

Узбекистан позиционирует себя сильным и перспективным партнером и региональным лидером, открывающим Франции доступ к интенсификации сотрудничества со всеми странами региона. В преддверии визита Ш. Мирзиеева в Париж в ноябре 2022 г. директор Международного института Центральной Азии А. Насиров опубликовал статью в одном из ведущих французских журналов «Конфликты. Обзор геополитики» (*Conflits. Revue de Geopolitique*), в которой подчеркнул, что «новый Узбекистан сегодня стал своего рода воротами во всю Центральную Азию и предоставляет партнерам уникальную возможность успешно взаимодействовать со всем регионом» [Nasirov, 2022].

Казахстан также является для Франции особым экономическим партнером в регионе. В 2008 г. казахстанско-французские отношения достигли уровня стратегического партнерства. Французские ученые сходятся во мнении, что Казахстан закрепился в качестве регионального лидера [Медеубаева и др., 2022: 276]. Казахстанская политическая элита сформировала образ страны, роль которой имеет ключевое значение в обеспечении европейской безопасности.

Среди стран ЦА Казахстан – лидер в торговых связях с Францией: на него приходится 90% торговли Пятой республики со странами региона². В 2022 г. товаро-

¹ Визит Шавката Мирзиеева во Францию завершился. URL: <https://kun.uz/ru/news/2022/11/23/vizit-shavkata-mirziyoyeva-vo-fransiya-zavershilsya> (дата обращения: 04.12.2022)

² Касым-Жомарт Токаев и Эмманюэль Макрон провели переговоры. URL: <http://president.kz/ru/kasym-zhomart-tokaev-i-emmanuyel-makron-proveli-peregovory-29101420> (дата обращения: 02.12.2022)

оборот между двумя странами составил 2,5 млрд долл.¹ Франция вошла в число крупнейших инвесторов Казахстана: за период с 2005 г. по 2021 г. объем французских инвестиций составил более 17 млрд долл.² Французские компании проявляют заметный интерес к энергетическому сектору Казахстана. Из них две реализуют в стране стратегические проекты: *Total* осваивает нефтяное месторождение Кашаган в Каспийском море, *Orano* специализируется на урановых месторождениях³. Казахстан является одним из главных экспортеров урана и сырой нефти во Францию.

Франция проявляет заинтересованность в выведении сотрудничества с Казахстаном на новый уровень развития. В конце ноября 2022 г. Э. Макрон пригласил К.Ж. Токаева посетить Францию с официальным визитом. В условиях новой геополитической реальности и напряженных отношений с Москвой Париж беспокоится о возможности срыва поставок нефти в Европу по нефтепроводу Каспийского трубопроводного консорциума. По нему Казахстан экспортирует в Европу около 80% нефти. В 2022 г. Россия из-за колеблющегося нейтралитета Казахстана в отношении специальной военной операции на Украине несколько раз останавливала работу Консорциума, поэтому Франция стремится получить гарантии в бесперебойных поставках нефти. Энергетические проекты, реализуемые Францией в Казахстане, стали одним из приоритетных вопросов, обсуждаемых во время вышеуказанной встречи в Париже. По ее итогам подписан ряд двусторонних соглашений в сфере возобновляемых источников энергии, производства зеленого водорода, использования мирного атома, управления водными ресурсами, железнодорожного транспорта и т. д.⁴

Заключение

Сложившаяся геополитическая напряженность в отношениях Запада и России побуждают Францию проводить в ЦА активную политику с акцентом на расширение экономического присутствия. Регион не является приоритетным направлением внешнеполитической деятельности Франции по сравнению со странами Средиземноморья и Африки, традиционно считающимися сферой французских интересов. Однако в условиях трансформации системы международных отношений заметно желание Франции играть более весомую роль в ЦА как в статусе самостоятельного

¹ Казахстан-Франция: как налажены торговые отношения между странами. URL: https://baigenews.kz/kazakhstan-frantsiya-kak-nalazheny-torgovye-otnosheniya-mezhdu-stranami_142814/ (дата обращения: 04.12.2022)

² Казахстан и Франция нацелены на дальнейшее укрепление стратегического партнерства. URL: <https://vecher.kz/kazakhstan-i-frantsiya-natseleni-na-dalneyshee-ukreplenie-strategicheskogo-partnerstva> (дата обращения: 04.12.2022)

³ Экономическое и инвестиционное сотрудничество Казахстана и Франции. URL: <https://articlekz.com/article/19175> (дата обращения: 28.11.2022)

⁴ Совместное коммюнике Французской Республики и Республики Казахстан (Елисейский дворец, 30 ноября 2022 г.). URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/dossiers-pays/kazakhstan/evenements/article/communique-conjoint-entre-la-france-et-le-kazakhstan-elysee-30-11-22> (дата обращения: 02.12.2022)

игрока, так и ведущего участника ЕС. При этом факторы, обуславливающие интерес Парижа к региону в течение трех десятилетий, не изменились. Афганская проблематика и энергоресурсы входят в число приоритетных направлений внешней политики Франции в ЦА. В ближайшей перспективе эти вопросы будут формировать повестку дня в двусторонних отношениях Пятой республики и государств региона, а также в рамках общей стратегии ЕС.

Во внешней политике в ЦА Франция все больше делает акцент на экономическом сотрудничестве, оставляя вопросы прав человека и развития принципов демократии на втором плане. Современный внешнеполитический курс государства в регионе интегрирует как геоэкономические, так и геополитические императивы. Интерес Парижа к укреплению экономического взаимодействия сопровождается желанием оттеснить Россию и Китай.

Франция готова укреплять сотрудничество со странами ЦА, которые добились значительных успехов в экономическом развитии и продолжают курс на политическую модернизацию. Париж фокусируется на сотрудничестве с такими ведущими региональными субъектами, как Узбекистан и Казахстан, обладающими значительным ресурсным потенциалом. На современном этапе именно с этими двумя центральноазиатскими республиками Франции удалось повысить статус отношений, трансформировав сотрудничество с Казахстаном в стратегическое партнерство (2008 г.), с Узбекистаном – во всеобъемлющее партнерство высокого уровня (2022 г.). Внешнеэкономическое взаимодействие с этими странами Париж планирует вывести на более высокий уровень, включая инвестиционное сотрудничество, направленное на реализацию взаимовыгодных проектов. Франция позиционирует себя выгодным экономическим и инвестиционным партнером для стран ЦА, однако у нее нет широких экономических, финансовых и политических возможностей для конкуренции с Россией и Китаем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антюхова Е.А. (2012) Военно-политические взаимоотношения пятой республики и США, сотрудничество с Англией и Германией в Центральной Азии. *Вестник Брянского государственного университета*. № 2–1. С. 18–25.

Асылбекова Ж.М.-А., Надежук Е.А. (2015) Основные характеристики современных интеграционных процессов между государствами центральной Азии и Французской республикой. *Вестник Казахского национального педагогического университета имени Абая*. № 3(24). С. 41–45.

Кутнаева Н. (2010) Иностранные военные базы на территории постсоветской Центральной Азии. *Центральная Азия и Кавказ*. Т. 13. Вып. 2. С. 82–93.

Медеубаева Ж.М., Таштемханова Р.М., Айтмагамбетов Д.Р., Жанбулатова Р.С., Кенжалина Г.Ж. (2022) Исследование внешней политики Республики Казахстан в западноевропейских странах. *Вопросы истории*. № 1–2. С. 266–278. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202201Statyi79

Тимофеев П. (2013) Политика Франции на постсоветском пространстве. *Современная Европа*. № 2(54). С. 86–100.

Шарифзода Ф.А. (2021) Таджикистан и Франция: 30 лет партнеры в унисон. *Историк*. № 2(26). С. 158–170.

Юн С.М. (2011) Сравнительный анализ политики Германии, Великобритании и Франции в Центральной Азии. *Сравнительная политика*. № 4. С. 50–64.

Charillon F. (2021) France's Afghan Lessons. *The Royal United Services Institute for Defence and Security Studies*. 20.08. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/frances-afghan-lessons> (дата обращения: 04.12.2022).

Guilhaudis J.-F. (2008) L'établissement d'une zone exempte d'armes nucléaires en Asie Centrale. *Annuaire français de relations internationales*. Vol. IX. URL: https://www.afri-ct.org/wp-content/uploads/2009/12/39_Guilhaudis_Nuc_Asie_Cent.pdf (дата обращения: 04.12.2022).

Heinecke S. (2018) France and Central Asia – Time for a New Vision? *CIFE Policy Paper*. No. 73. P. 1–5.

Nasirov A. (2022) Renforcement du partenariat en Asie centrale et perspectives de coopération avec la France. *Conflits. Revue de Geopolitique*. 16.11. URL: <https://www.revueconflits.com/renforcement-du-partenariat-en-asie-centrale-et-perspectives-de-cooperation-avec-la-france/> (дата обращения: 04.12.2022).

Peyrouse S. (2012) France and Central Asia. *PONARS Eurasia*. 01.11. URL: <https://www.ponarseurasia.org/france-and-central-asia/> (дата обращения: 04.12.2022)

Roy O. (2011) *The New Central Asia. Geopolitics and the Birth of Nations*. I.B. Tauris, London, UK. 222 p.

The Central Asian Direction of French Foreign Policy (1992–2022)

E.G. Garbuzarova*

Candidate of Science (History)

Associate Professor of the Department

of Political Science of the Kyrgyz-Russian Slavic University

720000, Kyrgyzstan, Bishkek, Kievskaya st. 44, r. 203.

***E-mail:** play_elenag@mail.ru

Abstract. From the moment of the collapse of the USSR to the present days France showed interest in building relations with the countries of Central Asia in a wide range of areas of interaction. France was one of the first European states to recognize the independence of the new republics. The article is aimed to expand knowledge about French policy in Central Asia and the factors that determine the interest of Paris in the Eurasian region. In the context of the transformation of the world order and global geopolitical tensions France's capabilities are narrowing which encourages Paris to pursue a proactive foreign policy on the Central Asian track. At the same time the place of France's ideological and value rhetoric in its foreign policy in the Central Asian countries is gradually occupied by economic reasonability. France's interests in the region are focused on energy resources and Afghan issues. France's efforts are aimed at reducing the dependence of Central Asian countries on Russia and China. It is concluded that France is strengthening the economic dimension of its foreign policy in Central Asia with an emphasis on expanding cooperation with the two leading countries of the region – Uzbekistan and Kazakhstan.

Key words: France, Central Asia, European Union, Uzbekistan, Kazakhstan, Tajikistan.

DOI: 10.31857/S0201708323020043

EDN: oudqzn

REFERENCES

- Antyuhova E.A. (2012) Voenno-politicheskie vzaimootnosheniya pyatoj respubliki i SSHA, sotrudnichestvo s Anglijei i Germaniej v Central'noj Azii [Military-political relations between the Fifth Republic and the United States, cooperation with Britain and Germany in Central Asia], *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2–1, pp. 18–25. (In Russian).
- Asylbekova Zh.M.-A., Nadezhuk E.A. (2015) Osnovnye harakteristiki sovremennyh integracionnyh processov mezhdru gosudarstvami central'noj Azii i Francuzskoj respublikoj [The main characteristics of modern integration processes between the Central Asian States and the French Republic], *Vestnik Kazahskogo nacional'nogo pedagogicheskogo universiteta imeni Abaya*, 3(24), pp. 41–45. (In Russian).
- Kutnaeva N. (2010) Inostrannye voennye bazy na territorii postsovetskoj Central'noj Azii [Foreign military bases on the territory of post-Soviet Central Asia], *Central'naya Aziya i Kavkaz*, 13(2), pp. 82–93. (In Russian).
- Medeubaeva Zh.M., Tashtemhanova R.M., Ajtmagambetov D.R., Zhanbulatova R.S., Kenzhalina G.Zh. (2022) Issledovanie vneshnej politiki Respubliki Kazahstan v zapadnoevropejskikh stranah [Study of the foreign policy of the Republic of Kazakhstan in Western European countries.], *Voprosy istorii*, 1–2, pp. 266–278. (In Russian).
- Timofeev P. (2013) Politika Francii na postsovetskom prostranstve [French policy in the post-Soviet space], *Sovremennaya Evropa*, 2(54), pp. 86–100. (In Russian).
- Sharifzoda F.A. (2021) Tadzhhikistan i Franciya: 30 let partnery v unison [Tajikistan and France: 30 years of partners in unison], *Istoriik*, 2(26), pp. 158–170. (In Russian).
- Yun S.M. (2011) Sravnitel'nyj analiz politiki Germanii, Velikobritanii i Francii v Central'noj Azii [Comparative analysis of the policy of Germany, Great Britain and France in Central Asia], *Sravnitel'naya politika*, 4, pp. 50–64. (In Russian).
- Charillon F. (2021) France's Afghan Lessons, *The Royal United Services Institute for Defence and Security Studies*, 20.08. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/frances-afghan-lessons> (accessed: 04.12.2022).
- Guilhaudis J.-F. (2008) L'establissement d'une zone exempte d'armes nucleaires en Asie Centrale, *Annuaire français de relations internationales*, IX. URL: https://www.afri-ct.org/wp-content/uploads/2009/12/39_Guilhaudis_Nuc_Asie_Cent.pdf (accessed: 04.12.2022).
- Heinecke S. (2018) France and Central Asia – Time for a New Vision? *CIFE Policy Paper*, 73, pp. 1–5.
- Nasirov A. (2022) Renforcement du partenariat en Asie centrale et perspectives de coopération avec la France, *Conflits. Revue de Geopolitique*, 16.11. URL: <https://www.revueconflits.com/renforcement-du-partenariat-en-asie-centrale-et-perspectives-de-cooperation-avec-la-france/> (accessed: 04.12.2022).
- Peyrouse S. (2012) France and Central Asia, *PONARS Evraziya*, 01.11. URL: <https://www.ponarseurasia.org/france-and-central-asia/> (accessed: 04.12.2022).
- Roy O. (2011) *The New Central Asia. Geopolitics and the Birth of Nations*, I.B. Tauris, London, UK.

УДК 327

МОДЕРНИЗАЦИЯ КРИЗИСНОГО РЕАГИРОВАНИЯ НА ГЛОБАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНЫХ УРОВНЯХ

© 2023 **ЩЕРБАК Игорь Николаевич***

Кандидат исторических наук

Отдел европейской безопасности Института Европы РАН

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3

***E-mail:** *inshcherbak@gmail.com*

Поступила в редакцию 21.11.2022

После доработки 26.12.2022

Принята к публикации 09.02.2023

Аннотация. В статье проведен анализ миротворческой практики ООН, ЕС и Африканского союза по использованию новых инструментов кризисного реагирования – специальных политических и стабилизационных миссий и операций. Последние вследствие гибкости и универсальности мандатов способны в перспективе занять место масштабных и многофункциональных операций по поддержанию мира. Внимание уделено рассмотрению проблем, связанных с расширенным использованием стабилизационных миссий ООН и Евросоюзом, которые в основном ориентированы на противодействие террористическим угрозам и обеспечение безопасности в кризисных регионах, а также поддержку правительств принимающих государств. Сделан вывод, что политические и стабилизационные миссии могли бы стать перспективными инструментами кризисного реагирования. Необходимыми условиями для обеспечения их эффективности являются строгое соблюдение Устава ООН в отношении применения силы и отказ от вмешательства во внутренние дела государств.

Ключевые слова: специальные политические и стабилизационные миссии ООН и ЕС, глобальная платформа координации действий ООН, ЕС и других организаций.

DOI: 10.31857/S0201708323020055

EDN: ougbwa

Специальные политические миссии ООН (*Special Political Missions, SPMs*) и стабилизационные операции – относительно новое явление в миротворческой практике ООН, ЕС и других региональных организаций в эпоху новых вызовов международной и региональной безопасности.

Исследование опирается на решения Совета Безопасности ООН, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, доклады Генерального секретаря ООН, документы различных органов ЕС и на работы ведущих исследовательских центров и экспертов. Проблематика политических и стабилизационных операций рассматривается через призму превентивной дипломатии и восстановления устойчивости систем государственного управления и экономики в условиях постконфликтного восстановления. Методологическая база антикризисных инструментов в наибольшей степени проработана структурами ООН и ЕС. Доминирующим объектом практического применения политических и стабилизационных операций и миссий являются кризисные страны и регионы (в этом контексте они рассмотрены в работах Л. Паладины, А. Дзя, В. Варги, а также Международной кризисной группы [Paladini, 2009; Day, 2019; Welter, Varga, 2021; International crisis group, 2023]). В российской научной литературе проблематика недостаточно исследована. В практическом плане не отмечено использование российскими структурами подобных инструментов в качестве самостоятельной модели кризисного реагирования. Как правило, роль политических и стабилизационных операций в общем плане и зачастую в усеченном виде возлагается на миротворческие операции России (последний пример – миротворческая операция России в конфликте на Южном Кавказе), но без включения компонента постконфликтного восстановления.

Проблемы эффективности специальных политических и стабилизационных миссий ООН

Под эгидой департамента Секретариата ООН по политическим вопросам и вопросам миростроительства функционируют около 40 специальных политических миссий при общем бюджете в 780 млн долл. (что составляет стоимость одной из многофункциональных операций по поддержанию мира ООН). *SPMs* относятся к трем основным кластерам: I – специальные представители, советники, представители Генерального секретаря ООН; II – мониторинговые миссии за соблюдением санкций; III – региональные представительства, офисы в поддержку политических процессов.

Гибкость мандатов и структуры специальных политических миссий (отсутствие военного компонента) придает им дополнительную универсальность и востребованность как антикризисных инструментов ООН. *SPMs* могут разворачиваться на любых стадиях конфликтных ситуаций. Их ключевые функции сводятся к посредничеству, предоставлению консультационных услуг национальным правительствам, политическому надзору, раннему предотвращению конфликтных ситуаций, а также мониторингу нарушений прав человека и соблюдения введенных СБ ООН

санкционных режимов, координации международной помощи и содействию в обеспечении защиты гражданского населения¹.

Специальные политические миссии и специальные представители Генерального секретаря ООН уже наработали опыт в предотвращении конфликтов и предоставлении посреднических услуг в целях мирного урегулирования государственных и региональных конфликтов. К позитивным примерам участия *SPMs* в содействии мирному переговорному процессу можно отнести деятельность специального представителя Генерального секретаря ООН в регионе Великих озер по оказанию поддержки сторонам конфликта в реализации Рамочного соглашения о мире, безопасности и сотрудничестве для Демократической Республики Конго (ДРК) и региона 2013 г.

Вклад в решение задач по предотвращению конфликтов внесли политические миссии ООН в тандеме с региональными офисами ООН в регионах Западной и Центральной Африки, а также в Центральной Азии. В частности, Региональный центр по превентивной дипломатии для Центральной Азии обеспечил переговорное сопровождение по урегулированию вспышки межэтнического насилия в Кыргызстане (2010 г.). Отделение ООН для Западной Африки (ЮНОВА) предоставило переговорную платформу для предотвращения потенциального конфликта в Гвинее и обеспечило в сотрудничестве с Африканским союзом мирный переход к конституционному правлению в стране (2009–2010 гг.).

В региональном плане деятельность специальных политических миссий сводилась к следующим параметрам:

- содействие в примирении сторон конфликта (Афганистан, Ирак);
- содействия в организации политического диалога сторон (Ливан, Сомали);
- содействие в организации выборов и предотвращении насилия в ходе выборов (Ливия, Сьерра-Леоне);
- координация гуманитарной и технической помощи (Афганистан, Гвинея-Бисау и страны Ближнего Востока);
- содействие в постконфликтном восстановлении (Бурунди, Ливия, Сомали, Сьерра-Леоне)².

Возникновение *SPMs* соотносится с формированием в ООН концепции превентивной дипломатии. В современном виде она сформулирована в докладе Генерального секретаря ООН Бутроса Гали «Повестка дня для мира. Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира» 1992 г. В нем превентивная дипломатия определена как набор различных действий в целях предотвращения спорных ситуаций, которые могут перерасти в масштабные конфликты.

¹ By 151 Votes in Favour to 2 Against, with 1 Abstention, Fifth Committee Approves \$3.21 Billion Budget for 2021, Concluding Main Part of Seventy-Fifth Session. GA/AB/4362. 30.12.2020. URL: <https://press.un.org/en/2020/gaab4362.doc.htm>; United Nations Political Missions: Report of the Secretary-General. 2015. 27 p. URL: https://peaceoperationsreview.org/wp-content/uploads/2015/07/united_nations_report_secretary_general.pdf (дата обращения: 24.06.2022)

² United Nations Political Missions: Report of the Secretary-General.

В последующих решениях Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН подчеркивалась важная роль политических миссий в предотвращении эскалации конфликта и его возобновления (Резолюция 2282 (2016), принятая Советом Безопасности (о постконфликтном миростроительстве), S/RES/2282(2016); Предлагаемый бюджет по программам на 2020 год. Часть II. Политические вопросы. Раздел 3. Политические вопросы. Специальные политические миссии, Смета расходов на финансирование специальных политических миссий A/RES/74/6 (Sect. 3)/Add.1).

Преимуществом политических миссий является высокая степень адаптации к сложным ситуациям в кризисных странах и регионах. Этим объясняется устойчивая тенденция к увеличению количества *SPMs*. Если в 1993 г. насчитывалось три политических миссии, то в настоящее время их количество приближается к 40. Также прослеживается эволюция политических миссий в сторону многофункциональных инструментов кризисного реагирования с комплексными мандатами (утверждаются, как правило, СБ ООН или резолюциями ГА ООН), которые охватывают как широкие политические задачи, так и вопросы законности и порядка, проведения выборов, прав человека, гуманитарной помощи, разминирования, демобилизации и реинтеграции бывших комбатантов, реформ сектора безопасности.

Другое достоинство политических миссий – возможность трансформации в миссии с широким географическим охватом полевого присутствия при необходимости. Это позволяет задействовать в целях активизации политического процесса диалоговые платформы не только в крупных административных центрах, но и на местах, что значительно повышает эффективность политического урегулирования спорных проблем между сторонами в конфликте.

Несмотря на достоинства *SPMs*, существуют резервы для дальнейшего повышения их эффективности. Ряд экспертов считает, что этому мешает структура департаментов Секретариата ООН, которая на практике разделяет функции миротворчества и политических миссий. Оптимальным является создание единого департамента, объединяющего эти функции. Такой подход может содействовать интеграции всего комплекса политического процесса, связанного с кризисным реагированием ООН, и обеспечить непрерывность операционного сопровождения *SPMs*, в т. ч. в условиях транзита от операций ООН по поддержанию мира (ОПМ) к политическим миссиям [Martin, 2010; Hegre, 2019].

Однако не следует приуменьшать значение классических многофункциональных операций ООН по поддержанию мира. По оценкам специалистов Чикагского университета, ОПМ остается эффективным средством предотвращения и урегулирования кризисных ситуаций, в т. ч. в вопросе затрат на их финансирование. Исследования эффективности операций ООН по поддержанию мира за последние 15 лет показывают, что ОПМ с сильным силовым мандатом (*enforcement mandate*) приводят к снижению масштабов вооруженных конфликтов, способствуют их трансформации в менее значимые и предотвращают возобновление [Hegre, 2019].

В экспертной среде высказывается обоснованная точка зрения, что в перспективе эффективность операций и миссий ООН не будет определяться только способностью организации осуществлять миротворческую деятельность в нынешнем виде. Эффективность в эпоху сетевой модели глобального и регионального миро-

творчества, в которую интегрированы многочисленные международные, региональные, неправительственные и частные организации прежде всего будет зависеть от вклада ООН в координацию и обеспечение широкого стратегического политического взаимодействия всех участников процесса с целью поддержания мира и стабильности в кризисных регионах. Утверждается, что для адекватного реагирования на современные вызовы глобальной и региональной безопасности система ООН и ее инструменты кризисного реагирования должны адаптироваться к новым международным реалиям многополярного мира и создавать необходимый коллективный потенциал кризисного реагирования. Это позволит организации играть объединяющую политическую роль в усилиях на национальном, региональном и глобальном уровнях для политического урегулирования спорных проблем путем переговоров. Речь идет о создании новой модели глобального кризисного управления под эгидой ООН.

Исследователи Чикагского университета также поднимают вопрос о сужении многопрофильных мандатов миротворческих миссий ООН, которые в настоящее время охватывают множество задач: от содействия в организации выборов, оказания гуманитарной помощи, строительства демократических институтов до мониторинга реализации соглашений о мире. Выполнение большей части задач можно закрепить за специальными учреждениями и фондами системы ООН, а также за партнерскими международными и региональными организациями. Проблемы финансирования многопрофильных миссий и операций требуют разворота в сторону ограниченных миссий и операций ООН с концентрацией на решении таких приоритетных задач, как обеспечение политического урегулирования и безопасности, защита гражданского населения в условиях вооруженных конфликтов с целью повысить эффективность [Hegre, 2019].

Экспертное сообщество отмечает, что определенные изменения в функционировании операций ООН в этом контексте уже происходят. В период с 2015 по 2020 гг. из-за сокращения бюджета ОМП и пандемии *COVID-19* произошло снижение количества, численности состава (примерно на четверть) и масштабов. Закрылись три крупнейшие операции по поддержанию мира: ОООНКИ (2017 г.); МООНСГ (2017 г.); МООНЛ (2018 г.)¹. Существенно сократились крупнейшие операции ООН в Дарфуре (ЮНАМИД) и в ДРК (МООНСДРК)². С 2014 г. СБ ООН не выдавал мандаты на новые многофункциональные операции, и стоит вопрос о трансформации оставшихся 12 операций ООН в более компактные и менее затратные политические миссии [Coleman, Williams, 2021].

¹ ОООНКИ – Операция Организации Объединенных Наций в Кот- д’Ивуаре; МООНСГ – Миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити; МООНЛ – Миссия Организации Объединенных Наций в Либерии. – *Прим. ред.*

² ЮНАМИД – Смешанная операция Африканского союза – Организации Объединенных Наций в Дарфуре (*United Nations African Union Mission in Darfur, UNAUMID*); МООНСДРК – Миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Демократической Республике Конго. – *Прим. ред.*

Все более отчетливо прослеживается тенденция к изменению мандатов и целей операций ООН. Доминирующей тенденцией становится преобладание стабилизационных мандатов, которые в основном ориентированы на противодействие террористическим угрозам и обеспечение безопасности в кризисных регионах, а также поддержку правительств принимающих государств [Curran, Hunt, 2020].

Однако ставка ООН на расширение практики стабилизационных миссий и операций может не только подорвать ключевые принципы миротворчества организации (нейтральность, согласие принимающей стороны и минимальное использование силы), но и дискредитировать идею стабилизационных операций. Причина состоит в том, что стабилизационные мандаты интегрированы в антитеррористические национальные доктрины, которые зачастую используются военными режимами в развивающихся странах для ухода от демократического контроля за действиями правящих кругов и соблюдения прав человека [Kenkel, Foley, 2021].

Среди экспертных критических оценок перспектив стабилизационных операций и миссий можно выделить следующие. Во-первых, мандаты таких операций допускают расширенное применение силы в соответствии с Главой VII Устава ООН. Речь идет не только о самообороне или защите гражданских лиц. В стабилизационных мандатах заложена возможность превентивного применения силы для предотвращения актов насилия потенциального агрессора в отношении государственных органов и населения (например, в мандате стабилизационной миссии МООНСДРК разрешалось применять силу для нейтрализации и разоружения повстанческой группировки M23¹).

Во-вторых, стабилизационные миссии неспособны положить конец конфликтам в зонах их развертывания. Их деятельность снижает масштабы и интенсивность вооруженного противоборства и одновременно заинтересованность правящих элит в достижении реального прогресса в завершении конфликта на основе компромисса. Такая ситуация приводит к замораживанию кризисных ситуаций и закрывает возможность успешного завершения стабилизационных миссий.

В-третьих, концепция стабилизационных операций по ряду параметров противоречит доктрине миротворчества ООН и принципу нейтральности миротворческих операций. Миссии ориентированы на приоритетную поддержку правительств, а не на сбалансированную позицию по отношению ко всем сторонам в конфликте [De Coning et al., 2017].

Контуры дальнейшей стратегии ООН в отношении миротворческих операций обозначены в докладе Генерального секретаря «Наша общая повестка дня» 2021 г. Речь идет о таких приоритетных задачах, как стабилизация международной безопасности, снижение стратегических рисков, усиление международной системы контроля над вооружениями, инвестирование в предотвращение конфликтов и постконфликтное восстановление, поддержка региональных инициатив по предотвращению конфликтов.

В качестве новой задачи обозначено принятие мер по предотвращению угроз территориальной целостности государств в результате климатических изменений и

¹ «Движение 23 марта». – Прим. ред.

урегулированию ситуаций с потоками экологических беженцев¹. Новые вызовы глобальной и региональной безопасности требуют адаптации миротворческих операций и миссий ООН к меняющимся условиям и применения инновационных методов и концепций миротворчества. В этом контексте речь идет о рисках безопасности в связи с климатическими изменениями, урбанизацией и распространением новейших технологий. ОПМ должны разработать меры эффективного предотвращения конфликтов, направленные на нейтрализацию дезинформации, используемую противоборствующей стороной для разжигания кризисных ситуаций и дискредитации ООН [Hirblinger, 2020].

В среднесрочной и долгосрочной перспективе ОПМ сохраняют важное значение как наглядный символ международного сотрудничества и глобального управления кризисными ситуациями. Международный опыт подтверждает, что операции ООН продолжают демонстрировать высокую степень адаптации к новым вызовам глобальной безопасности и рассматриваться ведущими региональными организациями как эффективный и перспективный инструмент кризисного реагирования [Osland, Mateja, 2021].

Важную роль в дальнейшей эволюции миротворческих операций ООН играют параметры взаимодействия организации с Евросоюзом, который активно участвует самостоятельно или в сотрудничестве с ООН в миротворческих операциях в кризисных регионах. С 2003 г. ЕС принял участие в 25 миротворческих операциях. Большинство из них осуществлялось в регионах, где были развернуты миротворческие операции и политические миссии ООН². Совместное участие в миротворческих операциях определяет оптимальные формы сотрудничества в этой сфере между организациями. Показателен в этом контексте опыт проведения совместных операций ООН и ЕС в ДРК (2003–2008 гг.).

Обострение межгосударственных противоречий в 2022 г. на фоне специальной военной операции России на Украине (СВО) и тлеющими конфликтами на региональном и страновом уровне в Азии (Афганистан), на Южном Кавказе (Армения, Азербайджан), на Среднем Востоке (Сирия, Северный Йемен) и в Африке (зона Гвинейского Залива, Мали, ДРК) показали наличие серьезных проблем в антикризисной деятельности ООН и ее механизмах, несмотря на то что организация продемонстрировала стрессоустойчивость к масштабным кризисным ситуациям и активную вовлеченность Совета Безопасности в урегулировании обозначенных региональных конфликтов. Антикризисный потенциал ООН оказался значительно ослабленным не только в результате социально-экономических и финансовых последствий пандемии и СВО, но и в силу значительного обострения геополитических разногла-

¹ Our Common Agenda – Report of the Secretary-General. N.Y. United Nations. 2021. URL: https://www.un.org/en/content/common-agenda-report/assets/pdf/Common_Agenda_Report_English.pdf (дата обращения: 17.08. 2022)

² EU-UN Cooperation in Military Crisis Management Operations: Elements of the Implementation of the EU-UN Joint Declaration. Adopted by the European Council (17-18 June 2004). URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2004_2009/documents/dv/eu_un_cooperat/_eu_un_cooperat_en.pdf (дата обращения: 25.08.2022)

сий между Россией и западными странами вокруг принципиальных вопросов международной безопасности и многополярного устройства современных международных отношений. Эти обстоятельства негативно повлияли на эффективность реагирования СБ ООН на украинский кризис. Однако антикризисная деятельность не была парализована, как это происходило в годы холодной войны. Более того, ООН, несмотря на отсутствие консенсуса по решению украинского кризиса, продолжает держать в фокусе приоритетов многочисленные другие проблемы, связанные с вызовами глобальной и региональной безопасности, оказанием гуманитарной и технической помощи постконфликтным регионам и странам, изменением климата и нераспространением оружия массового уничтожения.

При содействии ООН и Генерального секретаря удалось согласовать договоренности России, Украины и ряда заинтересованных государств и международных организаций по проблемам, связанным с ходом конфликта (обмен военнопленных в связи со сдачей «Азовстали», возобновление экспорта зерна из портов Украины, обеспечение безопасности Запорожской атомной электростанции).

Это подтверждает, что ООН продолжает играть важную роль в поддержании международного мира и безопасности в условиях современных вызовов и ее уникальный антикризисный потенциал позволяет активно участвовать в управлении сложнейшими кризисными ситуациями и их урегулировании. Кроме того, ООН в силу своего положения имеет возможность использовать координационные механизмы и объединять свои усилия с другими влиятельными региональными и международными организациями в интересах предотвращения и урегулирования кризисных ситуаций.

Вместе с тем антикризисный потенциал ООН и соответствующие инструменты и доктрины нуждаются в обновлении из-за неспособности урегулировать международные кризисы, включая украинский кризис, который затрагивает как проблемы глобальной, так и международной безопасности. В экспертной среде существует точка зрения, что в данной ситуации ООН следует концентрироваться не на проведении глубинных реформ, а на усилиях по урегулированию комплексных кризисных ситуаций и оптимизации имеющихся механизмов и инструментов кризисного реагирования в контексте современных вызовов глобальной безопасности¹.

Новые подходы ООН к предотвращению и урегулированию комплексных кризисных ситуаций должны быть изложены в готовящемся докладе Генерального секретаря ООН Антонио Гутьерреса «Новая повестка дня для мира» (выход доклада планируется к середине 2023 г.; он приурочен к подготовке Саммита будущего в 2024 г.). Приоритет в документе будет уделяться стратегическим рискам в современной системе международных отношений. К ним относятся межгосударственные вооруженные конфликты с участием ядерных держав, угрозы распространения и применения ядерного оружия, факторы нестабильности Глобального Юга, включая

¹ Ten Challenges for the UN in 2022–2023. International Crisis Group. 14.09.2022. URL: <https://www.crisisgroup.org/b8-united-states/ten-challenges-un-2022-2023> (дата обращения: 25.08.2022)

последствия климатических изменений и распространения обычных вооружений, а также информационных войн¹.

Приоритеты сотрудничества ООН с ЕС и АС в антикризисном управлении на региональном уровне

Можно ожидать, что в докладе Генерального секретаря ООН на фоне украинского конфликта дальнейшее развитие получит концепция предотвращения конфликтов на региональном уровне и повышения эффективности системы контроля над вооружениями, а также коллективных механизмов региональной и глобальной безопасности.

На данном этапе приоритетным становится вопрос о повышении эффективности сотрудничества ООН и Африканского союза (АС) путем возложения на последнего большей ответственности за координацию деятельности комплексных стабилизационных операций с национальными властями в регионе. При этом важно обеспечить в этом процессе главенствующую роль африканских государств, исходя из принципа «африканским проблемам – африканское решение».

Одним из вариантов решения может быть также модель совместного финансирования ООН и АС. Модель совместного финансирования операций Африканского союза обсуждается в СБ ООН и на ГА ООН на основе формулы 25/75 (75% – доля финансирования из регулярного бюджета ООН; 25% – АС). Достижение компромисса затягивается из-за разногласий западных стран и группы африканских стран по вопросам командования и контроля операций Африканского союза, а также финансовой отчетности. Западные страны считают, что ведущую роль в этой сфере должен играть СБ ООН. Кроме того, ведущие западные плательщики в бюджеты ОПМ (регулярный и добровольный) опасаются, что это создаст прецедент для требований других региональных организаций финансирования со стороны ООН в условиях нарастающих проблем у стран-доноров со взносами (ежегодный размер взносов государств-членов ООН в бюджеты ОПМ уже превышает 6 млрд долларов) [International Crisis Group, 2020].

Вследствие усиления масштабов кризисных ситуаций в различных регионах мира особое значение приобретает сотрудничество ООН и Евросоюза в рамках стратегического партнерства. Основные направления углубленного сотрудничества ЕС с ООН на период 2022–2024 гг. обозначены в заключениях Совета ЕС от 24 января 2022 г. и коррелируют с приоритетами, изложенными в докладе «Наша общая повестка дня». Они сводятся к следующим ключевым положениям:

- сокращение стратегических рисков;
- инвестирование в предотвращение кризисов, в т. ч. на региональном уровне;
- продолжение тесного сотрудничества по вопросам безопасности в СБ ООН, а также по совместному реагированию на вызовы, связанные с деградацией окружающей среды, информационными войнами и кибербезопасностью;

¹ Ten Challenges for the UN in 2022–2023...

– поддержка линии ООН на признание ключевой роли политического решения конфликтных ситуаций и необходимости оперативного перехода от раннего предупреждения конфликтов к конкретным действиям с целью их устойчивого и мирного урегулирования;

– расширение сотрудничества с ООН как на уровне штаб-квартир организаций, так и в поле с целью повысить эффективность операций и миссий обеих организаций, включая предоставление материально-технических ресурсов и поддержки полевым операциям ООН и ЕС в рамках Соглашения между ними о взаимной поддержке (19 ноября 2020 г.)¹.

В настоящее время 13 из 17 миссий/операций ЕС проводится параллельно с ООН (крупнейшие из них – ЕВЛЕКС и МООНК в Косово; *EUCAP Sahel Mali* в Мали; *EUTM* и МИНУСКА в ЦАР; *EUCAP Somalia* и МООНСОМ в Сомали; *EUBAM Libya* и МООНПЛ в Ливии²).

В экспертной среде существует мнение, что в связи с нарастанием конфронтационных тенденций в международной обстановке на фоне украинского кризиса первоочередное внимание должно уделяться повышению эффективности международных механизмов, ответственных за глобальное управление кризисами и смягчение их последствий для мировой экономики и международной стабильности. Речь прежде всего идет о механизмах по управлению рисками для глобальной экономики, возникающими в результате чрезвычайных событий – пандемий, классических войн и стихийных бедствий.

Такой разворот системы глобального управления и связанных с ней международных организаций объясняется тем, что кризис вокруг Украины на фоне кардинальных противоречий между постоянными членами СБ ООН выявил уязвимость нынешней системы в предотвращении кризисных ситуаций, а также скоординированного ее реагирования на вызовы глобальной и региональной стабильности. Вследствие сужения возможностей системы ООН логичным выглядит переход на решение сопутствующих задач – смягчить последствия конфликтов и не допустить их дальнейшего обострения. В этих условиях будет повышаться роль гуманитарных международных организаций, например Международного комитета Красного Кре-

¹ Council conclusions on taking the UN-EU strategic partnership on peace operations and crisis management to the next level: Priorities 2022-2024. 26 January 2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/53958/st05451-en22.pdf> (дата обращения: 14.09.2022)

² ЕВЛЕКС (*EULEX*) – Миссия Европейского союза по вопросам правопорядка в Косово; МООНК – Миссия Организация Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово; *EUCAP Sahel Mali* – *European Mission for Capacity Building in Mali* (Миссия Европейского союза по наращиванию потенциала в Мали); *EUTM* – *European Union Training Mission* (Военно-тренировочная миссия ЕС); МИНУСКА – Многопрофильная комплексная миссия Организация Объединенных Наций по стабилизации в Центрально-африканской Республике; *EUCAP Somalia* – Миссия по наращиванию потенциала Европейского союза в Сомали; МООНСОМ – Миссия Организации Объединенных Наций по содействию Сомали; *EUBAM Libya* – *European Union Border Assistance Mission in Libya* (Миссия Европейского Союза по приграничной помощи); МООНПЛ – Миссия Организации Объединенных Наций по поддержке в Ливии. – *Прим. ред.*

ста, а также таких организаций, как Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Всемирная продовольственная программа ООН, Международное агентство по атомной энергии. На это указывает то, что приоритетными в деятельности ООН в контексте конфликта на Украине стали его гуманитарные аспекты – посредническая роль Генерального секретаря ООН в достижении сделки по поставкам продовольствия и удобрений на мировые рынки с целью не допустить продовольственного кризиса, а также обеспечить безопасность Запорожской АЭС.

В качестве альтернативы международной системе кризисного реагирования в недавнем докладе Генерального секретаря ООН «Наша общая повестка дня» выдвигается идея создания глобальной платформы чрезвычайного реагирования на комплексные кризисные ситуации в рамках ее реформирования. Такая платформа в перспективе может объединить различные группы стран: от постоянных членов СБ ООН до ведущих международных и региональных организаций (*G20*, *G7*, ОБСЕ и т.д.)¹. На ее базе возможно разработать свод мер доверия, обеспечивающих транспарентность военной деятельности различных стран и региональных объединений в целях раннего предотвращения потенциальных вооруженных конфликтов.

Заключение

Политические и стабилизационные миссии ООН и Евросоюза становятся перспективной альтернативой классическим ОПМ в силу высокой адаптации первых к современным вызовам глобальной и региональной безопасности и стабильности. Их преимущество связано с гибкостью мандатов и возможностью оперативного развертывания в кризисных регионах практически на любой стадии конфликтного цикла как для целей предотвращения конфликтов, так и для их мирного урегулирования и стабилизации этапа постконфликтного восстановления.

Доминирующей тенденцией становится преобладание стабилизационных мандатов в операциях ООН и ЕС. Необходимыми условиями для их эффективности являются строгое соблюдение Устава ООН в отношении применения силы и невмешательство во внутренние дела государств. Координационную роль в плане мобилизации международных усилий на урегулирование конфликтов могла бы взять на себя глобальная платформа в составе ООН, ОБСЕ, *G20*, ОДКБ, АС, созданная в целях совместного чрезвычайного реагирования на комплексные кризисные ситуации. Однако реализация этой идеи может быть возможной только при условии отказа коллективного Запада от конфронтации с Россией и переходу к использованию мирных средств для разрешения международных споров и конфликтов на основе взаимного уважения и баланса легитимных интересов. Укреплению региональной безопасности может также способствовать создание диалоговых платформ по проблемам предотвращения и мирного урегулирования конфликтных ситуаций прежде всего в регионах с высоким потенциалом конфликтных ситуаций – на Ближнем Востоке, в Персидском Заливе, на Балканах и т.д.

¹ Our Common Agenda.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Coleman K.P., Williams P.D. (2021) Peace operations are what states make of them: Why future evolution is more likely than extinction. *Contemporary Security Policy*. Vol. 42. Issue 2. P. 241–255. DOI: <https://doi.org/10.1080/13523260.2021.1882802>.

Curran D., Hunt C.T. (2020) Stabilization at the expense of peacebuilding in UN peacekeeping operations. More than just a phase? *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. Vol. 26. Issue 1. DOI: <https://doi.org/10.1163/19426720-02601001>.

Day A. (2019) *UN Transitions, Improving Security Council Practice in Mission Settings*. United Nations University, Centre for Policy Research, New York, USA. 125 p.

De Coning C., Aoi Ch., Karlsrud J. (ed.) (2017) *UN Peacekeeping doctrine in a New Era*. Routledge. 364 p.

Hegre H., Hutman L., Nygard H.M. (2019) Evaluating the Conflict – Reducing Effect of the UN Peacekeeping. *The Journal of Politics*. Vol. 81. No. 1. P. 215–232. DOI: <https://doi.org/10.1086/700203>.

Hirblinger A.T. (2020) *Digital inclusion in peacemaking: a strategic perspective*. CCDP Working Paper No. 14. Graduate Institute of International and Development Studies, Centre on Conflict, Development and Peacebuilding, Geneva, Switzerland. URL: https://repository.graduateinstitute.ch/record/298396?_ga=2.204266646.741269618.1678654782-1299010772.1678654782 (accessed: 25.08.2022).

International crisis group (2020) *The Price of Peace: Securing UN Financing for AU Peace Operations*. Africa Report No. 286. 31.01. Brussels, Belgium. 32 p. URL: https://icg-prod.s3.amazonaws.com/286-price-of-peace-un-au-financing_0.pdf (accessed: 10.09.2022)

International crisis group (2023) *Averting a New War between Armenia and Azerbaijan*. Europe Report No. 266. 30.01. Brussels, Belgium. 26 p. URL: https://icg-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/2023-01/266-averting-war-armenia-and-azerbaijan_0.pdf (accessed: 30.01.2023)

Kenkel K.M., Foley C. (2021) Responding to the crisis in the United Nations peace operations. *Contemporary Security Policy*, Vol. 42. Issue 2. P. 189–196. DOI: <https://doi.org/10.1080/13523260.2021.1899543>.

Martin I. (2010) All Peace Operations are Political: a Case for Designer Missions and the Next UN Reform. *Review of Political Missions 2010*. Center on International Cooperation, N.Y., USA. P. 8–14. URL: https://peaceoperationsreview.org/wp-content/uploads/2015/04/2010_rpm_all_peace_political_martin.pdf (accessed: 06.07.2022)

Osland K.M., Mateja P. (2021) UN peace operations in a multipolar order. *Contemporary Security Policy*. Vol. 42. Issue 2. P. 197–210. DOI: <https://doi.org/10.1080/13523260.2021.1898166>.

Paladini L. (2009) *The European's Peace Mission in the United Nations Collective Security System*. European University Institute, Fiesole, Italy. 41 p. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/13016/RSCAS_2009_71.pdf?sequence=2&isAllow ed=y (accessed: 25.08.2022)

Welter M., Varga A. (ed.) (2021) *International Law and Peace Settlements*. Cambridge University Press. 323 p. DOI: 10.1017/9781108627856.

Modernisation of Crisis Response at Global and Regional Levels

I.N. Shcherbak*

Candidate of Sciences (History)

*Leading Associate of the Department of European Security
at the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences
11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009*

***E-mail:** *inshcherbak@gmail.com*

Abstract. The author examines the peacekeeping practice in terms of new instruments of crisis response (special political and stabilization missions and operations) used by the UN, the EU and OAU. The study focuses on the problems connected with the extended use of the UN and EU's stabilization operations aimed at combating terrorism, assuring security in the crisis regions, as well as with the provision of assistance to the host countries. It is revealed that political and stabilization missions could become prospective instruments of crisis response due to their maximum adaptation to modern challenges of global and regional security and stability. High level of coordination among UN, EU and other regional organizations in planning and implementation of these operations is a necessary precondition for effectiveness of these missions and operations. Creation of a global platform for joint operative response to extraordinary and complex crisis situations comprising the UN, EU, OSCE G20 and other regional organizations could be a major step in this respect. The platform could be also used for the development of confidence-building measures providing a high degree of transparency in military activities of different states and regional organizations; for prevention of conflicts and reaching a diplomatic solution. Establishing regional platforms for regulation of local conflicts in the regions with a high probability of crisis situations like the Middle East, the Persian Gulf, Africa, Afghanistan and the Central Asia, the Far East could also contribute to global security and stability.

Key words: special political and stabilization missions and operations of UN EU, classical peacekeeping operations, global platform of coordination of crisis response activities of UN, EU, G-20 and other regional organizations to the challenges to global and regional security and stability.

DOI: 10.31857/S0201708323020055

EDN: ougbwa

REFERENCES

Coleman K.P., Williams P.D. (2021) Peace operations are what states make of them: Why future evolution is more likely than extinction. *Contemporary Security Policy*. Vol. 42. Issue 2. P. 241–255. DOI: <https://doi.org/10.1080/13523260.2021.1882802>.

Curran D., Hunt C.T. (2020) Stabilization at the expense of peacebuilding in UN peacekeeping operations. More than just a phase? *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. Vol. 26. Issue 1. DOI: <https://doi.org/10.1163/19426720-02601001>.

Day A. (2019) *UN Transitions, Improving Security Council Practice in Mission Settings*. United Nations University, Centre for Policy Research, New York, USA. 125 p.

De Coning C., Aoi Ch., Karlsrud J. (ed.) (2017) *UN Peacekeeping doctrine in a New Era*. Routledge. 364 p.

Hegre H., Hutman L., Nygard H.M. (2019) Evaluating the Conflict – Reducing Effect of the UN Peacekeeping. *The Journal of Politics*. Vol. 81. No. 1. P. 215–232. DOI: <https://doi.org/10.1086/700203>.

Hirblinger A.T. (2020) *Digital inclusion in peacemaking: a strategic perspective*. CCDP Working Paper No. 14. Graduate Institute of International and Development Studies, Centre on Conflict, Development and Peacebuilding, Geneva, Switzerland. URL: https://repository.graduateinstitute.ch/record/298396?_ga=2.204266646.741269618.1678654782-1299010772.1678654782 (accessed: 25.08.2022).

International crisis group (2020) *The Price of Peace: Securing UN Financing for AU Peace Operations*. Africa Report No. 286. 31.01. Brussels, Belgium. 32 p. URL: https://icg-prod.s3.amazonaws.com/286-price-of-peace-un-au-financing_0.pdf (accessed: 10.09.2022)

International crisis group (2023) *Averting a New War between Armenia and Azerbaijan*. Europe Report No. 266. 30.01. Brussels, Belgium. 26 p. URL: https://icg-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/2023-01/266-averting-war-armenia-and-azerbaijan_0.pdf (accessed: 30.01.2023)

Kenkel K.M., Foley C. (2021) Responding to the crisis in the United Nations peace operations. *Contemporary Security Policy*, Vol. 42. Issue 2. P. 189–196. DOI: <https://doi.org/10.1080/13523260.2021.1899543>.

Martin I. (2010) All Peace Operations are Political: a Case for Designer Missions and the Next UN Reform. *Review of Political Missions 2010*. Center on International Cooperation, N.Y., USA. P. 8–14. URL: https://peaceoperationsreview.org/wp-content/uploads/2015/04/2010_rpm_all_peace_political_martin.pdf (accessed: 06.07.2022)

Osland K.M., Mateja P. (2021) UN peace operations in a multipolar order. *Contemporary Security Policy*. Vol. 42. Issue 2. P. 197–210. DOI: <https://doi.org/10.1080/13523260.2021.1898166>.

Paladini L. (2009) *The European's Peace Mission in the United Nations Collective Security System*. European University Institute, Fiesole, Italy. 41 p. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/13016/RSCAS_2009_71.pdf?sequence=2&isAllowed=y (accessed: 25.08.2022)

Welter M., Varga A. (ed.) (2021) *International Law and Peace Settlements*. Cambridge University Press. 323 p. DOI: 10.1017/9781108627856.

УДК 327

ФЕНОМЕН НЕДРУЖЕСТВЕННОГО МУЛЬТИЛАТЕРАЛИЗМА ВНУТРИ «КОЛЛЕКТИВНОГО» ЗАПАДА

© 2023 ТРУНОВ Филипп Олегович*

Кандидат политических наук

*Ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН
117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21*

**E-mail: ltrunov@mail.ru*

Поступила в редакцию 07.11.2022

После доработки 23.12.2022

Принята к публикации 09.02.2023

Аннотация. В статье осмыслена эволюция фактора многосторонности в политической сфере на примерах мультилатерализма недружественного характера. Внимание обращено не на восприятие Запада и не-Запада, а на ситуацию внутри первого. Форматы *AUKUS* и *Partners in the Blue Pacific* нацелены не только на сдерживание КНР, но и показывают стремление США и Британии ограничить процесс стратегического закрепления ФРГ и Франции в Индо-Тихоокеанском регионе. Основная причина этой тенденции проявляется в обеспокоенности ядром Запада в лице англо-саксонских держав ростом стратегической автономности полупериферии Евро-Атлантического сообщества. Направляющую роль в ней играет не только Франция, но и объединенная Германия, отошедшая от положения периферии. В этой связи рассмотрено учащение переходов США от лидерства к гегемонии – жесткой и мягкой. Раскрыт характер подхода ФРГ к наделению ЕС стратегической автономией вместе с европеизацией НАТО в различных проявлениях. Отмечено отсутствие примеров недружественного мультилатерализма со стороны Берлина и Парижа по отношению к западным партнерам.

Ключевые слова: многосторонность, лидерство, гегемония, форматы, мир-система, Евро-Атлантическое сообщество, США, Британия, Германия

DOI: 10.31857/S0201708323020067

EDN: oupgdf

В современных реалиях многосторонность все более распространена и востребована в международной практике. Созвучным, а во многих случаях синонимичным понятием является мультилатерализм. Его принято ассоциировать прежде всего с Евро-Атлантическим сообществом¹ [Maull, 2020]. Органичная готовность действовать в мультилатералистической парадигме преподносится как одна из важнейших ценностей политической культуры либеральных демократий. Например, заявления и действия Вашингтона при администрации Д. Трампа или Лондона в ходе брежзита критиковались в идеологическом плане как отход от приверженности мультилатерализму в пользу унилатерализма². По определению мультилатерализм институционализирован, т. е. основан на механизме многосторонних соглашений, производной которых являются профильные международные структуры. В Евро-Атлантическом сообществе Евросоюз и Североатлантический альянс позиционируются наиболее продвинутыми в наднациональном качестве (ЕС) и как объединение национальных государств (НАТО).

Мультилатерализм должен обеспечивать преимущества и привилегии для всех вовлеченных игроков (прежде всего государств), а значит и соразмерный учет объективно существующих национальных интересов стран-участниц. Если многосторонность используется преимущественно для нужд одного актора или узкой группы, т. е. для обеспечения гегемонии, то мультилатерализм является ложным. Переход к нему происходит при кардинальной смене приоритетов соответствующей структуры с многосторонним участием. Наиболее иллюстративный пример – деформация учета интересов значительной части европейских государств-членов НАТО в условиях резкого ужесточения подхода к сдерживанию РФ на фоне специальной военной операции на Украине (СВО).

Использование понятия «мультилатерализм» Евро-Атлантическим сообществом осуществляется вместе с нарастающей критикой стратегических многосторонних инициатив незападных игроков. Реализация принципа мультилатерализма последними отличается формами (обычно отсутствует характерная для либеральных демократий ценностная надстройка), однако имеет такое же право на существование и доказывает свою состоятельность³. Противодействие этой тенденции со стороны игроков «коллективного» Запада с использованием многостороннего

¹ Под Евро-Атлантическим сообществом в статье понимается совокупность государств-членов ЕС и/или НАТО; под «коллективным» Западом – более широкая общность игроков, связанных тесным стратегическим партнерством с США и Британией (Австралия, Новая Зеландия, Япония, с оговорками Южная Корея).

² Rede von Bundeskanzlerin Merkel zur 55. Münchner Sicherheitskonferenz am 16. Februar 2019 in München. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-zur-55-muenchner-sicherheitskonferenz-am-16-februar-2019-in-muenchen-1580936> (дата обращения: 01.02.2023).

³ Ответы Министерства иностранных дел РФ на вопросы СМИ, поступившие к пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2022 году. МИД РФ. 30.01.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1850908/ (дата обращения: 01.02.2023).

потенциала можно обозначить как недружественный мультилатерализм. Он отчетливо проявился в условиях развития конфронтации либеральных демократий с ведущими незападными державами – Россией, Китаем, а также Ираном в ближайшей перспективе.

При обращении к феномену недружественного мультилатерализма существуют естественные пределы. Чем чаще (количество эпизодов, т. е. вовлечение конкретного актора в привязке к конкретному многостороннему формату) в процесс сдерживания вовлекаются акторы, которые относятся к «коллективному» Западу условно или не могут быть отнесены к этой категории, и чем их больше, тем более распространенным будет ложный мультилатерализм. Заметна также другая тенденция: недружественный мультилатерализм с ведущим участием государств-членов Евро-Атлантического сообщества стимулирует зеркальную реакцию – увеличение числа проявлений рассматриваемого феномена, вынужденно направленного против них, т. е. институционализация «коллективного» не-Запада или «мирового большинства»¹. Если в краткосрочной перспективе данная тенденция не столь заметна (вследствие меньшего наработанного опыта по выстраиванию альтернативных Западу многосторонних структур), то в долгосрочной она будет больше выражена.

В контексте рассмотрения недружественного мультилатерализма также возникает вопрос о возможности его возникновения в рамках отношений между государствами-членами Евро-Атлантического сообщества. На первый взгляд, рассматриваемый феномен не должен проявляться, т. к. в принятии и претворении на практике решений, особенно по чувствительным вопросам, либеральные демократии стремятся подчеркнуть коллективность Запада и способность демонстрировать консенсус. Последний обосновывает легитимность предпринимаемых действий. Однако это не объясняет увеличение количества форматов, в т. ч. паллиативных структур, закрытых по составу, т. е. с участием ограниченного круга государств-членов Евро-Атлантического сообщества (обычно от трех до пяти). Направляющую роль в них, как правило, играют США и Британия – основоположники концепции образования и функционирования Евро-Атлантического сообщества. Вместе с трампизмом и брекзитом увеличение числа форматов отражает фрагментацию внутри сообщества либеральных демократий. Прежде всего она обусловлена поиском более эффективных форм сдерживания западных держав (в первую очередь РФ и КНР). Однако создаваемые структуры могут представлять примеры недружественного мультилатерализма одних игроков «коллективного» Запада по отношению к другим. Например, важная задача возникшего 15 сентября 2021 г. объединения *AUKUS* (Австралия, Британия, США) – сдерживание КНР, но его создание вызвало негативную реакцию Франции [Рубинский, Фёдоров, 2021: 6–8] и сдержанно-настороженную Германию [Арзаманова, 2021: 265]. Новый формат воспринимается державами германо-французского тандема как фактор ограничения стратегического влияния в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). Схожую с *AUKUS* направленность с

¹ Термин «коллективный не-Запад» характерен для научных школ в РУДН (направление, возглавляемое Д.А. Дегтеревым) и МГИМО (У) МИД РФ (исследования под руководством Т.А. Алексеевой), а «мировое большинство» – для НИУ ВШЭ (введен С.А. Карагановым).

высокой вероятностью приобретет формат *Partners in the Blue Pacific (Blue Pacific Alliance)*¹ (2022).

Задача статьи – исследовать детерминированность и особенности проявлений недружественного мультилатерализма в политической сфере на пространстве «коллективного» Запада в конце 2010-х – начале 2020-х гг. В работах отечественных и зарубежных авторов возросло внимание к тематике многосторонности применительно к либеральным демократиям [Арзаманова, 2022; Истомин, 2017; Brozus, Shulman, 2022; Dossani, 2022]. Вместе с тем в заявленном ракурсе данная проблематика освещена слабо. Статья восполняет этот пробел на основе положений мир-системной теории, методов сравнительного анализа и ивент-анализа.

ИТР: востребованный потенциал создания военно-политических структур ядром Запада

Для объяснения позиционирования структур *AUKUS* и *Blue Pacific Alliance* в ИТР применяется схема мир-системного анализа [Валлерстайн, 2001] к «коллективному» Западу и Евро-Атлантическому сообществу. Конкретные государства отнесены к той или иной части мир-системы с учетом прежде всего политических и военных аспектов, а также географического положения страны.

Системообразующий компонент ядра для лагеря либеральных демократий в целом, а также западной (Евро-Атлантическое сообщество) и восточной части по отдельности традиционно представляли США. К этой категории также должны быть отнесены англо-саксонские страны, однако по состоянию на середину 2010-х гг. в полной мере это утверждение справедливо по отношению к Британии, в меньшей степени – к Австралии и Канаде, в малой – к Новой Зеландии. Последние тяготели к ядру, но институционально были встроены в него не полностью (Оттава – через членство в НАТО; Канберра и Веллингтон – через АНЗЮС, имеющий статус основного союзника США вне НАТО).

Евро-Атлантическое сообщество традиционно характеризуется высоким уровнем институционализации отношений как внутри ЕС и НАТО, так и вне их. Напротив, степень структурированности многосторонних контактов в восточной части «коллективного» Запада, т. е. группы либеральных демократий в ИТР, была существенно ниже. Это обусловлено наличием двусторонних связей между каждым из них с США и в меньшей степени с Британией. Соответственно, часть Запада, расположенная в ИТР, содержала потенциал для создания новых структур или реформирования старых (по инициативе англо-саксонских держав со строго селективным определением круга стран-участниц). В период, предшествующий холодной войне, инициатором создания военно-политических форматов выступала Австралия (АНЗЮС с 1951 г. и АНЗЮК в 1971–1975 гг.). Новая волна интереса к реализации указанного потенциала возникла в конце 2010-х гг. К этому относится не только образование *AUKUS* и *Blue Pacific Alliance*, но также активизация использо-

¹ Партнеры в Тихоокеанском регионе. – Прим. ред.

вания *Quadrilateral Security Dialogue (QUAD)*¹ [Dossani, 2022]. Направляющую роль стали играть не столько Канберра, сколько Лондон и Вашингтон.

Изменения обусловлены, во-первых, развитием с середины 2010-х гг. холодной войны между США и группы их региональных партнеров с КНР. Зародившаяся в президентство Б. Обамы конфронтация вышла на новый уровень при Д. Трампе, лишь усилившись при Дж. Байдене. Это предопределило интерес США и Британии к стратегической перегруппировке сил с участием других англо-саксонских стран [Васильев 2022: 241, 250–252] и Японии. Проявлениями стали дополнительная институционализация политического сотрудничества и повышение взаимосвязанности вооруженных сил (ВС), особенно внутри *AUKUS*. Планируемые к постройке для Канберры атомные подводные лодки в неядерной конфигурации могут ее поменять [Ермаков, 2022]. Планы по развертыванию на севере Австралии бомбардировщиков США, способных нести ядерное оружие², заметно увеличили ее встроенность в ядро Запада.

Во-вторых, для Вашингтона и Лондона это ценный способ компенсации частичной утраты влияния в Евро-Атлантическом сообществе в пользу Германии и Франции. Создание *AUKUS* и *Blue Pacific Alliance* заметно приблизило к США и Британии именно тех игроков (Австралию и Японию), углубление сотрудничества с которыми рассматривалось как опора для стратегического упрочения позиций Парижа и проникновения Берлина на Дальний Восток. Эта задача также решалась США активизацией обращения к *QUAD* не только для Канберры и Токио, но и Индии. Например, взаимодействие Берлина с Нью-Дели, в т. ч. в формате межправительственных консультаций в сфере безопасности и обороны, в основном сведено к экспорту вооружений из Германии³. Не случайно создание *AUKUS* (сентябрь 2021 г.) совпало по времени с военно-дипломатической миссией фрегата ВМС ФРГ «Бавария» в ИТР (сентябрь – ноябрь 2021 г.)⁴. Эта мера рассматривалась Берлином не только как демонстрация флага, а как значимый шаг к созданию (с Австралией) и совершенствованию (с Японией) системы стратегических партнерств в регионе⁵. *AUKUS* и *Blue Pacific Alliance* должны задать новые рамочные условия для указанных диалогов Германии: их развитие становится затруднительным без учета позиций США и Британии. Это может оказаться вдвойне болезненно для ФРГ на фоне завершения брекзита (но вовсе не вызванных им разногласий между Соединенным

¹ Четырехсторонний диалог по безопасности. – Прим. ред.

² СМИ: США разместят в Австралии бомбардировщики, способные нести ядерное оружие. Коммерсант. 31.10.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5645022> (дата обращения: 01.11.2022).

³ Partnerschaft vertiefen und verstetigen. Bundeskanzleramt. 31.10.2019. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/indienreise-kanzlerin-1687042> (дата обращения: 01.11.2022).

⁴ Indo-Pacific Deployment 2021. Bundeskanzleramt. 03.02.2022. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pacific-deployment-2021> (дата обращения: 01.11.2022).

⁵ Там же.

королевством и ЕС [Ананьева, Годованюк 2021: 15–18]), возможного нового президента Д. Трампа или идейно близкого ему политика.

Вероятное ужесточение конфронтации с КНР потребует от США поиска дополнительных ресурсов, которые они могут получить и от внешних партнеров. Администрация Д. Трампа уже проявляла интерес к подключению сил и средств континентальных европейских стран-участниц НАТО к противодействию Китаю в ИТР. Эта линия продолжена при Дж. Байдене: в отличие от предшественника, он встретил поддержку со стороны германо-французского тандема¹. На Мадридском саммите Альянса (28–30 июня 2022 г.) противодействие Китаю было поставлено на третье место в списке приоритетов в деятельности НАТО². Вместе с тем декларирование де-юре не отменяет вопроса об определении объема практического вклада, особенно для Германии и Франции. Объективные трудности создавал медленный характер восстановительного роста их ВС (прежде всего численности личного состава)³ вместе с выделением существенного объема сил и средств на комплектование группировок внутри зоны ответственности НАТО в Европе. Однако важнее, что в начале 2020-х гг., а тем более в конце 2010-х гг., ни Берлин, ни Париж не были готовы к форсированному ухудшению отношений с Китаем. Например, в 2014 г. ФРГ пошла на заморозку формата межправительственных консультаций с РФ, а с КНР он продолжал функционировать⁴. Явный контраст представляло направление фрегата в ИТР и резервирование сил «тяжелой» дивизии в 15 тысяч военных, 60 самолетов и 20 кораблей для ротационного комплектования сил передового развертывания (СПР, т. е. без учета сил быстрого реагирования, СБР) альянса⁵. Постановка США перед Германией и Францией вопроса о таком же уровне (качественном и количественном) проявления трансатлантической солидарности в сдерживании КНР возможна только в отдаленной перспективе. Механизмами стимулирования Берлина и Парижа к корректировке их линии являются *AUKUS* и *Blue Pacific Alliance*.

¹ Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Präsident Macron anlässlich des Deutsch-Französischen Verteidigungs- und Sicherheitsrates. Bundeskanzleramt. 05.02.2021. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-praesident-macron-anlaesslich-des-deutsch-franzoesischen-verteidigungs-und-sicherheitsrates-am-5-februar-2021-1851512> (дата обращения: 01.11.2022).

² NATO 2022 strategic concept. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022. Brussels. NATO HQ. 2022. P. 3.

³ Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2022). Communiqué PR/CP (2022)105. NATO: Public Diplomacy Division. 2022. P. 8, 12.

⁴ Dialog fortsetzen und Zusammenarbeit erweitern. Bundeskanzleramt. 28.04.2021. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/deutschland-china-1898686> (дата обращения: 01.11.2022).

⁵ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz nach dem NATO Gipfel am 30. Juni 2022 in Madrid. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-nach-dem-nato-gipfel-am-30-juni-2022-in-madrid-2059018> (дата обращения: 01.11.2022).

Усиление полупериферии Евро-Атлантического сообщества как основная причина недружественного мультилатерализма

Детерминированность рассматриваемого феномена лежит прежде всего в глубоких изменениях баланса влияния между державами лагеря либеральных демократий. Масштабное расширение НАТО и ЕС с 1990-х гг. привело к качественному изменению состава периферии Евро-Атлантического сообщества. Теперь ее образуют страны Восточной Европы, включая республики Балтии, а также игроки на постъюгославских территориях, т. е. массив субъектов постсоциалистического пространства. Географически к передовой части Запада может быть также отнесена Норвегия и группа южноевропейских государств, включая Италию. Восточноевропейская часть периферии особенно с середины 2010-х гг. сфокусирована на противодействии «российскому вызову» (трактуемому на Западе как классический, т. е. содержащий военно-силовую компоненту). Южноевропейская – на отражении экзистенциальных неклассических угроз безопасности (прежде всего распространение структур международного терроризма и массовая неконтролируемая миграция). Их пик пришелся на 2015–2016 гг. Турция может быть отнесена к периферии лишь с большой долей условности. Особая позиция в НАТО – производная державных амбиций Анкары, которые на современном этапе имеют иную социокультурную природу (паносманизм, пантюркизм, панисламизм), чем у либеральных демократий [Шлыков, 2020: 114–120].

Эстафета в сдерживании «российской угрозы» (ранее – советской) перешла к новому составу периферии. В отличие от предшествующей холодной войны, уже не ФРГ, а восточноевропейские государства-члены НАТО, во-первых, лидировали по скорости прироста основных параметров «военных машин»¹; во-вторых, декларировали повышенный интерес к размещению на своей территории как многосторонних сил НАТО с участием англо-саксонских держав, так и параллельно военных США². Напротив, ФРГ наращивала военную мощь плавно, до относительно меньших значений³. Различия объективно детерминированы тем, что к ХХI в. Германия стала частью полупериферии Евро-Атлантического сообщества.

В 1950–1980-е гг. к полупериферии можно было отнести только государства Бенилюкс и Францию. Нахождение на полупериферии Пятая республика подтверждала особым прочтением вопросов национального суверенитета [Фёдоров, 2019]. В случае НАТО показательны ее отсутствие в его военных структурах (1966–2009 гг.) и ужесточение критики на фоне трампизма⁴. Одновременно для Франции характерна повышенная инициативность в вопросе создания военного потенциала

¹ Defence Expenditure of NATO Countries (2014-2022). P. 8, 12.

² Increasing the US military presence in Poland. Republic of Poland. Ministry of National Defence. 2022. URL: <https://www.gov.pl/web/national-defence/increasing-the-us-military-presence-in-poland> (дата обращения: 01.11.2022).

³ Там же.

⁴ «Смерть мозга»: Макрон поставил НАТО диагноз и предостерег Россию от дружбы с Китаем. ТАСС. 08.10.2019. URL: <https://tass.ru/opinions/7094512> (дата обращения: 01.11.2022).

Западноевропейского союза («план Плевена» 1952 г.), а в последующем – ЕС (проекты Э. Макрона 2017–2018 гг. по созданию европейской армии) [Сидоров, 2020: 140–146].

К началу XXI века полупериферия Евро-Атлантического сообщества заметно расширилась. В нее вошла группа центрально- и североευропейских стран, имевших ту или иную степень нейтралитета (Австрия, Швеция, Финляндия). Ключевым стало изменение положения ФРГ. В 1998–1999 гг. она утвердилась как региональная держава (участие в бомбардировках Югославии, перенос столицы в Берлин), а с начала XXI века стала примерять на себя роль полновесного глобального игрока. Группа ведущих западных демократий стала тетрархией, имея по две англосаксонские и континентальные западноевропейские державы. Таким образом, два центра, притом один из них заметно сильнее, приобрело не только «ядро», но и полупериферия, что вело к изменению баланса между ними.

Проявлением этого стала неготовность Берлина идти на боевое применение сил бундесвера в ходе инициированных другими западными державами военно-политических кризисов вокруг Ирака (2003 г.), Ливии (2011 г.) и Сирии (2013 г.). В отличие от ситуации с запуском первой западной антитеррористической коалиции (осень 2001 г.), когда ФРГ даже в большей мере, чем США, поддерживала использование механизма НАТО¹, в случае второй, созданной для борьбы с Исламским государством (ИГ)² на сирийско-иракском направлении в сентябре 2014 г., Германия и Франция были против подключения альянса до весны 2018 г.³ При этом масштаб вовлеченности НАТО в решение «иракской проблемы»⁴ был несоизмерим с сохранявшимся (по линии миссии *Resolute Support*⁵) в Афганистане⁶. В 2005 г. в речи Г. Шредера был впервые поставлен вопрос о полном выводе войск США⁷, а попытки давления Д. Трампа на ФРГ с помощью угрозы резкого сокращения военного присутствия на ее территории не дали результата.

Вместе с тем, в сравнении с Францией, Германия в большей степени опасалась спадов в отношениях с США. Важную роль здесь играл исторический опыт: длительное пребывание на периферии (с 1949 г. до середины 1990-х гг., когда завер-

¹ The Bundeswehr on operations. Berlin. Federal Ministry of Defence. 2009. P. 76.

² Организация признана террористической и запрещена в РФ. – *Прим. ред.*

³ Antrag der Bundesregierung. Einsatz bewaffneter deutscher Streitkräfte zur nachhaltigen Bekämpfung des IS-Terrors und zur umfassenden Stabilisierung Iraks. Deutscher Bundestag. 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1093. 07.03.2018. S. 4–5.

⁴ Там же.

⁵ Операция «Решительная поддержка». – *Прим. ред.*

⁶ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support für die Ausbildung, Beratung und Unterstützung der afghanischen nationalen Verteidigungs- und Sicherheitskräfte in Afghanistan. Deutscher Bundestag. 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1094. 07.03.2018. S. 4.

⁷ Rede des Bundeskanzlers der Bundesrepublik Deutschland auf der 41. Münchner Konferenz für Sicherheitspolitik. AG-Friedensforschung. 12.02.2005. URL: <http://www.ag-friedensforschung.de/themen/Sicherheitskonferenz/2005-schroeder.html> (дата обращения: 1.11.2022).

шился вывод советских войск с территории бывшей ГДР). Влияние США и англо-саксонских стран в целом на Западную Германию было значительным и проявлялось во всех областях жизни общества и государства. Значима и традиционная для ФРГ высокая степень преемственности внешней политики: в ее основе продолжали лежать императивы, заложенные еще канцлером К. Аденауэром – приверженность мультилатерализму; «растворение», особенно в военном плане, в многосторонних усилиях партнеров по Евро-Атлантическому сообществу. В этой связи германский истеблишмент считал мягкое лидерство США важным условием реализации ФРГ державных амбиций.

США последовательно поддерживали амбиции Берлина до середины 2000-х гг., когда рост влияния Германии, хотя и зигзагообразный, но в целом поступательный, – в восприятии Белого дома начал становиться угрозой для его ведущих позиций. Такой подход основывался на логике игры с нулевой суммой: ФРГ как новый (дополнительный) центр притяжения в Евро-Атлантическом сообществе считался во многом альтернативным США. Стремление не допустить усиления конкурентных преимуществ направляющего игрока полупериферии выступило значимой причиной разворота Белого дома от лидерства к гегемонии. В тех случаях, когда она была жесткой, то включала, во-первых, ослабление диалога США с Германией и Францией, во-вторых, резко ускорявшееся сближение ядра с периферией. Эта схема проявилась при Дж. Буше-младшем (в 2003–2005 гг.) и особенно в президентство Д. Трампа (2017–2021 гг.). Закономерной реакцией стало углубление сотрудничества внутри полупериферии, особенно германо-французского тандема в рамках неприятия применения силы в отношении Ирака (2003 г.) и запуска Постоянного структурированного сотрудничества (ПСС) (2017 г.).

Трампизм вслед за брекзитом стал жесткой реакцией на ослабление позиций англо-саксонских держав в Евро-Атлантическом сообществе. Однако результат, особенно в ценностно-информационном плане, разошелся с ожиданиями: трактуя брекзит и трампизм как отход в пользу унилатерализма от мультилатерализма, Германия взяла на себя функции защитницы последнего. Примерами стали запуск «Альянса в поддержку мультилатерализма» (август 2018 г.) [Mauil, 2020: 5] и публикация «Белой книги по мультилатерализму» (май 2021 г.)¹. Тем самым ФРГ небезуспешно пыталась идеологически потеснить США и Британию с места традиционных апологетов ценностей либеральной демократии.

Администрация Дж. Байдена, действуя в согласии с официальным Лондоном, существенно усовершенствовала тактику: декларируя приверженность мультилатерализму, она стала умело подстраивать использование этого принципа под свои интересы. Например, в апреле 2021 г. США сообщили Германии и континентальным европейским партнерам по НАТО об уже принятом решении экстренно вывести войска из Афганистана – выполнении сделки с движением «Талибан»², заключенной при Д. Трампе. На украинском направлении до начала специальной военной

¹ A Multilateralism for the People. Federal Government White Paper. Berlin. Federal Government. 2021. 152 p.

² Признано террористическим и запрещено в РФ. – *Прим. ред.*

операции РФ и на ее фоне наблюдалось оттеснение США и Британией германо-французского тандема от контроля над ситуацией и одновременно стимулирование Парижа и особенно Берлина к поставкам вооружений и военной техники. Эту линию США уместно обозначить противоречивым на первый взгляд понятием «мягкая гегемония». Стратегически оно означает последовательный курс на обеспечение следования игроков полупериферии в фарватере держав ядра, но проводимый в выверенных и аккуратных формах. Проявлением мягкой гегемонии стал запуск *AUKUS* и *Blue Pacific Alliance*.

Поиск контрответа должен осуществляться прежде всего посредством усиления потенциала ЕС. ФРГ последовательно поддерживала развитие этой тенденции, однако ее активность в плане выдвижения инициатив ниже, чем у Франции. Германия была заинтересована в формах укрепления мощи ЕС, которые не могли привести к ослаблению НАТО и возникновению между ними конкуренции. Символом этого стала выработка именно в столице ФРГ формулы «Берлин +» (2002 г.). Тем самым Германия пыталась не допустить ослабления основ трансатлантической солидарности, отхода США от мягкого лидерства и ухудшения восприятия ими ФРГ. Берлин также стремился одновременно к росту активности ЕС и европеизации НАТО. Последнее включало широкий спектр аспектов по подготовке, принятию, реализации различных решений политического и военного характера. На практике это осуществлялось в сочетании роли ФРГ как «рамочного государства» в комплектовании растущего спектра группировок СБР и СПР НАТО и ведущего государства в работе наиболее ценных проектов ПСС. В первом случае речь шла об участвовавшем внесении (в рамках ротации) ключевого вклада в комплектование соединения повышенной боевой готовности СБР НАТО¹ и инициировании наращивания многосторонних батальонных боевых групп СПР альянса до бригадного уровня². Во втором – о проектных комитетах ПСС по созданию «евродрона», выстраиванию единого военно-логистического пространства и гармонизации подготовки сил кризисного реагирования ЕС³.

Подход ФРГ к практическому наделению ЕС стратегической автономией оформился чуть позже, чем у Франции, но был детальнее продуман и обеспечен ресурсной базой. Стратегическая автономия в понимании Германии может быть уподоблена медали. Одна сторона – силы кризисного реагирования (СКР), т. е. модифицированное понимание европейской армии: небольшие многосторонние силы, «заточенные» на использование вовне Евро-Атлантического сообщества, прежде всего в зонах локальных вооруженных конфликтов. Это – «легкие» войска, способные действовать мелкими подразделениями. СКР ЕС по оснащенности, объему, отчасти организации заметно отличались от группировок «тяжелых» войск численностью в

¹ Germany steps up to lead NATO high readiness force. NATO. 01.01.2019. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_161796.htm (дата обращения: 01.11.2022).

² Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz...

³ Permanent Structured Cooperation (PESCO)'s projects – Overview. EU. 16.11.2021. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/53013/20211115-pesco-projects-with-description.pdf> (дата обращения: 01.11.2022).

сотни тысяч военнослужащих с массой танков и единиц артиллерии, которые функционировали под эгидой НАТО. Переключение внимания ФРГ извне во внутрь зоны ответственности альянса, которое началось с 2014 г. и усилилось в начале 2020-х гг., открывало широкое окно возможностей для использования СКР ЕС. Другая сторона стратегической автономии – технико-технологическое (совместные разработка и производство вооружений и военной техники), функциональное, управленческое сопровождение многостороннего войскового потенциала. Вторая составляющая должна была опережать в развитии первую, что и осуществлялось ФРГ. Ее успехи в принятии одной из направляющих ролей в наращивании потенциала и направлений его использования для ЕС и НАТО привели во второй половине 2022 г. к обострению спора о лидерстве внутри германо-французского тандема. Разрастание этой проблемы болезненно, однако не означает исчезновения основ взаимной заинтересованности Берлина и Парижа¹. Она во многом обусловлена осознанием важности сохранения тандема на перспективу как стержня дееспособной полупериферии, к которой относятся оба игрока.

Наделение ЕС стратегической автономией должно было порождать примеры недружественного мультилатерализма в Евро-Атлантическом сообществе. Однако де-юре этого не происходило: ПСС открыто для партнеров (под которыми прежде всего понимается Британия), а СКР ЕС умело вписываются в смысле планируемого применения в сферы, где НАТО не хочет и/или не может действовать, особенно в условиях политики сдерживания РФ и КНР. Основная причина заключается в стремлении ФРГ – лидера объединения – обеспечить возвращение США к мягкому лидерству и сохранить потенциал для противодействия гегемонистским устремлениям Белого дома.

* * *

В конце 2010-х гг. – начале 2020-х гг. наблюдалась параллельная консолидация ядра «коллективного» Запада (прежде всего в ИТР). Второй элемент в дихотомии «кооперация – конкуренция» между ними перешел от более открытых форм при Д. Трампе во многом в латентные при Дж. Байдене. Фактор СВО был использован США для дальнейшего укрепления мягкой гегемонии среди либеральных демократий, что проявилось уже весной – осенью 2022 г. Частью этого стали проявления недружественного мультилатерализма в виде *AUKUS* и *Blue Pacific Alliance* в ИТР. В случае, если полупериферия (которая сократится при вступлении Швеции и Финляндии в НАТО) будет готова не только увеличить участие в сдерживании РФ, но и пойти на это в практическом плане в отношении

¹ Schlussfolgerungen des Deutsch-Französischen Verteidigungs- und Sicherheitsrats. Bundeskanzleramt. 22.01.2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/992814/2159740/18079de9796b0990cd3e2c14b304e2f5/2023-01-22-dfvsr-data.pdf?download=1> (дата обращения: 01.02.2023)

КНР, указанные структуры перестанут быть недружественными к Германии и Франции. Однако более вероятен, особенно в средне- и долгосрочной перспективе, иной вариант: «стратегическая особенность» Берлина и Парижа в условиях холодных войн с КНР и РФ и, как следствие этого, рост проявлений недружественного внутри «коллективного» Запада. Одновременно будет увеличиваться число проявлений ложной разновидности мультилатерализма как производная «продавливания» англо-саксонским ядром дальнейшего наращивания вклада партнеров в сдерживание России и Китая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арзаманова Т.В. (2022) Отдельные аспекты стратегического планирования Германии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях возвращения соперничества великих держав. *Актуальные проблемы Европы*. № 4. С. 258–284. DOI: 10.31249/ape/2022.04.11

Ананьева Е.В., Годованюк К.А. (2021) Стратегия национальной безопасности Британии: замыслы и воплощение. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 4. С. 12–21. DOI: 10.15211/analytics43020211222

Валлерстайн И. (2001) *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. Университетская книга, Санкт-Петербург. 416 с.

Васильев В.С. (2022) Англосаксонские скрижали нарастающего глобального цивилизационного противостояния. *Актуальные проблемы Европы*. № 4. С. 234–257. DOI: 10.31249/ape/2022.04.10

Ермаков С.М. (2022) Влияние AUKUS на систему международной безопасности. *Проблемы национальной стратегии*. № 1. С. 130–152. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_1_130

Истомин И.А. (2017) Современная западная теория военно-политических альянсов: допущения и лакуны. *Международные процессы*. № 4. С. 93–114. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.6

Рубинский Ю.И., Фёдоров С.М. (2021) «Кризис подводных лодок» и его возможные последствия. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 4. С. 4–11. DOI: 10.15211/analytics42920210511

Сидоров А.С. (2020) «Европейская оборона» через призму французских интересов и возможностей. *Актуальные проблемы Европы*. № 4. С. 137–169. DOI: 10.31249/ape/2020.04.07

Фёдоров С.М. (2019) Вопросы национального суверенитета в современном политическом дискурсе Франции. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 1. С. 11–16. DOI: 10.15211/vestnikieran120191116

Шлыков П.В. (2020) Между США, Европой и Евразией: трансформация внешнеполитических приоритетов Турции. *Актуальные проблемы Европы*. № 1. С. 110–135. DOI: 10.31249/ape/2020.01.06

Brozus L., Shulman N. (2022) *Multilateral cooperation in times of multiple crises*. SWP-Comment. No. 47. P. 1–6. DOI: 10.18449/2022C47

Dossani R. (2022). Is There a Future for Multilateralism? *RAND-Corporation*. 04.04. URL: <https://www.rand.org/blog/2022/04/is-there-a-future-for-multilateralism.html> (дата обращения: 01.11.2022).

Maull H.M. (2020). *Multilateralism. Variants, potential, constraints and conditions for success*. SWP-Comment. No. 9. P. 1–8. DOI: 10.18449/2020C09

The Phenomenon of Unfriendly Multilateralism Inside the “Collective” West

Ph. O. Trunov*

Candidate of Sciences (Politics)

Leading Research Associate, Department of Europe and America, INION RAS

51/21, Nahimovskij prospect, Moscow, Russia, 117418

***E-mail:** *ltrunov@mail.ru*

Abstract. The article examines the evolution of multilateralism on the examples of its unfriendly variety in political sphere. The study focuses not on the relations between the West and non-West, but on the situation inside the former. The examples of unfriendly multilateral structures are AUKUS and the Partners in the Blue Pacific. They are aimed not only at containing China but also at limiting the strategic penetration of Germany and France in the Indo-Pacific region. Concentrating on these examples, the article explores the key reason for the tendency, using the concept of the world-system theory for Euro-Atlantic community and the “collective” West. The core of Anglo-Saxon countries led by the USA and the UK has been strongly concerned of the growing strategic autonomy of the semi-periphery. Its key elements are France and Germany. The study demonstrates the differences between leadership styles, hard and soft hegemony in the US foreign policy as a reaction to the relations between the core and the semi-periphery. It also covers German approach to the EU strategic autonomy in conjunction with Europeanization of NATO and its activities in various fields. One of the conclusions is the absence of examples of unfriendly multilateralism toward the Western partners in policy of key semi-periphery actors.

Key words: multilateralism, leadership, hegemony, formats, world-system, Euro-Atlantic community, USA, UK, Germany

DOI: 10.31857/S0201708323020067

EDN: oupgdf

REFERENCES

- Ananieva E., Godovanyuk K. (2021) Strategija nacional'noj bezopasnosti Britanii: zamysly i voploshhenie [UK national security strategy], *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 4, pp. 12–21. DOI: 10.15211/analytics43020211222 (In Russian).
- Arzamanova T.V. (2022) Otdel'nye aspekty strategicheskogo planirovaniya Germanii v Indo-Tihookeanskom regione v uslovijah vozvrashheniya sopernichestva velikih derzhav [Some aspects of German strategic planning in Indo-Pacific region facing the return of great power rivalry], *Aktual'nye problemy Evropy*, 4, pp. 258–284. DOI: 10.31249/ape/2022.04.11 (In Russian).
- Brozus L., Shulman N. (2022) *Multilateral cooperation in times of multiple crises*, SWP-Comment, 47, pp. 1–6. DOI: 10.18449/2022C47
- Dossani R. (2022) Is There a Future for Multilateralism? *RAND-Corporation*, 04.04. URL: <https://www.rand.org/blog/2022/04/is-there-a-future-for-multilateralism.html> (accessed: 01.11.2022).

Ermakov S.M. (2022) Vlijanie AUKUS na sistemu mezhdunarodnoj bezopasnosti [AUKUS'S influence on the system of international security], *Problemy nacional'noj strategii*, 4, pp. 130–152. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_1_130 (In Russian).

Fyodorov S.M. (2019) Voprosy nacional'nogo suvereniteta v sovremennom politicheskom diskurse Francii [Issues of National Sovereignty in the Modern Political Discourse of France], *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*, 1, pp. 11–16. DOI: 10.15211/vestnikieran120191116 (In Russian).

Istomin I.A. (2017) Sovremennaja zapadnaja teorija voenno-politicheskikh al'jansov dostizhenija i lakuny [Western theory of international military alliances the state of the discipline], *Mezhdunarodnye process*, 4, pp. 93–114. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.6 (In Russian).

Maull H.M. (2020) *Multilateralism. Variants, potential, constraints and conditions for success*. SWP-Comment, 9, pp. 1–8. DOI: 10.18449/2020C09

Rubinskij Ju.I., Fyodorov S.M. (2021) “Krizis podvodnyh lodok” i ego vozmozhnye posledstvija [The “submarine crisis” and its possible consequences], *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 4, pp. 4–11. DOI: 10.15211/analytics42920210511 (In Russian).

Sidorov A.S. (2020). “Evropejskaja oborona” cherez prizmu francuzskih interesov i vozmozhnostej [European Defence through the prism of France's interests and capabilities], *Aktual'nye problemy Evropy*, 4, pp. 137–169. DOI: 10.31249/ape/2020.04.07 (In Russian).

Shlykov P.V. (2020). Mezhdunarodnye SSsA, Evropoj i Evraziej: transformacija vneshnepoliticheskikh prioritetov Turcii [Between the US, the EU and Eurasia: transformation of foreign policy priorities of Turkey], *Aktual'nye problemy Evropy*, 1, pp. 110–135. DOI: 10.31249/ape/2020.01.06 (In Russian).

Vallerstajn I. (2001). *Analiz mirovyh sistem i situacija v sovremennom mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world], Universitetskaja kniga, Saint Petersburg, Russia. (In Russian).

Vasil'ev V.S. (2022). Anglosaksonskie skrizhali narastajushhego global'nogo civilizacionnogo protivostojanija [Anglo-Saxon guidestones of growing global confrontation between civilizations], *Aktual'nye problemy Evropy*, 4, pp. 234–257. DOI: 10.31249/ape/2022.04.1 (In Russian).

УДК 355.02

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ: «КОПЕРНИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» ИЛИ СОХРАНЕНИЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ?¹

© 2023 ЧИХАЧЕВ Алексей Юрьевич*

Кандидат политических наук

Старший преподаватель Кафедры европейских исследований

Санкт-Петербургского государственного университета

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

***E-mail:** alexchikhachev@gmail.com

Поступила в редакцию 11.10.2022

После доработки 23.12.2022

Принята к публикации 09.02.2023

Аннотация. В статье исследованы основные тенденции оборонной политики Франции в начале второго президентского срока Эммануэля Макрона. Летом-осенью 2022 г. в ряде заявлений он анонсировал старт «коперниканской революции» в обороне, означающей, в частности, переход страны на рельсы военной экономики. Однако масштабы и скорость этих перемен пока невелики. В доктринальном плане одной из главных тенденций остается укрепление солидарности внутри западного лагеря, оборонный бюджет будет расти давно запланированными темпами, и во всех значимых для Парижа регионах так или иначе сохранится его военное присутствие. Сделан вывод, что военная политика Франции переживает не столько революционные, сколько адаптационные процессы при сохранении общей преемственности развития. Для российско-французских отношений это не является благоприятным развитием событий, поскольку Пятая республика в еще большей степени увязывает свою политику с коллективным Западом, что сокращает пространство для диалога.

Ключевые слова: Франция, Европейский союз, НАТО, оборонная политика, военно-промышленный комплекс, зарубежные операции, Эммануэль Макрон.

DOI: 10.31857/S0201708323020079

EDN: ouqzzv

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00198.

Одним из прямых последствий углубления конфронтации России и Запада стало повышение приоритетности оборонной сферы и отводимых на нее расходов. Значительные изменения произошли в Германии, где канцлер О. Шольц объявил о «смене эпох» (*Zeitenwende*) и создании специального фонда для нужд обороны в 100 млрд евро [Stark, 2022]. Во Франции президент Э. Макрон анонсировал «коперниканскую революцию» (переключение отрасли на режим военного времени) и вступление страны в период военной экономики¹.

На современном этапе Пятая республика – единственная ядерная держава в составе Евросоюза и член НАТО с одним из наиболее крупных силовых потенциалов, поэтому курс Э. Макрона в начале второго президентского срока заслуживает рассмотрения. Цель исследования – выявить наиболее показательные тенденции оборонной политики Парижа в ее трех основных измерениях: доктринальном, бюджетном и региональном. Сравнительный анализ позволяет соотнести масштабы начатой «революции» с темпами реформ в оборонной сфере за предыдущие пять лет.

Доктринальные установки: курс на военную экономику и солидарность внутри Запада

Одной из форм реагирования французского руководства на резкий рост международной напряженности стало обновление доктринальной базы военной политики. Наиболее знаковые в этой области тезисы Э. Макрон последовательно развивал в трех крупных выступлениях на протяжении 2022 г., после которых они были закреплены в новом основополагающем документе – Стратегическом национальном обзоре.

В своих выступлениях глава государства поднял вопрос модернизации системы управления оборонной промышленностью. Исследования экспертов до начала специальной военной операции России на Украине показывали, что с материально-технической точки зрения французские войска не готовы к конфликтам высокой интенсивности, т. к. в течение трех последних десятилетий выбор делался в пользу компактности и экономии, а не накопления больших масс живой силы и техники [Briant et al., 2021]. В частности, на ведение длительных боевых действий не рассчитано производство запчастей и боеприпасов, функционирующее для обеспечения текущих нужд без излишков на складах [Briant, 2022]. Другой пример – состояние Воздушно-космических сил: по оценкам февральского доклада депутатов Национального собрания, из 117 истребителей «Рафаль» (*Rafale*), способных подняться в воздух, только 80 находились на начало 2022 г. в пригодном состоянии. С учетом множества возлагаемых на них задач, за господство в воздухе могли бо-

¹ A Toulon, le Président de la République présente la Revue nationale stratégique. 2022. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2022/11/09/a-toulon-le-president-de-la-republique-presente-la-revue-nationale-strategique> (дата обращения: 18.11.2022)

роться только 30 машин¹. Схожая пропорция наблюдалась по бронетехнике и артиллерии: передав Украине к лету 2022 г. 18 единиц самоходных артиллерийских установок *CAESAR* (*Camion équipé d'un système d'artillerie*)², Франция лишилась четверти этих орудий, стоявших на вооружении [Tanguy, 2021].

Из-за этих проблем Э. Макрон в ходе выступления на выставке военной техники в июне 2022 г. «Евросатори» (*Eurosatory*) подчеркнул, что без способности самостоятельно вооружаться Франция не может претендовать на стратегическую автономию³, поэтому необходимо сосредоточиться на укреплении взаимодействия министерства вооруженных сил с профильными предприятиями. Им предложено восполнить имеющиеся пробелы, производить больше и быстрее, даже если в краткосрочной перспективе это сопряжено с повышенными затратами. Из слов президента следует, что как можно больше видов техники должны по-прежнему производиться на территории Франции. Это отвечает задаче реиндустриализации страны, ранее поставленной перед рядом гражданских отраслей (автомобилестроением, энергетикой и пр.). Одновременно необходимо стремиться к наращиванию общеевропейской оборонно-промышленной базы, дальнейшей интеграции и стандартизации производств в масштабах Евросоюза. По мнению Э. Макрона, необходимость быстрых закупок техники должна использоваться не для создания новых отношений зависимости от американского ВПК, а для дополнительного объединения усилий внутри Евросоюза. У ЕС уже есть опыт создания совместных концернов (*Airbus*, *Matra BAE Dynamics Alenia*, *KMW+NEXTER Defense Systems* и др.).

В речи перед сотрудниками дипломатического корпуса (август 2022 г.) Э. Макрон прокомментировал не только экономическое, но и политическое проявление взаимосвязи французской и европейской обороны. Он напомнил, что за последние пять лет Париж выступал в качестве наиболее последовательного сторонника идеи стратегической автономии ЕС и продвинул европейскую оборонную интеграцию вперед, несмотря на сопротивление скептиков⁴. Теперь, по словам президента, в условиях кризиса международного порядка, основанного на либерально-капиталистической модели, Франции необходимо теснее сопрягать интересы не только с ЕС, но и с НАТО. Безопасность страны должна выстраиваться на трех этапах, где третий – трансатлантический – имеет не меньшее значение, чем первый – национальный. Инициативы по линии Евросоюза должны укреплять совокупный

¹ Rapport d'information sur la préparation à la haute intensité. Assemblée nationale. 17.02.2022. URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/rapports/cion_def/115b5054_rapport-information# (дата обращения: 21.11.2022)

² Какую военную помощь оказывали Украине страны НАТО. ТАСС. 28.06.2022. URL: <https://tass.ru/info/15063369> (дата обращения: 21.11.2022)

³ Visite du salon Eurosatory 2022. Présidence de la République. 2022. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2022/06/13/visite-du-salon-eurosatory-2022> (дата обращения: 18.11.2022)

⁴ Discours du Président Emmanuel Macron à l'occasion de la conférence des ambassadrices et des ambassadeurs. Présidence de la République. 2022. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2022/09/01/discours-du-president-emmanuel-macron-a-l-occasion-de-la-conference-des-ambassadrices-et-des-ambassadeurs> (дата обращения: 18.11.2022)

потенциал Запада, не вступая в противоречие с альянсом. Вместе с союзниками Париж готовится к длительной гибридной конфронтации, в которой он будет пытаться сделать все необходимое, чтобы «не дать России победить»¹ на Украине и в отношениях с другими странами мира.

В ноябрьской речи на военно-морской базе в Тулоне Э. Макрон представил новый Стратегический национальный обзор, заменявший аналогичный документ 2017 г. и служащий идейным обоснованием предстоящего закона о военном планировании. Президент повторил высказанные ранее тезисы о стремительном ухудшении международной обстановки, возвращении конфликтов высокой интенсивности, переключении всех процессов в режим военного времени и приоритетности сотрудничества внутри ЕС и НАТО. Теперь они являются константами оборонной политики Франции – независимой европейской державы «с сильными атлантическими корнями» и опорными пунктами по всему миру². Глава государства указал, что нынешняя модель вооруженных сил, нацеленная на выполнение пяти стратегических функций (ядерное сдерживание, защита национальной территории, предупреждение конфликтов, способность использовать военную силу за рубежом, разведка), сохраняет актуальность. Однако следует уделять больше внимания новой шестой функции – борьбе в информационном пространстве, т. к. соперники Франции выстраивают невыгодные для страны нарративы и манипулируют общественным мнением (прежде всего в Африке, где антифранцузские настроения, по мнению Елисейского дворца, преднамеренно подогревает Россия).

Стратегический обзор привносит немного новых деталей. По словам его авторов, международная обстановка является продолжением тенденций, зафиксированных в 2017 г.³ Из наиболее примечательных тезисов следует отметить, что французское ядерное сдерживание имеет европейское измерение и вносит вклад в поддержание безопасности на всем евро-атлантическом пространстве. Однако это не означает намерение Парижа делить с кем-либо контроль над своими стратегическими ядерными силами. Также предлагается уделять повышенное внимание вопросам кибербезопасности, укреплять защиту государственных интернет-сервисов и налаживать контакты с ведущими частными структурами в данной сфере. Одно из важнейших направлений – расширение географического и тематического охвата в работе разведывательных служб с акцентом на Европу и Индо-Тихоокеанский регион (ИТР).

Стратегический обзор ставит перед оборонной политикой 10 задач, суть которых сводится, помимо сказанного, к развитию военной экономики, позиционированию Франции в качестве образцового союзника по НАТО и пр. Идеальным авторы считают сценарий, в котором к 2030 г. Париж обладает передовыми вооруженными силами, способными выполнять любые боевые задачи в различных средах и опи-

¹ Там же.

² A Toulon, le Président de la République présente la Revue nationale stratégique.

³ Revue nationale stratégique. SGDSN. 2022. URL: http://www.sgdsn.gouv.fr/communiqués_presse/revue-nationale-strategique-2022/ (дата обращения: 21.11.2022)

рающимися на совокупный потенциал коллективного Запада как главного союзника в условиях постоянной готовности к конфликту высокой интенсивности.

Анализ доктринальных установок, обнаруженных в 2022 г., показывает, что революция во французской обороне не началась: не были озвучены ранее нетипичные для Э. Макрона идеи (например, возвращение к службе по призыву или резкий пересмотр союзнических связей). Несмотря на громкие лозунги, президент фактически говорил о продолжении прежнего курса, предложив его ускорить и усилить в наиболее значимых аспектах, главный из которых – сохранение солидарности внутри западного лагеря. Преемственность становится более заметной при рассмотрении военной экономики прежде всего в финансовом плане.

Финансирование обороны: предсказуемый рост расходов

Во Франции оборонные расходы подлежат утверждению дважды: сначала принимается рамочный закон о военном планировании на несколько лет (*LPM*); после этого на каждый год финансирование армии вносится в государственный бюджет. При Э. Макроне в 2018 г. был принят семилетний *LPM*. В нем уже наметились постепенное повышение оборонных расходов до 2% ВВП (с 35,9 млрд евро в 2019 г. до 50 в 2025 г.), незначительное увеличение кадрового состава министерства вооруженных сил (до 275 тыс. человек), равномерное приобретение техники для всех видов ВС [Чихачев, 2019]. В бюджетах на 2019–2022 гг. правительству удалось поддерживать выбранную траекторию, однако, согласно последним заявлениям президента, с 2023 г. расходы должны превзойти запланированные рамки.

Тем не менее правительство продолжает намеченный курс, и не ожидавшихся ранее трат (по примеру ФРГ) в ближайшей перспективе не будет. В принятом осенью бюджете на 2023 г. военным нуждам отведено 44 млрд евро (на 3 млрд евро больше по сравнению с прошлым годом). Такой показатель прописан в *LPM* в качестве промежуточного ориентира. Более половины суммы отведено под проекты, идущие в плановом режиме: закупки партии истребителей *Rafale*, завершение второй подлодки типа «Барракуда» (*Barracuda*), частичную модернизацию парка танков «Леклерк» (*Leclerc*) и пр.¹ По наблюдению эксперта Института Монтеня М. де Фужьер, некоторые отличия от бюджета 2022 г. заметны по денежному довольствию военнослужащих (+0,67 млрд), закупке боеприпасов (+0,5 млрд) и проектированию следующего поколения ПЛАРБ² (+0,3 млрд)³. Согласно министерству экономики и финансов, в 2024 и 2025 гг. расходы на оборону увеличатся до 47 и 50

¹ Lagneau L. La France pourrait augmenter ses dépenses militaires d'environ 30% sur la période 2024-31. Zone militaire. 28.09.2022. URL: <http://www.opex360.com/2022/09/28/la-france-pourrait-augmenter-ses-depenses-militaires-denviron-30-sur-la-periode-2024-31/> (дата обращения: 23.11.2022)

² Подводная лодка атомная с баллистическими ракетами. – *Прим. ред.*

³ de Fougères M. Budget 2023: «Une grande armée au service d'une démocratie». Institut Montaigne. 16.11.2022. URL: <https://www.institutmontaigne.org/analyses/budget-2023-une-grande-armee-au-service-dune-democratie> (дата обращения: 23.11.2022)

млрд соответственно¹, однако они были ожидаемы при разработке действующего *LPM* и вписываются в его рамки.

Вышесказанное контрастирует со словами Э. Макрона о срочном переходе на рельсы военной экономики и наступлении «коперниканской революции». Это объясняется не только инерцией, характерной для оборонной отрасли, но и другими факторами. Во-первых, увеличение оборонных расходов свыше согласованного уровня трудно осуществить в нынешней экономической ситуации, когда, по данным на 2021 г., государственный долг достиг 117% ВВП, бюджетный дефицит превышает 6% и крупные средства расходуются на смягчение последствий энергетического кризиса [Кудрявцев, 2022: 24–27]. В таких условиях сложно сохранить прежнюю траекторию, тем более что при текущем уровне инфляции (5,8%) любой рост расходов приобретает условный характер (например, повышение зарплат в министерстве вооруженных сил на самом деле станет их индексацией²). Во-вторых, с лета 2022 г. правительство вынуждено взаимодействовать с нижней палатой парламента, в которой у правящей партии относительное большинство, и широко представлена левая (коалиция *NUPE*³) и правая («Национальное объединение») оппозиция. В подобной ситуации Парижу проще двигаться по утвержденной схеме, чем вносить изменения, которые могут вызвать сопротивление.

Вполне предсказуемо, что правительство рассчитывает распределить усилия и перенести наиболее чувствительные расходы. С этой целью по поручению Э. Макрона военное ведомство прорабатывает *LPM* на период 2024–2030 гг., который наметит бюджетную перспективу до конца десятилетия. Текст планируется представить в первой половине 2023 г., а пока объемы финансирования военных нужд остаются предметом спора различных ведомств. Экономический блок правительства настаивает, что общая сумма на ближайшие семь лет не должна превышать 377 млрд евро (на 28% больше по сравнению с текущим периодом), тогда как Генеральный штаб предлагает поднять ее до 425 млрд (44%) или более⁴. Скорее всего, компромисс будет найден в том, что наибольшая нагрузка ляжет на бюджет ближе к 2030 г. Кроме того, в закон будут заложены потенциальные направления для экономики, которые можно активировать каждый год⁵. При этом флагманские проекты продолжатся без перерывов: в авиации – истребитель *Rafale* версии *F4*; в сухопутных войсках – броневые автомобили «Грифон» (*Griffon*) и «Ягуар» (*Jaguar*); во флоте – атомные подлодки *Barracuda* [Tanguy, 2021].

¹ Lagneau L. ...

² de Fougères M. ...

³ *Nouvelle Union Populaire écologique et sociale* – Новый народный экологический и социальный союз. – Прим. ред.

⁴ Lagneau L. ...

⁵ Cabriol M. Loi de programmation militaire: quelles pistes d'économies envisagées. La Tribune. 17.11.2022. URL: <https://www.latribune.fr/entreprises-finance/industrie/aeronautique-defense/loi-de-programmation-militaire-la-fin-d-un-double-discours-940925.html> (дата обращения: 23.11.2022)

Стоит ожидать, что некоторая часть средств будет отведена совместным с Германией разработкам истребителя (*FCAS*¹) и танка нового поколения (*MGCS*²) ради выхода из временного тупика, в котором они оказались из-за ухудшения двусторонних отношений [Stark, 2022], а также отдельным инициативам в рамках Постоянного структурированного сотрудничества в сфере безопасности и обороны (*PESCO*) [Тимофеев, Хорольская, 2020]. Основная трудность для Парижа состоит в том, что Берлин испытывает меньший энтузиазм по отношению к общим проектам. В частности, *FCAS* разрабатывается с прицелом на 2040–2050-е гг. В качестве более срочного решения Германия предпочитает закупить американские *F-35*, не принимая во внимание призывы Э. Макрона к оборонно-промышленной кооперации на уровне ЕС. Еще один повод для противоречий – вопрос о европейской ПВО, которую ФРГ рассчитывает проектировать вместе с рядом своих северных и восточных соседей (или приобрести систему «Стрела-3» (*Arrow 3*) у Израиля с согласия США), несмотря на франко-итальянскую инициативу по модернизации комплексов *SAMP/T* (*Sol-Air Moyenne-Portée/Terrestre*).

Между тем министерство вооруженных сил Франции уже начало предпринимать шаги в направлении практических изменений в оборонной отрасли. В сентябре 2022 г. министр С. Лекорню провел круглый стол с руководителями крупнейших оборонных корпораций страны, на котором достигнута договоренность, что ведомство начнет формулировать для промышленников менее строгие техзадания, а сами корпорации проработают возможности замыкания своих производственных цепочек внутри Евросоюза и учтут повышенную необходимость в боеприпасах и запчастях³. Обсуждались варианты ускорения производства отдельных видов техники, прежде всего востребованных Киевом САУ *CAESAR*, одна единица которых ранее выпускалась за 30 месяцев, а затем стала производиться за 24 (вскоре этот срок уменьшится до 12 месяцев). Другой пример – создание рабочей группы по проблемам резервистов, официальную численность которых планируется удвоить к 2030 г. (до 100 тыс. человек)⁴. Вместе с профсоюзами и Движением предприятий Франции (*Mouvement des entreprises de France, MEDEF*) уточняются варианты субсидий для фирм, готовых отпускать сотрудников для прохождения службы по гражданской или военной линии резерва. Помимо прочего, будет продолжаться работа по интеграции в вооруженные силы представителей различных конфессий, особенно мусульман [Чистяков, 2021]. Эту деятельность трудно сравнить с военной экономикой, функционировавшей, например, в 1914–1918 гг. [Bourreau, 2022]. Отладка управленческих процессов займет не один месяц, прежде чем ее эффекты

¹ *Future Combat Air System* – Авиационная боевая система будущего. – Прим. ред.

² *Main Ground Combat System* – Основная наземная боевая система. – Прим. ред.

³ *Economie de guerre: les quatre engagements de Sébastien Lecornu*. Ministère des Armées. 08.09.2022. URL: <https://www.defense.gouv.fr/actualites/economie-guerre-quatre-engagements-sebastien-lecornu> (дата обращения: 24.11.2022)

⁴ *LPM 2024-2030: objectif 100 000 réservistes*. Ministère des Armées. 22.11.2022. URL: <https://www.defense.gouv.fr/actualites/lpm-2024-2030-objectif-100-000-reservistes> (дата обращения: 24.11.2022)

начнут наглядно проявляться. Закупки вооружений ускоренными темпами будут иметь смысл только в контексте того, как и, самое главное, где они могут быть использованы, если учесть присутствие французских вооруженных сил в различных районах мира.

Положение на основных театрах

По наблюдению исследователей, со времени перехода французских вооруженных сил в начале 2000-х гг. на контрактную основу их строительство шло по экспедиционному типу – с заметным уклоном в сторону способности проецировать силу за рубеж [Власов и др., 2013: 81–83]. Это позволяло сохранять присутствие в удаленных от метрополии регионах, где интересы Парижа требовали демонстрацию военных возможностей и великодержавный статус [Иванников, Чернов, 2022]. К началу 2023 г. такими регионами являлись традиционно значимые для Франции Африка и Ближний Восток, а также Индо-Пацифика и с недавних пор Восточная Европа.

На африканском направлении в 2022 г. официально завершилась операция «Бархан», продолжавшаяся на территории стран Сахеля более восьми лет. Решение назревало давно, поскольку французской стороне, как неоднократно констатировали эксперты, не удавалось остановить развитие кризисных тенденций в государствах региона и подавить террористические группировки [Antil, 2019]. Решающее значение имели военные перевороты в Мали и Буркина-Фасо в 2021–2022 гг., когда к власти пришли силы, отказавшиеся от союза с Францией. Длительное время Пятая республика надеялась на политику помощи развитию и активное вовлечение в дела региона европейских партнеров, но «упустила момент (в том числе по не зависящим от нее обстоятельствам), когда выйти с ТВД можно было с наименьшими издержками» [Сидоров, 2022: 100]. Представляя новый Стратегический обзор, Э. Макрон уточнил, что модель военного присутствия Франции в Африке будет переосмыслен в начале 2023 г. при координации с местными государствами, чтобы избежать очередных обвинений в неоколониализме. По мнению специалистов Л. Бансета и Э. Тененбома, эта модель должна исключить проведение крупных и дорогостоящих операций на континенте, взамен которых предполагается ускоренное обучение местных армий, ликвидация лидеров джихадистов спецслужбами и последовательная работа над имиджем Франции [Bansept, Tenenbaum, 2022]. Однако о полном уходе Парижа из Африки говорить рано: часть освободившихся после «Бархана» войск может быть переброшена в район Гвинейского залива, где Франция способна претендовать на лидерство в стабилизационной стратегии ЕС [Щербак, 2022]. Там могут быть востребованы как перспективные фрегаты *FDI*¹, так и бронемашины *Griffon*, *Jaguar*, *Serval*. Схожим образом адаптировать стратегию придется на ближневосточном театре, где, по мнению аналитика Французского института международных отношений (*Institut français des relations internationales*,

¹ *FDI*, *Frégate de défense et d'intervention* – Фрегат обороны и интервенции. – Прим. ред.

IFRI) Э. Файе, присутствию французских сил не хватает понятной политической цели, помимо борьбы с терроризмом [Fayet, 2022]. Именно в Средиземноморье совокупный потенциал Парижа по проекции мощи наиболее велик, поскольку в данной зоне чаще всего находится авианосец «Шарль де Голль» с группой сопровождения [Martinet, 2022].

На индо-тихоокеанском направлении значимым сдвигом стало восстановление отношений с Австралией, рухнувших после создания коалиции *AUKUS*¹ в сентябре 2021 г. После смены власти в Канберре Париж сумел договориться с новым премьер-министром Э. Альбанезе о финансовой компенсации за расторгнутый контракт по подлодкам *Barracuda* и продолжении сотрудничества по линии министерств обороны, включая совместные военно-морские учения. На саммите *G20* на Бали Э. Макрон подтвердил, что французское предложение остается в силе, имея в виду, что соглашение еще можно возобновить в сокращенном виде (например, построить 4 субмарины вместо 12)². Таким образом, французское руководство намеревается продолжить строительство собственной региональной коалиции, заявленной в 2018 г., – оси с участием Австралии, Индии и Японии, параллельно пытаясь донести мысль о значимости ИТР до членов ЕС. Важной задачей остается обеспечение защищенности заморских территорий, для чего запущено строительство серии из шести патрульных кораблей *POM* (*Patrouilleurs Outre-Mer*) на смену устаревшим *P400* [Tenenbaum et al., 2020].

В подтверждение намерения быть активным членом НАТО, Париж расширяет присутствие на восточных границах альянса. В 2022 г. руководство страны приняло решение не прекращать экспедицию «Рысь» на территории Эстонии и начать миссию «Орел» в Румынии, где Франция пользуется статусом «рамочной нации» для одного из многонациональных батальонов НАТО. В обоих случаях речь идет о нескольких сотнях французских военнослужащих и десятках единиц техники, в т. ч. танках *Leclerc*, а также истребителях *Rafale* и *Mirage-2000*, участвующих в программе альянса по воздушному патрулированию. Возрастающая траектория просматривается в помощи Украине: если весной 2022 г. речь шла о поставках противотанковых ракет «Милан» (*Milan*) и единичных САУ *CAESAR*, то летом количество последних увеличилось, а в ноябре было объявлено о передаче зенитных ракетных комплексов «Кроталь» (*Crotale*) и реактивных систем залпового огня *LRU* (*Lance Roquette Unitaire*). Более того, во французском обществе сильны настроения в пользу дальнейшего увеличения поставок. Показательным стало открытое письмо на страницах газеты «Монд» (*Le Monde*) группы политологов, в котором они при-

¹ Акроним из Australia, United Kingdom, United States (Австралия, Британия, США). – Прим. ред.

² Bourmaud F.-X. G20: Emmanuel Macron revient à la charge sur les sous-marins australiens. Le Figaro. 25.11.2022. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/g20-emmanuel-macron-revient-a-la-charge-sur-les-sous-marins-australiens-20221117> (дата обращения: 25.11.2022)

звали Э. Макрона прекратить попытки балансирования, стать «лучшим союзником Украины» и отправить ей танки, истребители и вертолеты¹.

Описанные решения указывают на готовность руководства Пятой республики подтвердить за вооруженными силами их экспедиционную направленность. Франция не намерена покидать ни один из четырех регионов. Размещение дополнительных сил на восточном фланге НАТО также не является революционным шагом, поскольку французские силы впервые появились в Эстонии еще в 2017 году.

* * *

Таким образом, анализ основных компонентов военной политики Франции показывает наличие трех тенденций:

1) стремление устранить технические и организационные пробелы при сохранении прежней модели вооруженных сил;

2) соответствующее увеличение оборонного бюджета, растянутое во времени и планировавшееся до событий 2022 г.;

3) намерение сохранить военное присутствие в приоритетных районах мира следующими способами: адаптация его формата под меняющуюся ситуацию (Африка/Ближний Восток), продолжение прежнего курса (ИТР) и наращивание возможности (Европа).

В совокупности данные тенденции свидетельствуют, что радикальные изменения в отрасли не начались: уместнее говорить о приспособлении к новым вызовам на основе преемственности. Оборонная политика Франции начала внутреннюю перестройку под требования конфликтов высокой интенсивности, однако этот процесс продлится, судя по всему, весь второй президентский срок Э. Макрона (или дольше). С точки зрения интересов России следует учитывать, что французская оборона становится всё более встроенная в западную, поскольку солидарность с ЕС и НАТО в Париже не подвергается сомнению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Власов Н.А., Малыгина А.А., Павлов А.Ю. (2013) *Мысль и меч: эволюция оборонной политики стран Западной Европы и развитие военных технологий во второй половине XX – начале XXI вв.* МБА, Москва. 248 с.

Иванников И.В., Чернов И.В. (2022) Франция после Брексита: la Renaissance française или потеря геополитического влияния? *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения.* № 1. С. 15–30. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.102>.

Сидоров А.С. (2022) Военно-политический баланс возможностей Франции в Сахеле: этапы и механизмы выхода с ТВД. *Актуальные проблемы Европы.* № 4. С. 79–108. DOI: 10.31249/ape/2022.04.04.

¹ «La France doit agir comme le meilleur allié de l'Ukraine». Le Monde. 31.10.2022. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/10/31/la-france-doit-agir-comme-le-meilleur-allie-de-l-ukraine_6148025_3232.html (дата обращения: 25.11.2022)

Кудрявцев А.К. (2022) Экономика Франции – проблемы старые и новые. *Современная Франция: между тревогами и надеждами*. Под ред. М.В. Клиновой, А.К. Кудрявцева, П.П. Тимофеева. ИМЭМО РАН, Москва. С. 20–27. DOI: 10.20542/978-5-9535-0605-2.

Тимофеев П.П., Хорольская М.В. (2020) Проектный потенциал франко-германского оборонного сотрудничества. *Анализ и прогноз*. № 4. С. 62–75. DOI: 10.20542/afij-2020-4-62-75.

Чистяков А.В. (2021) Влияние исламского фактора на состояние вооруженных сил Франции. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 6. С. 165–173. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran62021165173>.

Чихачев А.Ю. (2019) Военная политика Франции при президенте Эммануэле Макроне: основные тенденции. *Мировая экономика и международные отношения*. № 8. С. 82–90. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-82-90.

Щербак И.Н. (2022) Мали и регион Гвинейского залива в фокусе стабилизационной стратегии Евросоюза. *Современная Европа*. № 4. С. 94–107. DOI: 10.31857/S0201708322040076.

Antil A. (2019) Sahel: soubassement d'un désastre. *Politique étrangère*. No. 3. P. 89–98. DOI: <https://doi.org/10.3917/pe.193.0089>.

Bansept L., Tenenbaum, E. (2022) Après Barkhane: repenser la posture stratégique française en Afrique de l'Ouest. *Focus stratégique*. No. 109. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/bansept_tenenbaum_apres_barkhane_2022.pdf (дата обращения: 28.11.2022).

Bourreau P. (2022) Vous avez bien dit «économie de guerre»? *Revue Défense Nationale*. No. 854. P. 39–43.

Briant R., Florant J.-B., Pesqueur M. (2021) La masse dans les armées françaises: un défi pour la haute intensité. *Focus stratégique*. No. 105. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/briant_florant_pesqueur_masse_2021.pdf (дата обращения: 28.11.2022).

Briant R. (2022) La filière munitions française face à la haute intensité: des équilibres à redéfinir. *Briefings de l'IFRI*. Janvier. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/briant_filiere_munitions_francaise_2022_.pdf (дата обращения: 28.11.2022).

Martinet J.-M. (2022) Les enjeux pour la Marine en Méditerranée. *Revue Défense Nationale*. No. 853. P. 25–29.

Stark H. (2022) La politique de défense de l'Allemagne: un tournant historique? *Politique étrangère*. No. 3. P. 89–102. DOI: <https://doi.org/10.3917/pe.223.0089>.

Tanguy J.-M. (2021) Etat de l'industrie française de l'armement. *Conflits*. No. 14. P. 53–58.

Tenenbaum E., Paglia M., Ruffié N. (2020) Confettis d'empire ou points d'appui? L'avenir de la stratégie française de présence et de souveraineté. *Focus stratégique*. No. 94. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/tenenbaum_avenir_strategie_2020.pdf (дата обращения: 28.11.2022).

French Defense Policy: “The Copernican Revolution” or Business as Usual?

A.Yu. Chikhachev*

Candidate of Sciences (Politics)

*Senior Lecturer, Department of European Studies, Saint-Petersburg State University
7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russia, 199034*

***E-mail:** alexchikhachev@gmail.com

Abstract. The article examines the main trends in French defense policy at the beginning of Emmanuel Macron's second presidential term. Throughout 2022 he made a number of statements announcing the «Copernican revolution» in defense including the transition to a war economy. However, the scale and pace of these changes are not as tremendous as it could seem at first glance. In particular, one of the basics of French defense doctrine is strengthening solidarity within the Western camp, the perception of European defense integration as an integral part of NATO. Some increase in defense budget is planned, which, nevertheless, will take place according to a long-planned schedule and not in such massive volumes as in Germany. Paris expects to maintain its presence in various regions of the world: for example, in Africa, where a new strategy will be developed after the end of the operation «Barkhane», and in Eastern Europe due to a relocation of French units and weapons there against the background of the conflict in Ukraine. The author concludes that French defense policy is experiencing the adaptation rather than a real revolution, keeping the continuity in all major aspects. In terms of Russia-France relations, it is a negative trend, since the Fifth Republic couples its policy with the membership in the collective West to an even greater extent than before, which further narrows the room for dialogue.

Key words: France, EU, NATO, defense policy, defense industry, overseas operations, Emmanuel Macron.

DOI: 10.31857/S0201708323020079

EDN: ouqzzv

REFERENCES

- Antil A. (2019) Sahel: soubassement d'un désastre, *Politique étrangère*, 3, pp. 89–98. DOI: <https://doi.org/10.3917/pe.193.0089>.
- Bansept L., Tenenbaum, E. (2022) Après Barkhane: repenser la posture stratégique française en Afrique de l'Ouest, *Focus stratégique*, 109. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/bansept_tenenbaum_apres_barkhane_2022.pdf (accessed: 28.11.2022).
- Bourreau P. (2022) Vous avez bien dit «économie de guerre»? *Revue Défense Nationale*, 854, pp. 39–43.
- Briant R., Florant J.-B., Pesqueur M. (2021) La masse dans les armées françaises: un défi pour la haute intensité, *Focus stratégique*, 105. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/briant_florant_pesqueur_masse_2021.pdf (accessed: 28.11.2022).
- Briant R. (2022) La filière munitions française face à la haute intensité: des équilibres à redéfinir, *Briefings de l'IFRI*, Janvier. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/briant_filiere_munitions_francaise_2022_.pdf (accessed: 28.11.2022).
- Chikhachev A.Y. (2019) Voennaya politika Frantsii pri prezidente Emmanuele Makrone: osnovnye tendentsii [French Defense Policy Under President Emmanuel Macron: Major Trends], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 8, pp. 82–90. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-82-90 (In Russian).

Chistyakov A.V. (2021) Vliyanie islamskogo faktora na sostoyanie vooruzhennykh sil Frantsii [The Influence of the Islamic Factor on the State of the Armed Forces of France], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 6, pp. 165–173. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran62021165173> (In Russian).

Ivannikov I.V., Chernov I.V. (2022) Frantsiya posle Breksita: la Renaissance française ili poterya geopoliticheskogo vliyaniya? [Post-Brexit France: French Renaissance or loss of geopolitical influence?], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 1, pp. 15–30. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.102> (In Russian).

Martinet J.-M. (2022) Les enjeux pour la Marine en Méditerranée, *Revue Défense Nationale*, 853, pp. 25–29.

Shcherbak I.N. (2022) Mali i region Gvineiskogo zaliva v fokuse stabilizatsionnoi strategii Evrosoyuzha [Mali and Gulf of Guinea in the focus of the European Union's stabilization strategy], *Sovremennaya Evropa*, 4, pp. 94–107. DOI: 10.31857/S0201708322040076 (In Russian).

Sidorov A.S. (2022) Voenno-politicheskii balans vozmozhnostei Frantsii v Sakhele: etapy i mekhanizmy vykhoda s TVD [The military-political balance of France's capabilities in the Sahel: stages and mechanisms of exit from theater of operations], *Aktual'nye problemy Evropy*, 4, pp. 79–108. DOI: 10.31249/ape/2022.04.04 (In Russian).

Kudriavtsev A.K. (2022) Old and new problems of the French economy, in Klinova M.V., Kudriavtsev A.K., Timofeev P.P. (ed.) *Sovremennaya Frantsiya: mezhdru trevogami i nadezhdami* [Contemporary France: between worries and hopes], IMEMO RAS, Moscow, Russia, pp. 20–27. DOI: 10.20542/978-5-9535-0605-2 (In Russian).

Stark H. (2022) La politique de défense de l'Allemagne: un tournant historique? *Politique étrangère*, 3, pp. 89–102. DOI: <https://doi.org/10.3917/pe.223.0089>

Tanguy J.-M. (2021) Etat de l'industrie française de l'armement, *Conflits*, 14, pp. 53–58.

Tenenbaum E., Paglia M., Ruffié N. (2020) Confettis d'empire ou points d'appui? L'avenir de la stratégie française de présence et de souveraineté, *Focus stratégique*, 94. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/tenenbaum_avenir_strategie_2020.pdf (accessed: 28.11.2022)

Timofeev P.P., Khorolskaya M.V. (2020) Proektnyi potentsial franko-germanskogo obo-ronnogo sotrudnichestva [Project Potential of the Franco-German Defense Cooperation], *Analiz i prognoz*, 4, pp. 62–75. DOI: 10.20542/afij-2020-4-62-75 (In Russian).

Vlasov N.A., Malygina A.A., Pavlov A.Y. (2013) *Mysl' i mezh: evolyutsiya oboronnoi politiki stran Zapadnoi Evropy i razvitiye voennykh tekhnologii vo vtoroi polovine XX – nachale XXI vv.* [Thought and Blade: the Change of Western Europe Defense Policy and Military Technologies during late XX – early XXI centuries], MBA, Moscow, Russia. 248 p. (In Russian).

УДК 336.5.02

ПЛАНИРОВАНИЕ ФЕДЕРАЛЬНЫХ РАСХОДОВ В ГЕРМАНИИ: ТОЧНОСТЬ ПРОЕКТИРОВОК

© 2023 **ГРАЧЕВА Мария Владимировна***

Кандидат экономических наук

*Ведущий научный сотрудник Отдела экономической теории Национального
исследовательского института мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23*

***E-mail:** mgracheva@mail.ru

Поступила в редакцию 16.10.2022

После доработки 18.12.2022

Принята к публикации 09.02.2023

Аннотация. В статье рассмотрено произошедшее в последние годы снижение надежности бюджетирования расходов в Германии. Используются данные о формировании и исполнении пятилетнего финансового плана на 2017–2021 гг. Сопоставление плана с его исполнением проведено в четырех разрезах: совокупные расходы по функциональной классификации, совокупные расходы по экономической классификации, текущие расходы по функциональной классификации, капитальные расходы по функциональной классификации. В результате расчетов выявлены сферы с повышенной и пониженной точностью бюджетного планирования, ключевые направления значительного перерасхода бюджетных средств в 2020–2021 гг. и причины возникших отклонений. Проанализировано последствие ухудшения точности бюджетных проектировок – возвращение дефицита и чистых заимствований федерального бюджета. Представлены динамика расходов, чистых заимствований, отношения чистых заимствований к расходам в 2002–2021 гг. и план по этим параметрам на 2022–2026 гг. На основе рассмотренных данных сделан вывод о критической важности 2023 г. для восстановления утраченной надежности планирования федеральных расходов.

Ключевые слова: Германия, финансовое планирование, расходы федерального бюджета, функциональная классификация, экономическая классификация, текущие расходы, капитальные расходы, точность федеральных финансовых планов.

DOI: 10.31857/S0201708323020080

EDN: outssz

В 2020 г. и 2021 г. федеральный бюджет Германии впервые после 2014 г. был сведен с дефицитом. К запланированным бюджетам дважды принимались масштабные дополнительные бюджеты, которые затем существенно менялись (в 2009 г. во время финансового кризиса также утверждался дополнительный бюджет, но его объем и последующая корректировка были гораздо скромнее)¹. Дефицит сформировался в 2022 г. и намечен на 2023–2026 гг. После почти двух десятилетий развития государственных финансов, в ходе которого стабильно повышалась эффективность планирования федеральных расходов [Грачева, 2018; Грачева, 2019], наступило время неопределенности.

В 2020–2022 гг. опубликовано большое количество исследований проблем расходной политики. Эксперты обращают внимание на необходимость новых заимствований и реформирования политики долгового тормоза [Gebhardt, Siemers, 2020a; Gebhardt, Siemers, 2020b; Dezernat Zukunft, 2021; Büttner, 2021; Hentze, 2021; Krahé, Sigl-Glöckner, 2021; Kremer et al., 2022]. Ряд работ указывает на важность развития государственного Фонда энергетики и климата (ФЭК)² в качестве средства преодоления ограничений долгового тормоза [Büttner, 2022; Murau, Thie, 2022]. Предлагается также создать специальный государственный фонд социально-экологической трансформации (ФСЭТ) для инвестиций в уставный капитал существующих и учреждаемых компаний, которые способны обеспечить трансформа-

¹ В 2009 г. соотношение увеличенных и запланированных годом ранее федеральных расходов составило 105%, а соотношение исполненных и увеличенных федеральных расходов – 96%. В 2020 г. индикаторы достигли 141 и 87%, в 2021 г. – 132 и 102% соответственно. Здесь и далее все данные о расходах федерального бюджета рассчитаны автором на основе сведений, ежегодно публикуемых в федеральных финансовых планах Германии. Источник данных о пятилетних федеральных финансовых планах Германии: Das Dokumentations- und Informationssystem für Parlamentsmaterialien (DIP). URL: <http://pdok.bundestag.de/> (дата обращения: 10.01.2023).

² ФЭК (*Energie- und Klimafonds, EKF*) создан в 2010 г. для осуществления энергетического поворота и защиты климата. В последнее время он стал крайне важным в связи с обострением проблемы обеспечения энергетической независимости страны. В июле 2022 г. ФЭК был преобразован в ФКТ – Фонд климата и трансформации (*Klima- und Transformationsfonds, KTF*), т. е. защиты климата и трансформации в целях достижения климатической нейтральности. Подробнее о роли ФЭК/ФКТ в осуществлении энергетического перехода см.: [Белов, 2022a; Котов, 2022; Меден, 2022; Супян, 2020; Хорольская, 2022].

цию, и для поддержки научных исследований и разработок¹ [Dullien et al., 2021a; Dullien et al., 2021b].

В статье рассматривается точность реализации бюджетных проектировок в расходной части федерального бюджета Германии за последние пять лет. Финансовый план на 2017–2021 гг. сопоставляется с исполнением бюджета в эти годы. Сравнение проводится в четырех разрезах: совокупные расходы по функциональной и экономической классификациям, текущие и капитальные расходы по функциональной классификации². Это позволяет выявить главные направления кризисных изменений, обусловивших снижение надежности финансового планирования в последние годы. Кроме того, анализируется динамика чистых заимствований и их отношения к расходам по финансовому плану на 2022–2026 гг. и определяется критическое значение 2023 г. для повышения точности бюджетного планирования.

Финансовый план 2017–2021 гг. и его исполнение

Результаты расчетов, показывающих соотношение факт/план совокупных федеральных расходов по функциональной классификации (ФК), представлены в табл. 1, по экономической классификации (ЭК) – в табл. 2.

Сравнение финансового плана 2017–2021 гг. с его исполнением свидетельствует о том, что положительное отклонение фактических расходов от запланированных достигло 313 млрд евро за пять лет, т. е. 18,2% плана расходов. Это резкий скачок вверх на фоне трех предыдущих пятилеток, когда не только абсолютные, но и относительные показатели были на порядок меньше: 3,6% в 2002–2006 гг., 1,9% в 2007–2011 гг., 0,5% в 2012–2016 гг. [Грачева, 2018: 135].

В части расходов, распределенных по ФК, превышение составило 268 млрд евро, или 15,6%, а в части расходов, распределенных по ЭК – 275 млрд евро, или 16,0%. Перерасходы нераспределенных по ФК/ЭК сумм оказались на невысоких уровнях (44/37 млрд евро, или 2,6/2,2%).

Основные положительные отклонения (ставшие источником более чем 50% итоговых отклонений) имели место:

- по ФК – в разделах «экономические вопросы» (114 млрд евро, т. е. 6,6%) и «государственные службы общего назначения» (68 млрд евро, т. е. 3,9%);
- по ЭК – в разделе «текущие субсидии/дотации» (269 млрд евро, т. е. 15,6%);
- по годам – в 2021 г. (200 млрд евро, т. е. 56,0%).

¹ Максимальный объем ФСЭТ, финансируемого из новых заимствований, предложен на уровне 120 млрд евро. В настоящее время идея экспертов о ФСЭТ частично (в отношении поддержки научных исследований и разработок в форме субсидий и дотаций) реализуется в проектах действующего ФКТ, однако последний не осуществляет инвестиции в уставный капитал компаний.

² По такой же методике автор проводил сравнение планов на 2002–2006 гг., 2007–2011 гг., 2012–2016 гг. с их исполнением [Грачева, 2018: 132].

Таблица 1¹

**Совокупные расходы федерального бюджета (ФБ)
по функциональной классификации² (ФК), отклонение факта от плана**

ФК	млрд евро						% к расходам по плану-2017					
	2017	2018	2019	2020	2021	2017-2021	2017	2018	2019	2020	2021	2017-2021
701. Государственные службы общего назначения	-1,3	-1,4	-8,3	+15,6	+62,8	+67,5	-0,4	-0,4	-2,4	+4,5	+17,6	+3,9
702. Оборона	-0,1	+0,2	+2,8	+4,6	+4,5	+12,0	-0,0	+0,1	+0,8	+1,3	+1,3	+0,7
703. Общественный порядок и безопасность	+1,0	+0,9	+1,4	+1,8	+2,1	+7,1	+0,3	+0,3	+0,4	+0,5	+0,6	+0,4
704. Экономические вопросы	-1,7	-0,4	-0,3	+40,1	+75,9	+113,7	-0,5	-0,1	-0,1	+11,5	+21,3	+6,6
705. Охрана окружающей среды	-0,0	-0,2	+0,2	+0,4	+3,0	+3,3	-0,0	-0,1	+0,0	+0,1	+0,8	+0,2
706. Жилищные и коммунальные услуги	-0,3	-0,2	+0,1	+0,3	+0,9	+0,9	-0,1	-0,1	+0,0	+0,1	+0,3	+0,1
707. Здравоохранение	-0,0	-0,0	+0,0	+3,5	+17,9	+21,4	-0,0	-0,0	+0,0	+1,0	+5,0	+1,2
708. Отдых, культура, религия	-0,0	+0,0	+0,2	+1,7	+1,8	+3,8	-0,0	+0,0	+0,1	+0,5	+0,5	+0,2
709. Образование и наука	-0,9	-0,9	-1,1	+3,2	+3,2	+3,5	-0,3	-0,3	-0,3	+0,9	+0,9	+0,2
710. Социальная защита	-2,0	-1,5	-0,1	+13,3	+25,5	+35,3	-0,6	-0,4	-0,0	+3,8	+7,2	+2,1
<i>Совокупные расходы ФБ, распределенные по ФК</i>	<i>-5,4</i>	<i>-3,6</i>	<i>-4,9</i>	<i>+84,5</i>	<i>+197,7</i>	<i>+268,4</i>	<i>-1,6</i>	<i>-1,1</i>	<i>-1,4</i>	<i>+24,2</i>	<i>+55,4</i>	<i>+15,6</i>
Нераспределенные расходы/корректировки	+7,0	+14,0	+13,4	+7,9	+2,1	+44,3	+2,1	+4,1	+3,8	+2,3	+0,6	+2,6
<i>Совокупные расходы ФБ</i>	<i>+1,6</i>	<i>+10,4</i>	<i>+8,5</i>	<i>+92,4</i>	<i>+199,8</i>	<i>+312,7</i>	<i>+0,5</i>	<i>+3,1</i>	<i>+2,4</i>	<i>+26,4</i>	<i>+56,0</i>	<i>+18,2</i>

¹ Данные для таблиц 1–4 рассчитаны автором на основе исполненных годовых федеральных бюджетов, опубликованных в пяти федеральных финансовых планах Германии в 2018–2022 гг., и пятилетнего федерального финансового плана на 2022–2026 гг., опубликованного в 2022 г.

² Статьи ФК, применяемой в федеральных финансовых планах Германии, были укрупнены и трансформированы в разделы ФК Международного валютного фонда. Методика укрупнения и трансформации представлена автором ранее на материалах пятилетних федеральных финансовых планов 2002–2006 гг., 2007–2011 гг., 2012–2016 гг. Все названия разделов расходной части федерального бюджета по функциональной классификации даны в соответствии с терминологией МВФ [Грачева, 2018: 139–141].

Таблица 2

**Совокупные расходы федерального бюджета (ФБ)
по экономической классификации (ЭК), отклонение факта от плана**

ЭК	млрд евро						% к расходам по плану-2017					
	2017	2018	2019	2020	2021	2017-2021	2017	2018	2019	2020	2021	2017-2021
1. Текущие расходы, в т. ч.	-4,5	-6,7	-6,1	+74,1	+183,8	+240,6	-1,4	-2,0	-1,8	+21,2	+51,5	+14,0
1.1. Расходы на персонал организаций сектора госуправления и вооруженных сил, включая выплаты пенсионерам	-0,2	+0,6	+1,8	+2,9	+3,9	+9,0	-0,1	+0,2	+0,5	+0,8	+1,1	+0,5
1.2. Госзакупки товаров и услуг	-0,3	-0,6	+1,2	+3,4	+4,7	+8,4	-0,1	-0,2	+0,3	+1,0	+1,3	+0,5
1.3. Проценты по госдолгу	-1,0	-4,4	-8,3	-14,2	-17,9	-45,8	-0,3	-1,3	-2,4	-4,1	-5,0	-2,7
1.4. Текущие субсидии/дотации и передача имущества для неинвестиционных целей	-3,0	-2,3	-0,8	+82,0	+193,1	+269,0	-0,9	-0,7	-0,2	+23,5	+54,1	+15,6
2. Капитальные расходы, в т. ч.	-2,1	+1,7	+1,1	+18,2	+15,9	+34,8	-0,6	+0,5	+0,3	+5,2	+4,5	+2,0
2.1. Инвестиции в материальные активы	-0,2	-0,2	+0,1	+0,4	-6,4	-6,3	-0,1	-0,1	+0,0	+0,1	-1,8	-0,4
2.2. Инвестиционные субсидии/дотации	-1,2	+1,8	+1,1	+11,1	+18,2	+31,0	-0,4	+0,5	+0,3	+3,2	+5,1	+1,8
2.3. Ссуды и долевыми вложения	-0,7	+0,1	-0,1	+6,7	+4,1	+10,1	-0,2	+0,0	-0,0	+1,9	+1,1	+0,6
Совокупные расходы ФБ, распределенные по ЭК	-6,6	-5,0	-5,0	+92,3	+199,7	+275,4	-2,0	-1,5	-1,4	+26,4	+56,0	+16,0
Нераспределенные расходы/корректировки	+8,2	+15,4	+13,5	+0,1	+0,1	+37,3	+2,5	+4,6	+3,9	+0,0	+0,0	+2,2
Совокупные расходы ФБ	+1,6	+10,4	+8,5	+92,4	+199,8	+312,7	+0,5	+3,1	+2,4	+26,4	+56,0	+18,2

Распределение текущих и капитальных расходов по ФК представлено в табл. 3 и 4. Основными факторами превышения факта над планом являются:

- в текущих расходах – экономика и госслужбы общего назначения в 2021 г. (68 и 61 млрд евро); в сумме на эти разделы приходится 129 из 243 млрд евро отклонений распределенных текущих расходов за пять лет;
- в капитальных расходах – экономика в 2020–2021 гг. (7 и 3 млрд евро) и госслужбы общего назначения в 2018 г. и 2021 г. (3 и 2 млрд евро); в сумме – 15 из 26 млрд евро отклонений распределенных капитальных расходов за пять лет.

В рамках текущих расходов отклонение в разделе «экономические вопросы» обусловлено прежде всего текущими дотациями пострадавшему от пандемии бизнесу (63 млрд евро перерасхода в 2021 г. по сравнению с планом 2017 г.). Они предоставлялись на пополнение ликвидных средств, поддержку самозанятых, помощь в трудной ситуации и т. п. и полностью отсутствовали в финансовом плане 2017 г. В разделе «государственные службы общего назначения» отклонение возникло в результате предоставления текущих субсидий государственным фондам особого имущества, которые обеспечивают поддержку решения наиболее актуальных для развития страны задач (76 млрд евро перерасхода в 2021 г. по сравнению с планом 2017 г.). Из трех главных государственных фондов, указанных ниже¹, в финансовом плане 2017 г. фигурировал только первый. Объем самого крупного фонда – ФЭК – составил 106 млрд евро в 2021 г. Его основные проекты осуществляются в сферах повышения энергоэффективности зданий, водородной энергетики, электромобильности, возобновляемых энергоносителей. Основное внимание уделяется энергоэффективности. На втором месте в 2021 г. находился фонд восстановления 2021 г. с объемом 16 млрд евро. Он создан для помощи регионам, пострадавшим от летнего наводнения. На третьем месте – фонд цифровой инфраструктуры (ФЦИ). Его объем в 2021 г. составил 5 млрд евро. ФЦИ занимается поддержкой развития сетей мобильной связи, скоростного интернета и цифрового школьного образования².

В рамках капитальных расходов отклонения в разделе «экономические вопросы» объясняются инвестициями в федеральные железные дороги (2 и 6 млрд евро перерасхода в 2020 г. и 2021 г.). Решение о существенном наращивании государственных капиталовложений в этом секторе было принято в 2019 г. в целях обеспечения климатической трансформации прежде всего для разработки и создания инфраструктуры, необходимой для эксплуатации альтернативных двигателей на железнодорожном транспорте. В разделе «госслужбы общего назначения» – вложениями в ФЦИ (3 млрд евро перерасхода в 2018 г.)³ и в проекты, осуществляемые в

¹ Источник данных об объемах трех указанных фондов в 2021 г. и о проектах помощи развивающимся странам: Entwurf eines Gesetzes über die Feststellung des Bundeshaushaltsplans für das Haushaltsjahr 2023. Deutscher Bundestag. 05.08.2022. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/031/2003100.pdf> (дата обращения: 10.01.2023)

² Подробнее о роли ФЦИ в реализации Цифрового школьного пакта во время пандемии см.: [Романова, 2021].

³ При составлении финансового плана-2017 ФЦИ не существовало.

рамках помощи развивающимся странам (2 млрд евро перерасхода в 2021 г. из-за особого внимания к проектам в целях защиты климата).

Таблица 3

**Текущие расходы федерального бюджета (ФБ)
по функциональной классификации (ФК), отклонение факта от плана**

ФК	млрд евро						% к расходам по плану-2017					
	2017	2018	2019	2020	2021	2017-2021	2017	2018	2019	2020	2021	2017-2021
701. Государственные службы общего назначения	-3,6	-4,0	-8,8	+13,5	+60,6	+57,8	-1,2	-1,3	-2,8	+4,3	+18,8	+3,7
702. Оборона	-0,3	+0,1	+2,3	+4,2	+4,4	+10,7	-0,1	+0,0	+0,8	+1,3	+1,4	+0,7
703. Общественный порядок и безопасность	+1,2	+1,0	+1,2	+1,3	+1,8	+6,4	+0,4	+0,3	+0,4	+0,4	+0,5	+0,4
704. Экономические вопросы	-1,2	-0,7	-0,5	+37,4	+68,9	+104,0	-0,4	-0,2	-0,2	+11,8	+21,3	+6,7
705. Охрана окружающей среды	+0,2	+0,2	+0,2	+0,2	+2,7	+3,4	+0,1	+0,1	+0,1	+0,1	+0,8	+0,2
706. Жилищные и коммунальные услуги	+0,1	+0,1	+0,1	0,0	0,0	+0,3	+0,0	+0,0	+0,0	0,0	0,0	+0,0
707. Здравоохранение	-0,0	-0,0	+0,0	+3,5	+17,9	+21,4	-0,0	-0,0	+0,0	+1,1	+5,5	+1,4
708. Отдых, культура, религия	-0,0	-0,1	+0,2	+1,5	+1,6	+3,3	-0,0	-0,0	+0,1	+0,5	+0,5	+0,2
709. Образование и наука	-0,7	-0,8	-0,9	+3,2	+2,8	+3,6	-0,2	-0,3	-0,3	+1,0	+0,9	+0,2
710. Социальная защита	-2,0	-1,5	-0,1	+11,5	+24,0	+32,0	-0,7	-0,5	-0,0	+3,6	+7,4	+2,1
Текущие расходы ФБ, распределенные по ФК	-6,4	-5,8	-6,1	+76,2	+184,8	+242,8	-2,2	-1,9	-2,0	+24,1	+57,2	+15,7
Нераспределенные расходы/корректировки	+1,9	-0,9	-0,0	-2,1	-1,0	-2,2	+0,7	-0,3	-0,0	-0,7	-0,3	-0,1
Текущие расходы ФБ	-4,5	-6,7	-6,1	+74,1	+183,8	+240,6	-1,5	-2,2	-2,0	+23,4	+56,9	+15,5

Таблица 4

**Капитальные расходы федерального бюджета (ФБ)
по функциональной классификации (ФК), отклонение факта от плана**

ФК	млрд евро						% к расходам по плану-2017					
	2017	2018	2019	2020	2021	2017-2021	2017	2018	2019	2020	2021	2017-2021
701. Государственные службы общего назначения	-0,1	+2,6	+0,5	+2,1	+2,2	+7,3	-0,3	+7,0	+1,3	+6,3	+6,5	+4,1
702. Оборона	+0,2	+0,1	+0,5	+0,4	+0,1	+1,3	+0,5	+0,3	+1,3	+1,2	+0,3	+0,7
703. Общественный порядок и безопасность	-0,2	-0,1	+0,2	+0,5	+0,3	+0,7	-0,5	-0,3	+0,5	+1,5	+0,9	+0,4
704. Экономические вопросы	-0,5	+0,3	+0,2	+2,7	+7,0	+9,7	-1,4	+0,8	+0,5	+8,1	+20,8	+5,4
705. Охрана окружающей среды	-0,2	-0,4	0,0	+0,2	+0,3	-0,1	-0,5	-1,1	0,0	+0,6	+0,9	-0,1
706. Жилищные и коммунальные услуги	-0,4	-0,3	0,0	+0,3	+0,9	+0,6	-1,1	-0,8	0,0	+1,0	+2,8	+0,3
707. Здравоохранение	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
708. Отдых, культура, религия	0,0	+0,1	0,0	+0,2	+0,2	+0,5	0,0	+0,3	0,0	+0,6	+0,6	+0,3
709. Образование и наука	-0,2	-0,1	-0,2	0,0	+0,4	-0,1	-0,5	-0,3	-0,5	0,0	+1,2	-0,1
710. Социальная защита	0,0	0,0	0,0	+1,8	+1,5	+3,3	0,0	0,0	0,0	+5,4	+4,5	+1,8
Капитальные расходы ФБ, распределенные по ФК	-1,4	+2,2	+1,2	+8,2	+12,9	+23,2	-3,8	+5,9	+3,2	+24,7	+38,4	+12,9
Нераспределенные расходы/корректировки	-0,7	-0,5	-0,1	+10,0	+3,0	+11,6	-1,9	-1,3	-0,3	+29,8	+8,8	+6,5
Капитальные расходы ФБ	-2,1	+1,7	+1,1	+18,2	+15,9	+34,8	-5,7	+4,6	+2,9	+54,5	+47,2	+19,4

Данные свидетельствуют о том, что главными причинами существенного снижения точности планирования расходов по итогам исполнения федеральных бюджетов в 2020–2021 гг. по сравнению с параметрами пятилетнего плана 2017 г. стали два глобальных чрезвычайных явления – пандемия и обострение проблемы потепления климата.

**Чистые заимствования федерального бюджета в 2002–2021 гг.
и в плане на 2022–2026 гг.**

Произошедшие в 2020–2021 гг. изменения сопровождались возвращением дефицита и чистых заимствований (ЧЗ) федерального бюджета¹. Динамика федеральных расходов и ЧЗ в абсолютном/относительном измерении представлена в табл. 5.

Таблица 5

Расходы и чистые заимствования федерального бюджета

Год (2002–2021 гг. – факт, 2022–2026 гг. – план)	Расходы федераль- ного бюджета	Чистые заимствова- ния федерального бюджета	Отношение чистых заим- ствований к расходам феде- рального бюджета
	млрд евро		%
2002	249,3	31,9	12,8
2003	256,7	38,6	15,0
2004	251,6	39,5	15,7
2005	259,9	31,2	12,0
2006	261,0	27,9	10,7
2007	270,4	14,3	5,3
2008	282,3	11,5	4,1
2009	292,3	34,1	11,7
2010	303,7	44,0	14,5
2011	296,3	17,3	5,8
2012	306,8	22,5	7,3
2013	307,8	22,1	7,2
2014	295,5	0,0	0,0
2015	311,4	0,0	0,0
2016	317,1	0,0	0,0
2017	330,7	0,0	0,0
2018	347,9	0,0	0,0
2019	356,7	0,0	0,0
2020	441,8	130,5	29,5
2021	556,6	215,4	38,7
2022	495,8	138,9	28,0

¹ Показатель «чистые заимствования федерального бюджета» рассчитывается в Германии как сумма бюджетного сальдо, отчисления средств в резерв/вывода средств из резерва и дохода от чеканки монет. Бюджетное сальдо рассчитывается как разница между доходами и расходами. В доходы не включаются отчисления средств в резерв/вывод средств из резерва и доход от чеканки монет. Источник: Wichtige Haushaltskennzahlen des Bundes im Zusammenhang mit der Schuldenbremse. Monatsbericht. Deutsche Bundesbank. 02.2016. P. 68–69. Таким образом, ЧЗ и отрицательное бюджетное сальдо (дефицит) – показатели близкие, но не идентичные.

Год (2002–2021 гг. – факт, 2022–2026 гг. – план)	Расходы федераль- ного бюджета	Чистые заимствова- ния федерального бюджета	Отношение чистых заим- ствований к расходам феде- рального бюджета
	млрд евро		%
2023	445,2	17,2	3,9
2024	423,7	12,3	2,9
2025	428,6	12,8	3,0
2026	436,3	13,8	3,2

В 2002–2013 гг. федеральные расходы выросли с 249 до 308 млрд евро (в среднем на 5 млрд евро в год). Среднегодовой темп прироста составил 1,9%. За 11 лет расходы сокращались лишь дважды – в 2004 г. и в 2011 г. на 5 и 7 млрд евро (т. е. на 2,0 и 2,4%) соответственно. ЧЗ колебались в диапазоне от 12 до 44 млрд евро. Их средний уровень составил 28 млрд евро в год, а среднее отношение к расходам – 10%.

Затем вступила в действие политика долгового тормоза, согласно которой максимально допустимое отношение структурных ЧЗ (ЧЗ с учетом ряда корректировок) к валовому внутреннему продукту определено на уровне 0,35%. В 2014 г. федеральный бюджет был сведен с незначительным дефицитом, а 2015–2019 гг. стали годами бюджетного профицита. Соответственно, в этот шестилетний период ЧЗ отсутствовали. В 2019 г. федеральные расходы достигли 357 млрд евро (они росли в среднем на 8 млрд евро в год), среднегодовой темп прироста составил 3,8%, падение расходов произошло один раз – в 2014 г. на 12 млрд евро (т. е. на 4,0%). По сравнению с предыдущим данный период следует охарактеризовать как более динамичный.

Однако в 2021 г. федеральные расходы достигли 557 млрд евро (они росли в среднем на 100 млрд евро в год), среднегодовой темп прироста поднялся до 24,9%, в 2020–2021 гг. ЧЗ составили 85 и 115 млрд евро (структурные ЧЗ – 1,6 и 6,0% ВВП – оказались гораздо выше максимально допустимого уровня, но ситуация пандемии была признана чрезвычайной и освобождающей от ограничений долгового тормоза), среднее отношение ЧЗ к расходам увеличилось до 35%.

Согласно пятилетнему финансовому плану на 2022–2026 гг., утвержденному правительством в июле 2022 г. и принятому к сведению парламентом в сентябре 2022 г.¹, федеральные расходы сократятся с 496 млрд евро в 2022 г. до 424 млрд евро в 2024 г., а затем немного вырастут до 436 млрд евро в 2026 г. (т. е.

¹ Правительство утверждает пятилетний финансовый план в конце июня – начале июля и представляет его в парламент в августе. Первым годом пятилетки является текущий год (его бюджет утверждался парламентом в виде закона в предыдущем году); вторым – следующий год (его бюджет вносится в парламент в сентябре и утверждается им в виде закона не позднее декабря текущего года). Бюджетные проектировки на третий, четвертый и пятый годы пятилетки в виде закона представляются в парламент в качестве информации и в последующие годы корректируются в рамках скользящего планирования. Второй год корректируется один раз, третий год – два раза, четвертый год – три раза, пятый год – четыре раза. В ходе корректировок происходит приспособление исходного плана к реалиям. Подробнее о пятилетнем финансовом планировании см.: [Грачева, 2018: 132–133].

их уровень окажется немного ниже 2020 г.; в среднем уменьшение составит 24 млрд евро в год). Среднегодовой темп падения за эти пять лет должен быть 4,8%. В этом пятилетнем плане учтены параметры третьего пакета помощи объемом 65 млрд евро в условиях ускорения инфляции, принятого правящей коалицией 3 сентября 2022 г., а также финансирование созданного в 2022 г. нового фонда особого имущества – фонда бундесвера¹. Однако в план 2022 г.² не включены меры на сумму до 200 млрд евро на период 2022–2024 гг., утвержденные правительством 29 сентября 2022 г. в рамках защитного зонта для экономики³ для компенсации роста цен на газ⁴. Указанные средства будут направлены в Фонд экономической стабилизации⁵, созданный в 2020 г. для поддержки пострадавшего от пандемии бизнеса и получивший новую жизнь в связи с созданием защитного зонта⁶.

Обеспечить снижение расходов в 2022–2024 гг. на 23,9% нелегко. В 2002–2021 гг. расходы сокращались лишь трижды. Максимальный спад составил 4,0%. ЧЗ ожидаются в диапазоне от 138 до 12 млрд евро. Их средний уровень составит 39 млрд евро в год, а среднее отношение к расходам – 9%, что соответствует показателю 2002–2013 гг.

Согласно пятилетнему финансовому плану на 2022–2026 гг., в 2023 г. федеральный бюджет должен вернуться к соблюдению максимального уровня структурных ЧЗ в 0,35% ВВП в соответствии с требованием долгового тормоза. Правительство придает этому большое значение: обязательство внесено в восьмой раздел коалиционного договора 2021–2025 гг. «С 2023 г. мы ограничим задолженность рамками долгового тормоза, закрепленными в Конституции, и будем соблюдать предписываемые тормозом показатели»⁷.

¹ Объем фонда – до 100 млрд евро. Он начинает действовать в 2023 г. с расходами 8,5 млрд евро. На 2024–2026 гг. запланированы расходы на сумму 67 млрд евро. Источник: Entwurf eines Gesetzes über die Feststellung des Bundeshaushaltsplans für das Haushaltsjahr 2023. Deutscher Bundestag. 05.08.2022. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/031/2003100.pdf> (дата обращения: 10.01.2023)

² Deutsche Haushaltsplanung 2023. Bundesministerium der Finanzen. 10.2022. P. 1–48.

³ Подробнее о третьем пакете и защитном зонте см.: [Белов, 2022с: 88–89, 93].

⁴ Цены на импортируемый в Германию газ начали расти в апреле 2021 г. Тогда они были на уровне 223 евро/т, а через год поднялись до 941 евро/т. В августе 2022 г. цены достигли пика – 2337 евро/т, но к октябрю снизились до 1284 евро/т, а в декабре подросли до 1559 евро/т. Рассчитано по: Statistisches Bundesamt. Genesis-Online Datenbank. Statistik 51000. Außenhandel. URL: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online> (дата обращения: 28.02.2023). Подробнее о ситуации в энергетике Германии см.: [Белов, 2022b: 116–132].

⁵ Фонд экономической стабилизации не относится к фондам особого имущества.

⁶ Wirtschaftlicher Abwehrschirm gegen die Folgen des russischen Angriffskrieges. Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz. 29.09.2022. P. 4–5. URL: https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Downloads/wirtschaftlicher-abwehrschirm-gegen-die-folgen-des-russischen-angriffskrieges.pdf?__blob=publicationFile&v=6 (дата обращения: 10.01.2023)

⁷ Mehr Fortschritt wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. Koalitionsvertrag 2021–2025 zwischen SPD, Bündnis 90/Die Grünen und FDP. 2021. P. 158. URL:

Заключение

Анализ плана расходов федерального бюджета Германии на 2017–2021 гг. и его исполнения позволяет сформулировать следующие выводы:

1. К сферам с пониженной точностью планирования (отклонения более 2% плана совокупных расходов) относятся:

- по ФК – экономические вопросы (перерасход 114 млрд евро, или 6,6% плана расходов), государственные службы общего назначения (+67 млрд евро, 3,9%) и социальная защита (+35 млрд евро, 2,1%),

- по ЭК – текущие субсидии/дотации (+269 млрд евро, 15,6%) и проценты по госдолгу (экономия 46 млрд евро, 2,7%).

Ключевые направления перерасхода – текущие дотации пострадавшему от пандемии бизнесу и текущие субсидии государственным фондам особого имущества (фондам энергетики и климата, восстановления 2021 г., цифровой инфраструктуры).

2. К сферам с повышенной точностью планирования (отклонения 2% и менее плана совокупных расходов) относятся:

- по ФК – здравоохранение (перерасход 21 млрд евро, или 1,2% плана расходов), оборона (+12 млрд евро, 0,7%), общественный порядок и безопасность (+7 млрд евро, 0,4%), отдых/культура/религия (+4 млрд евро, 0,2%), образование/наука (+4 млрд евро, 0,2%), охрана окружающей среды (+3 млрд евро, 0,2%), жилищные и коммунальные услуги (+1 млрд евро, 0,1%),

- по ЭК – капитальные расходы (+35 млрд евро, 2,0%) и текущие расходы на персонал (+9 млрд евро, 0,5%) и госзакупки (+8 млрд евро, 0,5%).

3. Финансовое планирование в рамках рассматриваемого периода следует оценить в 2017–2019 гг. как точное (перерасход составил 21 млрд евро, или 2,0% плана совокупных расходов); в 2020–2021 гг. как чрезвычайно неточное (+292 млрд евро, 41,4%). В первые три года отклонение факта от плана было близко к соответствующим показателям трех предыдущих пятилеток (+3,6%, +1,9%, +0,5%), а именно ближе всего к периоду 2007–2011 гг. Изменение позитивной тенденции, наблюдавшейся на протяжении почти 20 лет, объясняется пандемией и ее последствиями, а также необходимостью климатической трансформации.

4. Задача возвращения германского федерального бюджета на траекторию надежного планирования расходов трудновыполнима. Исходя из плана на 2022–2026 гг. главную роль в ее выполнении призван сыграть 2023 г., когда чистые заимствования должны сократиться со 139 до 17 млрд евро (на 88%), а их отношение к расходам – с 28 до 4% (в семь раз). Меры в рамках защитного зонта для экономики, утвержденные правительством в конце сентября 2022 г., могут осложнить решение задачи. Если реализация зонта приведет к значительному превышению

факта над планом текущих расходов на экономику, возвращение к политике долгового тормоза в 2023 г. будет поставлено под вопрос. В то же время у Германии сохраняется определенный запас прочности госфинансов: во втором квартале 2022 г. отношение госдолга к ВВП составило 67,2%, что выше маастрихтского стандарта в 60%, но заметно ниже средних уровней еврозоны (94,2%) и Евросоюза (86,4%)¹. Соответственно, не ожидается критических отрицательных последствий для экономики страны из-за задержки со снижением долговой нагрузки в краткосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белов В.Б. (2022а) Партийно-политические процессы в «Год супервыборов». *Германия. 2021*. Под ред. В.Б. Белова. ИЕ РАН, Москва. С. 15–35. DOI: 10.15211/report72022_393.

Белов В.Б. (2022b) Антикризисные меры правительства Германии в сфере энергетики. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 4. С. 116–132. DOI: 10.15211/vestnikieran42022116132.

Белов В.Б. (2022с) Экономика Германии на фоне актуальных хозяйственно-политических вызовов. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 5. С. 87–101. DOI: 10.15211/vestnikieran5202287101.

Грачева М.В. (2018) Эффективность среднесрочного планирования федеральных расходов в Германии: точность бюджетных проектировок. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 6. С. 132–145. DOI: 10.15211/vestnikieran620183.

Грачева М.В. (2019) Эффективность среднесрочного планирования федеральных расходов в Германии: главные структурные сдвиги. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 1. С. 114–119. DOI: 10.15211/vestnikieran12019114119.

Котов А.В. (2022) Предвыборные программы и экономическая политика нового Кабинета. *Германия. 2021*. Под ред. В.Б. Белова. ИЕ РАН, Москва. С. 74–86. DOI: 10.15211/report72022_393.

Меден Н.К. (2022) Электроэнергетика: состояние и перспективы. *Германия. 2021*. Под ред. В.Б. Белова. ИЕ РАН, Москва. С. 61–74. DOI: 10.15211/report72022_393.

Романова Е.В. (2021) Цифровизация школ в год коронавируса. *Германия. 2020*. Под ред. В.Б. Белова. ИЕ РАН, Москва. С. 91–110. DOI: 10.15211/report12021_379.

Супян Н.В. (2020) Климатическая повестка в германской экономике. *Германия. 2019*. Под ред. В.Б. Белова. ИЕ РАН, Москва. С. 44–55. DOI: 10.15211/report12020_368.

Хорольская М.В. (2022) Климатическая политика ФРГ на современном этапе. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 4. С. 30–39. DOI: 10.15211/vestnikieran420223039.

Büttner T. (2021) Die Krise hat Konjunktur. *Wirtschaftsdienst*. No. 7. P. 494. DOI: 10.1007/s10273-021-2951-0.

Büttner T. (2022) Not kennt kein Gebot? Sondervermögen als Speicher von Notlagenkrediten. *Wirtschaftsdienst*. No. 1. P. 23–26. DOI: 10.1007/s10273-022-3089-4.

¹ Europäische Union: Staatsverschuldung in den Mitgliedstaaten im 2. Quartal 2022 in Relation zum Bruttoinlandsprodukt. URL:

<https://de.statista.com/statistik/daten/studie/163692/umfrage/staatsverschuldung-in-der-eu-in-prozent-des-bruttoinlandsprodukts/> (дата обращения: 10.01.2023)

Dullien S., Rietzler K., Tober S. (2021a) Öffentliche Investitionen im Konjunkturprogramm als Einstieg in die sozial-ökologische Transformation. *Wirtschaftsdienst*. No. 3. P. 172–175. DOI: 10.1007/s10273-021-2869-6.

Dullien S., Rietzler K., Tober S. (2021b) *Ein Transformationsfonds für Deutschland: Gutachten*. IMK-Study. No 71. P. 1–30.

Dezernat Zukunft (2021) *Finanzakrobat Bundeshaushalt*. 25.03.2021. URL: <https://www.dezernatzukunft.org/finanzakrobat-bundeshaushalt/> (дата обращения: 10.01.2023)

Gebhardt H., Siemers L.-H. (2020a) Wirkung der Corona-Krise auf die Staatsfinanzen. *Wirtschaftsdienst*. No. 6. P. 468–470. DOI: 10.1007/s10273-020-2681-8.

Gebhardt H., Siemers L.-H. (2020b) Staatsfinanzen in der Corona-Krise: günstige Bedingungen sichern Handlungsfähigkeit. *Wirtschaftsdienst*. No. 7. P. 501–505. DOI: 10.1007/s10273-020-2695-2.

Hentze T. (2021) Bundeshaushalt: der lange Schatten der Schuldenbremse. *IW-Kurzbericht*. No. 77. P. 1–3.

Krahé M., Sigl-Glöckner P. (2021) Die Definition einer zukunftsfähigen Finanzpolitik. *Wirtschaftsdienst*. No. 7. P. 497–500. DOI: 10.1007/s10273-021-2954-x.

Kremer J., Kuckuck J., Wendorff K. (2022) Konjunkturbereinigung in der Schuldenbremse reformieren: Revisionen erst zeitverzögert einreichen. *Wirtschaftsdienst*. No. 11. P. 830–833. DOI: 10.1007/s10273-022-3324-z.

Murau S., Thie J.-E. (2022) Für eine Ausstattung des Energie- und Klimafonds mit Kreditermächtigungen. *Wirtschaftsdienst*. No. 6. P. 449–455. DOI: 10.1007/s10273-022-3215-3.

Federal Spending Planning in Germany: Accuracy of Projections

M.V. Gracheva*

Candidate of Sciences (Economics)

*Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya Street, Moscow, Russia, 117997*

***E-mail:** mgracheva@mail.ru

Abstract. The article considers the decrease in the reliability of expenditures' budgeting in Germany that has occurred in recent years. The author used the data on the formation and execution of a five-year financial plan for 2017–2021. The comparison of this plan with its execution was carried out in four profiles: total expenses by functional classification, total expenses by economic classification, current expenses by functional classification, capital expenses by functional classification. Using the same methodology, the author previously compared plans for 2002–2006, 2007–2011, 2012–2016 with their execution. The results of the calculations made it possible to identify areas with increased and decreased accuracy of budget planning, key areas of significant overspending of budget funds in 2020–2021 and reasons for the deviations. In addition, the author analysed the most important consequence of the deterioration in the accuracy of budget projections – the return to the deficit and net borrowings of the federal budget. The dynamics of expenses, net borrowings and the ratio of net borrowing to expenses in 2002–2021 and a plan for these parameters for 2022–2026 are presented. Based on

the data reviewed, a conclusion was drawn about the critical importance of 2023 for restoring the lost reliability of federal spending planning.

Key words: Germany, financial planning, expenditures of the federal budget, functional classification, economic classification, current expenses, capital expenses, accuracy of federal financial plans.

DOI: 10.31857/S0201708323020080

EDN: outssz

REFERENCES

Belov V.B. (2022a) Partijno-politicheskiye processy v "God supervyborov [Parties and political processes in the "Year of Super Elections"], in Belov V.B. (ed.) *Germany. 2021*, IE RAS, Moscow, Russia, pp. 15–35. DOI: 10.15211/report72022_393 (In Russian).

Belov V.B. (2022b) Antikrizisnyye меры pravitelstva Germanii v sfere energetiki [Anti-crisis measures of the federal government in the energy sector], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 4, pp. 116–132. DOI: 10.15211/vestnikieran42022116132 (In Russian).

Belov V.B. (2022c) Ekonomika Germanii na fone aktualnykh khozyaystvenno-politicheskikh vyzovov [Germany's economy amid increasing economic and political challenges], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 5, pp. 87–101. DOI: 10.15211/vestnikieran5202287101 (In Russian).

Büttner T. (2021) Die Krise hat Konjunktur, *Wirtschaftsdienst*, 7, p. 494. DOI: 10.1007/s10273-021-2951-0.

Büttner T. (2022) Not kennt kein Gebot? Sondervermögen als Speicher von Notlagenkrediten, *Wirtschaftsdienst*, 1, pp. 23–26. DOI: 10.1007/s10273-022-3089-4.

Dullien S., Rietzler K., Tober S. (2021a) Öffentliche Investitionen im Konjunkturprogramm als Einstieg in die sozial-ökologische Transformation, *Wirtschaftsdienst*, 3, pp. 172–175. DOI: 10.1007/s10273-021-2869-6.

Dullien S., Rietzler K., Tober S. (2021b) Ein Transformationsfonds für Deutschland: Gutachten, *IMK-Study*, 71, pp. 1–30.

Dezernat Zukunft (2021) *Finanzakrobat Bundeshaushalt*, 25.03.2021. URL: <https://www.dezernatzukunft.org/finanzakrobat-bundeshaushalt/> (дата обращения: 10.01.2023)

Gebhardt H., Siemers L.-H. (2020a) Wirkung der Corona-Krise auf die Staatsfinanzen, *Wirtschaftsdienst*, 6, pp. 468–470. DOI: 10.1007/s10273-020-2681-8.

Gebhardt H., Siemers L.-H. (2020b) Staatsfinanzen in der Corona-Krise: günstige Bedingungen sichern Handlungsfähigkeit, *Wirtschaftsdienst*, 7, pp. 501–505. DOI: 10.1007/s10273-020-2695-2.

Gracheva M. (2018) Effektivnostj srednesrochnogo planirovaniya federalnykh raskhodov v Germanii: tochnostj budgetnykh proektirovok [Efficiency of the medium-term planning of federal expenditures in Germany: accuracy of budgetary projections], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 6, pp. 132–145. DOI: 10.15211/vestnikieran620183. (In Russian).

Gracheva M. (2019) Effektivnostj srednesrochnogo planirovaniya federalnykh raskhodov v Germanii: glavnyye strukturnye sdvigi [Efficiency of the medium-term planning of federal expenditures in Germany: main structural changes], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 1, pp. 114–119. DOI: 10.15211/vestnikieran12019114119. (In Russian).

Hentze T. (2021) Bundeshaushalt: der lange Schatten der Schuldenbremse, *IW-Kurzbericht*, 77, pp. 1–3.

Khorolskaya M.V. (2022) Klimaticheskaja politika FRG na sovremennom etape [Current climate policy of Germany], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 4, pp. 30–39. DOI: 10.15211/vestnikieran420223039. (In Russian).

Kotov A.V. (2022) Predvybornyje programmy i ekonomicheskaja politika novogo Kabineta [Election programs and economic policy of the new Cabinet], in Belov V.B. (ed.) *Germany. 2021*, IE RAS, Moscow, Russia, pp. 74–86. DOI: 10.15211/report72022_393. (In Russian).

Krahé M., Sigl-Glöckner P. (2021) Die Definition einer zukunftsfähigen Finanzpolitik, *Wirtschaftsdienst*, 7, pp. 497–500. DOI: 10.1007/s10273-021-2954-x.

Kremer J., Kuckuck J., Wendorff K. (2022) Konjunkturbereinigung in der Schuldenbremse reformieren: Revisionen erst zeitverzögert einreichen, *Wirtschaftsdienst*, 11, pp. 830–833. DOI: 10.1007/s10273-022-3324-z.

Meden N.K. (2022) Elektroenergetika: sostoyaniye i perspektivy [Electric power industry: state and prospects], in Belov V.B. (ed.) *Germany. 2021*, IE RAS, Moscow, Russia, pp. 61–74. DOI: 10.15211/report72022_393. (In Russian).

Murau S., Thie J-E. (2022) Für eine Ausstattung des Energie- und Klimafonds mit Kreditermächtigungen, *Wirtschaftsdienst*, 6, pp. 449–455. DOI: 10.1007/s10273-022-3215-3.

Romanova E.V. (2021) Cifrovizatsiya shkol v god koronavirusa [Digitalization of schools in the year of coronavirus], in Belov V.B. (ed.) *Germany. 2020*, IE RAS, Moscow, Russia, pp. 91–110. DOI: 10.15211/report12021_379. (In Russian).

Supyan N.V. (2020) Klimaticheskaja povestka v germanskoj ekonomika [Climate agenda in the German economy], in Belov V.B. (ed.) *Germany. 2019*, IE RAS, Moscow, Russia, pp. 44–55. DOI: 10.15211/report12020_368. (In Russian).

УДК 338.24, 338.57

ИНФЛЯЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В БРИТАНСКОЙ ЭКОНОМИКЕ В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД

© 2023 ПОДКОЛЗИНА Инна Александровна*

Кандидат экономических наук

*Старший научный сотрудник Центра европейских исследований ИМЭМО
им. Е.М. Примакова РАН. 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., 23*

**E-mail: inna.a.podkolzina@gmail.com*

Поступила в редакцию 23.08.2022

После доработки 23.12.2022

Принята к публикации 09.02.2023

Аннотация. В статье проанализирована специфика инфляционных процессов и антиинфляционного регулирования в Британии в 2021 г. – первой половине 2022 г. На основе анализа научной литературы, экспертных докладов, выступлений представителей Банка Англии, официальных документов и статистических данных сделан вывод о неформальной смене подходов к макроэкономическому регулированию, осуществляемому британским правительством и центральным банком. В инфляционной тематике выделены две проблемы: повышение стоимости жизни и рост цен. Первая получает приоритет и решается путем перераспределения доходов. При решении второй акценты смещаются с монетарной политики на фискальную, тогда как действия Банка Англии в большей степени отвечают задаче финансирования правительства, чем обеспечения стабильности цен. Показано, что указанные сдвиги в антиинфляционной политике стали одной из причин раскола в Консервативной партии.

Ключевые слова: Великобритания, инфляция, стоимость жизни, Банк Англии, монетарная политика.

DOI: 10.31857/S0201708323020092

EDN: outvsw

На протяжении полувека инфляционная проблематика остается в центре внимания британских правительственных и академических кругов. В 1970-е гг., когда на фоне высокой безработицы среднегодовой рост цен составил 12,5%, Британия оказалась в худшей экономической ситуации среди развитых стран. Следующее десятилетие характеризовалось поиском методов регулирования цен, пока в 1992 г. не был осуществлен переход к политике инфляционного таргетирования. Период «Великой

умеренности» рассматривался в качестве подтверждения тезиса, что низкая, но отличная от нуля инфляция является основой макроэкономической стабильности, а монетарная политика, оперирующая процентными ставками, – основой макроэкономического регулирования. Следствием финансового кризиса 2007–2009 гг. стал акцент на стимулирующей функции монетарной политики и переход к количественному смягчению как ключевому регулируемому инструменту. События 2020–2022 гг. привели к ускорению инфляции. В середине 2022 г. она превысила 10%¹. С учетом того что в 1950–1988 гг. среднегодовой рост цен составлял 6,4%, а в период с 1989 г. до апреля 2022 г. – 2,5%², развитие инфляционных процессов после пандемии сигнализирует о сломе тренда, наблюдавшегося на протяжении трех десятилетий.

В новых условиях обостряются дискуссии о причинах и характере инфляции, целях монетарной политики и роли бюджетных мер. В практическом отношении на первый план выходит проблема падения уровня жизни населения.

Теоретические подходы и практические рекомендации

Период пандемии и последующего экономического восстановления характеризуются пересмотром теоретических концепций, лежащих в основе антиинфляционной политики развитых стран. Консенсус, сложившийся к началу 2000-х гг., опирался на гипотезу о долгосрочной нейтральности денег и определял инфляцию как монетарный феномен [Allsopp, 2002; Goodfriend, 2007]. На основе консенсуса построена политика инфляционного таргетирования, которой формально продолжает придерживаться большинство центральных банков, включая Банк Англии. До пандемии она, как считалось, обеспечивала относительную ценовую стабильность [Кудрин, 2021].

Консенсусу противоречит гипотеза, что низкая инфляция – совпадение, а не следствие проводимой монетарной политики. Такие факторы, как глобализация, демографические изменения, выход Китая на мировой рынок и развитие трудосберегающих технологий, обеспечили доступность дешевой рабочей силы и производство товаров и услуг по низким ценам. Сторонники этой гипотезы полагают, что по мере деглобализации и старения населения численность рабочей силы будет сокращаться. Это усилит давление на уровень заработной платы и цен. До 2020 г. предсказать переходный момент было сложно, однако пандемия стала триггером нового инфляционного периода: после отмены ограничений произошло то, что обычно происходит после крупных войн – резкий рост инфляции [Goodhart, Pradhan, 2020; Wheeler, Wilkinson, 2022].

¹ В Британии для измерения потребительской инфляции применяется несколько показателей. В статье значение инфляции указывается на основе индекса потребительских цен (ИПЦ). Он соответствует международным стандартам и используется Казначейством для определения цели по инфляции.

² Consumer price inflation, historical estimates and recent trends, UK: 1950 to 2022. ONS. 18.05.2022. URL:

<https://www.ons.gov.uk/economy/inflationandpriceindices/articles/consumerpriceinflationhistoricalestimatesandrecenttrendsuk/1950to2022> (дата обращения: 26.07.2022)

Сомнения в эффективности монетарной политики усиливались на протяжении 2010-х гг. по мере перехода к «новой нормальности» [Буторина, Цибулина, 2018; Кузнецов, 2017; Усоскин, 2021]. Поиск нового регулирующего механизма происходил на фоне низкой инфляции и низких темпов экономического роста. В 2020-е гг. поиск продолжился уже в условиях высокой инфляции. Перспективы использования монетарных инструментов в сложившейся ситуации зависят от того, в какой степени на инфляцию влияют факторы монетарного и фискального характера и шоки со стороны предложения.

Экономисты, рассматривающие инфляцию как монетарный феномен, полагают, что она вызвана действиями центральных банков, которые слишком долго держали ставки на слишком низком уровне и значительно увеличили денежное предложение во время реализации широкомасштабных правительственных программ поддержки [Wheeler, Wilkinson, 2022]. Согласно точке зрения на инфляцию как производную фискальной политики, она обусловлена высокими правительственными расходами и заимствованиями и не связана с продолжительной политикой низких процентных ставок [Cochrane, 2022].

На фоне пандемии распространение получила современная монетарная теория. Ее сторонники утверждают, что в стране, оперирующей суверенной валютой, инфляция не зависит от объема денежной эмиссии и в случае неполной занятости правительство может использовать бюджетные расходы без ограничений. Инфляция регулируется путем повышения налогового бремени, которое должно снизить покупательную способность негосударственного сектора, охладить деловую активность и замедлить рост цен [Kelton, 2020; Андрюшин, 2020].

Идею активного использования фискальных инструментов в антиинфляционной политике поддерживают ведущие международные организации. Рекомендации Международного валютного фонда британскому правительству включают увеличение налогов главным образом на наиболее обеспеченные группы населения. Целями этих мер являются, во-первых, ограничение потребительского спроса и сдерживание инфляции без необходимости существенного увеличения процентных ставок и, во-вторых, перераспределение доходов. Проблему стоимости жизни предлагается решать за счет дополнительного государственного субсидирования наименее обеспеченных домохозяйств [IMF, 2022].

Инфляционные факторы

Усиление инфляционного давления характерно для большинства развитых стран. Противоэпидемические меры – локдаун, социальное дистанцирование, режим работы из дома – на начальном этапе вызвали падение потребительских расходов и, как результат, негативный шок спроса. Произошло смещение предпочтений от услуг, слабо зависящих от глобальных цепочек поставок, к товарам, производство которых в большей степени определяется состоянием мирового рынка. Финансовая поддержка населения и бизнеса, оказанная правительствами, и политика количественного смягчения центробанков на следующем этапе создали мощный эффект отложенного спроса. На стороне предложения первоначальный негативный

импульс, проявившийся весной 2020 г. вследствие частичной остановки транспортных потоков и производственных процессов, во второй половине 2021 г. – начале 2022 г. был усилен энергетическим кризисом, политикой нулевой терпимости к *COVID-19* в Китае и специальной военной операцией России на Украине. Дисбаланс спроса и предложения на мировом рынке товаров и сложившийся в ряде стран дефицит рабочей силы сформировали тенденцию к росту цен.

Специфика Британии заключается в открытом характере экономики, т. е. высокой степени интеграции в мировую торговую и финансовую систему, что определяет значительное влияние внешних факторов [BoE, 2021]. Основными каналами импорта инфляции являются мировые товарные цены и валютный курс, зависящий среди прочего от политики Банка Англии [Forbes, 2019; Mann, 2022]. Падение фунта стерлингов в первой половине 2022 г. на 11% по отношению к американскому доллару стало весомым фактором ускорения инфляции вследствие роста цен на импортируемые товары.

Что касается фискальных мер британского правительства, то дополнительные бюджетные вливания в экономику в ходе пандемии составили около 370 млрд ф. ст.¹ В результате государственные расходы выросли с 39,1% ВВП в 2019/2020 г. до 52,1% ВВП в 2020/2021 г.² В свою очередь, Банк Англии в 2020 г. опустил ставку до рекордно низкого уровня 0,1% и провел три раунда количественного смягчения, в два раза увеличив объем выкупленных долговых обязательств – с 425 млрд до 895 млрд ф. ст., или приблизительно до 40% ВВП. Реакция центробанка оказалась аналогичной той, которая последовала за кризисом 2007–2008 гг., тогда как кризис на фоне пандемии имел совершенно другую основу. Принятые меры стали мощным стимулом увеличения спроса после снятия карантинных ограничений. К концу 2021 г. доля компаний, чья деятельность сдерживалась низким спросом или недостатком заказов, оказалась на минимальном уровне за десятилетия, а неполная загрузка производственных мощностей была вызвана дефицитом сырья и комплектующих [Saunders, 2021]

С осени 2021 г. наибольшее влияние на инфляцию начал оказывать рост цен на газ, электроэнергию и моторное топливо. В связи с тем что Британия импортирует около половины потребляемого газа, оптовые цены на него внутри страны зависят от мировой конъюнктуры и курса фунта стерлингов. Кроме того, особенностью британской системы регулирования энергетического рынка является механизм ограничения максимального уровня тарифов, по которым домохозяйства оплачивают поставщикам газ и электроэнергию. Корректировка потолка цен происходит дважды в год (в апреле и октябре) и может вызывать резкие скачки ИПЦ (например, с 7% в апреле до 9% в мае 2022 г.). Рост тарифов является значимым фактором повышения стоимости жизни населения, т. к. большинство домов в стране отапливаются газом.

¹ The government's preparedness for the COVID-19 pandemic: lessons for government on risk management. NAO. 19.11.2021. URL: <https://www.nao.org.uk/report/the-governments-preparedness-for-the-covid-19-pandemic/> (дата обращения: 05.08.2022)

² Economic and fiscal outlook – March 2022. OBR. 2022. P. 123. URL: <https://obr.uk/download/economic-and-fiscal-outlook-march-2022/> (дата обращения: 09.07.2022)

Дисбаланс спроса и предложения на рынке товаров усиливается соответствующим дисбалансом на рынке труда. В период карантинных ограничений сформировалась тенденция к снижению уровня занятости и повышению доли экономически неактивного населения главным образом за счет лиц старше 50 лет. Показательно, что с начала расчета индикатора в 1971 г. и до начала пандемии доля экономически неактивного населения в этой категории снижалась¹. Эксперты считают, что ситуация вызвана пересмотром жизненных приоритетов на фоне изменения режима работы и роста стоимости активов [Voileau, Cribb, 2022]. В первой половине 2022 г. впервые за более чем два десятилетия сбора данных количество вакансий практически сравнялось с количеством лиц, ищущих работу².

Подорожание топлива и электроэнергии и дефицит рабочей силы оказали заметное влияние на рост производственных затрат. В июле 2022 г. отпускные цены предприятий увеличились на 17,1% (рекордный рост с августа 1977 г.)³.

Таким образом, инфляционный всплеск в Британии в значительной степени обусловлен факторами глобального характера, сформированными на стороне предложения. Их влияние усиливается спецификой британской экономики и последствиями мер, принятых правительством и центробанком в период пандемии.

Рост общего уровня цен и проблема стоимости жизни

Отмеченные выше факторы вызвали ускорение инфляции во втором полугодии 2021 г.: ИПЦ увеличился с 2% в июле до 5,4% в декабре. В 2022 г. темпы роста цен достигли 40-летнего максимума и в июле составили 10,1% (Рис. 1). За год сильнее всего подорожали жилищно-коммунальные услуги – на 20%, цены на газ выросли на 96%, электроэнергию – на 54%. Потребительские товары в целом стали дороже на 13,5%, услуги – на 5,7%. Стержневой ИПЦ, исключая цены на газ, электроэнергию, продукты питания, алкоголь и табак, составил 6,2%⁴.

Рост цен привел к резкому повышению стоимости жизни, и с конца 2021 г. ситуация стала характеризоваться как кризисная. В ходе опроса, проведенного в кон-

¹ Movements out of work for those aged over 50 years since the start of the coronavirus pandemic. ONS. 14.03.2022. URL: <https://www.ons.gov.uk/employmentandlabourmarket/peopleinwork/employmentandemployeetypes/articles/movementsoutofworkforthoseagedover50yearssincethestartofthecoronaviruspandemic/2022-03-14> (дата обращения: 26.07.2022)

² Labour market overview, UK: June 2022. ONS. 14.06.2022. URL: <https://www.ons.gov.uk/employmentandlabourmarket/peopleinwork/employmentandemployeetypes/bulletins/uklabourmarket/june2022> (дата обращения: 26.07.2022)

³ Producer price inflation, UK: July 2022 including services. ONS. 17.08.2022. URL: <https://www.ons.gov.uk/economy/inflationandpriceindices/bulletins/producerpriceinflation/july2022> (дата обращения: 17.08.2022)

⁴ Consumer price inflation, UK: July 2022. ONS. 17.08.2022. URL: <https://www.ons.gov.uk/economy/inflationandpriceindices/bulletins/consumerpriceinflation/july2022> (дата обращения: 17.08.2022)

це июля 2022 г., 9 респондентов из 10 сообщили об удорожании жизни¹.

Рисунок 1

**Изменение индекса потребительских цен, январь 1989 г. – июль 2022 г.
(в % к соответствующему периоду предыдущего года)**



Источник: ONS: Consumer price inflation time series. URL: <https://www.ons.gov.uk/economy/inflationandpriceindices/timeseries/d7g7/mm23> (дата обращения: 17.08.2022)

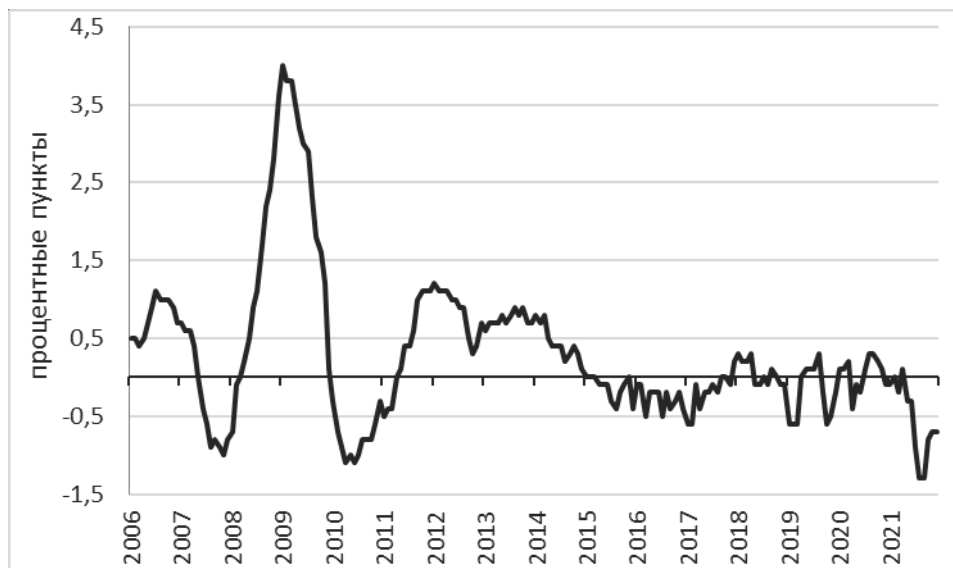
Под термином «стоимость жизни» обычно понимают сумму расходов на товары и услуги первой необходимости, а об изменении судят по уровню потребительской инфляции. Эксперты Управления национальной статистики видят недостатки такого подхода в том, что товары первой необходимости для разных домохозяйств отличаются, тогда как индексы потребительских цен отражают, сколько средний потребитель тратит на покупку одних и тех же товаров и услуг в разные временные периоды, независимо от того, насколько в них нуждается. В контексте стоимости жизни статистическое ведомство делает акцент на том, что неравномерный рост цен на разные категории товаров обуславливает неодинаковую чувствительность домохозяйств к инфляции в зависимости от располагаемых доходов и потребительского поведения (Рис. 2). Разрабатываемые Управлением индексы расходов домохозяйств (*Household Costs Indices, HCIs*) позволяют определить, как должны меняться располагаемые доходы отдельных домохозяйств в ответ на изменение цен, чтобы обеспечивать покупку товаров и услуг определенного количества и качества².

¹ Public opinions and social trends, Great Britain: 20 to 31 July 2022. ONS. 05.08.2022. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/wellbeing/bulletins/publicopinionsandsocialtrendsgratbritain/20to31july2022> (дата обращения: 07.08.2022)

² Developing the Household Costs Indices (HCIs). ONS. 14.10.2020. URL:

Рисунок 2

Разница между влиянием инфляции на наиболее и наименее обеспеченные категории домохозяйств, январь 2006 г. – декабрь 2021 г.¹



Источник: Household Costs Indices preliminary estimates. ONS. 4 May 2022. URL: <https://www.ons.gov.uk/economy/inflationandpriceindices/datasets/householdcostsindicespreliminaryestimates12monthgrowthratesexpendituresharesandcontributionsforukhouseholdgroupsandallhouseholds> (дата обращения: 17.08.2022)

Статистика с разбивкой по уровням доходов демонстрирует, что домохозяйства нижней децили сильнее ощущают инфляцию, когда дорожают продукты питания и жилищно-коммунальные услуги. На данные категории товаров и услуг приходится наибольшая доля расходов беднейших домохозяйств, а возможности компенсировать рост цен за счет использования сбережений или снижения потребления у них ограничены. Статья расходов «транспорт» сильнее влияет на домохозяйства верхней децили, т. к. они с большей вероятностью пользуются личными автомобилями и быстро дорожающим моторным топливом (за год на 44%). Для домохозяйств нижней децили более характерно передвижение на общественном транспорте, стоимость проезда на котором меняется не так значительно (за год 3,8%).

Подход статистического ведомства отвечает задаче оказания дифференцированной помощи разным группам домохозяйств. Тема стоимости жизни появляется в официальной переписке между канцлером Казначейства Р. Сунаком и управляющим Банка Англии Э. Бэйли в сентябре 2021 г. и постепенно заменяет комментарии

<https://www.ons.gov.uk/economy/inflationandpriceindices/articles/developingthehouseholdcostsindiceshcis/october2020> (дата обращения: 26.07.2022)

¹ Положительные значения: инфляция сильнее влияет на домохозяйства нижней децили, отрицательные – верхней.

о поддержки населения и бизнеса в ответ на пандемию¹. Выделение этого аспекта из общей инфляционной проблематики позволяет разделить задачи сдерживания роста цен и поддержки уровня жизни населения. За решение первой формальную ответственность несут монетарные власти, за вторую отвечает правительство.

Трансформация механизма антиинфляционного регулирования

Проблемы использования монетарной политики связаны с присущими ей ограничениями. Во-первых, процентной политике свойственна асимметрия. С одной стороны, резкое и значительное повышение ставки центробанка позволяет достаточно эффективно элиминировать инфляцию спроса. С другой – снижение ставки даже до отрицательных значений в условиях дефляции не гарантирует результата. Во-вторых, трансмиссионный механизм работает таким образом, что изменения процентной ставки оказывают влияние на цены с временным лагом в полтора – два года. Это означает, что Комитет по монетарной политике Банка Англии, определяющий уровень ставки, ориентируется на прогнозы инфляции в двухлетней перспективе и не может реагировать на краткосрочные тренды.

Низкая точность прогнозов, сделанных в условиях экономической и геополитической неопределенности, ведет к неверной оценке рисков. Главный экономист Банка Англии Х. Пилл объясняет ошибки прогнозирования тем, что карантинные ограничения и финансовые вливания в экономику вызвали мощные и разнонаправленные сдвиги как на стороне совокупного спроса, так и совокупного предложения, вследствие чего ценовая динамика оказалась плохо предсказуемой [Pill, 2021]. Аналитики недооценили степень разрушения глобальных логистических цепочек, с одной стороны, и укрепление потребительского спроса на товары по мере восстановления экономики – с другой. На протяжении большей части 2021 г. центробанк придерживался тезиса о временном характере инфляции. Весной 2021 г. его прогнозы на среднесрочную перспективу указывали на незначительное и кратковременное превышение инфляцией целевого ориентира 2%, в мае 2022 г. – оказались выше 11%, в августе – 13%.

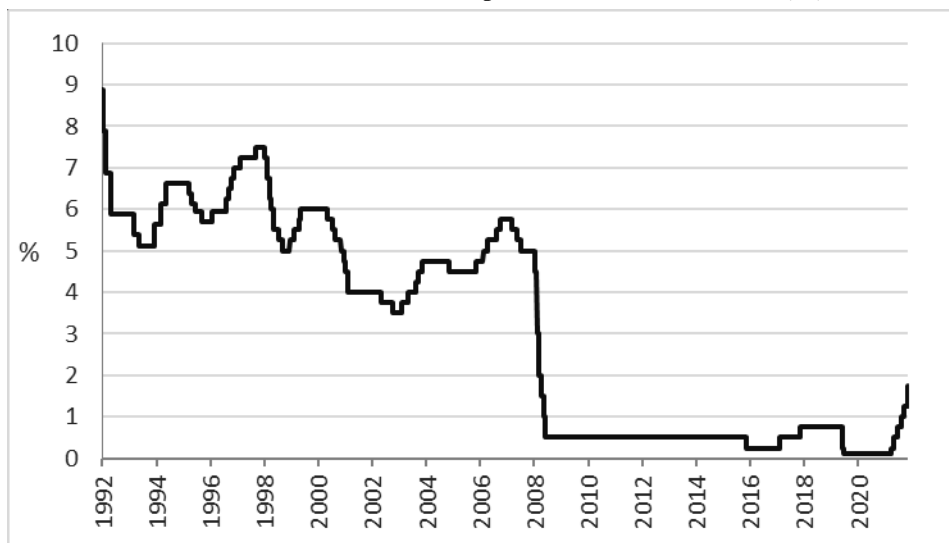
Усиление инфляционного давления потребовало ужесточения монетарной политики: с декабря 2021 г. до августа 2022 г. ставка Банка Англии была увеличена с 0,1 до 1,75% (Рис. 3). Несмотря на то что это было самым резким повышением со времени получения Банком операционной независимости в 1997 г., ставка осталась на существенно меньшем уровне, чем это было при аналогичной инфляции в прошлом. В феврале 2022 г. центробанк инициировал пассивную программу количественного сжатия: сокращение активов на балансе путем прекращения реинвестирования средств, получаемых при погашении облигаций с истекающим сроком обращения. Стоит отметить, что независимость Банка Англии в реализации программ количественного смягчения / сжатия является условной: объемы выкупа и сокращения активов согласовываются с Казначейством, которое является гарантом по государственным бумагам на балансе центробанка. Последнее обстоятельство позволяет Казначейству

¹ Exchange of letters between the Governor and the Chancellor. BoE. 23.09.2021. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/letter/2021/september/cpi-inflation-september-2021> (дата обращения: 09.08.2022)

зарабатывать на разнице между процентной ставкой по правительственным облигациям и ставкой Банка Англии. К середине 2022 г. общий объем средств, полученных Казначейством в рамках программы выкупа активов, составил 126 млрд ф. ст.¹

Рисунок 3

Ставка Банка Англии, октябрь 1992 г. – июль 2022 г. (%)²



Источник: Official Bank Rate history. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/boeapps/database/Bank-Rate.asp> (дата обращения: 17.08.2022)

На фоне многократного превышения целевого уровня инфляции сформировалось мнение, что выжидательная позиция Банка Англии, которой он придерживался до декабря 2021 г., себя не оправдала. Управляющий Э. Бэйли аргументирует позицию Банка тем, что инфляция обусловлена преимущественно внешними факторами, которые сложно компенсировать внутренними процентными ставками³. Экспертное сообщество подвергает сомнению эти объяснения. В феврале 2021 г. Э. Холдейн, занимавший на тот момент должность главного экономиста Банка Англии, предупреждал, что в экономике сформированы условия для роста цен и Британия может столкнуться с более резкой и устойчивой инфляцией, чем ожидалось

¹ QE at the Bank of England: a perspective on its functioning and effectiveness. Quarterly Bulletin 2022 Q1. BoE. 18.05.2022. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/quarterly-bulletin/2022/2022-q1/qe-at-the-bank-of-england-a-perspective-on-its-functioning-and-effectiveness> (дата обращения: 26.07.2022)

² 01.10.1992 – 05.05.1997 – минимальная ставка по кредитам первоклассным заемщикам; 06.05.1997 – 17.05.2006 – ставка репо; с 18.05.2006 – ставка по резервам коммерческих банков на счетах в Банке Англии

³ Exchange of letters between the Governor and the Chancellor. BoE. 16.06.2022. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/letter/2022/june/cpi-inflation-june-2022> (дата обращения: 09.07.2022)

[Haldane, 2021]. В мае 2021 г. он был единственным из девяти членов Комитета, кто проголосовал за сворачивание программы количественного смягчения раньше планируемого срока, т. к. это могло ограничить приток новых денег в экономику и в случае формирования устойчивой тенденции к росту цен восстановить контроль над инфляцией крайне сложно [Haldane, 2021; Forbes et al., 2019].

В 2021 г. действия Банка Англии стали предметом расследования Комиссии по экономическим делам Палаты лордов, в ходе которого были заслушаны мнения ведущих мировых специалистов по монетарной политике. Комиссия пришла к выводу, что пристрастие Банка к программе количественного смягчения в период пандемии было вызвано потребностью правительства в дешевых займах для финансирования широкомасштабных программ поддержки населения и бизнеса [HoL, 2021].

Утверждения Э. Бэйли о том, что программа количественного смягчения проводилась в целях стабилизации экономики и финансовых рынков в точном соответствии с мандатом, не были убедительными. Как показали результаты опроса «Файнэншл Таймс» (*Financial Times*), подавляющее большинство из 18 крупнейших институциональных инвесторов полагало, что Банк приобретает государственные бумаги для снижения стоимости правительственных заимствований¹. На скептическое отношение повлияла корреляция между объемом облигаций, выпущенных правительством, и объемом активов, выкупленных центробанком в период пандемии. В мае 2022 г. рейтинг доверия к Банку Англии, т. е. уверенность в том, что он проводит соответствующую ситуации политику, упало до рекордно низкого уровня: разница между позитивными и негативными оценками впервые с начала проведения опросов в 1999 г. оказалась отрицательной и составила минус 3%².

Независимо от реальных причин количественного смягчения в период пандемии, распространенное мнение о том, что монетарная политика была ориентирована на финансирование правительства, поставило под риск репутацию Банка Англии и могло существенно повлиять на способность контролировать инфляцию. Как полагают эксперты Банка международных расчетов, в 2021–2022 гг. режим фискального доминирования, для которого характерны рост государственных расходов и долга и кредитование правительства центробанком, распространился в большинстве развитых стран [Banerjee et al., 2022].

В Британии тенденция к более активному использованию фискальной политики начала формироваться после выхода страны из ЕС, когда правительство отказалось от мер жесткой экономии, принятых после кризиса 2007–2009 гг., и перешло к дефицитному финансированию. В период карантинных ограничений акцент был сделан на увеличение бюджетных расходов, направленных в первую очередь на поддержку наименее обеспеченных слоев населения. Несмотря на то что в первый год

¹ Investors Sceptical over Bank of England's QE Programme. *Financial Times*. 05.01.2021. URL: <https://www.ft.com/content/f92b6c67-15ef-460f-8655-e458f2fe2487> (дата обращения: 09.07.2022)

² Bank of England/Ipsos Inflation Attitudes Survey - May 2022. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/inflation-attitudes-survey/2022/may-2022> (дата обращения: 09.07.2022)

пандемии медианный располагаемый доход упал на 1,7%, доходы беднейших домохозяйств выросли на 3%¹.

На этапе снятия карантинных ограничений и формирования инфляционных рисков сохраняется перераспределительная функция фискальной политики и усиливается регулирующая. Меры, принятые во второй половине 2021 г. – первой половине 2022 г., включают повышение ставки налога на прибыль корпораций, увеличение взносов на социальное страхование, замораживание порогов подоходного налога. Последняя мера в условиях инфляции носит характер скрытого повышения налога, поскольку более высокие ставки применяются ко все большей доле личных доходов. По предварительным оценкам, в 2023 г. налоги с заработанного годового дохода в 27500 ф. ст. увеличатся на 360 ф. ст., а с дохода 40000 ф. ст. – на 800 ф. ст.² Одновременно растут социальные расходы, направленные на решение проблемы стоимости жизни. Для поддержки населения в феврале – мае 2022 г. правительство утвердило пакет мер общей стоимостью более 22 млрд ф. ст. Самой дорогой стала программа субсидирования платежей за газ и электроэнергию (9 млрд ф. ст.). Практика компенсации расходов на отопление и электроэнергию, на которые тратится значительная доля бюджетов домохозяйств с низкими доходами, получила распространение в большинстве стран ОЭСР³ [OECD, 2022: 23].

Следствием принятых фискальных мер стало усиление прогрессивности системы личного налогообложения и рост налогового бремени. Согласно расчетам, домохозяйства из нижней квинтили в среднем получают дополнительный доход в размере 1195 ф. ст., средней квинтили – 799 ф. ст., доходы домохозяйств верхней квинтили сокращаются на 456 ф. ст.⁴ По официальным оценкам, налоговое бремя (отношение налоговых доходов к ВВП) вырастет с 33,0% в 2019/2020 фин. г. до 36,3% ВВП в 2026/2027 г. (максимальный уровень с конца 1940-х гг.). Доля государственных расходов в ВВП к этому времени стабилизируется на уровне 41,1% (максимальный с конца 1970-х гг.)⁵.

Подтверждение смены подходов можно найти в открытом письме канцлера Казначейства управляющему Банку Англии от 16 июня 2022 г., из которого исчез традиционный абзац о незыблемости принципов макроэкономического регулирования с гибким инфляционным таргетированием в основе. Ответственность за стабильность цен сохраняется за монетарной властью, но одновременно в качестве

¹ Living standards, poverty and inequality in the UK: 2022. IFS. 14.07.2022. URL: <https://ifs.org.uk/publications/16124> (дата обращения: 05.08.2022)

² Spring Statement 2022. IFS. 2022. URL: <https://ifs.org.uk/spring-statement-2022> (дата обращения: 09.07.2022)

³ Организация экономического сотрудничества и развития. – *Прим. ред.*

⁴ Bell T., Brewer M., Handscomb K., Marshall J., Try L. Back on target: Analysis of the Government's additional cost of living support. Resolution Foundation. 27.05.2022 URL: <https://www.resolutionfoundation.org/app/uploads/2022/05/Back-on-target.pdf> (дата обращения: 09.07.2022)

⁵ Economic and fiscal outlook... P. 87, 123.

антиинфляционного инструмента впервые упоминается фискальная политика, ориентированная на решение проблемы стоимости жизни¹.

Несмотря на то что британское правительство и Банк Англии не декларировали смену теоретической концепции, лежащей в основе экономической политики, их действия в рассмотренный период свидетельствуют об отходе от устоявшегося ранее консенсуса и смещении антиинфляционного регулирования в фискальную плоскость.

* * *

В постпандемийный период британская экономика столкнулась с резким усилением инфляционного давления и угрозой слабого экономического роста – комбинацией, вызывающей ассоциации со стагфляцией 1970-х гг. Приоритетной задачей для правительства стал выход из кризиса, связанного с удорожанием жизни, а основным способом решения – увеличение субсидирования домохозяйств с низкими доходами. В отношении антиинфляционной политики ставка была сделана на манипулировании налогами – повышение налоговой нагрузки на корпорации и домохозяйства с высокими доходами и, таким образом, охлаждение экономической конъюнктуры и ограничение потребительского спроса для стабилизации общего уровня цен.

Этот подход соответствует современным тенденциям и отвечает рекомендациям международных институтов, но не имеет доказанной эффективности и противоречит традиционным принципам консерваторов, опирающихся на ограниченную роль государства в экономике, низкий уровень налогообложения и монетарную политику как основной антиинфляционный инструмент. В ходе выборов лидера правящей партии летом 2022 г. стало очевидно, что проводимая в последние годы политика не имеет полной поддержки ни внутри парламентской фракции, ни среди рядовых консерваторов.

Пандемия ознаменовала кардинальный пересмотр роли государства в мирный период. Правительство получило беспрецедентную возможность ограничения деловой активности и приняло на себя повышенные социальные обязательства, что повлекло увеличение бюджетных расходов и государственных заимствований. Последнее поддерживалось процентными ставками, которые Банк Англии длительное время сохранял на минимальном уровне. На фоне пандемии и последующего экономического восстановления британские власти предприняли попытку трансформировать механизм макроэкономического регулирования таким образом, чтобы закрепить ведущую роль за фискальной политикой, а монетарную направить на обеспечение благоприятных условий для финансирования широкомасштабных государственных программ. Внутрипартийный кризис середины 2022 г. внес коррективы в планы правительства. Дальнейшая конфигурация регулирующего механизма будет зависеть от соотношения сил внутри британского политического истеблишмента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андрюшин С. (2020) Денежно-кредитная политика центральных банков в условиях и после COVID-19. *Актуальные проблемы экономики и права*. Т. 14. № 2. С. 223–234. DOI:

¹ Exchange of letters... 16.06.2022.

10.21202/1993-047X.14.2020.2.223-234

Буторина О., Цибулина А. (2018) Инфляция в еврозоне: проблемы новой нормальности. *Современная Европа*. № 4. С. 90–100 DOI: 10.15211/soveurope4201890100

Кудрин А. (ред.) (2021) *Экономика и экономическая политика в условиях пандемии*. ИЭП, Москва. 344 с.

Кузнецов А. (ред.) (2017) *Регулирование инфляции в условиях социально-экономических дисбалансов*. ИМЭМО РАН, Москва. 328 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0522-2

Усоскин В. (2021) Пандемия COVID-19: реакция мировых центральных банков на экономический спад. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 2. С. 53–61. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-2-53-61

Allsopp Ch. (2002) *Macroeconomic Policy Rules in Theory and in Practice*. External MPC Unit Discussion Paper No. 10. BoE. 38 p.

Banerjee R.N., Bector V., Mehrotra A., Zampolli F. (2022) *Fiscal deficits and inflation risks: the role of fiscal and monetary policy regimes*. BIS Working Papers. No. 1028. 34 p.

BoE (2021) No economy is an island: how foreign shocks affect UK macrofinancial stability. *Quarterly Bulletin*. Q3. 08.10. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/quarterly-bulletin/2021/2021-q3/no-economy-is-an-island-how-foreign-shocks-affect-uk-macrofinancial-stability> (accessed: 05.08.2022)

Boileau B., Cribb J. (2022) *The rise in economic inactivity among people in their 50s and 60s*. IFS. 32 p. URL: https://ifs.org.uk/sites/default/files/output_url_files/BN345-the-rise-of-economic-inactivity-in-people-50s-60s.pdf (accessed: 05.08.2022)

Cochrane J. (2022) *The Fiscal Theory of the Price Level*. Princeton University Press. Draft 18.07. 678 p. URL: <https://www.johnhcochrane.com/research-all/the-fiscal-theory-of-the-price-level-1> (accessed: 05.08.2022)

Forbes K. (2019) *Has globalization changed the inflation process*. BIS Working Papers No 791. 56 p.

Forbes K., Kirkham L., Theodoridis K. (2019) A Trendy Approach to UK Inflation Dynamics. *The Manchester School*. Vol. 89. Issue S1. P. 23–75. DOI: 10.1111/manc.12293

Goodfriend M. (2007) How the World Achieved Consensus on Monetary Policy. *Journal of Economic Perspectives*. No. 21 (4). P. 47–68. DOI: 10.1257/jep.21.4.47

Goodhart Ch., Pradhan M. (2020) *The Great Demographic Reversal: Ageing Societies, Waning Inequality, and an Inflation Revival*. Palgrave Macmillan. 280 p.

Haldane A. (2021) *Inflation: a tiger by the tail?* BoE. Speech 26 February. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/speech/2021/february/andy-haldane-recorded-mini-speech-on-inflation-outlook> (accessed: 05.08.2022)

HoL (2021) *Quantitative easing: a dangerous addiction?* Economic Affairs Committee. 1st Report of Session 2021–22. 66 p. URL: <https://committees.parliament.uk/publications/6725/documents/71894/default/> (accessed: 05.08.2022)

IMF (2022) *United Kingdom*. IMF Country Report No. 22/56. 109 p.

Kelton S. (2020) *The Deficit Myth: Modern Monetary Theory and the Birth of the People's Economy*. Public Affairs. 336 p.

Mann C.L. (2022) *UK monetary policy in the context of global spillovers*. BoE. Speech 20 June. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/speech/2022/june/catherine-l-mann-speech-at-a-market-news-international-connect-event> (accessed: 05.08.2022)

OECD (2022) *Economic Outlook*. Vol. 2022. Issue 1: Preliminary version. No. 111. OECD Publishing, Paris, France. 231 p. DOI: 10.1787/62d0ca31-en

Pill H. (2021) *UK Monetary Policy – ‘Crossing the river by feeling the stones’*. BoE. Speech 26 November. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/speech/2021/november/huw-pill-speech-on-the-economic-outlook-hosted-by-the-cbi-north-east> (accessed: 05.08.2022)

Saunders M. (2021) *The outlook for inflation and monetary policy*. BoE. Speech 3 December. 23 p. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/speech/2021/december/the-outlook-for-inflation-and-monetary-policy-speech-by-michael-saunders.pdf> (accessed: 05.08.2022)

Wheeler G., Wilkinson B. (2022) *How Central Bank Mistakes after 2019 Led to Inflation*. The New Zealand Initiative. Research Note. 18 p.

The Role of Inflation in the UK Economy in the Post-Pandemic Era

I.A. Podkolzina*

Candidate of Sciences (Economics)

Senior Researcher, Center for European Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russian Federation, 117997

***E-mail:** inna.a.podkolzina@gmail.com

Abstract. The paper focuses on the specific nature of the inflation process and a set of anti-inflation policies in the United Kingdom in 2021–2022. Based on the analysis of the economic literature, speeches given by the central bank's staff, official documents and statistical data the author discusses the implicit transition in the regulation approaches used by HM Treasury and the Bank of England. There is some evidence that the cost-of-living crisis as a part of the inflation problem gets a top priority in the post-pandemic era. The government addresses this issue mainly through the income redistribution and benefits and financial support for lower income households. With regard to the inflation problem per se, the official approach implies the shift from monetary to fiscal tools. It means the expanding use of automatic stabilizers through increasing taxes and NICs in accordance with the IMF recommendations. Meanwhile, the Bank of England's measures are more consistent with the task of financing the government's borrowing than maintaining the price stability. These findings highlight the rising role of the state in the UK economy. The paper concludes with some comments regarding the split within the conservative party over the marked shifts in the monetary and fiscal policy.

Key words: United Kingdom, inflation, cost of living, Bank of England, monetary policy.

DOI: 10.31857/S0201708323020092

EDN: outvsw

REFERENCES

Allsopp Ch. (2002) *Macroeconomic Policy Rules in Theory and in Practice*, External MPC Unit Discussion Paper No. 10, BoE.

Andryushin S. (2020) Denezhno-kreditnaya politika central'nyh bankov v usloviyah i posle COVID-19 [Monetary-crediting policy of central banks before and after COVID-19], *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 14(2), pp. 223–234. DOI: 10.21202/1993-047X.14.2020.2.223-234 (In Russian).

Banerjee R., Boctor V., Mehrotra A., Zampolli F. (2022) *Fiscal deficits and inflation risks: the role of fiscal and monetary policy regimes*, BIS Working Papers. No. 1028.

BoE (2021) No economy is an island: how foreign shocks affect UK macrofinancial stability, *Quarterly Bulletin*, Q3, 08.10. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/quarterly-bulletin/2021/2021-q3/no-economy-is-an-island-how-foreign-shocks-affect-uk-macrofinancial-stability> (accessed: 05.08.2022)

- Boileau B., Cribb J. (2022) *The rise in economic inactivity among people in their 50s and 60s*, IFS. URL: https://ifs.org.uk/sites/default/files/output_url_files/BN345-the-rise-of-economic-inactivity-in-people-50s-60s.pdf (accessed: 05.08.2022)
- Butorina O., Tsibulina A. (2018) Inflyatsiya v evrozone: problemy novoj normal'nosti [Inflation in the Euro Area: Challenges of New Normality], *Sovremennaya Evropa*, 4, pp. 90–100. DOI: 10.15211/soveurope4201890100 (In Russian).
- Cochrane J. (2022) *The Fiscal Theory of the Price Level*, Princeton University Press, Draft 18.07. URL: <https://www.johnhcochrane.com/research-all/the-fiscal-theory-of-the-price-level-1> (accessed: 05.08.2022)
- Forbes K. (2019) *Has globalization changed the inflation process*. BIS Working Papers No. 791.
- Forbes K., Kirkham L., Theodoridis K. (2019) A Trendy Approach to UK Inflation Dynamics, *The Manchester School*, 89(S1), pp. 23–75. DOI: 10.1111/manc.12293
- Goodfriend M. (2007) How the World Achieved Consensus on Monetary Policy. *Journal of Economic Perspectives*, 21(4), pp. 47–68. DOI: 10.1257/jep.21.4.47
- Goodhart Ch., Pradhan M. (2020) *The Great Demographic Reversal: Ageing Societies, Waning Inequality, and an Inflation Revival*. Palgrave Macmillan.
- Haldane A. (2021) *Inflation: a tiger by the tail?* BoE, Speech 26 February. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/speech/2021/february/andy-haldane-recorded-mini-speech-on-inflation-outlook> (accessed: 05.08.2022)
- HoL (2021) *Quantitative easing: a dangerous addiction?* Economic Affairs Committee, 1st Report of Session 2021–22. URL: <https://committees.parliament.uk/publications/6725/documents/71894/default/> (accessed: 05.08.2022)
- IMF (2022) *United Kingdom*. IMF Country Report, 22/56.
- Kelton S. (2020) *The Deficit Myth: Modern Monetary Theory and the Birth of the People's Economy*. Public Affairs.
- Kudrin A. (ed.) (2021) *Ekonomika i ekonomicheskaya politika v usloviyah pandemii* [Economy and Economic Policy during the Pandemic], IEP, Moscow, Russia. (In Russian).
- Kuznetsov A. (ed.) (2017) *Regulirovanie inflyatsii v usloviyah sotsial'no-ekonomicheskikh disbalansov* [Governing Inflation under Economic and Social Disparities], IMEMO, Moscow, Russia. DOI: 10.20542/978-5-9535-0522-2 (In Russian).
- Mann C.L. (2022) *UK monetary policy in the context of global spillovers*, BoE, Speech 20 June. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/speech/2022/june/catherine-l-mann-speech-at-a-market-news-international-connect-event> (accessed: 05.08.2022)
- OECD (2022) *Economic Outlook*, 2022 (Issue 1: Preliminary version), No. 111, OECD Publishing, Paris, France. DOI: 10.1787/62d0ca31-en
- Pill H. (2021) *UK Monetary Policy – 'Crossing the river by feeling the stones'*, BoE, Speech 26 November. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/speech/2021/november/huw-pill-speech-on-the-economic-outlook-hosted-by-the-cbi-north-east> (accessed: 05.08.2022)
- Saunders M. (2021) *The outlook for inflation and monetary policy*, BoE, Speech 3 December. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/speech/2021/december/the-outlook-for-inflation-and-monetary-policy-speech-by-michael-saunders.pdf> (accessed: 05.08.2022)
- Usoskin V. (2021) Pandemiya COVID- 19: reakciya mirovyh central'nyh bankov na ekonomicheskij spad [COVID- 19 Pandemic: World Central Banks' Reactions to Economic Downturn], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 65(2), pp. 53–61. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-2-53-61 (In Russian).
- Wheeler G., Wilkinson B. (2022) *How Central Bank Mistakes after 2019 Led to Inflation*, The New Zealand Initiative. Research Note.

УДК 336.741

ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

© 2023 ДУБЯНСКИЙ Александр Николаевич*

Доктор экономических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

***E-mail:** *a.dubianskii@spbu.ru*

Поступила в редакцию 11.11.2022

После доработки 24.12.2022

Принята к публикации 09.02.2023

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос о возможных путях трансформации денежной системы России в современных условиях. Россия столкнулась с экономическими и политическими санкциями, которые побуждают ее к серьезным структурным реформам во всех сферах экономики. Эта ситуация требует адекватного ответа. С целью сохранения экономического суверенитета Россия вынуждена опираться только на свои ресурсы, поэтому требуется перестроить денежную систему таким образом, чтобы экономика ориентировалась на использование в основном собственных ресурсов. Современные теории денег могут быть теоретическим фундаментом предстоящих преобразований. Кроме того, в истории российской экономической мысли можно найти плодотворные идеи, полезные для использования в проектах преобразования денежной системы.

Ключевые слова: деньги, происхождение денег, современная денежная теория, ассигнации, суверенные деньги, цифровые валюты центробанков.

DOI: 10.31857/S0201708323020109

EDN: ouyvvw

Современная экономическая ситуация в России является беспрецедентной по масштабу проблем, возникших в народном хозяйстве страны. Необходимо менять характер экономических отношений. В первую очередь изменения должны произойти в денежной системе РФ. Ее трансформация окажет серьезное влияние на российскую экономику.

Поскольку финансирование российской экономики из-за рубежа в настоящее время невозможно, единственным финансовым ресурсом являются внутренние накопления и денежная эмиссия Центрального банка (ЦБ) РФ. В этой связи следует обратиться к моделям монетарной политики, ориентированным на денежную экспансию в рамках современной денежной теории (*Modern Monetary Theory, ММТ*). Она в большей степени отражает потребности государств с открытой экономикой, обладающих резервной валютой (в первую очередь США). Однако основные инструменты денежно-кредитной политики, предложенные в этой модели, могут применяться в экономиках другого типа, в частности в российской.

Для того чтобы монетарные модели могли достигать «впечатляющего уровня точности и четкости, позволяющего им быть применимыми для нужд бизнеса и государства, определенные компоненты этих моделей должны быть неизменными и неоспариваемыми» [Бьерг, 2018: 17]. Данное положение прежде всего относится к вопросу понимания природы денег и их происхождения. Пристального внимания также заслуживают теоретические проблемы, которые рассматриваются в работах ученых. Прежде чем теория станет материальной силой и овладеет умами миллионов людей, она должна быть переработана учеными в более конкретные гипотезы и модели [Уайт, 2020: 15]. Следовательно, анализ денег в историческом и современном аспектах позволяет найти ответы на вопросы, связанные с появлением новых платежных инструментов и перестройкой денежной системы, а также приблизиться к пониманию сущности денег.

Теории происхождения денег

В экономической теории принято опираться на следующие концепции происхождения денег: рационалистическую, эволюционную и государственную теории.

Рационалистическая теория возникла во времена, когда не существовало полноценной экономической науки. Размышления о происхождении и сущности денег были составной частью системы мировоззрения мыслителей древности. Согласно их представлениям, деньги возникли как удобные средства удовлетворения потребности в средствах обращения для рационализации товарного обмена.

В XVIII-XIX вв. возникает эволюционная теория, согласно которой деньги являются как результат развития экономических систем. В рамках этого процесса выделяется ряд товаров, которые являются наиболее подходящими посредниками в товарном обмене. В дальнейшем эти товарные деньги занимают особое место в рыночном товарообороте. Сторонниками этой теории являются практически все известные ученые-экономисты XIX – начала XX вв., такие как А.Р.Ж. Тюрго, А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс, К. Менгер, Л. Мизес и др. Среди русских приверженцев этой концепции можно выделить И.И. Кауфмана, И.В. Вернадского, П.А. Никольского, В.В. Святловского и др.

Наиболее полно теоретический фундамент подхода разработан К. Марксом [Дубянский, 2019]. Он предложил оригинальную гипотезу эволюции форм стоимости. В рамках этой концепции К. Маркс показал, как происходила последовательная смена форм. Он представил логику процесса превращения конкретного труда

от простых форм стоимости в обезличенный абстрактный труд в товаре-эквиваленте. Деньги, согласно логике К. Маркса, возникают на этапе всеобщей и денежной форм стоимости.

Все большее число современных экономистов выражают сомнения в истинности эволюционной теории денег. Основные возражения сводятся к тому, что до сих пор не найдены весомые исторические аргументы, подтверждающие существование бартерной экономики. «Бартер, по всей видимости, никогда не являлся экономической системой, в которую было бы включено все общество» [Буторина, 2016: 129]. Подобной точки зрения придерживался британский ученый-антрополог Д. Гребер [Гребер, 2015: 33].

Более релевантной историческому развитию может быть государственная теория денег немецкого ученого Г.Ф. Кнаппа, основные положения которой он сформулировал в работе «Государственная теория денег» (*Staatliche Theorie des Geldes*) [Knapp, 1905]. Его идея противостояла господствовавшей в то время металлургической теории денег. Немецкий ученый считал, что деньги возникли как проявление власти государства, которое могло назначать ими любые платежные инструменты. «Мы, наоборот, даем деньгам юридическое определение: клейменные знаки с прокламаторною силою, – деньги, независимо от того, содержат ли они металл или нет» [Кнапп, 1913: 22]. Подобная трактовка сущности и происхождения денег породила острые дискуссии в экономической среде.

Теория Кнаппа выглядит более правдоподобной, т. к. в ее основе лежит положение о ведущей роли государства в денежном обращении. В отличие от других теорий, она имеет более существенные исторические основания.

Общая характеристика современной денежной теории

Точкой отчета, положившей начало дискуссии по поводу современной денежной теории, стало появление в 2019 г. учебника по макроэкономике [Mitchell et al., 2019]. В числе ученых-основоположников *ММТ*, которые более тридцати лет разрабатывали ее основные положения следует выделить Р. Рэя, У. Митчелла, У. Моулера, М. Уоттса и др. Обсуждению современной денежной теории посвящено немало публикаций как в России, так и за рубежом. Среди отечественных авторов можно выделить статьи П.И. Гребенникова, С.А. Андрюшина, В.К. Бурлачкова, С.Р. Моисеева и др., а среди зарубежных авторов – труды Г. Мэнкью, П. Кругмана и К. Рогоффа.

Как отмечают Э. Тимойн и Р. Рэй, *ММТ* основывается на государственной теории денег Г. Кнаппа [Tymoigne, Wray, 2013]. На основе идей Кнаппа сформировалась хартальная теория денег, или хартализм (*chartalism*). Впоследствии он преобразовался в направление неохартализма, которое последние двадцать лет называют современной теорией денег. *ММТ* также обращается к некоторым аспектам теории денег Дж.М. Кейнса, учению суверенных денег Й. Хубера и функциональному финансовому подходу А. Лернера. Вклад в ее создание внесли Ч. Гудхард, А. Митчел-Инесс и У. Викри.

ММТ является синтетической теорией и сочетает нескольких концепций, объединенных общим названием: кредитную теорию денег, государственную теорию денег, теорию функциональных финансов и ряд др.

Появление *ММТ* вызвано неудовлетворенностью ряда экономистов современным мейнстримом в монетарной теории, отрицательно оценивающим денежно-кредитную политику, которая стимулирует экономический рост. «Применение ортодоксальных экономических моделей к реальному мировому кризису имеет очень плохие прогнозные результаты. Фактически, основной ответ на эти кризисы – жесткая экономия – привел к экономической стагнации и налагает невыразимые трудности на миллионы людей» [Mitchell, Connors, 2020: 2].

Основу *ММТ* образует ряд допущений, которые позволяют избегать сложные вопросы и объяснения, связанные с применением основных теоретических положений в практической макроэкономике. Положения теории рассматриваются на примере экономики закрытого типа с отсутствием внешней торговли и сопутствующей проблемы регулирования валютных курсов. ЦБ должен находиться в подчиненном положении, в силу доминирования казначейства (министерство финансов с более широкими полномочиями). В такой экономике нет инфляционных ожиданий, т. к. правительство контролирует уровень цен и доходов. Значительное внимание уделяется вопросам сдерживания безработицы. Для борьбы с ней монетарным властям требуется свобода действий в плане денежной эмиссии. Согласно воззрениям авторов *ММТ*, «не существует простой пропорциональной зависимости между ростом денежной массы и ростом общего уровня цен» [Mitchell et al., 2019: 263].

ММТ не относится к ортодоксальным (мейнстримовским) теориям: она представлена не в виде математизированных моделей или аналитических выкладок, а существует только в виде описательной модели. Ключевое положение – идея об исключительной монополии государства на денежную эмиссию фиатных денег при отсутствии субституты бумажных денег. Таким образом, страна, выпускающая свою валюту, которая никогда не может иссякнуть, никогда не может стать неплатежеспособной в собственной валюте [Mitchell et al., 2019: 13]. В этом заключается валютный суверенитет, проистекающий из исключительной роли государства в эмиссии денег, описанной Г. Кнаппом. Суверенными деньгами, согласно *ММТ*, могут быть не все валюты, а только резервные валюты отдельных государств. Российский рубль, следовательно, не может быть причислен к ним и быть суверенной национальной валютой.

Исходя из доминирующего положения казначейства, приоритетной для государства является не денежно-кредитная, а налогово-бюджетная политика. «Мы утверждаем, что *ММТ* последовательно выступает за возвращение к фискальному доминированию и опровергает утверждения о том, что дефицита и задолженности следует избегать» [Mitchell, 2020: 2–3]. Правительство наделено возможностью выпускать государственные облигации, чтобы изымать избыточные деньги из обращения. Кроме того, облигации должны погашаться за счет денежной эмиссии, вследствие чего дефолт по госдолгу невозможен.

По мнению В.К. Бурлачкова, существует два основных отличия современной денежной теории от других концепций. Во-первых, в современной экономике день-

ги могут создаваться не только ЦБ, но и государственным казначейством, оперирующим бюджетными доходами и расходами. Во-вторых, бюджетный дефицит должен быть основным инструментом государственного воздействия на экономику, поскольку его снижение приводит к падению сбережений частного сектора, а увеличение – к их росту [Бурлачков, 2021: 152–159].

Дискуссия относительно *ММТ* сводится к спорам относительно реализуемости ее основных положений в монетарной политике. Имплементация идей на практике может привести к большим экономическим проблемам, но для конструктивного диалога уровень оппонентов должен находиться на таком же уровне абстракции. Это означает, что оценивать или сравнивать *ММТ* стоит в позитивном, описательном аспекте, в котором она представляется приемлемым теоретическим основанием для переформатирования российской денежной системы. Переформатирование должно осуществляться на ключевом положении о суверенитете российского рубля.

Теория бумажного рубля С.Ф. Шарапова

Положение в финансовой сфере России требует использования нестандартных подходов. Помимо *ММТ* полезны теоретические наработки российских экономистов, которые во многом опередили идеи западных. Например, русский экономист, политик и общественный деятель С.Ф. Шарапов разработал концепцию бумажного рубля.

Преимущества бумажных денег, на взгляд С.Ф. Шарапова, обусловлены их независимостью от золота в рамках доминировавшего в денежном обращении большинства стран в конце XIX – начале XX вв. золотомонетного стандарта. В современной интерпретации речь идет о суверенности национальной валюты, т. е. независимости от золотовалютных резервов ЦБ и колебаний ценности драгоценного металла. С.Ф. Шарапов утверждал, что рубль, не привязанный к золоту и выпускаемый по мере нужды в нем, может «оплодотворить народный труд и его производительность как раз до предела» [Шарапов, 2005: 18]. В период золотомонетного стандарта рубль был переоцененной валютой, т. к. С.Ю. Витте в ходе денежной реформы 1895–1897 гг. фактически ревальвировал российскую валюту, а не девальвировал, как принято считать.

Ревальвированный рубль оказался слишком дорогим как для большинства населения страны, так и для деловых кругов, что породило острую нехватку денежных (кредитных) ресурсов. Здесь прослеживается аналогия с современной Россией, в экономике которой также ощущается их острый недостаток.

С.Ф. Шарапов предлагал изменить ситуацию за счет эмиссии неразменных бумажных денег, количество которых определялось нуждами российской экономики. «Система вкладов и ссуд при добавке по мере надобности свежих количеств знаков, – вот настоящий, почти автоматический регулятор денежного обращения» [Шарапов, 1895: 65]. Он призывал посредством денежной эмиссии создавать необходимые кредитные ресурсы, за счет которых «из ничего» можно финансировать строительство инфраструктурных объектов. В результате государство, получало бы «даром» недвижимость, «изображаемую новой железной дорогой». После завершения строительства инфраструктурного объекта деньги получали бы необходимое

материальное обеспечение и не являлись бы «фиктивными знаками». В этом состоит суть теории мнимого капитала С.Ф. Шарапова, «совершенно заменяющего капитал реальный, заключающийся в выраженных золотом или иными ценностями сбережениях» [Шарапов, 2005: 409]. Наиболее эффективно мнимые капиталы должны работать в руках центральной государственной власти, но не частного капитала, к которому теоретик испытывал неприязнь.

С.Ф. Шарапов предлагал направлять бюджетные средства на осуществление крупных инфраструктурных проектов по строительству морских портов, элеваторов, железных дорог и др. Он понимал, что активное участие государства в такого рода капитальных расходах может привести к появлению бюджетных дефицитов, возрастанию государственного долга и возникновению инфляции. Однако, по мысли российского ученого, инвестиционные ресурсы, вкладываемые в реальное производство, а не в биржевые спекуляции, не должны негативно влиять на рост цен.

Экономист не доверял частному бизнесу, поэтому отводил ему второстепенную роль. Этот бизнес должен быть сконцентрирован в сфере розничной торговли, производстве товаров широкого потребления, сельском хозяйстве. «Таким образом, мнимые капиталы, пускаемые в оборот государством, и реальные, то есть частные капиталы, будут работать параллельно, не мешая друг другу, и именно в этом и будет заключаться здравая и справедливая экономическая политика» [Шарапов, 1895: 85].

Особый интерес вызывает предложение С.Ф. Шарапова о создании вместо существовавшего в то время Государственного банка Большой казны, которая «...должна одна безраздельно управлять денежным обращением» [Шарапов, 1895: 103]. Большая казна должна была объединить усилия Государственного банка и Государственного казначейства, которые, по словам русского экономиста, зачастую действовали несогласованно. С.Ф. Шарапов критически относился к Министерству финансов, т. к. оно уделяло недостаточно внимания вопросам развития реальной экономики. Большая казна должна была стать независимым институтом, неподотчетным другим государственным органам.

Переформатирование денежной системы России

Финансовая и денежная системы современной России не могут не измениться в ответ на перемены во внешнеэкономической среде и взаимоотношениях в денежной сфере с ведущими странами мира и глобальными финансовыми институтами. В условиях санкций России не должна оставаться на позициях общепринятых (мейнстримовских) экономических теорий, которые, как считал российский министр финансов Е.Ф. Канкрин, могут оказаться несостоятельными при их практической реализации.

По сути России объявлена экономическая война, в ходе которой используются запрет расчетов в долларах и евро, конфискация части золотовалютных резервов ЦБ, перекрытие некоторым российским банкам доступа к SWIFT (система обмена финансовыми сообщениями для международных транзакций). В качестве ответной меры правительство России приняло решение о введении рублевых расчетов за поставляемые на экспорт ресурсы.

В расчетах национальной валютой проявляется суверенитет российской валюты. Американские авторы Э. Тимойн и Р. Рэй определяют валютный суверенитет через категорию «суверенное правительство», под которым подразумевается правительство, обладающее правом эмиссии собственной валюты. Авторы *ММТ* отказывают России в валютном суверенитете, т. к. российский рубль не является резервной валютой, но из-за запрета использования резервных валют в расчетах, валюта РФ де-факто стала суверенной. Суверенное в монетарном смысле правительство имеет прерогативу выбирать между альтернативными режимами обменного курса – фиксированным, управляемым и плавающим, что влияет на пространство для внутренней политики [Tymoigne, Wray, 2013: 2–3]. Другими словами, денежная эмиссия не должна быть обусловлена международными резервами ЦБ, как это в настоящее время предписывается Международным валютным фондом. На 01.10.2022 г. денежная масса в рамках агрегата М2¹ впервые за историю современной России достигла 75 000 млрд руб.². Механизм эскалации денежной массы прост: ЦБ выделяет деньги коммерческим банкам, которые используют эти средства для приобретения государственных облигаций. Увеличение денежной массы возможно является признаком позитивного изменения позиции ЦБ в отношении денежной эмиссии.

Согласно положениям *ММТ*, формирование денежной системы государства должно происходить на основе казначейства, т. е. института, который по своим функциям ближе к министерству финансов с его полномочиями центра экономического развития. Это обусловлено тем, что банковская система ориентирована на предоставление экономическим агентам кредитных ресурсов на основе платности, срочности и возвратности, что может быть приемлемо только в обычной экономической ситуации.

Размеры ставок по кредитам в России формируются исходя из банковских издержек (риски, инфляция, операционные затраты), а не из нормы рентабельности российского бизнеса. Следовательно размеры ставок превышают нормы рентабельности, и возникают ножницы. В нормальной ситуации ножницы процентных ставок не стимулируют кредитную активность, тем более такое положение недопустимо в условиях западных санкций. По этой причине для поощрения приоритетных отрас-

¹ «Денежная масса в национальном определении (денежный агрегат М2) – сумма наличных денег в обращении и остатков средств нефинансовых и финансовых (кроме кредитных) организаций – резидентов Российской Федерации и физических лиц – резидентов Российской Федерации на расчетных, текущих и иных счетах до востребования (в т. ч. счетах для расчетов с использованием банковских карт), срочных депозитов и иных привлеченных на срок средств, открытых в банковской системе Российской Федерации в рублях, а также начисленные проценты по ним. Таким образом, денежный агрегат М2 включает наличные деньги в обращении и безналичные средства». Методологический комментарий к показателю Денежная масса в национальном определении (М2). Банк России. 30.10.2020. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/dkfs/methodological_commentary_ms/ (дата обращения: 12.03.2022). – *Прим. ред.*

² Денежные агрегаты. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/dkfs/monetary_agg/ (дата обращения: 11.11.2022).

лей государство субсидирует процентные ставки по кредитам, предоставляя заемщикам различные льготы (например, в виде пониженных ставок).

Для перехода от абсолютно рыночной промышленной политики к политике защиты технологического суверенитета и проведения реиндустриализации, которая позволит добиться экономической независимости, требуется реформатирование финансовой системы, поскольку национальная банковская система не способна предоставить необходимые для экономической перестройки денежные ресурсы по приемлемым ставкам. Нужен новый источник денежных средств, а именно денежная эмиссия. Стоит отметить, что инфляцию вызывает эмиссия, ориентированная на потребление, а эмиссия, нацеленная на стимулирование инвестиций, не провоцирует роста цен. Это обусловлено тем, что первоначально не обеспеченные деньги способствуют росту производства товаров и услуг, что в итоге становится их обеспечением. Сторонники *ММТ* делают упор на стимулирование эмиссии, призванной поддерживать высокий уровень потребительских расходов, однако это не позволяет избежать инфляционных рисков.

Упрочению суверенитета может способствовать введение в оборот цифрового рубля, разработку которого ведет ЦБ РФ. Цифровые валюты центробанков (ЦВЦБ) являются в настоящее время популярным направлением деятельности банков многих стран мира, в т. ч. российского ЦБ¹. Этому вопросу посвящено немало работ российских и зарубежных авторов [Кочергин, 2021; Boar, Wehrli, 2021]. ЦВЦБ являются «...цифровой формой национальной валюты, или электронным обязательством ЦБ, номинированным в национальной денежной единице и служащим средством платежа, меры счета (для регулирования обмена ценностей) и сохранения (сбережения) стоимости» [Андрюшин, 2021: 59]. Цифровые валюты центробанков дают возможность регулятору напрямую управлять денежной эмиссией, инфляцией и финансированием госдолга. В этом проявляется валютный суверенитет страны. Преимуществом цифровых валют является возможность их окрашивания, что позволяет защитить бюджетные или иные средства от нецелевых расходов и многократно сократить масштабы коррупции.

Внедрение ЦВЦБ может оказать отрицательное воздействие на положение коммерческих банков, которые будут конкурировать с ЦБ в предложении ликвидности. Доверие к цифровой валюте будет выше, чем к деньгам коммерческих банков. Однако банковская система играет ограниченную роль в развитии экономики, поэтому уменьшение ее влияния не приведет к серьезным экономическим потерям. Конкуренция среди разных видов денег способна играть положительную роль, т. к. она может обусловить появление двухконтурной денежной системы или параллельного денежного обращения. В результате каждый вид денег будет обращаться в своем контуре, что благоприятно скажется на экономическом развитии страны, поскольку каждый контур будет соответствовать определенному экономическому сектору,

¹ Концепция цифрового рубля. Центральный банк Российской Федерации. 04.2021. 30 с. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 11.11.2022).

обладающему своей спецификой. Экономика не является однородной, и деньги также должны обладать своеобразием.

Заключение

Без переформатирования денежной системы России не удастся выстоять в условиях санкций и добиться высоких темпов экономического роста. Научный базис в виде новых идей должна обеспечить экономическая наука. Теории не могут использоваться для принятия конкретных экономических решений, однако в процессе толкования и объяснения первых в научных статьях и публичных выступлениях в обществе формируется соответствующий интеллектуальный фон, в котором происходит выработка основ экономической политики.

Большое значение в понимании сущности денег и принципов денежно-кредитной политики имеет позиция исследователей относительно концепции происхождения денег. Исходя из того, как понимается этот вопрос, формулируются основные принципы денежно-кредитной политики. Однако в большинстве статей, посвященных монетарным проблемам, этот вопрос не поднимается.

Современная денежная теория может быть положена в основу преобразований денежной системы государства, но она в большей степени ориентирована на увеличение денежной экспансии для решения долговых проблем и вопросов занятости в развитых странах. Следствием является опасность масштабной эмиссии денег, которая с неизбежностью приводит к высокой инфляции. Этот процесс начался во многих западных государствах, в первую очередь в США, вследствие количественных смягчений (*Quantitative easing, QE*). Однако в России масштабная денежная эмиссия не должна привести к высокой инфляции, т. к. в отличие от западных стран эмитированные ресурсы будут направлены в производство товаров, а не финансирование потребления.

Исходя из рассмотренных концепций, для успешного выхода из создавшейся ситуации и для реформирования денежной системы необходимо проводить денежную эмиссию, наращивать кредитную экспансию и вводить параллельное обращение цифрового рубля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андрюшин С.А. (2021) Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства. *Актуальные проблемы экономики и права*. № 15 (1) С. 54–76. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.54-76>

Бурлачков В.К. (2021) «Современная денежная теория»: используемые методы анализа и парадоксальность выводов. *Вопросы экономики*. № 3. С. 152–159. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-3-152-159>

Буторина О.В. (2016) О происхождении монет. *Современная Европа*. № 3 (69). С. 124–135. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32016131142>

Бьерг У. (2018) *Как делаются деньги? Философия посткредитного капитализма*. Ад Маргинем Прес, Москва. 312 с.

Гребер Д. (2015) *Долг: первые 5000 лет истории*. Ад Маргинем Пресс, Москва. 496 с.

Дубянский А.Н. (2019). Теория денег Маркса: исторический анализ. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. № 35(1). С. 153–169. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2019.106>

Кнапп Г.Ф. (1913). *Очерки государственной теории денег*. Тип. Э.П. Карлик, Одесса. 59 с.

Кочергин Д.А. (2021) Современные модели систем цифровых валют центральных банков. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. Т. 37. Вып. 2. С. 205–240. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2021.202>.

Уайт Л. (2020) *Борьба экономических идей. Великие споры и эксперименты последнего столетия*. Новое издательство, Москва. 446 с.

Шарапов С.Ф. (1895) *Бумажный рубль: (Его теория и практика)*. Тип. т-ва "Обществ. польза", Санкт-Петербург. 156 с.

Шарапов С.Ф. (2005) *После победы славянофилов*. Алгоритм, Москва. 622 с.

Boar C., Wehrli A. (2021) *Ready, Steady, Go? – Results of the Third BIS Survey on Central Bank Digital Currency*. Bank for International Settlements. BIS Papers. January. No. 114. 20 p.

Knapp G.F. (1905) *Staatliche Theorie des Geldes*. Duncker & Humblot, Leipzig, Germany. 397 p.

Mitchell W., Wray L. R., Watts M. (2019) *Macroeconomics*. Red Globe Press, London, UK. 604 p.

Mitchell W., Connors L. (2020) *Capitalism on Life Support*. Working Paper No. 20-03. Centre of Full Employment and Equity, the University of Newcastle, Callaghan, Australia. 6 p.

Mitchell W. (2020) *Debt and Deficits an MMT perspective*. Working Paper No. 20-05. Centre of Full Employment and Equity, the University of Newcastle, Callaghan, Australia. 14 p.

Tymoigne É., Wray L. R. (2013) *Modern Money Theory 101: A Reply to Critics*. Working Paper No. 778. November. Levy Economics Institute of Bard College, Annandale-on-Hudson, USA. 57 p.

Reformatting the Russian Monetary System in Modern Conditions

A.N. Dubyanskiy*

Doctor of Sciences (Economics), Professor

St. Petersburg State University. 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russia, 199034

***E-mail:** a.dubianskii@spbu.ru

Abstract. The article considers the question of possible ways of transformation of the Russian monetary system in modern conditions. Currently, Russia is facing tough economic and political sanctions, which encourage it to introduce fundamental structural reforms in all areas of the economy. The situation in which our country finds itself requires an adequate response in order to preserve economic sovereignty. It is required to restructure the monetary system in such a way that the economy is focused on using mainly its own resources. Modern theories of money could be the theoretical foundation for the upcoming transformations. The study concentrates on the Modern monetary Theory (MMT) and its possible implementation in the Russian economy. The interest that has arisen in this non-orthodox theory is due to many reasons, but the main one is that the monetary institutions of the leading countries of the world can no longer implement the previous monetary policy in order to stimulate economic growth. Scientists evaluate this theory ambiguously, and many researchers believe that its main provisions are divorced from economic realities, contradictory and, therefore, not acceptable as instruments of macroeconomic policy. The author's stance is that the main provisions are applicable in the Russian economy. Mainly, the idea of the sovereignty of the national currency is understood as the possibility of issuing money without regard to global financial institutions such as the IMF and the size of gold and foreign exchange

reserves. As a result, this theory requires a deeper study of the influence of monetary emission on economic processes.

Key words: money, the origin of money, modern monetary theory, banknotes, sovereign money, digital currencies of central banks.

DOI: 10.31857/S0201708323020109

EDN: ouyvvw

REFERENCES

- Andryushin S. (2021) Cifrovaya valyuta centralnogo banka kak tretya forma deneg gosudarstva [Digital Currency of the Central Bank as the Third Form of Money of the State], *Aktual'nye problemy jekonomiki i prava*. 15(1), pp. 54–76. (In Russian).
- Boar C., Wehrli A. (2021) *Ready, Steady, Go? – Results of the Third BIS Survey on Central Bank Digital Currency*, Bank for International Settlements, BIS Papers, January, 114.
- Burlachkov V.K. (2021) «Sovremennaya denezhnaya teoriya»: ispolzuemye metody analiza i paradoksalnost vyvodov [Modern Monetary Theory: Methods of analysis used and paradoxical conclusions], *Voprosy Ekonomiki*, 3, pp. 152–159. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-3-152-159> (In Russian).
- Butorina O. V. (2016) O proiskhozhdenii monet [About the origin of coins], *Sovremennaya Evropa*, 3, pp. 124–135. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32016131142> (In Russian).
- Bjerg O. (2018) *Kak delayutsya dengi? Filosofiya postkreditnogo kapitalizma [Making money. The philosophy of crisis capitalism]*, Ad Marginem Press, Moscow, Russia. (In Russian).
- Greber D. (2015) *Dolg: pervye 5000 let istorii [Debt: the first 5,000 years of history]*, Ad Marginem Press, Moscow, Russia. (In Russian).
- Dubianskii A.N. (2019) Teoriya deneg Marksa: istoricheskii analiz [Karl Marx's Theory of Money: historical analysis], *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 35(1), pp. 153–169. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2019.106>. (In Russian).
- Knapp G.F. (1905) *Staatliche Theorie des Geldes*, Duncker & Humblot, Leipzig, Germany.
- Knapp G.F. (1913) *Ocherki gosudarstvennoy teorii deneg [Essays on the state theory of money]*, Tipografiya A.P. Karlik, Odessa, Russia. (In Russian).
- Kochergin D.A. (2021) Sovremennyye modeli sistem cifrovyyh valyut centralnyh bankov [Modern models of systems of central bank digital currency], *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 37(2), pp. 205–240. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2021.202> (In Russian).
- Mitchell W., Wray L. R., Watts M. (2019) *Macroeconomics*, Red Globe Press, London, UK.
- Mitchell W., Connors L. (2020) *Capitalism on Life Support*, Working Paper No. 20-03, Centre of Full Employment and Equity, the University of Newcastle, Callaghan, Australia.
- Mitchell W. (2020) *Debt and Deficits an MMT perspective*, Working Paper No. 20-05, Centre of Full Employment and Equity, the University of Newcastle, Callaghan, Australia.
- Sharapov S.F. (1895) *Bumazhnyy rubl: (Ego teoriya i praktika) [Paper Ruble: (Its theory and practice)]*, Tip. t-va "Obshchestv. pol'za", St. Petersburg, Russia. (In Russian).
- Sharapov S.F. (2005) *Posle pobedy slavyanofilov [After the victory of the Slavophiles]*. Algorithm, Moscow, Russian. 622 p. (In Russian).
- Tymoigne É., Wray L. R. (2013) *Modern Money Theory 101: A Reply to Critics*, Working Paper No. 778, November, Levy Economics Institute of Bard College, Annandale-on-Hudson, USA.
- White L. (2020) *Borba ekonomicheskikh idey. Velikie spory i eksperimenty poslednego stoletiya [The Clash of Economic Ideas: The Great Policy Debates and Experiments of the Last Hundred Years]*, Novoe izdatelstvo, Moscow, Russia. (In Russian).

УДК 311.16

РОССИЯ И СТРАНЫ ЕВРОПЫ: ОЦЕНКА УРОВНЯ ГЕНДЕРНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

© 2023 КОМАР Оксана Николаевна*

Кандидат экономических наук, доцент

Кафедра экономической теории и инструментальных методов

Калининградский государственный технический университет

236022, Россия, Калининград, Советский проспект, 1.

***E-mail:** *oksana.komar@klgtu.ru*

Поступила в редакцию 12.11.2022

После доработки 30.12.2022

Принята к публикации 09.02.2023

Аннотация. В статье проведена комплексная статистическая оценка уровня гендерной дифференциации в России и европейских странах. Разработан сводный рейтинг уровня гендерной дифференциации, рассчитанный как сумма рангов страны по трем индексам: гендерного неравенства (*GII*), гендерных социальных норм (*GSNI*) и «Женщины, бизнес и закон» (*WBL*). Проведено ранжирование стран на его основе. Для Российской Федерации сделан углубленный анализ по составным элементам каждого индекса, проведено сравнение позиций РФ с европейскими странами, лидирующими в рейтинге. Основными источниками информации для проведения расчетов послужили статистические данные ООН, Всемирного банка, демографическая статистика Росстата. Установлено, что РФ необходимо усилить правовую защиту в области гендера. Предложены мероприятия, способствующие снижению гендерного неравенства, и проведена их апробация на основе количественной оценки прогнозного уровня индекса «Женщины, бизнес и закон» для РФ.

Ключевые слова: европейские страны, гендерная дифференциация, статистическая оценка, ранжирование, индекс гендерного неравенства, индекс гендерных социальных норм, индекс «Женщины, бизнес и закон».

DOI: 10.31857/S0201708323020110

EDN: ovctzo

Во многих странах мира женщины подвергаются дискриминации в области прав и возможностей. Международные организации, в т. ч. ООН, предпринимают активные меры для достижения законодательно закрепленного принципа гендерного равноправия во всех областях жизнедеятельности. Еще в 1979 г. принята Конвенция «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин», однако до сих пор выполнить данную задачу не удалось. В отчете Программы развития ООН (ПРООН) отмечено, что ни в одной стране мира не достигнуто полное равенство полов. В последнем докладе Всемирного экономического форума определено, что пандемия *COVID-19* замедлила скорость сокращения неравенства и «при нынешних темпах прогресса потребуется 132 года, чтобы достичь полного паритета»¹.

Внимание к проблеме гендерной дифференциации объясняется ее комплексным воздействием на все виды социальных и экономических отношений. Дж. Лорбер, основательница теории социального конструирования гендерных различий, считает, что влияние гендерных отношений на жизнь общества можно сопоставить с влиянием экономики или религии [Lorber, 1994]. Аналогичного мнения придерживается Н.М. Римашевская, которая отмечает, что «гендерные стереотипы пронизывают все аспекты жизнедеятельности социума как на макро-, так и на микроуровне, включаясь в экономическое, политическое и социальное функционирование общества» [Римашевская, 2009: 263].

В российской науке изучением и оценкой гендерной дифференциации занимаются ученые разных специальностей – историки, социологи, экономисты, статистики. В работах С.Г. Айвазовой [Айвазова, 2018], Н.А. Шведовой [Шведова, 2016] и Е.В. Хахалкиной [Хахалкина, 2020] проводится анализ гендерной дифференциации в политике. Уделяется внимание влиянию гендерных особенностей на воспроизводство человеческого капитала [Гриненко и др., 2014]. В ряде работ российских ученых изучается влияние гендерного фактора на рынок труда [Мальцева, 2005] и распределение доходов [Шабунова, Россошанский, 2013; Елисеева, Дёкина, 2019]. В настоящее время рассматривается определение степени негативного влияния пандемии *COVID-19* на уровень гендерного неравенства [Пряжникова, 2021; Шведова, 2022].

Гендерная дифференциация в политической и экономической жизни характерна не только для России. Н.В. Говорова отмечает, что «одна из самых болезненных проблем европейского общества – с трудом поддающийся выравниванию гендерный разрыв в трудовой сфере» [Говорова, 2020: 37]. Тем не менее некоторые страны проделали большую работу для устранения неравенства между женщинами и мужчинами, поэтому актуальной становится проблема комплексной количественной оценки и сравнения степени гендерного неравенства в отдельных странах на основе агрегированных показателей, а также определения причин, препятствующих достижению равноправия представителей разных гендеров.

¹ Global Gender Gap Report 2022. Insight report. July 2022. P. 5. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2022.pdf (дата обращения: 20.01.2023)

Анализ количественных показателей уровня гендерной дифференциации

Международные организации используют разные индексы оценки уровня гендерной дифференциации (Табл. 1). В некоторых из них используются одинаковые

Таблица 1

Состав и назначение показателей уровня гендерных различий

Показатель	Кто рассчитывает	Назначение	Охват стран	Диапазон
Индекс гендерного неравенства (<i>GII – Gender Inequality Index</i>)	Программа развития Организации Объединённых Наций (ПРООН)	Измеряет достигнутый уровень равноправия полов.	190	От 0 до 1. Чем ближе к 1, тем выше гендерное неравенство
Индекс «Женщины, бизнес и закон» (<i>WBL – Women, Business And Law</i>)	Всемирный банк реконструкции и развития	Оценивает, как законодательство влияет на равенство возможностей женщин на разных этапах их трудовой жизни.	190	От 0 до 100. Чем ближе к 100, тем ниже гендерное неравенство
Индекс гендерных социальных норм (<i>GSNI – Gender Social Norms Index</i>)	Всемирный обзор ценностей (<i>World Values Survey</i>)	Измеряет, как социальные убеждения препятствуют гендерному равенству.	86	От 0 до 100. Чем ближе к 100, тем выше гендерное неравенство.
Индекс гендерного разрыва (<i>GGI – Global Gender Gap Index</i>)	Всемирный экономический форум	Оценивает гендерные различия в доступе к ресурсам и возможностям в отдельных странах.	146	От 0 до 1. Чем ближе к 1, тем ниже гендерное неравенство
Индекс гендерного развития (<i>GDI – Gender Development Index</i>)	Программа развития Организации Объединённых Наций (ПРООН)	Представляет собой отношение индекса человеческого развития, рассчитанного для женщин, к индексу человеческого развития, рассчитанному для мужчин.	164	Если значение меньше 1, женщины находятся в менее выгодном положении, чем мужчины.

Источники: Доклад о глобальном гендерном разрыве, 2022 г. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2022/in-full/1-benchmarking-gender-gaps-2022>; Human development report, 2021–2022. URL: <https://hdr.undp.org/gender-development-index#/indicies/GDI>; Human development report, 2021–2022. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/thematic-composite-indices/gender-inequality-index#/indicies/GII>; Human development report, 2021–2022. URL: <https://hdr.undp.org/gender-social-norms-index>; Women, business and the law. URL: <https://wbl.worldbank.org/en/methodology> (дата обращения 20.01.2023); Women, business and the law 2019. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/702301554216687135-0050022019/original/WBLDECADEOFREFORM2019WEB0401.pdf> (дата обращения: 20.06.21).

составные элементы, или они рассчитываются на основе данных, полученных при расчете индекса человеческого развития (*HDI – Human Development Index*), например индексы гендерного неравенства (*GII – Gender Inequality Index*) и гендерного развития (*GDI – Gender Development Index*). В исследовании отобраны три показателя, позволяющие охарактеризовать гендерную дифференциацию в отдельных странах с разных позиций: *GII*, индекс «Женщины, бизнес и закон» (*WBL – Women, Business And Law*) и индекс гендерных социальных норм (*GSNI – Gender Social Norms Index*). *GII* и *WBL* основаны на объективной оценке гендерных различий, в то время как *GSNI* предполагает их субъективную оценку, т. е. учитываются мнения респондентов по поводу наличия дискриминации женщин в исследуемых областях. Их совокупное использование позволяет определить страны, которые наиболее близки к преодолению гендерной дифференциации.

Индекс гендерного неравенства по версии ПРООН является составной частью индекса человеческого развития. Он показывает потерю потенциального человеческого развития из-за различий между достижениями женщин и мужчин в трех измерениях: репродуктивном здоровье, расширении прав и возможностей и рынке труда. Значение индекса публикуется со значительным временным лагом, т. к. при его расчете обрабатываются большие массивы данных. Последние опубликованные данные относятся к 2021 г.

В 2021 г. лидерами с точки зрения гендерного равенства являлись страны Западной и Северной Европы и Сингапур. Минимальный уровень гендерного неравенства наблюдался в Дании (0,013 пункта), Норвегии (0,016), Швейцарии (0,018), Швеции (0,023), Нидерландах (0,025), Финляндии (0,033), Сингапуре (0,040), Исландии (0,043), Люксембурге (0,044) и Бельгии (0,048). Практически во всех странах он имел тенденцию к снижению по сравнению с 2019 г. Самого серьезного сокращения добилась Дания – с 0,038 до 0,013 пункта. В мире в целом значение индекса гендерной неравенства – 0,465 пункта, что практически в 35 раз выше минимального значения. Общая динамика негативная: за год показатель возрос на более чем 6% на фоне снижения в европейских странах¹. Это объясняется влиянием *COVID-19*, который «... нанес больше вреда женщинам и девочкам, что способствовало усугублению гендерного неравенства» [Шведова, 2022: 35], но странам Европы в отличие от развивающихся стран удалось нивелировать влияние пандемии.

Индекс «Женщины, бизнес и закон» показывает, как законы различных стран влияют на экономическое и социальное положение женщин по восьми основным позициям²:

- свобода передвижения;

¹ Human development report 2021–2022. URL: <https://hdr.undp.org/en/data> (дата обращения: 20.01.23); Доклад о человеческом развитии 2020: Следующий рубеж – Человеческое развитие и антропоцен. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2020> (дата обращения: 20.06.22)

² Women, business and the law 2019. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/702301554216687135-0050022019/original/WBLDECADEOFREFORM2019WEB0401.pdf> (дата обращения: 20.06.21)

- рабочее место;
- деловая среда;
- брак;
- родительские отношения;
- ведение бизнеса;
- управление активами;
- пенсионное обеспечение.

Данные, опубликованные в 2022 г., свидетельствуют, что в мире среднее значение индекса «Женщины, бизнес и закон» составляет 75%, т. е. у женщин на четверть меньше прав, чем у мужчин. Однако в ряде европейских стран (Бельгия, Греция, Дания, Франция, Латвия, Люксембург, Исландия, Испания, Ирландия, Португалия, Швеция) значение индекса составляет 100%, что свидетельствует о достижении полного правового равенства мужчин и женщин¹.

Последний из рассматриваемых показателей – индекс гендерных социальных норм (*GSNI*) – предполагает учет мнения женщин и мужчин по проблеме гендерного равенства и включает семь одинаковых вопросов, которые разделены на 4 группы:

- политические права (мужчины – лучшие политические лидеры; женщины обладают теми же правами, что и мужчины);
- образование (университетское образование важнее для мужчин, чем для женщин);
- экономический аспект (мужчины должны иметь больше прав на работу, чем женщины; мужчины – лучшие руководители в бизнесе);
- физическая целостность (возможность насилия со стороны интимного партнера; возможность осуществления репродуктивных прав)².

Результаты расчетов охватывают пятилетний период. Первое исследование проводилось в 2005–2010 гг., последние данные относятся к периоду 2017–2022 гг., именно на их основании был определен рейтинг стран по уровню *GSNI*.

В 2010–2014 гг. лидирующие позиции занимали Андорра, Швеция, Нидерланды и Норвегия. В этих странах доля людей, не имеющих гендерных предубеждений, колебалась от 73,0 до 58,7%. За ними следовали Новая Зеландия и Австралия (приблизительно по 54%)³. Согласно последнему исследованию, лидером рейтинга стала Швеция; вторую и третью позиции заняли Новая Зеландия и Австралия, в которых доля людей без гендерных предубеждений существенно снизилась (до 34 и 37% соответственно)⁴. Из европейских стран в десятку лидеров вошли Германия, Андорра, Нидерланды, Испания и Словения.

¹ Women, business and the law 2022. URL: <https://wbl.worldbank.org/en/wbl-data>, (дата обращения: 04.01.2023)

² Отчеты о человеческом развитии 2019. Индекс гендерных социальных норм. С. 2–3. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/frequently_asked_questions_gsni.pdf (дата обращения: 01.06.21)

³ Human development perspectives 2020, table A1. URL: https://hdr.undp.org/sites/default/files/hd_perspectives_gsni.pdf (дата обращения 01.06.2022)

⁴ Human development report, 2021–2022. URL: <https://hdr.undp.org/gender-social-norms-index> (дата обращения 20.01.2023)

Таким образом, использование различных показателей уровня гендерной дифференциации приводит к существенной вариации результатов. По всем показателям первые позиции занимают европейские страны, но ни одна из них не является лидером одновременно по всем индексам.

Ранжирование стран по уровню гендерной дифференциации на основе агрегированного рейтинга

Для обобщения информации по разным рейтингам и определения стран-лидеров с точки зрения гендерного равенства проведено ранжирование на основе суммарных рангов по каждому индексу. В сводный рейтинг попали только те страны, данные о которых имеются одновременно по всем индексам. Дания, Бельгия и Исландия не вошли в сводный рейтинг, т. к. не участвуют в опросах для расчета индекса гендерных социальных норм. Исключены также страны, для которых не рассчитывался индекс гендерных социальных норм в последних двух исследованиях. Результаты обобщены в таблице 2.

Таблица 2

Ранжирование стран мира по уровню гендерной дифференциации на основе рангов по индексам гендерного неравенства (GII), «Женщины, бизнес и закон» (WBL) и гендерных социальных норм (GSNI)

Страна	Ранг по GIИ	Ранг по WBL	Ранг по GSNI	Сумма рангов	Итоговый рейтинг
Швеция	3	1	1	5	1
Канада	17	1	5	23	2
Испания	14	1	9	24	3
Нидерланды	5	13	7	25	4
Германия	19	13	4	36	5
Новая Зеландия	25	13	2	40	6
Австралия	19	20	3	42	7
Греция	32	1	12	45	8
Словения	18	20	10	48	9
Эстония	28	13	16	57	10
Сербия	36	28	14	78	11
Польша	31	28	20	79	12
Кипр	35	26	21	82	13
США	44	33	8	85	14
Сингапур	7	77	15	99	15
Южная Корея	15	61	28	104	16
Уругвай	58	42	17	117	17
Румыния	67	38	24	129	18
Украина	49	61	22	132	19
Япония	22	103	11	136	20
Армения	53	51	36	140	21
Перу	90	25	26	141	22
Мексика	75	42	29	146	23
Грузия	66	47	43	156	24
Чили	47	95	18	160	25
Эквадор	85	40	37	162	26

Страна	Ранг по GII	Ранг по WBL	Ранг по GSNI	Сумма рангов	Итоговый рейтинг
Боливия	99	42	32	173	27
Беларусь	29	117	30	176	28
Вьетнам	71	61	44	176	28
Турция	65	77	34	176	28
Бразилия	94	61	23	178	31
Аргентина	69	99	13	181	32
Монголия	76	61	50	187	33
Южная Африка	97	47	49	193	34
Никарагуа	102	55	39	196	35
Китай	48	117	35	200	36
Колумбия	102	71	31	204	37
Россия	50	128	33	211	38
Казахстан	41	136	40	217	39
Венесуэла	123	61	38	222	40
Тринидад и Тобаго	81	120	25	226	41
Руанда	93	72	65	230	42
Таиланд	79	108	44	231	43
Азербайджан	70	103	59	232	44
Узбекистан	56	134	51	241	45
Зимбабве	134	53	57	244	46
Таджикистан	68	103	76	247	47
Кыргызстан	87	111	52	250	48
Тунис	61	150	48	259	49
Марокко	104	117	41	262	50
Кения	128	90	47	265	51
Филиппины	101	103	68	272	52
Гватемала	121	134	27	282	53
Малайзия	57	172	70	299	54
Эфиопия	129	111	60	300	55
Ливия	61	172	73	306	56
Индия	122	124	64	310	57
Гана	130	120	63	313	58
Кувейт	74	185	54	313	58
Ливан	108	160	46	314	60
Катар	54	187	75	316	61
Индонезия	110	150	72	332	62
Алжир	126	163	56	345	63
Иран	115	186	45	346	64
Иордания	118	177	55	350	65
Египет	109	171	71	351	66
Мьянма	125	160	66	351	67
Бангладеш	131	174	67	372	68
Пакистан	135	167	74	376	69
Гаити	163	155	62	380	70
Ирак	145	180	61	386	71
Нигерия	168	153	69	390	72
Йемен	170	189	58	417	73

Составлено по: Human development report, 2021–2022. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/thematic-composite-indices/gender-inequality-index#/indicies/GII>; Human development report, 2021–2022. URL: <https://hdr.undp.org/gender-social-norms-index> (дата обращения 20.01.2023); Women, business and the law 2022. URL: <https://wbl.worldbank.org/en/wbl-data>, (дата обращения: 04.01.2023)

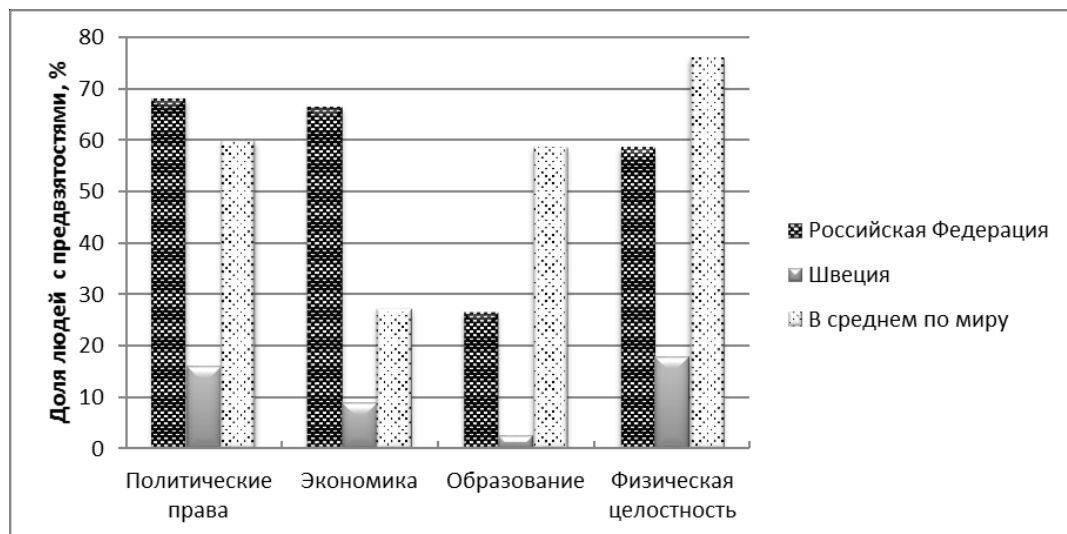
Верхние позиции в рейтинге принадлежат европейским странам, что свидетельствует о минимальном уровне гендерной дифференциации. В первую десятку данного рейтинга вошли 7 стран Европы. В конце рейтинга расположились преимущественно страны Африки и Азии, в т. ч. развитые в экономическом отношении страны Ближнего Востока, из-за низкого уровня индекса «Женщины, бизнес и закон».

Сравнительный анализ уровня гендерной дифференциации в России и странах Европы

Российская Федерация в итоговом рейтинге занимает 38 место из 73, т. е. не входит в первую половину рейтинга. Самая высокая позиция у России по индексу гендерных социальных норм, но даже в этом случае страна находится только на 33 строчке, что хуже средних показателей в мире (Рис. 1). Последние доступные данные показали, что в 2017–2022 гг. 91,4% населения РФ убеждены, что минимум по одной позиции из четырех женщины имеют меньше прав, чем мужчины. В предыдущем исследовании этот показатель составлял 86,8%. Сократилась доля людей, считающих, что отсутствует дискриминация по половому признаку – с 13,2 до 8,56%. Среди женщин доля тех, кто ощущает наличие дискриминации по полу, меньше (88,06%),

Рисунок 1

Доля людей с предубеждениями в области гендерного равенства в России, Швеции и в среднем по миру по итогам обследования 2017–2022 годов



Источник: Human development report, 2021–2022. URL: <https://hdr.undp.org/gender-social-norms-index> (дата обращения 20.01.2023)

чем среди мужчин (96,25%). Данная закономерность характерна не только для России, но и для других стран, в частности для Швеции, которая является лидером по индексу гендерных социальных норм (доля людей, имеющих гендерные предубеждения, составляет 30,14 среди женщин и 33,57% среди мужчин)¹.

Наибольшее беспокойство вызывает рост доли людей с предубеждениями в области физической целостности. В последнем исследовании в среднем 58,62% людей в России допускали возможность насилия над интимными партнерами, тогда как в исследовании 2010–2014 гг. уверенных в этом было на 8,6% меньше.

Особенно остро неравенство в России проявляется в политике, где более 68% опрошенных видят его наличие. В Швеции, как и в РФ, именно в этой области максимальное количество респондентов ответило, что женщины имеют меньше прав. Что касается экономического аспекта, более 66,5% респондентов в России убеждены, что мужчины более успешны в бизнесе и должны иметь приоритетное право на работу. В предыдущем исследовании так считали не более 59%.

Слабее всего неравенство проявляется в области образования. Почти 27% опрошиваемых россиян в 2017–2022 гг. уверены, что наличие высшего образования для женщин не так важно, как для мужчин. В 2010–2014 гг. подобным образом отвечало не более 23%. В России этот показатель в два раза ниже среднемировой доли людей с предубеждениями.

По значению индекса гендерного неравенства за 2021 г. Россия занимает 50 место с результатом 0,203 п. п., т. е. потери до достижения полного равенства между мужчинами и женщинами составляют 20,3%. Если сравнить с результатом Швейцарии, занимающей первое место со значением индекса 0,018 п. п., это очень существенные потери. Несмотря на то что Россия входит в группу стран с высоким уровнем человеческого развития², ее результаты значительно отстают от средних результатов по группе (0,155 п. п.). Основные проблемы РФ – это высокие уровни материнской смертности и подростковой рождаемости (Рис. 2).

Уровень материнской смертности в России составляет 17 пунктов, и это в 3,5 раза выше, чем в Швейцарии (5 пунктов), занимающей первое место в рейтинге. По сравнению со средними показателями группы превышение не такое значительное – 13%. По сравнению с предшествующими обследованиями уровень материнской смертности в России снизился на 32% – с 25 до 17 пунктов³.

Уровень подростковой рождаемости, который характеризует количество рождений на 1000 женщин 15–19 лет, в России почти в семь раз превышает показатели Швейцарии. В РФ статистически значимое количество женщин вступает в брак в возрасте до 18 лет, несмотря на тенденцию к снижению этого показателя с 0,7 в

¹ Human development report, 2021–2022; Human development perspectives, 2020.

² В соответствии с классификацией ООН в зависимости от значения индекса человеческого развития страны мира разделяются на 4 группы: с очень высоким уровнем, высоким уровнем, средним уровнем, низким уровнем.

³ Human development report, 2019, table 5. URL: <https://hdr.undp.org/en/data> (дата обращения: 20.02.2021); Human development report, 2021–2022, table. 5.

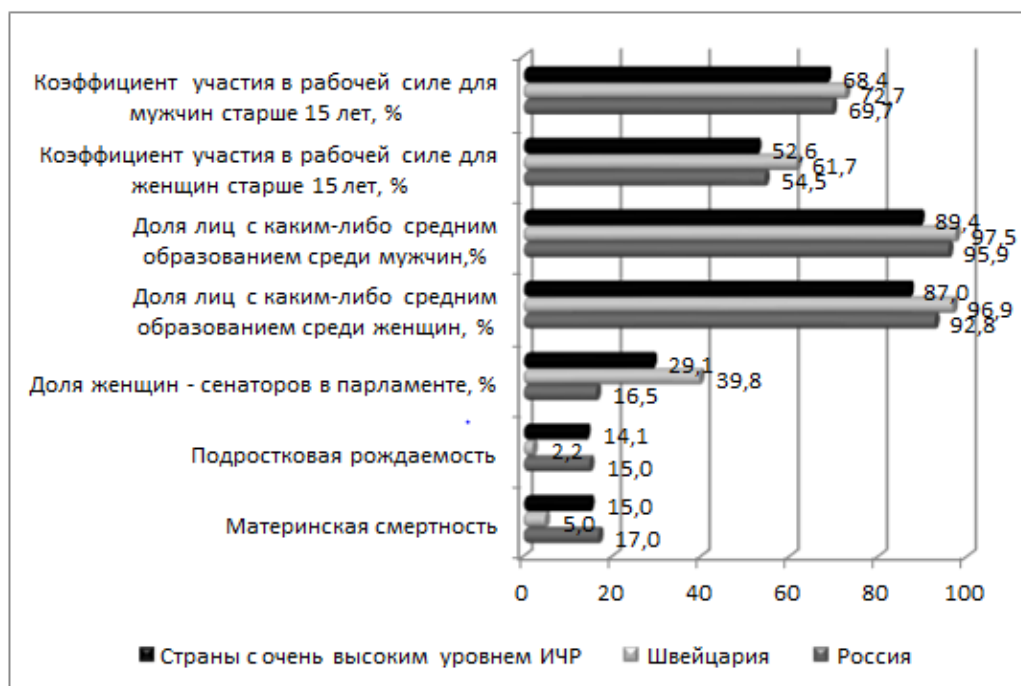
2015 г. до 0,5% в 2021 г. Доля браков, заключенных женщинами возрастной группы 18–24 года, также снижается, тем не менее в 2021 г. она превышала 31% от общего количества браков¹. В результате средний возраст вступления в брак в России ниже, чем в Швейцарии, что способствует более раннему деторождению.

Другая проблема – незначительная доля женщин в парламенте (16,5%), которая значительно меньше, чем в Швейцарии (39,8%) и среднего показателя по группе (29,1%). Это связано с убеждением 68% россиян, что мужчины являются лучшими политическими лидерами, и значением индекса политических прав *GSNI*.

Доля женщин от 25 лет со средним образованием в России несколько ниже, чем в Швейцарии (92,8 и 96,9% соответственно), и выше, чем в среднем по группе (87,0%). За 2 года доля образованных женщин в РФ сократилась почти на 4%, в то время как в других странах ситуация обратная. Доля мужчин со средним образованием в России составляет 95,9%. Этот показатель ниже, чем в Швейцарии, но выше среднего по группе (97,5 и 89,4% соответственно).

Рисунок 2

Сравнительный анализ составных элементов индекса гендерного неравенства за 2021 год



Источник: Human development report, 2021–2022: table 5. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/thematic-composite-indices/gender-inequality-index#/indicies/GII> (дата обращения 26.01.2023)

¹ Рассчитано на основе данных Росстата.

Резервом снижения значения индекса гендерного неравенства в России можно считать снижение уровня материнской смертности. Это достижимо в рамках реализации государственной программы РФ «Развитие здравоохранения».

Что касается увеличения доли женщин в парламенте, с точки зрения законодательства нет препятствий для участия женщин в выборах, но большая часть мужчин и женщин убеждена, что женщины являются более слабыми политиками. При определенных условиях можно добиться снижения гендерной дифференциации в политической жизни. Н.А. Шведова сформулировала предложения, способствующие привлечению женщин в политику. Они охватывают как просветительскую работу, направленную на преодоление гендерных стереотипов, так и введение квотирования для женщин в политических партиях [Шведова, 2016: 8–9]. Например, в Британии, по словам Е.В. Хахалкиной, «в большей степени, чем стереотипы, на численность женщин в правящей элите ... влияет система квот» [Хахалкина, 2020: 185].

Самая низкая позиция у России в рейтинге «Женщины, бизнес и закон» – 128 место из 190 в 2022 г. (в 2019 г. – 114 место). С 1971 по 2003 гг. прослеживалась положительная динамика: значение индекса возросло на 17,5%, увеличившись с 55,6 до 73,1%. Последние 20 лет оно не менялось, что привело к значительному снижению позиции страны в рейтинге. На данный момент до полного устранения гендерной дифференциации с точки зрения законодательства не хватает почти 27%¹. Полное гендерное равноправие достигнуто по двум позициям: свободе передвижения и управлению активами.

Основные потери приходятся на рабочее место, деловую среду и пенсионное обеспечение: количество баллов не превышает 50 из 100 возможных. При оценке регулирования отношений на рабочем месте, отмечено отсутствие законодательства, направленного на устранение сексуального насилия и наказание за него. По этому пункту страна теряет 50 баллов из 100. Изменения в законодательстве существенно снизят отставание от стран-лидеров. Необходимо также учитывать высокую социальную значимость вопроса. По данным опроса, проведенного Левада-Центром² в марте 2020 г., 25% респондентов назвали сексуальные домогательства на работе серьезной проблемой³. Ее законодательное решение поддержат не только международные организации, но и российское общество.

В области законодательства, регламентирующего деловую среду, создатели индекса снимают 50 баллов за наличие законов, запрещающих женщинам работать на вредных производствах. Для достижения равноправия отмена данного закона целе-

¹ Women, business and the law 2019. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/702301554216687135-0050022019/original/WBLDECADEOFREFORM2019WEB0401.pdf> (дата обращения: 20.06.21); Women, business and the law 2022.

² Внесен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

³ Пресс-выпуски Левада-Центр. URL: www.levada.ru/2020/04/22/seksualnye-domogatelstva/ (дата обращения: 09.09.2020).

сообразна, но она должна сопровождаться усиленным контролем над привлечением женщин к опасным для репродуктивного здоровья видам деятельности.

В области пенсионного обеспечения вопрос о необходимости введения равного пенсионного возраста для мужчин и женщин является спорным, т. к. женщины традиционно одновременно работают и ведут домашнее хозяйство, воспитывают детей, т. е. несут двойную нагрузку. Увеличение количества баллов по данной позиции можно рассматривать как не соответствующее интересам российского населения.

В законодательстве РФ отсутствует специальный закон, предусматривающий ответственность за дискриминацию при получении кредитов, за что снимаются 25 баллов. Этот пункт можно рассматривать как резерв повышения рейтинга по индексу «Женщины, бизнес и закон». Еще 40 баллов страна теряет из-за отсутствия оплачиваемых отпусков по уходу за детьми для отцов и отсутствие специального законодательства, направленного на борьбу с насилием в семье. Эти пункты можно рассматривать как возможность увеличения рейтинга *WBL* в области родительских отношений и брака.

С принятием соответствующих законов можно достичь 100% по следующим позициям: ведению бизнеса, родительским отношениям, деловой среде, браку, рабочему месту. Итоговое значение индекса «Женщины, бизнес и закон» в этом случае превысит 90%, что позволит России занять место в первой половине рейтинга.

Выводы

Показатели позволяют оценить уровень гендерных различий с разных точек зрения, но использовать их лучше всего в комплексе для получения максимально достоверной оценки позиции каждой страны.

Ни в одной стране мира до сих пор не достигнуто полное гендерное равноправие, однако использование агрегированного по трем индексам ранга показало, что наиболее близки к этому европейские страны. Россия заняла только 37 место из 72. РФ имеет низкие ранги по всем рассматриваемым индексам, тем не менее по индексу гендерных социальных норм она расположена в первой половине рейтинга, что свидетельствует об отсутствии у населения ощущения сильного неравенства полов.

Низкая позиция РФ по индексу «Женщины, бизнес и закон» связана с отсутствием законодательства, направленного на устранение гендерной дифференциации. Возможным резервом для повышения гендерного равноправия выступает разработка законодательства, направленного на борьбу с насилием в семье и сексуальными домогательствами на рабочем месте, а также закрепление равных прав для обоих родителей на получение оплачиваемых отпусков по уходу за ребенком. Другим направлением снижения гендерного неравенства в РФ выступает повышение уровня участия женщин в политической жизни, но этого невозможно достичь без законодательно закрепленного квотирования представителей разных полов в политических партиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айвазова С.Г. (2018) Гендерный фактор развития политики. *Политика развития, государство и мировой порядок*. Под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. Издательство «Аспект Пресс», Москва. С. 22–23.
- Говорова Н.В. (2020) Рынок Европейского союза в цифровую эпоху: гендерный аспект. *Женщина в российском обществе*. № 3. С. 30–41. DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.3
- Гриненко С.В., Богомолова И.С., Задорожная Е.К. (2014) Гендерные особенности развития человеческого капитала. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. № 38 (275). Издательский дом «Финансы и кредит», Москва. С. 20–35.
- Елисеева И.И., Декина М.П. (2019) Статистический анализ гендерного неравенства оплаты труда в современной России. *Статистика и Экономика*. № 16 (5). С. 85–91. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2019-5-85-93>.
- Мальцева И.О. (2005) *Гендерные различия в профессиональной мобильности и сегрегация на рынке труда: опыт российской экономики*. Издательство «EERC», Москва. 55 с.
- Пряжникова О.Н. (2021) Пандемия COVID-19 и усиление гендерного неравенства. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Социология: Реферативный журнал*. Сер. 11. № 2. С. 66–73. DOI:10.31249/rsoc/2021.02.06
- Римашевская Н.М. (2009) Заключение. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования. Сборник статей. Под ред. Н.М. Римашевской, Л.Г. Луняковой. Наука, Москва. С. 263–271.
- Хахалкина Е.В. (2020) Гендерный фактор в формировании правящих элит в Великобритании. *Современная Европа*. № 2. С. 176–187. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020176187>
- Шабунова А.А., Россошанский А.И. (2013) О гендерной дифференциации заработной платы на рынке труда. *Проблемы развития территории*. № 5 (67). С. 50–56.
- Шведова Н.А. (2022) Женское лидерство в мире: «продвижение вперед». *Женщина в российском обществе*. № 1. С. 32–47. DOI: 10.21064/WinRS.2022.1.3
- Шведова Н.А. (2016) Политические партии и гендерное равенство. *Женщина в российском обществе*. № 4. С. 21–30. DOI: 10.21064/WinRS.2016.4.2
- Lorber J. (1994) *Paradoxes of gender*. Yale University Press, New Haven, USA; London, UK. 429 p.

**Russia and European Countries: Statistical Assessment of Differences
in the Level of Gender Differentiation****O.N. Komar***

*Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor
Department of Economic Theory and Instrumental Methods
Kaliningrad State Technical University
1, Sovetsky prospect, Kaliningrad, Russia, 236022*

***E-mail:** oksana.komar@klgtu.ru

Abstract. The article provides a comprehensive statistical assessment of the level of gender differentiation in Russia and European countries. A consolidated rating of the level of gender differentiation has been developed, calculated as the sum of a country's ranks in three indices: gender inequality (GII), gender social norms (GSNI) and Women, Business and the Law (WBL). The countries have been ranked based on this rating. An in-depth analysis of the constituent elements of each index was made. The positions of the Russian Federation were compared with those of the European countries, leading in the ranking. The main sources of information for the calculations were the statistical data of the United Nations, the World Bank, and the demographic statistics of Rosstat. It has been established that the Russian Federation should strengthen legal protection in the field of gender. Measures have been proposed to help reduce gender inequality. They have been tested on the basis of a quantitative assessment of the forecast level of the Women, Business and Law index for the Russian Federation.

Key words: European countries, gender differentiation, statistical evaluation, ranking, gender inequality index, gender social norms index, index «Women, Business and Law».

DOI: 10.31857/S0201708323020110

EDN: ovctzo

REFERENCES

- Aivazova S.G. (2018) Gendernyy faktor razvitiya politiki, in O.V. Gaman-Golutvinoy, L.V. Smorgunova, L.N. Timofeyevoy (ed.) *Politika razvitiya, gosudarstvo i mirovoy poryadok* [Development policy, state and world order], Izdatel'stvo «Aspekt Press», Moscow, Russia, pp. 22–23. (In Russian).
- Eliseeva I.I., Dekina M.P. (2019) Statisticheskiy analiz gendernogo neravenstva oplaty truda v sovremennoy Rossii [Statistical analysis of gender wage inequality in contemporary Russia], *Statistika i Ekonomika*, 16(5), pp. 85–91. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2019-5-85-93> (In Russian).
- Govorova N.V. (2020) Rynok Yevropeyskogo soyuza v tsifrovuyu epokhu: gendernyy aspekt [The European Union Market in the Digital Age: A Gender Perspective], *Zhenshchina v Rossiyskom obshchestve*, 3, pp. 30–41. DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.3 (In Russian).
- Grinenko S.V., Bogomolova I.S., Zadorozhnaya E.K. (2014) Gendernyye osobennosti razvitiya chelovecheskogo kapitala [Gender specifics of human capital development], *Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost'*, 38(275), Izdatel'skiy dom «Finansy i kredit», Moscow, Russia, pp. 20–35. (In Russian).
- Khakhalkina E.V. (2020) Gendernyy faktor v formirovani pravyashchikh elit v Velikobritanii [Gender factor in the formation of the ruling elites in the UK], *Sovremennaya Yevropa*, 2, pp. 176–187. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020176187> (In Russian).

Lorber J. (1994) *Paradoxes of gender*, Yale University Press, New Haven, USA; London, UK, 429 p.

Maltseva I.O. (2005) *Gendernyye razlichiya v professional'noy mobil'nosti i segregatsiya na rynke truda: opyt rossiyskoy ekonomiki* [Gender Differences in Occupational Mobility and Labor Market Segregation: Russian Economy Experience], Izdatel'stvo "EERC", Moscow, Russia, 55 p. (In Russian).

Pryazhnikova O.N. (2021) Pandemiya COVID-19 i usileniye gendernogo neravenstva [The COVID-19 Pandemic and Growing Gender Inequalities], *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Sotsiologiya: Referativnyy zhurnal*, 11(2), pp. 66–73. DOI: 10.31249/rsoc/2021.02.06 (in Russian).

Rimashevskaya N.M. (2009) Conclusion, in Rimashevskaya N.M., Lunyakova L.G. (ed.) *Gendernyye stereotipy v menyayushchemsya obshchestve: opyt kompleksnogo sotsial'nogo issledovaniya. Sbornik statey* [Gender stereotypes in a changing society: an experience of complex social research. Digest of articles], Nauka, Moscow, Russia, 273 p. (In Russian).

Shabunova A.A., Rossoshansky A.I. (2013) O gendernoy differentsiatsii zarabotnoy platy na rynke truda [On the gender differentiation of wages in the labor market], *Problemy razvitiya territorii*, 5 (67), pp. 50–56. (In Russian).

Shvedova N. A. (2022) Zhenskoye liderstvo v mire: «prodvizheniye vpered» [Women's leadership in the world: "moving forward"], *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 1, pp. 32–47. DOI: 10.21064/WinRS.2022.1.3 (In Russian).

Shvedova N.A. (2016) Politicheskiye partii i gendernoye ravenstvo [Political parties and gender equality]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 4, pp. 21–30. DOI: 10.21064/WinRS.2016.4.2 (in Russian).

УДК 322

МЕРИТОКРАТИЯ В ФОКУСЕ НАУЧНОЙ ПОЛЕМИКИ: КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ИТАЛЬЯНСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ

© 2023 **ЯЗЬКОВА Вероника Евгеньевна***

Кандидат исторических наук

Центр по изучению проблем

религии и общества Института Европы РАН

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3

***E-mail:** yazkova@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.11.2022

После доработки 26.12.2022

Принята к публикации 09.02.2023

Аннотация. В статье проведен анализ аргументов, к которым прибегают итальянские интеллектуалы и католическая общественность страны – иерархи Церкви, представители клира, профессура католических университетов – для объяснения своего отношения к идее меритократии, ее перспектив и ограничений. Борьба с коррупцией и незаслуженными привилегиями особенно актуальна в современной Италии с ее давними традициями клиентелизма, кумовства, семейственности. В ходе публичных дискуссий в Миланском католическом университете «Сакро Куоре» и на страницах газеты итальянского епископата «Аввенире» высказаны и аргументированы точки зрения в защиту и против общества заслуг. Сторонники меритократии полагают, что эта модель сделает Италию конкурентоспособной на мировой арене, позволит двигаться вперед по пути модернизации, построить более справедливое общество. Противники, напротив, считают эту концепцию идеологическим обоснованием неравенства и противоположностью демократии, которая может привести к росту социальной напряженности, фрустрации, глубокому социальному пессимизму. Католические мыслители, делая акцент на богословском понимании меритократии, поясняют, что принцип ретрибутивной, или воздающей за содеянное, справедливости в свете нравственного учения Церкви несправедлив и опасен. Сделан вывод, что причина полярности трактовок – конфликт идейных, религиозных, мировоззренческих установок итальянских

интеллектуалов и их неготовность услышать друг друга. Католические иерархи участвуют в полемике о меритократии с позиций учения Церкви об общем благе, правах и достоинстве человеческой личности.

Ключевые слова: меритократия, меритократическая модель, общество заслуг, Католическая церковь, Италия, демократия, глобализация, социальная справедливость, равные возможности, self-made man.

DOI: 10.31857/S0201708323020122

EDN: ovicct

Процессы глобализации, масштабы технического прогресса, повсеместное внедрение информационных технологий, сопровождающиеся усугублением социальной напряженности, активизировали дискуссии о кризисе демократии и более эффективных формах организации власти в постиндустриальном обществе. Как подчеркивает Г.Ю. Канарш, современное общество можно охарактеризовать как «гипермеритократическое... общество топ-менеджеров» [Канарш, 2021: 116, 121]. По словам французского экономиста Т. Пикетти, автора трудов «Капитал в XXI веке» (2013 г.) и «Капитал и идеология» (2019 г.), неравенство – это «всегда политический и идеологический конструкт» элит, утверждающих, что в нашем подвижном демократическом мире социальное неравенство «естественно, и изменить этот порядок вещей можно только ценой гигантских катастроф»¹.

Католическая церковь и общественность Италии не остались в стороне от обсуждения этих сюжетов. «Иллюзия, которая оправдывает неравенство», «Этическое узаконивание неравенства», «Иллюзия справедливого мира», «Когда плодоносят плоды, дарованные свыше», «Идеологическая диктатура» – это только небольшой перечень заголовков в католической печати на тему меритократии (власть достойных: от лат. *meritus* – достойный, греч. *kratos* – власть). Сторонники концепции считают важнейшими критериями оценки не богатство, социальное происхождение, национальность индивида и т. д., а его заслуги: высокий уровень *IQ*, способность быстро осваивать и использовать большие массивы информации. В системе координат постиндустриального общества эти характеристики воспринимаются как высшая общественная ценность и залог прогресса [Серов, 2020; Можайкина, 2020: 287].

В философском дискурсе выделяют три интерпретации меритократии. Первая, как отмечает В.И. Козлов, оправдывает социальный статус достойных, их право на власть и принятие решений работоспособностью, интеллектом, талантом². Вторая сфокусирована на «меритократичности как принципе отбора политической элиты». Этот принцип, уточняет исследователь, стоит на страже существую-

¹ Faure S. Thomas Piketty: «Chaque société invente un récit idéologique pour justifier ses inégalités». Libération. 11.09.2019. URL: https://www.liberation.fr/debats/2019/09/11/thomas-piketty-chaque-societe-invente-un-recit-ideologique-pour-justifier-ses-inegalites_1750740/ (дата обращения: 22.12.2022)

² Истоки этой концепции можно обнаружить у Платона, Конфуция, Т. Кампанеллы, И. Бентама.

щих политических систем «часто в виде технократических правительств... и подкрепляется неолиберализмом в экономике». Третье прочтение подразумевает модель, частично претворенную в жизнь в Китае, Тайване, Сингапуре, при которой власть сосредоточена в руках профессионалов, обладающих всеми необходимыми навыками [Козлов, 2020: 350].

В отечественной научной литературе внимание уделяется философской и этической интерпретациям меритократической картины мира. Теми же вопросами озабочены итальянские авторы. В ходе ожесточенных публичных дискуссий последних лет при участии Католической церкви сформировалось несколько, иногда противоположных трактовок меритократии и тесно связанной с ней социальной справедливости. Обсуждение перспектив и потенциальных рисков общества заслуг развернулось в двух центрах католической мысли – в Миланском университете «Сакро Куоре» и в колонке научного анализа газеты «Аввенире», органа Итальянской епископской конференции. Цель данной статьи – анализ аргументации итальянских интеллектуалов и представителей католической общественности страны. Исследовательский интерес представляют следующие вопросы: считают ли стороны возможным достичь компромисса, как они обосновывают свою позицию, чем продиктован их выбор.

«Меритометр» как инструмент измерения заслуг

Идеал общества заслуг утвердился в политическом дискурсе начиная с 1980-х гг. Этой идеологии в разные времена симпатизировали Р. Рейган, Дж. Сорос, Б. Клинтон, Дж. Буш-младший, Б. Обама, Т. Блэр, А. Меркель, М. Ренци, М. Сальвини, Л. Ди Майо¹. Сторонники этой формы общественного устройства утверждают, что любое экономическое чудо – плод меритократии. По их мнению, в условиях свертехнологичной эпохи Цукерберга, когда понятия и ценности эпохи Гуттенберга утратили значение [Евлахов, 2014: 46–48], меритократическая модель отвечает требованиям современного, прогрессивного и эффективного мироустройства. Популярность концепции в США принято объяснять влиянием кальвинистской этики и доктрины предопределения, в Италии – стремлением противостоять традиционным проблемам: nepotismo, господству старых элит, кланов, династий.

В Италии меритократический принцип сформулировала Т. Белланова, министр продовольствия, сельского и лесного хозяйства: «Всякий, кто чего-то добился, достиг этого своими заслугами... заслуги – наш единственный критерий оценки» [Pellicciola, 2021]. Его логическим продолжением стало решение правительства Дж. Мелони переименовать осенью 2022 г. министерство образования в министерство образования и заслуг².

¹ Contro la meritocrazia meglio entrare nel merito. *Il Foglio*. 28.07.2019. URL: <https://www.ilfoglio.it/cultura/2019/07/28/news/contro-la-meritocrazia-meglio-entrare-nel-merito-266580/> (дата обращения: 20.12.2022)

² Decreto-legge 11 novembre 2022. No. 173. Gazzetta Ufficiale delle Repubblica Italiana. 12.11.2022. URL:

Желание разобраться в причинах недоверия итальянцев к меритократии побудило группу миланских ученых из НКО «Форум меритократии» и Католического университета «Сакро Куоре» запустить в 2015 г. проект «Меритометр» – инструмент ежегодного сравнительного мониторинга индекса меритократии в Европе. Тестировались данные по 7 параметрам: свобода, равные возможности (не только гендерные, но и возрастные), качество образования, степень привлекательности для талантов, прозрачность, уважение правил, социальная мобильность. Изучив данные Евростата, Индекса экономической свободы (*The Wall Street Journal*), Индекса верховенства закона (*Rule of Law Index*), Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (*PISA*) ОЭСР¹, ученые констатировали, что в 2022 г. в списке из 12 государств лидирующие позиции заняли скандинавские страны во главе с Финляндией (68,51/100 пунктов), затем следовали Нидерланды (57,98), Германия (50,97), Британия (48,64), Австрия (46,50), Франция (42,14). Список замыкали Испания (36,05), Польша (34,93) и Италия (25,48)². По мнению одного из авторов проекта, профессора П. Балдуцци (Католический университет «Сакро куоре», Ассоциация «*ITalents*»), это доказывает, что Италия стоит на месте, препятствуя развитию своих наиболее динамичных сил³. Историк Л. Скараффия (Университет «Ла Сапьенца», Рим) убеждена, что Италия вынуждена согласиться на меритократический отбор, чтобы быть конкурентоспособной в мире. По словам президента Итальянского общества политических наук П. Грилли Ди Кортоня, применение подобного принципа поставит общество на путь интенсивного развития, принесет больше справедливости и равноправия [Zanini, 2011].

Итальянский финансовый магнат Р. Абраванель посвятил теме труда «Меритократия: 4 конкретных предложения, как оценить талант и сделать нашу страну богаче и справедливее» (2008 г.) и «Аристократия 2.0. Новая элита для спасения Италии» (2021 г.). Он заявил, что главная проблема – не только в том, чтобы уволить «бездельников», а в том, чтобы дать адекватную оценку миллионам «небездельников». Необходимо внедрить проектное управление в государственную систему, кодексы этики и служебного поведения, инспекции по надзору за деятельностью в ряд областей экономики, стандартизированную систему национального

https://www.gazzettaufficiale.it/atto/serie_generale/caricaDettaglioAtto/originario?atto.dataPubblicazioneGazzetta=2022-11-11&atto.codiceRedazionale=22G00185&elenco30giorni=false (дата обращения: 23.12.2022)

¹ Организация экономического сотрудничества и развития. – *Прим. ред.*

² Meritometro. Forum della meritocrazia. 8 ed. 10.2022. URL: https://forumdellameritocrazia.it/wp-content/uploads/2017/09/Meritometro_2022.pdf (дата обращения: 22.12.2022)

³ Balduzzi P. Ripresa a rischio. L'assenza di meritocrazia che blocca questo Paese. Il Messaggero. 15.10.2020. URL: https://www.ilmessaggero.it/editoriali/economia/covid_ripresa_rischio_meritocrazia_paolo_balduzzo-5523711.html (дата обращения: 23.12.2022)

тестирования учащихся и преподавателей на всех уровнях образовательного процесса¹.

Результаты «Меритометра» вызывают острые дискуссии. Защитники меритократии обвиняют идейных противников в том, что они демонизируют проект, а вместе с ним и заслуги человека, забывая евангельскую притчу о талантах (Мф. 25: 14–30). В таком ключе расценено заявление колумниста «Аввенире» Л. Бруни, осудившего решение Мелони переименовать Министерство образования². Создатели «Меритометра» утверждают, что обесценивание индивидуальных достижений несправедливо и губительно. Поддержка таланта, усердия, тщательный конкурсный отбор определили популярность таких учебных заведений Италии, как Высшая нормальная школа Пизы³ и созданный в 1567 г. папой Пием V университетский Колледж Гислиери в Павии, из стен которого вышли выдающиеся ученые, политики, государственные деятели. В книге «Заговор против заслуг» М. Сантамбрджо, специалист в области нравственной философии и философии языка (Университет Пармы), подчеркнул, что любое справедливое общество, воздающее каждому по заслугам, – меритократическое. В доказательство исследователь привел следующий довод: «Теория Аристотеля о справедливости не может быть ошибочной». Что касается нравственных проблем, то никто «не принуждает вести себя эгоистически» или «проявлять бесчувственность» к страданиям других людей в ходе конкурентной борьбы. Если это происходит, то, возможно, причина заключается в самом человеке, а не в принципе общественного устройства⁴.

Книга Сантамбрджо стала научным манифестом сторонников меритократии в Италии, квинтэссенцией идей тех, кто считает ее залогом построения справедливого общества, роста национального благосостояния, модернизации, достойного участия страны в современных глобализационных процессах.

Меритократия: в интересах общества или вопреки им?

Критики меритократии не ставят под сомнение достижения людей, сотворивших себя самостоятельно (*self-made man*), значимость их заслуг, обусловленных знаниями, трудолюбием, талантом; потребность в социальных лифтах; ограничения коррупции и привилегий. Отказ современного общества от принципа равных возможностей и справедливой оценки индивида в зависимости от результатов его тру-

¹ Abravanel R. Cos'è la meritocrazia? Meritocrazia. URL: http://www.meritocrazia.com/index.php?option=com_content&view=article&id=62&Itemid=67 (дата обращения: 10.01.2023)

² Crippa M. I tifosi del demerito. Il Foglio. 29.10.2022. URL: <https://www.ilfoglio.it/societa/2022/10/29/news/i-tifosi-del-demerito-4605645/> (дата обращения: 23.12.2022)

³ Один из самых престижных университетов Италии, основанный Наполеоном в 1810 г. по образцу Высшей нормальной школы в Париже.

⁴ Origlia M.C. Merito non è egoismo: il volto umano della meritocrazia. Il Sole 24 ore. 09.01.2022. URL: https://allegrooop.ilsole24ore.com/2022/01/09/merito-non-egoismo-volto-umano-meritocrazia/?refresh_ce=1 (дата обращения: 23.12.2022)

да морально недопустим. Апелляция к заслугам полезна для честной соревновательной борьбы, интеллектуального роста и плодотворного сотрудничества. Никто не оспаривает значение ценностей, зафиксированных в ст. 34 Конституции Итальянской республики в параграфе о «способных и достойных»¹. Оппоненты меритократов поднимают вопрос о другом – о меритократической «идеологии, политической системе... методе социальной стратификации» [Козлов, 2020: 350]. М. Тезини, специалист по истории политической мысли Университета Пармы, усматривает в этой идеологии попытку легализовать новый общественный порядок, основанный на «количественных показателях объективной оценки личности». На философском уровне меритократический запрос мыслится в категориях конструктивизма и перфекционизма, отвергающих «релятивный и обусловленный характер социальных институтов» и не признающих иных реальностей, кроме создаваемых самим человеком [Zanini, 2011].

Автор статьи «Меритократическая ловушка – иллюзия справедливого мира», эксперт «Аввенире» В. Пеллигра, специалист по экономической политике Университета Кальяри, задает вопрос, как опубликованная в 1958 г. антиутопия английского социолога Майкла Янга «Возвышение меритократии, 1870–2033» оказалась настолько привлекательной, что преподносится рядом политиков, философов, экономистов как прообраз идеального мироустройства [Pelligra, 2021]. Увлечение новой идеологией приняло такие масштабы, что автор попросил Т. Блэра «вычеркнуть этой термин из своего публичного лексикона». В 2001 г. Янг пояснил на страницах газеты «Гардиан», что его идеи искажены и книга задумывалась как обличение пороков господствующей правительственной системы [Zamagni, 2022]. Изображенная в произведении стратификация общества, при которой люди с высоким *IQ* удерживают власть и терроризируют остальных, не может быть образцом для подражания. Такая политика неминуемо заканчивается народным восстанием, что показано в произведении, т. к. достойные заняли место аристократии, уподобились ей, а, возможно, стали еще хуже: «Они могут быть страшно самодовольными, – писал Янг, – гораздо более самодовольными, чем люди, которые знают, что... будучи чьим-то сыном или дочерью, они выиграли от кумовства. Новички могут действительно верить, что мораль на их стороне»². В 2000 г. в речи «Равенство и коммунальные услуги» М. Янг заявил, что если при оценке людей учитывать не только уровень интеллекта, образованности, таланта, но и душевно-нравственные качества, доброту и склонность к эмпатии, то число достойных возрастет многократно, а общество станет более плюралистическим и толерантным³. Таким образом, формула меритократии, согласно которой достоинство – это сумма *IQ* и труда, оказывается значительно уже того понимания, какое вкладывал в него автор.

¹ Costituzione Italiana. URL: <https://www.governo.it/it/costituzione-italiana/parte-prima-diritti-e-doveri-dei-cittadini/titolo-ii-rapporti-etico-sociali> (дата обращения: 18.01.2023)

² Young M. Down with meritocracy. The Guardian. 29.06.2001. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2001/jun/29/comment> (дата обращения: 5.01.2023)

³ Пагава И. Майкл Янг. Путь «Дракона». Новый бизнес. 26.03.2008. URL: <http://nb-forum.ru/> (дата обращения: 13.12.2022)

Опираясь на труды политических философов Ф.А. Хайека и Дж. Ролза, ряд итальянских исследователей высказали несогласие с авторами, которые провозглашают критерием оценки коммерческий успех или практически значимый результат и при этом игнорируют его нематериальные составляющие и значение для общего блага. Историк и публицист М. Боарелли подверг критике принцип экстраполяции законов естественного отбора на общество. По его словам, заявление лидера меритократов Р. Абраванеля, согласно которому высокие показатели ребенка по чтению и письму в 7-летнем возрасте позволяют спрогнозировать его потенциал в 37 лет, антинаучно, цинично и ставит под сомнение наследие мировой педагогики. Преждевременная проверка умственных способностей человека по вырванным из контекста тестам не может свидетельствовать о качестве интеллекта [Boarelli, 2011]. В ходе тестирования комиссия проверяет, насколько испытуемый соответствует ожиданиям, насколько точно он выдает желаемый результат, а не рассчитывают на проявление таланта, изобретательности, оригинальности и смекалки. Вслед за профессором права Йельского университета Д. Марковицем, автором книги «Ловушка меритократии» (2019 г.), Боарелли и ряд других ученых полагают, что за фасадом общества заслуг скрывается кастовая система эпохи технокапитализма. Требование предоставить доступ к лучшему образованию только достойным, по мнению обоих авторов, можно расценить как «прямую антитезу демократии»¹.

Аналитики «Аввенире», историки философской и экономической мысли Л. Бруни и П. Сантори (Католический институт «София» в Лоппиано, Частный римско-католический университет Лумса, Рим) убеждены, что попытка фетишизировать свободный рынок и переносить его законы на человеческие отношения ошибочна вне размышлений о социальных последствиях такого идеологического конструкта. Вознаграждение индивида зависит не от ценности произведенного продукта, а от его оценки, от суждений третьих лиц, которые не могут быть нейтральными. По мере изменения моды, вкусов, предпочтений или других социально-экономических условий высококачественный продукт может утратить привлекательность. Это доказывает, что отождествление успеха с реальными заслугами – обман, оправдывающий социальное неравенство [Bruni, Santori, 2021].

Ставка на лучших мотивируется задачами модернизации образования, развития науки, создания конкурентоспособной экономики и построения современной информационной высокотехнологичной цивилизации. Пренебрежение этическими аспектами, жесткий утилитаризм, обрекающий человека на тестирование в условиях непрерывной конкуренции, неуверенность в завтрашнем дне, неустойчивость занятости и распространение прекариата – эти факторы, по мнению оппонентов меритократии, способствуют росту социальной напряженности, ресентимента, фрустрации, активизации левых настроений.

¹ Ferraresi M. Contro la meritocrazia è meglio entrare nel merito. Il Foglio. 28.07.2019. URL: <https://www.ilfoglio.it/cultura/2019/07/28/news/contro-la-meritocrazia-meglio-entrare-nel-merito-266580/>; Lombardo A. Meritocrazia, la dittatura ideologica attraverso parole. La Riscossa. 01.06.2022. URL: <https://www.lariscossa.info/meritocrazia-la-dittatura-ideologica-le-parole/> (дата обращения: 11.01.2023)

Участь недостойных. Позиция Церкви

Осмысливая причины индивидуального успеха, католические иерархи, теологи, философы относятся с опаской к меритократической идеологии. По их мнению, в иерархической системе координат премирование достойных неизбежно оборачивается наказанием недостойных. В истории Церкви немало примеров того, как человек пытался подчинить меритократической логике Бога, вынуждая Его карать или награждать себя самого или других на основе выдвигаемых им же критериев. Можно привести в пример ветхозаветные речи друзей Иова (Книга Иова), новозаветные притчи «О рабочих в винограднике» (Мф. 20: 1–16), «О блудном сыне» (Лк. 15: 11–32) и др. Те же идеи лежали в основе осужденной в V в. ереси пелагианства, адепты которой полагали, что спасение души, божественное благоволение, рай можно заслужить, приобрести или купить. В полемике с Пелагием Блаженный Августин заявлял, что благодать дается безвозмездно «по милосердию Божию», а «не по заслугам людей» и заслуги человека только отчасти могут считаться его собственными достижениями¹. Эта тема была поднята богословием Реформации в одном из тезисов «только по благодати». Согласно учению христианства, люди наделены различными достоинствами и талантами, которые не могут и не должны сравниваться между собой и тем более быть объектом оценки по «уравнительным параметрам единой измерительной шкалы» [Bruni, 2019].

Древние «ретрибутивно-меритократические»² идеи неопелагианства оставались востребованными и были восприняты Церковью под видом торговли индульгенциями. Переводя данную аргументацию на современный язык, Л. Бруни отметил, что сегодня контроль за душами осуществляется не в исповедальне, а посредством стимулирующих контрактов, которые премируют достойных и карают проигравших [Bruni, 2017].

Рассматривая меритократию с нравственной и богословской точек зрения, председатель Итальянской теологической ассоциации дон Р. Реполе (Высший Институт религиозных наук, Турин) напомнил читателям «Аввенире», что любым человеческим достижениям предшествует божественная благодать. Тридентским собором (1545–1563) установлен принцип соработничества Бога и человека, чтобы позволить безвозмездно и незаслуженно данным человеку свыше дарам принести хорошие плоды. Реполе заключил, что глубоко ошибочной является идея, согласно которой отдельные люди и общественные роли воспринимаются как имеющие ценность, а другие – как лишенные таковой [Repole, 2021].

¹ Бл. Аврелий Августин. О даре пребывания. Гл. 13. П. 32. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-dare-prebyvanija/#oub631 (дата обращения: 17.01.2023)

² Согласно теории права, карающе-воздающий тип справедливости (Кашников Б.Н. Концепция общей справедливости Аристотеля: Опыт реконструкции. Этическая мысль. Вып. 2. ИФ РАН, Москва. 2001. С. 101, 107).

Игнорирование этой точки зрения, по мнению противников меритократии, может стигматизировать внушительное число людей, не наделенных востребованными сегодня талантами и рассматриваемых как менее успешные, менее удачливые, менее благополучные, менее социально адаптируемые и т. д. В речи 7 мая 2017 г. папа Франциск заявил, что меритократия интерпретирует заслуги не как дар, а как идеологию. Этически узаконивая неравенство, «новый капитализм» оформляет «систему кумулятивных поощрений и порицаний», которая обернется дискриминацией «проигравших», особенно малоимущих, и оправдывает их незавидное положение собственными «ошибками»¹, – подчеркнул понтифик.

Заключение

Научные дискуссии о меритократии выявили ряд серьезных проблем. Участники полемики не выработали единую трактовку термина и вкладывают различное содержание в понятия: заслуги, достижения, талант, успех. В силу различных причин стороны не готовы услышать друг друга. Эмоциональность споров не позволяет добиться компромисса. В них используются различные виды манипулятивных приемов: подмена объекта обсуждения, сведение доводов оппонента к абсурду, обесценивание аргументации и т. д. Разнообразие затрагиваемых тем выводит дискуссию на уровень абстрактных рассуждений о предметах, лежащих в двух трудно сопрягаемых между собой плоскостях – соображениях практической целесообразности и попытке дать им оценку с точки зрения этического подхода к проблеме справедливости. Эмоциональная вовлеченность итальянских интеллектуалов, католической профессуры и церковных иерархов в обсуждении этой темы свидетельствует о ее значении в итальянском обществе на современном этапе.

Сторонники первой точки зрения утверждают, что внедрение меритократического принципа отвечает задачам модернизации Италии, ее науки и технологий; позволит участвовать в современных глобализационных процессах наравне с передовыми странами мира; создаст необходимые предпосылки для экономического роста, борьбы с коррупцией, кумовством, оценки каждого гражданина методом объективного тестирования. Сторонники этой концепции не отрицают, что на практике могут быть допущены искажения, которые они предлагают исправлять более справедливым перераспределением благ и активизацией помощи уязвимым слоям общества.

Противники меритократии, напротив, убеждены, что она представляет идеологически обоснованный метод стратификации общества, попытку легализации социального неравенства. Они заявляют, что, мысля в категориях жесткого утилитаризма и конструктивизма, идеологи общества заслуг не признают иных реальностей, кроме тех, которые создает человек. Меритократы склонны высоко оценивать лишь

¹ Discorso del Santo Padre. Stabilimento Ilva, La meritocrazia sta diventando una legittimazione etica della diseguaglianza. 29.05.2017. URL: <https://www.fondazioneoperatoniolo.it/2017/05/29/la-meritocrazia-sta-diventando-una-legittimazione-etica-della-diseguaglianza/> (дата обращения: 17.01.2023)

те достижения, которые приносят сиюминутную практическую пользу или коммерческую выгоду, игнорируя нематериальные составляющие успеха.

Иерархи Церкви, представители клира и итальянские интеллектуалы, которые считают себя защитниками христианских ценностей, высказывают идеи, схожие с предыдущей точкой зрения. Они исходят из постулата, что талант, как дар и проявление благодати Бога, не может считаться заслугой одного только человека. В соответствии с этой логикой, меритократическое общество награждает людей за достижения, которые не являются исключительно их заслугами. Такая модель общественного устройства расценивается Церковью как альтернатива демократии: оценка индивида в соответствии с меритократическими принципами ретрибутивной справедливости приведет к построению жестко иерархического, стратифицированного общества, пребывающего в условиях непрерывной конкуренции.

Поляризация настроений в среде итальянских интеллектуалов обусловлена конфликтом идейных, религиозных и мировоззренческих установок. Недостаток индивидуальных и коллективных социальных лифтов, рост социальной незащищенности, социальный пессимизм – эти факторы способствуют активизации научных дискуссий, тогда как популярность идей неомарксизма сводит полемику к проблеме справедливой организации общества в глобальном мире. Руководствуясь принципом политической и идеологической неангажированности, католические иерархи участвуют в общественном дискурсе о меритократии с позиций нравственного учения Церкви об общем благе, правах и достоинстве человеческой личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Евлахов А.А. (2014) Государство и общество: от демократии XX века к меритократии XXI века. *Материалы международной научно-практической конференции «Современные тенденции и механизмы консолидации государства, бизнеса, общества»*. Издательство Курского института менеджмента, экономики и бизнеса, Курск. С. 46–49.

Козлов В.И. (2020) Понятие меритократии в современном философско-социологическом дискурсе. *Миссия Конфессий*. Т. 9. № 3 (44). С. 350–353.

Канарш Г.Ю. (2021) Ролз и спор о меритократии. *Человек*. Т. 32. № 3. С. 116–124.

Можайкина О.А. (2020) Меритократия есть позитивное или негативное устройство общества? *Право как искусство добра и справедливости: сборник научных трудов Всероссийской научной конференции (1 октября 2020 года)*. Юго-Зап. гос. Ун-т, Курск. С. 287–289.

Серов А.П. (2020) Концепция меритократии и ее роль в будущем человечества. *Ratio et natura*. № 1. URL: <https://ratio-natura.ru/sites/default/files/2021-06/konceptciya-meritokratii-i-ee-rol-v-buduschem-chelovechestva.pdf> (дата обращения: 17.12.2022).

Boarelli M. (2011) L'inganno della meritocrazia. *Lo straniero*. 13.04. URL: <https://diversamentestrutturati.noblogs.org/post/2011/04/13/linganno-della-meritocrazia-articolo-da-lo-straniero/> (accessed: 13.01.2023).

Bruni L. (2017) I tristi imperi del merito. *Avvenire*. 11.02. URL: <https://www.avvenire.it/opinioni/pagine/luigino-bruni-sul-confine-e-oltre-4> (accessed: 17.01.2023).

Bruni L. (2019) Mai col sangue dei figli. *Avvenire*. 26.10. URL: <https://www.avvenire.it/opinioni/pagine/luigino-bruni-profezia-est-storia-21> (accessed: 17.01.2023).

Bruni L., Santori P. (2021) La meritocrazia? Un'illusione che giustifica le diseguaglianze. *Avvenire*. 05.05. URL: <https://www.avvenire.it/opinioni/pagine/la-meritocrazia-unillusione-che-justifica-le-diseguaglianze> (accessed: 13.01.2023).

Pelligra V. (2021) E' illusione di un mondo giusto la trappola della meritocrazia. *Avvenire*. 14.05. URL: <https://www.avvenire.it/opinioni/pagine/illusione-di-un-mondo-giusto-la-trappola-della-meritocrazia> (accessed: 13.12.2022).

Repole R. (2021) Il senso teologico del far fruttare i «doni» ricevuti. *Avvenire*. 12.06. URL: <https://www.avvenire.it/opinioni/pagine/far-fruttare-i-doni-ricevuti-il-senso-teologico-del-merito> (accessed: 17.01.2023).

Zamagni S. (2022) Meritocrazia e meritorietà. *The Fund Raising School*. 27.02. URL: <https://www.fundraisingschool.it/> (accessed: 12.12.2022).

Zanini R.I. (2011) Vinca il migliore e così sia. O no? *Avvenire*. 04.05. URL: https://www.avvenire.it/agora/pagine/dibattito-meritocrazia-lavoro-scuola_201105040843488070000 (accessed: 13.12.2022).

Meritocracy in Focus of Scientific Controversy: Catholic Church and Italian Intellectuals

V.E. Yazkova*

Candidate of Sciences (History)

Center for Religion and Society Studies, Institute of Europe RAS

11-3, Mokhovaya st., Moscow, Russia, 125009

***E-mail:** yazkova@yandex.ru

Abstract. The article deals with the analysis of the arguments used by Italian intellectuals, Church hierarchies, clergy representatives, professors of Catholic universities to explain their attitude to the idea of meritocracy, its prospects and restrictions. The fight against corruption and undeserved privileges is particularly relevant in today's Italy with its traditions of clientelism, nepotism and family ties. At the center of the scientific dispute there are two "sites": the Catholic University of Milan "Sacro Cuore" and the newspaper of the Italian episcopate "Avvenire." During the public discussions, views in defense and against the "merit society" were expressed and argued. Advocates of meritocracy believe that this model will make Italy more modern and competitive, will allow to build a fairer society. Opponents, on the contrary, consider this concept an ideological justification for inequality and a "direct antithesis of democracy." In the future, this situation can cause increased social tension, frustration and deep social pessimism. Catholic thinkers presented the theological examination of "meritocracy". They explained that the Church's moral teaching considers the principle of "retributive" or rewarding justice as unjust and dangerous. The author comes to the conclusion that the polarity of opinions is explained by the conflict of ideological, religious and worldview attitudes of Italian intellectuals, who are not ready to hear the arguments of the opposing side. The stance of the clergy on meritocracy can be explained in the light of the Church's magisterium on the common good, rights and dignity of the person.

Key words: meritocracy, meritocratic model, merit society, Catholic Church, Italy, democracy, globalization, social justice, equal opportunities, "self-made man".

DOI: 10.31857/S0201708323020122

EDN: ovicct

REFERENCES

Evlahov A.A. (2014) Gosudarstvo i obschestvo: ot demokratii XX veka k meritokratii XXI veka [State and society: from 20th century democracy to 21st century meritocracy], in *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sovremennye tendentsii i mekhanizmy konsolidatsii gosudarstva, biznesa, obshchestva»*, Izdatel'stvo Kurskogo instituta menedzhmenta, ekonomiki i biznesa, Kursk, Russia, pp. 46–49. (In Russian).

Kozlov V.I. (2020) Ponjatie meritokratii v sovremennom filosofsko-sotsiologicheskome diskurse [The concept of meritocracy in modern philosophical and sociological discourse], *Missia Konfessij*, 9(3(44)), pp. 350–353. (In Russian).

Kanarsh G.J. (2021) Rols i spor o meritokratii [Rawls and the meritocracy controversy], *Che-lovek*, 32(3), pp. 116–124. (In Russian).

Mozhajkina O.A. (2020) Meritocratia est' pozitivnoje ili negativnoje ustrojstvo obschestva? [Is meritocracy a positive or negative structure of society?], *Pravo kak iskusstvo dobra I spravedlivosti: sbornik nauchnyh trudov Vserossijskoi nauchnoj konferentsii* (1 oktiabreja 2020 goda), Ju-go-Zap. gos. Un-t, Kursk, Russia, pp. 287–289. (In Russian).

Serov A.P. (2020) Kontseptsia meritokratii I je rol' v buduschem chelovechestva [The concept of meritocracy and its role in the future of humanity], *Ratio et natura*, 1. URL: <https://ratio-natura.ru/sites/default/files/2021-06/koncepciya-meritokratii-i-ee-rol-v-buduschem-chelovechestva.pdf> (accessed: 17.12.2022). (In Russian).

Boarelli M. (2011) L'inganno della meritocrazia, *Lo straniero*, 13.04. URL: <https://diversamentestrutturati.noblogs.org/post/2011/04/13/linganno-della-meritocrazia-articolo-da-lo-straniero/> (accessed: 13.01.2023).

Bruni L. (2017) I tristi imperi del merito, *Avvenire*, 11.02. URL: <https://www.avvenire.it/opinioni/pagine/luigino-bruni-sul-confine-e-oltre-4> (accessed: 17.01.2023).

Bruni L. (2019) Mai col sangue dei figli, *Avvenire*, 26.10.2019. URL: <https://www.avvenire.it/opinioni/pagine/luigino-bruni-profezia-est-storia-21> (accessed: 17.01.2023).

Bruni L., Santori P. (2021) La meritocrazia? Un'illusione che giustifica le disuguaglianze, *Avvenire*, 05.05. URL: <https://www.avvenire.it/opinioni/pagine/la-meritocrazia-unillusione-che-giustifica-le-disuguaglianze> (accessed: 13.01.2023).

Pelligra V. (2021) E' illusione di un mondo giusto la trappola della meritocrazia, *Avvenire*, 14.05. URL: <https://www.avvenire.it/opinioni/pagine/illusione-di-un-mondo-giusto-la-trappola-della-meritocrazia> (accessed: 13.12.2022).

Repole R. (2021) Il senso teologico del far fruttare i «doni» ricevuti, *Avvenire*, 12.06. URL: <https://www.avvenire.it/opinioni/pagine/far-fruttare-i-doni-ricevuti-il-senso-teologico-del-merito> (accessed: 17.01.2023).

Zamagni S. (2022) Meritocrazia e meritorietà, *The Fund Raising School*, 27.02. URL: <https://www.fundraisingschool.it/> (accessed: 12.12.2022).

Zanini R.I. (2011) Vinca il migliore e così sia. O no? *Avvenire*, 04.05. URL: https://www.avvenire.it/agora/pagine/dibattito-meritocrazia-lavoro-scuola_201105040843488070000 (accessed: 13.12.2022).

УДК 372.8

ВЫЗОВЫ РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЕ В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ (на примере религиозного образования)¹

© 2023 МИРОШНИКОВА Елена Михайловна*

Доктор философских наук, профессор,
Главный научный сотрудник, научно-исследовательский Центр
религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский
государственный университет им. А. С. Пушкина
196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10
*E-mail: miroshnikovaem@gmail.com

Поступила в редакцию 18.11.2022

После доработки 26.12.2022

Принята к публикации 09.02.2023

Аннотация. В статье рассмотрен инновационный подход к осмыслению религиозного фактора в публичной сфере на примере религиозного образования в государственных школах, представленный международным проектом «Атлас прав религиозных меньшинств в странах Евросоюза». Отмечен высокий теоретический, методологический и практический уровень исследования. Цель статьи заключается в выявлении главных трендов, новых подходов и перспектив религиозного образования на основе результатов проекта. Выполнен анализ четырех основных кластеров: специфика моделей передачи знаний о религии; возможность отказа от посещения обязательного урока религии и религиозные символы в школе; посещение занятий во время религиозных праздников; диетические особенности. В статье сделан вывод, что рекомендуемый проектом подход, направленный на предоставление всем меньшинствам возможности обучать религии в государственной школе, порождает новые проблемы в условиях мультикультурализма, касающиеся правового статуса религиозных организаций и организации учебного процесса.

Ключевые слова: свобода религий и убеждений, религиозное образование, индексы содействия, равенства и разрыва, религиозная символика в государственной школе, инклюзивность.

DOI: 10.31857/S0201708323020134

EDN: ovmssp

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Религиоведение и теология в образовательном пространстве Российской Федерации: на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области» № 21–011–44106\21.

Многогранность права на религиозную свободу и убеждения

В условиях пандемии *COVID-19* социальные приоритеты стали ключевыми для жителей ЕС. Образование и профессиональная подготовка особенно волновали граждан Чехии (40%), Дании (33%), Швеции (34%), Нидерландов и Люксембурга (по 33%) [Лункин, 2022: 14–15]. В этих странах (прежде всего в Чехии и Дании) также велик процент атеистов и неверующих.

Религиозный ландшафт и социально-культурная реальность характеризуются увеличением не только числа религиозных меньшинств на фоне доминирующей религии, но и нерелигиозного населения. Число не относящих себя ни к какой религии растет в Европе, Восточной Азии, Северной Америке и Австралии. Согласно Всемирному обзору ценностей и Европейскому исследованию ценностей, за период 2017–2020 гг. 25,9% населения мира не относили себя к какой-либо деноминации: 30,2% – в Европе и 21,7% – в других регионах [Balazka, 2020]. Среди различных форм нерелигиозности или неангажированности с каким-либо вероисповеданием исследователи отмечают возрастающую роль гуманистических организаций.

Специальный докладчик по вопросу о свободе религии или убеждений (2010–2016 гг.) Х. Билефельдт поставил многогранность права на свободу религии и убеждений на первое место наряду с актуальностью и необходимостью [Bielefeldt, 2021]. Помимо личных убеждений в это право входят миссионерская деятельность, духовное вспомоществование, коммуникационные и церемониальные практики, религиозная социализация детей, религиозные символы в публичном пространстве и на рабочем месте, диетические особенности, религиозное образование, регулирование работы кладбищ и похоронное дело, публичные праздники, регулирование правосубъектности, брак и семейное право, управление благотворительными организациями, средства массовой информации и др. Среди элементов этого многогранного права особую роль играет религиозное образование в государственных школах. Несмотря на различия моделей государственно-церковных отношений в странах Европы, оно занимает ведущие позиции по сравнению с другими сферами, такими как правовой статус, духовная помощь, религиозные символы в публичной сфере. Вместе с тем изменение религиозного ландшафта приводит к необходимости модернизации устоявшихся моделей передачи знаний о религии и разработки новых подходов к религиозному образованию [Мирошникова, 2021].

Международный проект «Атлас прав религиозных меньшинств в странах Евросоюза»

Международный проект «Атлас прав религиозных меньшинств в странах Евросоюза»¹ создан для получения объективной информации о статусе религиозных и мировоззренческих меньшинств в странах ЕС. Его автором и руководителем явля-

¹ Atlas of Religious or Belief Minorities Rights. URL: <https://atlasminorityrights.eu>, https://atlasminorityrights.eu/filemanager/pdf/Final_Report.pdf. (дата обращения: 25.12.2022)

ется заслуженный профессор Миланского университета, первый и почетный президент Международного консорциума правовых и религиоведческих исследований (*The International Consortium for Law and Religion Studies, ICLARS*) С. Феррари. В проекте участвуют независимые эксперты и религиозные лидеры двадцати семи стран. В настоящее время обработаны результаты по двенадцати странам (Австрия, Бельгия, Венгрия, Греция, Испания, Италия, Польша, Румыния, Финляндия, Франция, Швеция, Эстония). В Атласе представлены тринадцать религиозных направлений: буддистские организации, Католическая церковь, Церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормоны), индуистские организации, исламские организации, Свидетели Иеговы¹, иудейские организации, православные церкви, протестантские церкви (основные), протестантские церкви (евангельские), саентологи, сикхи. Проект охватывает семь основных сфер: правовой статус, образование, религиозные символы, духовное вспомоществование, семья и брак, финансирование, СМИ. В настоящее время представлены результаты анализа первых четырех.

Исследование базируется на своде вопросов. Каждый из них имеет определенное число баллов. Группы вопросов формируют кластеры, а они образуют область исследования. Все области исследования получают индекс (результат среднего показателя по всем баллам). Индекс содействия и развития (*P-Index*) измеряет, насколько правовая система каждой страны уважает права религиозных меньшинств и содействует им. Речь идет прежде всего о праве быть другим и праве быть равным. Индекс равенства (*E-Index*) обозначает, насколько правовая система уважает равное отношение к религиозным меньшинствам и содействует ему, поэтому *E-Index* рассматривается в сочетании с *P-Index*. Индекс разрыва (*G-индекс*) определяет, насколько велико расхождение между правами религиозного большинства и меньшинств.

Проект поддерживают как национальные правительства, так и Евросоюз. В нем участвуют ведущие международные эксперты и руководство различных религиозных и мировоззренческих организаций (например, гуманистических). В настоящее время идет работа над проектом по странам Европы и Средиземноморья «Религиозные меньшинства в евро-средиземноморском регионе» (*Religious Minorities in the Euro-mediterranean Space, The ReMinEm*). *The ReMinEm* направлен на сравнение прав религиозных меньшинств в двух средиземноморских и четырех европейских странах и является продолжением Атласа. Выбор обоснован разнообразием религиозных и культурных традиций в Европе и на Ближнем Востоке: Египет – страна с мусульманским большинством; Италия и Португалия – с католическим; Греция – с православным; Дания – с протестантским; Ливан – с равной численностью мусульман и христиан. В центре проекта находятся две области исследования: образование и семья и брак. С точки зрения исследователей, они играют определяющую роль в идентичности религиозных объединений.

¹ Организация признана экстремистской и запрещена на территории РФ. – Прим. ред.

Религиозное образование как одна из важнейших сфер исследования

На Второй ежегодной конференции Европейской Академии религии в Болонье в 2019 г. академическому сообществу были представлены результаты пилотного проекта в пяти европейских странах (Польша, Бельгия, Греция, Эстония, Италия). Религиозные меньшинства представляли Свидетели Иеговы, иудеи, мусульмане, сайентологи, мормоны, мировоззренческие меньшинства. Из всего многообразия сфер действия свободы религий и убеждений для пилотного проекта было выбрано религиозное образование. Это означает, что авторы проекта озабочены не только статусом религиозных и мировоззренческих меньшинств, но и значимостью религиозного образования как ответа на вызовы религиозного плюрализма. На начальном этапе проекта выявлена ключевая проблема в отношении перспектив религиозного образования, заключающаяся в отличии подходов к реализации принципа равенства: обеспечить всем религиозным меньшинствам право на преподавание в государственной школе (Польша) или не вводить обязательный урок религии (Эстония), обеспечивая тем самым принцип равенства.

Религиозное образование лидирует по индексу содействия и развития в сравнении с другими сферами исследования. Ведущие позиции занимают православные церкви, протестанты (основные) и (евангельские) (0,48), затем следуют иудаизм (0,47), католическая церковь (0,46), ислам (0,42), Свидетели Иеговы (0,35), буддизм (0,34), индуизм (0,32), мормоны (0,32), сикхи (0,28), мировоззренческие организации (0,25) и саентологи (0,23)¹. Это означает, что в Европе в области государственного образования религиозные меньшинства имеют возможность реализовать свое право на обучение религии. По замечанию авторов, права христианских меньшинств встречают большее содействие со стороны государства. Иудейские организации имеют самые высокие показатели в сфере образования по сравнению с другими областями исследования. В конце списка – мировоззренческие организации и саентологи, что является подтверждением фактического отсутствия содействия.

По индексу разрыва наименьший показатель характерен для православных церквей, протестантов (евангелистов) и Католической церкви. Наибольший – для сикхов, мировоззренческих организаций, саентологов. Авторы исследования отмечают, что разрыв между религиозным большинством и меньшинствами наиболее заметен в странах с православной или католической традицией (в порядке убывания Греция, Италия, Испания и Румыния). В то же время в странах с протестантской традицией этот разрыв практически сведен к нулю (Швеция, Финляндия).

Эти различия играют важную роль в моделях религиозного образования. Конфессиональная модель – преподавание религии (*teaching of religions*) – концентрируется на преподавании одной конкретной религии (Австрия, Бельгия, Венгрия, Греция Испания, Италия, Польша, Румыния). Неконфессиональная модель – преподавание о религии (*teaching about religions*) – концентрируется на передаче знаний о нескольких религиях (Финляндия, Швеция Эстония). На начальном этапе проекта в Эстонии обучение религии осуществлялось в контексте других дисци-

¹ Atlas.

плин как сквозной предмет. В настоящее время в стране применяется конфессиональная модель вне рамок общей программы (факультативно). Эти модели отражают разные подходы к задачам государственной образовательной системы. В контексте конфессиональной модели школа является институтом, удовлетворяющим потребности семьи и учеников. Конфессиональная модель позволяет получить и углубить знания о собственной религиозной традиции, а также способствует сохранению идентичности религиозных меньшинств. Неконфессиональная модель нацелена на реализацию потребностей общества и государства, способствуя формированию национальной и гражданской идентичности. Отсутствие обязательного урока религии (сквозной предмет), т. е. преподавание в контексте других дисциплин, осуществляется во Франции в рамках отдельительной модели государственно-церковных отношений. Авторы проекта считают, что если в стране сосуществуют несколько религий, то школы должны обеспечить передачу знаний о них всех, т. е. поддерживают подход, выявленный на примере Польши.

Критическое осмысление данных кластеров в области религиозного образования

Как отмечалось выше, исследование опирается на кластеры, состоящие из свода конкретных вопросов по содержанию и организации религиозного образования. В проекте содержится четыре кластера. Кластеры А, В концентрируются на модели передачи знаний о религии в государственных школах (конфессиональная модель, неконфессиональная модель или сквозной предмет). Кластер С включает вопросы, касающиеся права на освобождение от посещения уроков религии. Кластер D исследует проблему религиозных символов в школе, диетических правил и посещения школьных занятий во время религиозных праздников.

Польша занимает ведущие позиции, предоставляя возможности большому числу религиозных меньшинств преподавать вероучения в государственных школах в рамках конфессиональной модели религиозного образования. Основанием для обучения являются запросы со стороны учеников и родителей. Государство оплачивает труд учителей. Однако такой подход сталкивается с практической невозможностью удовлетворить потребности всех религиозных меньшинств. Меньшее число религиозных меньшинств может преподавать религии в государственных школах в Румынии и Испании. Такая возможность отсутствует в Греции. В странах с неконфессиональной моделью (Швеция, Финляндия, Эстония) и во Франции с моделью сквозного предмета школьники получают более широкую информацию о различных религиях. Согласно индексу содействия и развития, в кластерах А, В государства расположились в следующем порядке: Польша, Франция, Румыния, Эстония, Швеция, Финляндия, Испания, Бельгия, Австрия, Италия. Список замыкают Греция и Венгрия.

Нет прямой зависимости религиозного образования от модели государственно-церковных отношений. Разница заключается в подходах к реализации передачи

знаний о религии¹. Конфессиональная модель религиозного образования превалирует в рамках кооперационной модели государственно-церковных отношений с тенденцией на реализацию обучения как можно большего числа религий. Однако недостатками конфессиональной модели являются практическая реализация и правовой статус организации. Под последним имеется в виду система договоров государства с религиозными организациями. Например, регистрация представляет сложную проблему уже на уровне критериев отбора.

По уровню содействия и равенства религиозных меньшинств в области религиозного образования наивысшие показатели у Польши и Франции – стран с разными подходами. Другой вывод исследования состоит в том, что страны с протестантской религиозной традицией (Финляндия и Швеция) находятся в лучшем положении, чем страны с католической традицией (Испания, Италия, Бельгия, Австрия).

Проект Атлас свидетельствует о поисках современной Европы нового видения перспектив религиозного образования в государственных школах. Анализ данных демонстрирует отсутствие консенсуса как государственных институтов, так и религиозных организаций.

Кластер С анализирует право отказа от посещения уроков религии. Во Франции и в Эстонии показатель равен нулю, т. к. первая представляет страну с отделительной моделью государственно-церковных отношений и моделью обучения религии через другие предметы (сквозной предмет), а во второй ведется факультативное обучение только интересующихся какой-либо конкретной религией. В Греции показатель также составляет ноль, поскольку там проводятся только обязательные уроки по православной религии (кроме незначительных исключений в регионе Фракии). Аналогичный показатель представлен у стран с кооперационной моделью государственно-церковных отношений. В неконфессиональной модели, в которой осуществляется передача знаний о разных религиях и мировоззрениях, изначально заложены принципы нейтралитета и объективности. Если знания передаются на их основе, то нет необходимости предоставлять освобождение. Однако в рамках конфессиональной модели возможность освобождения от урока является серьезным вопросом. Право на отказ от посещений не реализуется, если существует возможность посещать уроки по своей религии (например, в Финляндии). Также освобождение от урока религии отсутствует, потому что он может заменяться другим альтернативным курсом, обязательным для посещения (например, этика, граждановедение и др.).

Кластер D содержит вопросы, касающиеся религиозной символики, религиозных праздников и диетических правил. Согласно данным проекта, возглавляет список Польша (0,84), затем идут Франция и Румыния (0,74), Италия (0,69), Греция (0,6), Австрия (0,58), Бельгия (0,56), Швеция, Венгрия, Финляндия, Эстония (по 0,47)². В этих странах, за исключением Франции, отсутствуют правовые нормы, ограничивающие право на ношение религиозных символов. Что касается религиозных праздников, ситуация различается: в одних странах не запрещают освобожде-

¹ О моделях передачи знаний о религии и опыте различных стран см. [Davis, Miroshnikova, 2013].

² Atlas.

ние от посещения школы, в других – оно не предусмотрено. В Польше и Франции существуют правовые нормы, признающие возможность не посещать занятия в дни религиозных праздников. В Бельгии (кроме Фламандского региона), Финляндии, Эстонии и Швеции такое право не предусмотрено.

Тренд на юридизацию проблем в сфере религиозного образования

В вопросе использования религиозных символов в рамках религиозного образования не существует единого мнения даже на уровне международных институтов. С точки зрения ЕСПЧ, запрет на их ношение в государственной школе не является ограничением права на религиозную свободу. Комитет ООН по правам человека придерживается противоположной точки зрения [Bielefeldt et al., 2016: 430–431]. Авторы Атласа поддерживают мнение последнего, однако одобряют ограничения для учителей, поскольку необходимо соблюдать принцип нейтралитета. Другой аспект проблемы – это вывешивание религиозных символов на стенах школьного помещения, по которому также отсутствует консенсус. Даже в отношении одной страны может быть вынесено два противоположных решения, например решение ЕСПЧ по делу Лаутси против Италии. Первое решение (жалоба №30814/06 от 3 ноября 2009 г.) признавало нарушением права на образование совместно с правом на свободу религии или убеждений наличие распятия в классах государственных итальянских школ. Второе решение, вынесенное Большой палатой (жалоба № 30814/06 от 18 марта 2011 г.), содержало противоположный вывод и признало распятие в школе не религиозным, а культурным символом. Это дело стало ключевым событием социально-политической дискуссии в итальянском обществе о проблемах мультикультурализма, границах итальянского политического секуляризма и религиозного плюрализма (особенно в отношении растущей мусульманской общины) [Breskaya et al., 2022: 2]. В этой дискуссии участвовал итальянский гуманист У. Эко. Признавая неизбежность адаптации Европы к новым условиям мультикультурализма, он говорил, что полемика о распятиях в церквях – лишь эпизод этой болезненной трансформации. У. Эко считал, что воспитание детей в школах должно основываться не на игнорировании различий, а на понимании и принятии сам факт существования различий в этом мире. По его мнению, необходимо ввести в школах урок истории религии, наряду с уроками религии, чтобы ребенок-католик понимал, что написано в Коране или что думают буддисты или евреи. «1. Я обращаюсь к нетерпимым фундаменталистам: постарайтесь понять и принять обычаи и традиции принимающие страны. 2. Я обращаюсь к принимающей стороне: сделайте так, чтобы ваши привычки не принимали форму религиозной догмы. 3... Бессмысленно препарировать инструментом юриспруденции или церковного права то, что является фактом культурной антропологии. Необходимо уважать и “теневые”, столь комфортные и притягательные для нас области, которые, однако же, так часто выходят за пределы рационального объяснения»¹ [Есо, 2003].

¹ Перевод с итальянского языка выполнен В.Е. Языковой. – *Прим. авт.*

Тренд на юридизацию проблем, связанных с религиозным образованием, приобретает все большее распространение. Свидетельством этого стало решение Верховного кассационного суда Италии по делу Копполи спустя десять лет после нашумевшего дела Лаутси. Основываясь на конституционном принципе секуляризма, суд постановил, что демонстрация распятия больше не является обязательным актом и призвал школьное сообщество руководствоваться принципом разумного приспособления для разрешения возникающих конфликтов. Такой инновационный подход предполагает перенос ответственности и принятия решений с государственных инстанций непосредственно на школьные коллективы. Предлагается расширение горизонтального (сетевого) подхода с учетом специфики условий в каждом конкретном случае.

Рекомендации проекта по инновационному подходу к религиозному образованию

Обобщив данные по всем четырем кластерам, авторы проекта представили четкие предложения по решению проблем в процессе передачи знаний о религии. Основная рекомендация указывает, что государственные школы должны совмещать предоставление всем учащимся информации и знаний о различных религиях и убеждениях с правом учащихся узнать больше о конкретной религии или убеждении. Атлас уделяет особое внимание конфессиональной модели. В Греции, по мнению авторов проекта, необходимо реформировать обучение религии посредством разрешения преподавать другие религии кроме православия. В странах с конфессиональной моделью необходимо позволить даже самым незначительным меньшинствам преподавать в государственной школе, т. е. сделан выбор в пользу польского варианта. В рекомендациях прослеживается тенденция на сохранение обязательного урока религии в государственной школе. Конфессиональная модель нуждается в реформировании и должна стать более инклюзивной. При этом она постепенно превращается в межконфессиональную, поскольку пытается совмещать обучение доминирующей религии наряду с религиями меньшинств.

По признанию представителей самих меньшинств, их обучающий курс не равен соответствующему курсу доминирующей религии. Большинство представителей религиозных общин не считают важным обучать своей религии в государственных школах. «Они предпочли бы лучше ограничиться обучением своей религии в частных конфессиональных школах, нежели получить право на обучение своей вере в государственных школах. Как бы то ни было, в большинстве случаев они выразили предпочтение неконфессиональной модели *“teaching about religions”*, потому что религиозно неангажированная подготовка учителей способствовала бы нейтральному, более глубокому историческому и плюралистическому подходу к преподаванию без тенденциозных настроений» [ReMinEm, 2022: 17–18]. Кроме того, выбор лидерами меньшинств неконфессиональной модели объясняется необходимостью нейтрального метода обучения школьников и подготовки преподавателей, что является ключевым подходом религиозоведческих курсов. Более того, отсутствие соответствующей подготовки учителей и персонала является одной из главных причин

отношения родителей и лидеров религиозных меньшинств к государственным школам как к небезопасному месту из-за распространения ксенофобских настроений. Неконфессиональная модель в этом отношении предпочтительнее. Однако важно не разделять класс на религиозные группы. Помимо этого, в Толедских руководящих принципах преподавания материала, касающегося религии и убеждений, в государственных школах подчеркивается, что преподавание религии должно быть основано на проверенных научных данных, а не на том, что религиозные общины хотят сказать о себе и других¹.

В проекте подчеркивается необходимость уделять большее внимание культурному и религиозному многообразию, более широкой интеграции меньшинств в публичную жизнь в противовес их маргинализации со стороны государств. Для этого авторы Атласа предлагают разработать конкретные программы подготовки, направленные на ликвидацию религиозной неграмотности государственных и муниципальных служащих в области религиозной свободы и свободы убеждений.

Заключение

Проделанная участниками проекта работа по своему масштабу, актуальности, новизне теоретической основы и методологии, а также практической значимости является уникальным академическим исследованием роли и значения религии в современном обществе. Атлас представляет значительный интерес для отечественного религиоведения. «Надо признать новую реальность бытия религии в публичном пространстве. Конечно, Россия со своими проблемами в религиозной сфере не одинока. И ничего особо уникального в нашем Отечестве не творится. Горделивое “задирание носа” или, напротив, горестные сетования по поводу “национальной специфики” не отменяют того, что российские ситуации с религией примерно такие, что и в глобальном мире» [Смирнов, 2020: 130]. В результате критического осмысления европейского опыта в сфере передачи знаний о религии сделан вывод, что наиболее перспективным подходом в начальной школе является обучение в рамках модели сквозного предмета, а в старших классах – неконфессиональной модели с учетом использования современных инноваций в межкультурном и межрелигиозном образовании (ICRE), основанном на культурологическом и религиоведческом содержании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лункин Р.Н. (2022) Посткризисные настроения в Евросоюзе. *Общество и политика в «эру COVID-19»*. Отв. ред. В.Я. Швейцер. Ин-т Европы РАН, Москва. С. 11–24.

Мирошникова Е.М. (2021) Знания о религиях в современном европейском образовательном пространстве: проблема подходов к преподаванию. *Современная Европа*. № 6. С. 167–177. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62021167177>

¹ Toledo Guiding Principles on Teaching about Religions and Beliefs in Public Schools. 27.11.2007. P. 64–65.

Смирнов М.Ю. (2020) Новые форматы религии в публичном пространстве современного российского общества. *Технологос*. № 1. С. 124–132. DOI: 1015593permkipf2020111

Balazka D. (2020) *Mapping Religious Nones in 112 Countries: An Overview of European Values Study and World Values Survey Data (1981–2020)*. URL: <https://isr.fbk.eu/wp-content/uploads/2020/07/Mapping-Religious-Nones-in-112-Countries-Report.pdf> (accessed: 25.12.2022).

Bielefeldt H. (2021) *Freedom of Religion in Europe Today: Under Critical Investigation*. ISFORB Conference Leuven, 06-07 May 2021. Freedom of Religion in Europe Today. URL: <https://www.etf.edu/event/freedom-of-religion-in-europe-today-under-critical-investigation/> (accessed: 25.12.2022).

Bielefeldt H., Ghaney N., Wiener M. (2016) *Freedom of Religion or Belief: an International Law Commentary*. Oxford Univ. Press, Oxford, UK. 704 p. DOI: 10.1093/law/9780198703983.001.0001

Breskaya O., De Stefani P., Giordan G. (2022) The Lautsi Legacy: A New Judgment on the Crucifix in Classrooms and the Multiculturalist Turn on Freedom of/from Religion in Italy. *Religions*. Vol. 13. Issue 7. DOI: <https://doi.org/10.3390/rel13070666>

Davis D., Miroshnikova E. (2013) *The Routledge International Handbook on Religious Education*. Routledge, London, UK. 442 p.

Eco U. (2003) Essere laici in un mondo multiculturale. *La Repubblica*. 29.10. URL: <https://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2003/10/29/essere-laici-in-un-mondo-multiculturale.html> (accessed: 25.12.2022).

ReMinEm (2022) *Preventing discrimination and persecution. Models of inclusion of religious minorities in the Euro-mediterranean space (ReMinEm). Final Report*. The Center for Religious Studies, Bruno Kessler Foundation, Trento, Italy. 32 p. URL: https://atlasminorityrights.eu/filemanager/pdf/Final_Report.pdf (accessed: 25.12.2022).

Challenges to Freedom of Religion or Belief in the European Multicultural Context (the Case of Religious Education)

E.M. Miroshnikova*

Doctor of Sciences (Philosophy),

*Chief Research Fellow, Scientific Research Center for religious
and ethno-political studies, Leningrad (Pushkin) State University, Russian Federation
10, Peterburgskoe highway, Pushkin, S.-Peterburg, Russia, 196605*

***E-mail:** miroshnikovaem@gmail.com

Abstract. The article analyses a new perspective to the religious factor in the public sphere on the example of religious education in public schools, suggested by the international Research Project Atlas of Religious or Belief Minorities Rights in the EU. The author underlines the high level of the theoretical, methodological and practical research of the Project Atlas. The article aims to outline the main trends, innovations and perspectives of the religious education in public schools, using the results and recommendations of the Project Atlas. To achieve this goal, the author examines 4 clusters: the diversity of models of the religious education, how R/B education is provided, the right to be exempted from the R/B instruction, manifestation of Reli-

gion/Belief at school: religious symbols, religious holidays, dietary requirements. It is revealed that the recommended approach to provide all minorities the right to teach their religions and beliefs in public schools creates new issues in the context of multiculturalism in terms of the legal status and practical curriculum. The author emphasises the benefits of the non-confessional model proposed by Culture and Religion Studies, within which cultural and religious diversity can be maintained and can flourish for the common good.

Key words: freedom of Religion or Belief, religious education, promotion, equality, and gap indices, religious symbols in public school, inclusion

DOI: 10.31857/S0201708323020134

EDN: ovmssp

REFERENCES

Balazka D. (2020) *Mapping Religious Nones in 112 Countries: An Overview of European Values Study and World Values Survey Data (1981–2020)*. URL: <https://isr.fbk.eu/wp-content/uploads/2020/07/Mapping-Religious-Nones-in-112-Countries-Report.pdf> (accessed: 25.12.2022).

Bielefeldt H. (2021) *Freedom of Religion in Europe Today: Under Critical Investigation*, ISFORB Conference Leuven, 06-07 May 2021. Freedom of Religion in Europe Today. URL: <https://www.etf.edu/event/freedom-of-religion-in-europe-today-under-critical-investigation/> (accessed: 25.12.2022).

Bielefeldt H., Ghana N., Wiener M. (2016) *Freedom of Religion or Belief: an International Law Commentary*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK. DOI: 10.1093/law/9780198703983.001.0001

Breskaya O., De Stefani P., Giordan G. (2022) The Lautsi Legacy: A New Judgment on the Crucifix in Classrooms and the Multiculturalist Turn on Freedom of/from Religion in Italy, *Religions*, 13(7). DOI: <https://doi.org/10.3390/rel13070666>

Davis D., Miroshnikova E. (2013) *The Routledge International Handbook on Religious Education*, Routledge, London, UK.

Eco U. (2003) Essere laici in un mondo multiculturale. *La Repubblica*, 29/10/2003. URL: <https://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2003/10/29/essere-laici-in-un-mondo-multiculturale.html> (accessed: 25.12.2022).

Lunkin R.N. (2022) Post-crisis sentiment in the European Union, in Shveitser V.Ya. (ed.) *Society and politics in the "COVID-19 Era"*, IE RAN, Moscow, Russia, pp. 11–24. (In Russian).

Miroshnikova E.M. (2021) Learning on Religion in the Modern European Education: new approaches to the teaching, *Sovremennaya Evropa*, 6, pp. 167–177. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62021167177>

Smirnov M.Yu. (2020) Novye formaty religii v publichnom prostranstve sovremennogo rossijskogo obshchestva [New formats of religion in the public space of modern Russian society]. *Tehnologos*, 1, pp. 124–132. DOI: 10.15593/permkipf2020111 (In Russian).

ReMinEm (2022) *Preventing discrimination and persecution. Models of inclusion of religious minorities in the Euro-mediterranean space (ReMinEm). Final Report*, The Center for Religious Studies, Bruno Kessler Foundation, Trento, Italy. 32 p. URL: https://atlasminorityrights.eu/filemanager/pdf/Final_Report.pdf (accessed: 25.12.2022).

РЕЦЕНЗИИ

УДК 327

**КУДА ИДЁТ МИР? ЛЕТОПИСЬ
ГРАНДИОЗНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

© 2023 ГРОМЫКО Алексей Анатольевич*

*Член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3*

**E-mail: alexey@gromyko.ru*

Поступила в редакцию 11.12.2022

После доработки 24.12.2022

Принята к публикации 09.02.2023

Ключевые слова: международные отношения, глобальная и региональная безопасность, ООН, постсоветский период, украинский кризис, баланс сил, новое мышление, ядерное сдерживание, европейские исследования

DOI: 10.31857/S0201708323020146

EDN: ovqdmr

«Международный ландшафт» – своего рода «выжимка» на 700 страницах избранных работ академика РАН Владимира Георгиевич Барановского за последнюю четверть века [Барановский, 2021]. Для такого крупного исследования – результата размышлений и изысканий ученого в течение нескольких десятилетий – по традиции подходит понятие «труд» с большой буквы. Но его характер еще лучше раскрывает слово «компендиум». Оно употребляется, как правило, в смысле лапидарного изложения основ какого-либо творчества и даже целой научной дисциплины. У этого латинского термина есть и иной смысл – кратчайшая дорога, прямой путь. Перефразируя, можно сказать, что данная книга – верный способ и познакомить начинающих международныхников, и напомнить ведущим специалистам о теории и практике международных отношений, о том, что происходило с региональной и глобальной безопасностью, с позиционированием и интересами нашей страны в ближнем и дальнем зарубежье после окончания холодной войны.

Презентационные мероприятия, посвященные выходу книги, прошли в 2022 г., когда многое в отечественном, да и мировом научном прогнозировании в сфере международных отношений, как могло показаться, обнулилось. Взрывной по скорости, масштабу и разрушительной силе обвал отношений между Россией, с одной

стороны, и Украиной и Западом – с другой, их стремительный переход от ужесточающегося соперничества, но все же не военного характера, к горячей фазе противостояния мало кто предсказывал. Внешнеполитическое реноме России, вобравшее во многом советский опыт, выстраивалось с начала 1990-х гг. на принципах тщательного соблюдения международного права, борьбы против его ревизии и обхода института Совета Безопасности ООН как высшего международного арбитра по вопросам войны и мира. В результате в глазах большей части мирового сообщества в кризисных ситуациях, связанных с региональными конфликтами в Югославии и Ираке, Ливии и Сирии, Йемене и даже Грузии, Россия не только юридически выступала с убедительных позиций, но и имела моральное превосходство по сравнению с теми, кто делал ставку на «жесткую силу» в обход ООН. В 2022 г. РФ пришлось обращаться к упредительным мерам защиты коренных интересов своей безопасности. В целом отношения России и Запада ухудшались давно, но достигнутая к настоящему времени степень взаимной враждебности еще недавно не казалась неизбежной, особенно после российско-американского саммита в Женеве.

Несмотря на произошедший обвал, включенные в «Международный ландшафт» материалы при внимательном прочтении показывают, что даже 2022 г. не безальтернативно можно называть рубежным в переходе от одной модели международных отношений к другой. Категория «эпоха перемен» входит в название труда, но она обозначает фактически весь постсоветский период. На фоне текущих событий книга не только во многом не потеряла своей актуальности, но и заиграла новыми красками. В анализе международных отношений, изложенном на ее страницах, содержатся обеспокоенность и предостережения по поводу развития событий, которые привели к масштабной гибридной войне между Москвой и Западом, включая прокси-войну последнего против России на Украине. Решение автора, помимо отбора и комбинирования материалов по разделам книги, не дополнять или как-то редактировать вышедшие ранее тексты позволяет при чтении книги сохранить восприятие происходящего в режиме реального времени.

Значительная часть размышлений В.Г. Барановского посвящена развернувшейся в последние годы дискуссии о том, наблюдаем ли мы рождение нового мира, предвестниками которого являются и украинский кризис, и резко усиливающееся китайско-американское соперничество, или эти феномены встроены в логику событий всех последних десятилетий. Точнее, речь идет о новом витке этой дискуссии, которая началась задолго до 2022 г. Автор подробно останавливается на данной проблематике [Барановский, 2021: 78–104]. С использованием развернутой аргументации показано, что при всем драматизме текущие процессы в современном миропорядке ведут не к его радикальной трансформации и полному краху, а являются собой очередной вариант перераспределения удельного веса различных центров влияния. Вновь оно происходит с помощью трансграничного применения силы во всех её проявлениях. Другими словами, мы сталкиваемся не столько с чем-то принципиально новым в летописи международных отношений, сколько с постановкой извечных вопросов об источниках войн и конфликтов: полярных восприятиях понятия «безопасность», технических новшествах в военном деле, трактовках международного права, оспаривании принадлежности территорий и т. д.

С этой точки зрения глубокая трансформация происходит не в 2020-е гг., а растянута во времени с начала 1990-х гг., т. е. после распада СССР. В ее рамках предпринималась не одна попытка нащупать обновленный каркас мироустройства: выйти на формирование «общеевропейского дома» и систему равной и неделимой безопасности; вместо биполярного мира создать американский однополярный; вытеснить США, а вместе с ними и примат «жесткой силы» с позиции ведущего центра силы в пользу Евросоюза и соответственно «силы мягкой»; установить дуумвират «Чаймерика» как своего рода отголосок постнаполеоновского «концерта держав». Однако сегодня становится более-менее очевидным, что все эти поиски, с помощью проб и ошибок, развивались в рамках магистрального направления мирового переустройства – от блокового противостояния двух сверхдержав эпохи холодной войны к полицентризму международных отношений. Нынешняя фаза острого противостояния, всплески насилия – это борьба за то, как распределится власть в сфере международных отношений, возможно, на всем протяжении XXI века.

В русле такой логики очевиден ответ на вопрос, который ставит автор: в чём ценность анализа международных событий десяти, пятнадцати, двадцатилетней давности? В том, что события 2020-х гг. являются наиболее драматичной частью постсоветского трансформационный периода, растянувшегося на более чем 30 лет. Такой подход позволяет, во-первых, не дать текущим событиям заслонить более широкий исторический контекст, подтверждая тезис учёного: «Перемены, свидетелями которых мы становимся, возникли не как гром среди ясного неба – они накапливались годами и десятилетиями» [Барановский, 2021: 12]. Во-вторых, не попасть в мыслительную ловушку «уникальности» тех или иных явлений. Точнее, для ныне живущих поколений они действительно во многом уникальны, но не для истории, на фоне которой они вызывают *déjà vu*.

Отсюда можно перекинуть мостик к рассуждениям о цикличности истории, однако с большой осторожностью, чтобы не сводить «цикличность» к шаблонности и штампам. Да, циклов перераспределения силы в международных отношениях в истории было множество, но то, как они протекали, и каковы были их результаты, конечно, не воспроизводимо. Проще говоря, текущий цикл перераспределения – очередной в своём ряду, но что будет «на выходе», мы не знаем за исключением того, что шаблоны ни холодной войны, ни биполярности, характерные для второй половины XX века, к этому этапу истории не применимы. Суть явления – поиск нового баланса сил – сохраняется, но содержание, параметры, структура этого баланса будут присущи только своей эпохе.

Данную проблему можно обозначить и как соотношение между рефренами и новыми вызовами в истории. Например, в сфере безопасности в 1980-е гг. советские учёные обосновали категорию «новое мышление». Потом она была вульгаризирована в политике, что, по сути, не делает её менее значимой для нашего времени. В 1984 г. в свет вышла книга «Новое мышление в ядерный век» [Громыко, Ломейко, 1984]. Буквально одна цитата из нее: «...новое мышление необходимо, чтобы доктрину сдерживания и устрашения заменить доктриной безопасности. Международная безопасность должна основываться на простой формуле – выжить можно только друг с другом, а не друг против друга». Сказанное почти 40 лет назад звучит сегодня не менее злободневно, чем во времена кризиса с «евроракетами». То

есть рефрен здравого смысла, инстинкта самосохранения звучит в истории на всем ее протяжении, как, впрочем, и рефрен нескончаемой череды войн.

Чтобы между всплесками насилия обеспечить максимально длительную паузу мирного сотрудничества или хотя бы мирного сосуществования, каждая эпоха нуждается в своей доктрине безопасности. Несмотря на давние предостережения основателей и участников Пагуошского движения, как и немалого числа их современных последователей (например, Группы лидеров по вопросам евроатлантической безопасности¹, Инициативы по снижению ядерной угрозы²), не исключено, что в результате дальнейшего развития технологий доктрина ядерного сдерживания перестанет работать в своем прежнем виде. Украинский кризис и современные разновидности прокси-войн вновь ставят этот вопрос ребром.

В недавней истории, с точки зрения «длинных волн», не трудно заметить, что «[п]редыдущий трансформационный взрыв сравнимого масштаба произошел в связи с Первой мировой войной и революцией» в России [Барановский, 2021: 9]. Мир вошёл в период относительно упорядоченного противоборства, в большинстве случаев контролируемого, во второй половине 1940-х гг. Таким образом, в прошлом столетии потребовалось порядка трети века для того, чтобы выйти на баланс сил, который, по крайней мере, на несколько десятилетий обеспечил относительную устойчивость системе международных отношений.

Хотелось бы отметить, что с присущей автору последовательностью выдвигаемые им тезисы не навязываются в качестве истины в последней инстанции, а предстают, скорее, открытой системой, восприимчивой к иным вводным и признающей неисчерпаемую способность истории видоизменяться. Сформулированы три ключевые характеристики миропорядка, от состояния которых зависит финальный вердикт в отношении его жизнеспособности: устойчивость (успешное функционирование), эффективность (адекватный ответ на вызовы) и зрелость (умение минимизировать проблемы). Фактически с учётом этих трёх ракурсов учёный подходит к рассмотрению каждой конкретной тематики во многих частях книги. К этому набору можно добавить способность миропорядка адаптироваться к тем или иным глубинным изменениям.

Книга В.Г. Барановского подкупает тем, что в ней читатель не найдет в приложении к той или иной ситуации прямолинейных умозаключений, тем более претендующих на исчерпывающую полноту. Действительно, по-академически полновесный анализ международных отношений требует определенной дистанции между

¹ Advancing Global Nuclear “Fail-Safe”. Statement by the Euro-Atlantic Security Leadership Group (EASLG). 02.2023. URL: https://www.europeanleadershipnetwork.org/wp-content/uploads/2023/02/EASLG-Statement_GNFS_FINAL.pdf (дата обращения: 17.02.2023); Euro-Atlantic Security Leadership Group Supports Joint Statement of the Leaders of the Five Nuclear Weapon States Affirming: “A Nuclear War Cannot be Won and Must Never be Fought”. 07.01.2022. URL: <https://www.europeanleadershipnetwork.org/group-statement/euro-atlantic-security-leadership-group-easlg-supports-joint-statement-of-the-leaders-of-the-five-nuclear-weapon-states-affirming-a-war-cannot-be-won-and-must-never-be-fought/> (дата обращения: 10.12.2022).

² Nuclear. The Nuclear Threat Initiative. URL: <https://www.nti.org/area/nuclear/> (дата обращения: 10.12.2022).

наблюдателем и анализируемым событием, а поспешность в наблюдениях в большинстве случаев ведет к тому, что со временем сделанные прогнозы оказываются ошибочными. Так и сейчас, по прошествии определенного времени после публикации «Международного ландшафта» использованные в нем методы исследования словно предупреждают о рисках скоропалительности в оценке событий 2022–2023 гг.

Однозначный ответ на вопрос – находимся ли мы на сломе эпох или проходим очередной этап поиска Россией своего места в мире после развала СССР – будет, судя по всему, дан далеко не быстро. Наиболее острые периоды конфликтов между странами, горячие фазы «выяснения отношений» всегда в истории были не самым лучшим временем делать выводы. К чему в конце концов приведёт та или иная дисфункция в системе – к новому Вестфалю, Вене, Ялте или лишь к перенастройке действующего порядка вещей, пока далеко не очевидно. Другими словами, изменится ли значимо траектория развития враждующих сегодня государств в лучшую сторону, как того хотело бы каждое из них? Или траектория их восхождения или ослабления продолжится? Как в первом или во втором сценарии этим воспользуются страны глобального Юга? Вероятно, вопросы такого рода извечные, что не делает их менее злободневными.

Не может не импонировать исторический оптимизм ученого, не раз в той или иной форме выраженный в книге, призыв изучать прошлое, чтобы укреплять «иммунитет против катастрофического алармизма». Последний в настоящее время, пожалуй, высоко востребован при анализе событий на Европейском континенте. Европейским исследованиям посвящена значительная часть «Международного ландшафта», и в материалах разных лет мы находим вновь и вновь немало крайне актуальных наблюдений. «Европа, – писал автор в 2004 г., – освоила почти весь спектр возможных способов взаимодействия между субъектами международной жизни – от их ориентации на взаимное уничтожение до теснейшего сближения» [Барановский, 2021: 283]. Действительно, Европа своеобразна хотя бы тем, что именно она дважды во всемирной истории становилась эпицентром мировых войн, несмотря на все наследие эпохи Гуманизма и Просвещения. Другая европейская «визитная карточка» – «высокая плотность разнообразнейших многосторонних институтов и механизмов» [Барановский, 2021: 284]. И здесь встает вопрос, насколько это спасет Европу от текущих разрушительных процессов, в т. ч. в области военно-политического противостояния. На фоне развала системы контроля над вооружениями, мер доверия и безопасности становится ясно, что сама по себе институциональная межгосударственная плотность еще не защищает от сползания к новым региональным и даже глобальным конфликтам.

Европейский региональный срез находится в центре внимания многих других избранных материалов, концептуальных и прикладных. Например, рассуждения о европоцентризме и его преодолении. Снижение роли Европы в мировой политике автор прослеживает начиная с окончания Первой мировой войны [Барановский, 2021: 309]. Анализируя феномен ЕС, он обращается к такой его ментальной характеристике, как стремление ставить знак равенства между понятиями «Европа» и «Евросоюз», и называет такой подход по существу неверным, с чем трудно не согласиться [Барановский, 2021: 310].

В отношении европейского и постсоветского пространства «Международный ландшафт» полон прогнозов, которым свойственна проницательность. 19 лет назад

В.Г. Барановский писал: «С одной стороны, сближение России с Белоруссией сориентировано на их объединение в одно государство... С другой – вероятное отдаление Украины от России вкупе с легко прогнозируемой реакцией Москвы на такого рода развитие» [Барановский, 2021: 287]. Анализ говорит сам за себя. В этой связи и с учетом событий последнего года упомяну также сказанное ученым к 10-летию Российского совета по международным делам: «На первое место я бы поставил задачу обеспечения стабильности в непосредственном окружении России. Я не вижу внешних вызовов, напрямую угрожающих нашей стране – её суверенитету и территориальной целостности. А вот внутренние пертурбации в соседних странах и регионах могут “выплеснуться” и в Россию» [Барановский, 2021: 625]. С высоты сегодняшнего дня очевидно, что это предостережение во многом сбылось в результате внутренних процессов на Украине. Негатив в сфере европейской безопасности и украинский кризис зашли настолько далеко, что от конфронтации страдают ряд старых и новые российские регионы.

Размышляя о прочитанном, невозможно остановиться на всех смысловых блоках столь объемного труда. Читатель найдет в нем аналитические материалы о разнообразных аспектах глобализации и глобального управления, контроля над вооружениями, о Ближнем Востоке и безопасности в Арктике, о крупных личностях, с которыми сводила автора жизнь. Избранная аналитика В.Г. Барановского, безусловно, относится к категории «настольных» книг для специалистов, занимающихся международными отношениями, безопасностью, внешней политикой России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барановский В.Г. (2021) *Международный ландшафт: эпоха перемен. Избранная аналитика*. Весь мир, Москва. 720 с.

Громыко А.А., Ломейко В.Б. (1984) *Новое мышление в ядерный век*. Международные отношения, Москва. 296 с.

REFERENCES

Baranovsky V.G. (2021) *Mezhdunarodnyi landshaft: epokha peremen. Izbrannaya analitika* [International landscape: the Era of Change. Selected analytics]. The whole world, Moscow, Russia. (In Russian).

Gromyko A.A., Lomeiko V.B. (1984) *Novoe myshlenie v yadernyi vek* [New Thinking in the Nuclear Age]. Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia. (In Russian).

Where is the World Heading? The Chronicle of Grand Transformation

Al.A. Gromyko*

*Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe RAS
11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009*

***E-mail:** alexey@gromyko.ru

(Review of the book: Baranovsky V.G. (2021) International landscape: the Era of Change. Selected analytics. The whole world, Moscow, Russia 720 p.)

Key words: international relations, global and regional security, UN, post-Soviet period, Ukrainian crisis, balance of power, new thinking, nuclear deterrence, European studies

DOI: 10.31857/S0201708323020146

EDN: ovqdmp

УДК 314.74

Благосостояние иммигрантов в Германии: Страновые различия и конвергенция доходов¹

© 2023 **БОНДАРЕНКО Ксения Андреевна***

*Старший преподаватель, Факультет мировой экономики
и мировой политики, Департамент мировой экономики*

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Россия, Москва, Мясницкая ул., 20*

***E-mail:** xenabondarenko@gmail.com

© 2023 **ХАРИТОНОВА Наталья Алексеевна****

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Россия, Москва, Мясницкая ул., 20*

****E-mail:** nakharitonova_1@edu.hse.ru

Поступила в редакцию 22.10.2022

После доработки 26.12.2022

Принята к публикации 09.02.2023

Аннотация. В статье проведено эконометрическое моделирование уровня благосостояния этнических немцев и мигрантов, проживающих в Германии, на основе статистики Всемирного банка и данных опроса Немецкой социально-экономической группы (*SOEP-Core*) по более чем 683000 респондентам за 1984–2019 гг. Данные *SOEP* отражают реальные социально-экономические условия жизни этнического населения и мигрантов в Германии. В исследовании сделан вывод, что реальный доход (прокси уровня благосостояния) у респондентов с миграционным прошлым, в среднем выше, чем у лиц, рожденных в Германии. Однако уровень реального дохода мигрантов значительно варьируется в зависимости от страны-происхождения (наиболее высокий характерен для мигрантов из стран Северной Европы и Африки) и имеет нелинейную зависимость от времени проживания в стране. В статье выявлено, что влияние личностных характеристик (возраст, пол) и профессиональных качеств (образование, занятость) на реальный доход не сильно различается между мигрантами и этническими немцами, что нельзя сказать о семейном положении (коренные немцы в браке зараба-

¹ Авторы выражают благодарность ординарному профессору, члену ученого совета НИУ ВШЭ Л.М. Григорьеву и рецензентам научного журнала «Современная Европа» за ценные комментарии.

тывают меньше, в то время как для мигрантов брак не является значимым детерминантом).

Ключевые слова: Германия, миграция, реальные доходы, продолжительность миграции, страна происхождения мигрантов, эконометрический анализ.

DOI: 10.31857/S0201708323020158

EDN: ovquyc

Миграция в Германии: страновая структура диаспор

По данным Федерального статистического управления Германии на 2021 г., в стране проживает более 22,3 млн человек с миграционным прошлым¹ (около 26,9% от общей численности населения)². Более 11,8 млн из них – иностранцы (13,5% соответственно)³. Самые многочисленные диаспоры Германии – польская и турецкая (Таблица 1).

Таблица 1

Численность мигрантов, проживающих в Германии в 1990–2020 гг., тыс. чел.

Страна	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020
Всего, в т. ч.:	5936	7464	8993	9402	9812	10220	15762
Польша	413	460	671	1158	1529	1562	2142
Турция	1459	1618	1605	1316	1314	1344	1837
Россия	77	491	904	889	857	876	1199
Казахстан	10	249	487	671	812	832	1128
Сирия	15	20	25	35	43	197	707
Италия	487	492	498	410	334	343	695
Румыния	177	250	323	408	475	488	655
Чехия	315	351	423	432	438	449	603
Греция	338	345	353	256	173	178	392
Хорватия	150	180	210	188	169	173	386
Болгария	27	30	33	62	85	87	315
Украина	16	86	155	186	210	216	290
другие	2452	2892	3306	3391	3373	3475	5413

Составлено авторами на основе данных UN. International Migrant Stock. 2022. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (дата обращения: 01.02.2023)

¹ Лица, которые приехали из-за границы или имеют хотя бы одного родителя, родившегося за границей.

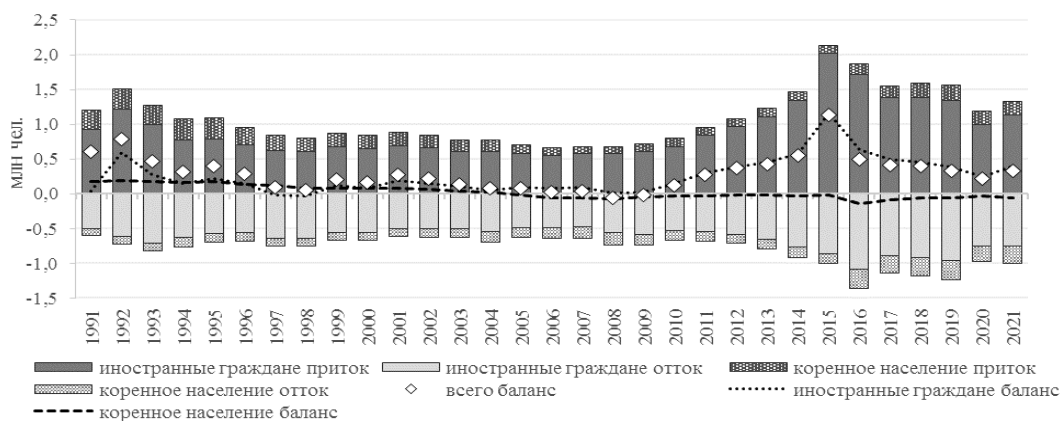
² Bevölkerung in Privathaushalten nach Migrationshintergrund. Federal Statistical Office (Destatis). 2021. URL: <https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/Tabellen/migrationshintergrund-geschlecht-insgesamt.html> (дата обращения: 18.12.2022)

³ Foreigner statistics: 11.8 million foreigners at the end of 2021. Federal Statistical Office (Destatis). 2021. URL: <https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/auslaenderstatistik-stichtag.html;jsessionid=532DF2D6C4CD75D1E61E2A55893E8337.live712> (дата обращения: 25.12.2022); Статистика по лицам с миграционным прошлым Федерального ведомства по вопросам миграции и беженцев Германии, Всемирного банка и ООН может отличаться вследствие методологических особенностей.

Приток мигрантов в Германию существенно увеличился в XXI веке (см. Рис. 1). Это связано с расширением ЕС¹ и принятием закона «Об иммиграции» 1 июля 2004 г. С этого периода начался новый этап иммиграционной политики, направленной одновременно на предоставление убежища, регулирование проблем внутренней миграции, решение проблем приема и интеграции немецких переселенцев.

Рисунок 1

**Численность людей, ежегодно приезжающих в Германию
и уезжающих из нее, в 1991–2021 гг. (млн чел.)**



Составлено по: Statistisches Bundesamt. 2022. URL: <https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Population/Migration/Tables/migration-total.html?sessionid=1B3EA379D9D29D2BF27B3FE369B71151.live712> (дата обращения: 05.08.2022)

Приток мигрантов в Германию главным образом остается под влиянием притягивающих факторов: политических (в части облегчения правовых аспектов миграции²), социокультурных (например, воссоединение с семьей турецких женщин-мигрантов или возвращение аусзидлеров³ на Родину) и демографических [Куприна, 2017]. Приоритетным при решении о миграции остается повышение экономического благосостояния – возможность получения работы с более высокой оплатой труда.

Высокая численность иммигрантской диаспоры в Германии [Пасякина, 2011] и ее разнообразие приводят к росту конкуренции между иммигрантами и коренными жителями Германии в сфере занятости и в реальных доходах обеих групп насе-

¹ В 2004 г. к ЕС присоединились Чехия, Венгрия, Польша, Словакия, Словения, Эстония, Латвия, Литва, Кипр, Мальта, в 2007 – Болгария и Румыния, в 2013 – Хорватия.

² Например, в 2020 г. принят закон «Об иммиграции квалифицированных специалистов», упрощающий процедуру трудоустройства для квалифицированных специалистов из стран, не входящих в ЕС.

³ Этнические немцы, эмигрировавшие в Германию из бывших республик СССР и других восточноевропейских государств.

ния. В результате наблюдается конвергенция, т. е. постепенное сближение уровня благосостояния мигрантов и местного населения.

Факторы, определяющие благосостояние мигрантов

Согласно теориям неоклассической экономической школы, основная цель миграции – это повышение благосостояния индивидуума и его семьи. ООН определяет уровень благосостояния мигранта как совокупность следующих условий: наличие трудоустройства с удовлетворительными условиями труда и достойным доходом, ясный и надежный правовой статус, доступ к социальной защите и услугам здравоохранения, их участие в гражданской и политической жизни¹. Несмотря на значимость социально-правовых аспектов миграции, в статье представлен анализ экономической составляющей благосостояния, ключевой прокси для которой является реальный доход [Суринов, Луппов, 2022].

В научной литературе выделяются следующие основные детерминанты реальных доходов индивидуумов: возраст (при прочих равных условиях чем выше возраст, тем выше доход [Gruber, Sand, 2020], но с течением времени это отношение становится инверсированным); пол (мужчины, как правило, зарабатывают больше, чем женщины); образование и квалификация (повышение уровня образования или квалификации ведет к увеличению заработной платы [Blanko, 2004]); семейное положение и др. Однако существуют исследования, в которых некоторые вышеуказанные факторы не имеют прямой взаимосвязи с доходами или имеют обратную связь. Например, женщины из-за более высокого уровня квалификации могут получать более высокую заработную плату [Bondarenko, 2021].

В контексте анализа дохода мигрантов также рассматриваются временной фактор продолжительности миграции [Bhugra, Becker, 2005] и влияние страны происхождения.

В отношении продолжительности миграции мы предполагаем, что чем дольше мигрант остается в стране, тем выше его реальный доход, но природа этой взаимосвязи имеет нелинейный характер: в первые годы пребывания в новой стране может наблюдаться высокий рост доходов, потом происходит их стабилизация и далее снижение. Страна происхождения также оказывает влияние на уровень реальных доходов мигрантов не только из-за экономических факторов (разница в доходах страны-реципиента и страны происхождения, уровень образования и развития профессиональных навыков), но и вследствие особенностей структурного социального капитала различных мигрантских общин [du Plooy et al., 2020], в т. ч. членства мигрантов в определенных социальных группах и наличия мигрантских сетей [Beine et al., 2011]. Таким образом, происхождение мигрантов может оказывать стимулирующее, нейтральное или негативное воздействие на процессы конвергенции доходов как между различными мигрантскими диаспорами, так и между мигрантами и коренным населением принимающей страны.

¹ Social Dimensions of International Migration. United Nations. 2021. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/events/coordination/3/docs/P02_DSPD.pdf (дата обращения: 07.08.2022)

База данных и описание модели

В статье используются данные из ежегодного репрезентативного продольного исследования частных домохозяйств Немецкой социально-экономической группы (*German Socio-economic Panel, SOEP*), проводимого в Немецком институте экономических исследований (*Deutsches Institut für Wirtschaftsforschung, DIW*)¹. База *SOEP* является одной из крупнейших в этой области и включает 506 наборов данных с 96 134 различными переменными и 16 344 вопросами. В исследовании использована статистика по более чем 683 000 респондентам за 1984-2019 гг. База *SOEP* отражает реальную конъюнктуру социально-экономической ситуации в Германии и широко используется для анализа различных процессов в научной литературе [см., например, Becker, Tremel, 2006; Fahr, 2011; Bauer, Sinning, 2011; Nesterko et al., 2013; Schaewitz et al., 2022].

Описательная статистика переменных приведена в Приложении 1.

Основой для построения эконометрической модели (1) стало исследование Я. Минсера [Mincer, 1994]:

(1)

$$LRealInc_{it} = \beta_0 + \beta_1 Age_{it} + \beta_2 Age2_{it} + \beta_3 male_{it} + \beta_4 Edu_{it} + \beta_5 Sing_{it} + \beta_6 Mar_{it} + \beta_7 Div_{it} + \beta_8 SpAbr_{it} + \beta_9 Employed_{it} + \varepsilon_{it}$$

В модели (1) зависимая переменная $LRealInc_{it}$ – натуральный логарифм реального уровня валового дохода индивида в месяц. Реальный уровень дохода ($RealInc_{it}$) рассчитан исходя из номинального валового дохода (в евро, для ранних периодов конвертация по курсу евро – немецкая марка в базе данных по курсу $DEM1 = €0,5113$) с учетом годового дефлятора² ВВП Германии (базовый год – 2015, данные Всемирного банка). Индекс i отражает номер каждого наблюдаемого респондента, t – время, выраженное в годах.

Остальные переменные – независимые, в т. ч. Age_{it} – возраст респондента³, $Age2_{it}$ – возраст респондента в квадрате, $male_{it}$ – пол респондента (1 – мужчина, 0 – женщина), Edu_{it} – уровень образования, выраженный в годах⁴, $Sing_{it}$ – семейное по-

¹ Socio-Economic Panel, data from 1984-2020 (SOEP-Core, v37, Onsite Edition). 2022. DOI: <https://www.doi.org/10.5684/soep.core.v370>

² Мы используем дефлятор, а не индекс потребительских цен (ИПЦ), т. к. дефлятор отражает изменение цен на все произведенные товары и услуги, в то время как ИПЦ – только на некоторые приобретаемые потребителем товары.

³ Возраст респондентов – от 1 до 105 лет (за детей опросы заполняют родители). Длительность проживания мигрантов в Германии – от 0 (приехали в год опроса) до 69 лет.

⁴ Переменная Edu_{it} – уровень образования, выраженный в годах. Минимальное количество лет обучения у респондентов составляет 7 лет (неоконченное школьное образование), максимальное – 18, что соответствует получению высшего и постдипломного образования в Германии.

ложение «свободен(а)»¹, Mar_{it} – семейное положение «замужем/женат», Div_{it} – семейное положение «разведен(а)», $SpAbr_{it}$ – супруг(а) проживает за границей, $Employed_{it}$ – трудоустроен на полный и/или неполный рабочий день, ε_{it} – ошибка регрессии. В рамках эконометрического моделирования модель (1) рассматривается отдельно для лиц, рожденных в Германии, и для респондентов с миграционным прошлым.

Включив фиктивные переменные, является ли респондент мигрантом или беженцем, дополняем модель (1) и получаем следующий вид модели (2):

$$(2) \quad LRealInc_{it} = \beta_0 + \beta_1 Age_{it} + \beta_2 Age2_{it} + \beta_3 male_{it} + \beta_4 Edu_{it} + \beta_5 Sing_{it} + \beta_6 Mar_{it} + \beta_7 Div_{it} + \beta_8 SpAbr_{it} + \beta_9 Employed_{it} + \beta_{10} Migrant_{it} + \beta_{11} Refugee_{it} + \varepsilon_{it}$$

где $Migrant_{it}$ – респондент, рожденный в другой стране (не Германии), т. е. мигрант, $Refugee_{it}$ – респондент, который получил статус беженца или находится в процессе получения этого статуса.

В рамках исследовательского вопроса также рассматривается длительность проживания мигрантов в Германии и вводится соответствующая переменная $MigrPer_{it}$, которая определяется тем, сколько лет мигрант прожил в Германии по состоянию на год опроса. Эта переменная рассчитана как разница между соответствующим годом опроса t и годом, когда респондент i прибыл в Германию. Для проверки предположения о нелинейном характере взаимосвязи между доходом мигранта и длительностью его проживания в Германии, в общей сложности вводятся три переменные: $MigrPer_{it}$; $MigrPer2_{it}$ – квадрат переменной $MigrPer_{it}$; $MigrPer3_{it}$ – куб переменной $MigrPer_{it}$. Модель (3) рассчитывается исключительно для лиц с миграционным прошлым:

$$(3) \quad LRealInc_{it} = \beta_0 + \beta_1 Age_{it} + \beta_2 Age2_{it} + \beta_3 male_{it} + \beta_4 Edu_{it} + \beta_5 Sing_{it} + \beta_6 Mar_{it} + \beta_7 Div_{it} + \beta_8 SpAbr_{it} + \beta_9 Employed_{it} + \beta_{10} MigrPer_{it} + \beta_{11} MigrPer2_{it} + \beta_{12} MigrPer3_{it} + \varepsilon_{it}$$

Наконец рассматривается, как страна происхождения влияет на уровень дохода мигрантов, и в модель (1) включаются дополнительные страновые² переменные:

¹ Здесь и далее все фиктивные переменные принимают значение 1, если «да», и 0, если «нет», т. е. $Sing=1$, если мужчина или женщина говорили, что он(а) свободен(дна), и $Sing=0$, если об этом не говорил(а).

² Классификация проведена исходя из данных World Regional Geography. University of Minnesota Libraries Publishing edition. 2016. <https://doi.org/SOEP10.24926/8668.2701>. В региональном разрезе указаны только те страны, которые мигранты в опросе *SOEP* указывали как страну рождения.

(4)

$$\begin{aligned}
LRealInc_{it} = & \beta_0 + \beta_1 Age_{it} + \beta_2 Age2_{it} + \beta_3 male_{it} + \beta_4 Edu_{it} + \beta_5 Sing_{it} + \\
& \beta_6 Mar_{it} + \beta_7 Div_{it} + \beta_8 SpAbr_{it} + \beta_9 Employed_{it} + \\
& \beta_{10} WestEU_{it} + \beta_{11} EastEU_{it} + \beta_{12} NorthEU_{it} + \beta_{13} SouthEU_{it} + \\
& \beta_{14} Russia_{it} + \\
& + \beta_{15} Turkey_{it} + \beta_{16} Ukraine_{it} + \beta_{17} Africa_{it} + \beta_{18} CIS_{it} + \beta_{19} MEast_{it} + \\
& \varepsilon_{it}
\end{aligned}$$

где $WestEU_{it}$ – мигранты из западных стран, входящих в состав Евросоюза¹, $EastEU_{it}$ – мигранты из восточных стран ЕС², $NorthEU_{it}$ – мигранты из северных стран ЕС³, $SouthEU_{it}$ – мигранты из южных стран ЕС⁴, $Russia_{it}$ – мигранты из России, $Turkey_{it}$ – турецкие мигранты, $Africa_{it}$ – выходцы из Африканских стран⁵, CIS_{it} – мигранты из стран СНГ, не включая Россию⁶, $MEast_{it}$ – мигранты из стран Ближнего Востока⁷. Все дополнительные переменные в модели (4) являются фиктивными.

Эконометрическое моделирование

На первом этапе исследования построены регрессии и проведены соответствующие тесты. Тест Бройша-Пагана (Приложение 1)⁸ показал, что модель со случайными эффектами лучше описывает данные, чем модель сквозной регрессии. Тесты Хаусмана и Вальда (Приложение 2) показали, что модель с фиксированным эффектом более предпочтительна, но он может быть несостоятелен, т. к., во-первых, переменная $male_{it}$ была элиминирована из модели (модель с фиксированным эффектом не позволяет оценить влияние не меняющихся по времени фиксированных переменных), а, во-вторых, в модели с фиксированным эффектом $corr(u_i, X) \neq 0$ (*assumed*), т. е. регрессоры коррелируют с ненаблюдаемыми случайными эффектами.

¹ Франция, Бельгия, Австрия, Люксембург, Нидерланды.

² Болгария, Румыния, Польша, Венгрия, Чехия, Хорватия, Словения, Словакия, Литва, Латвия, Эстония, территория бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии.

³ Финляндия, Швеция, Дания.

⁴ Португалия, Испания, Италия, Греция.

⁵ Алжир, Ангола, Бенин, Ботсвана, Буркина-Фасо, Камерун, Кабо-Верде, Чад, Конго, Джибути, Эритрея, Эфиопия, Гамбия, Гана, Гвинея, Кот-д'Ивуар, Кения, Лесото, Либерия, Ливия, Мадагаскар, Мали, Маврикий, Марокко, Мозамбик, Нигер, Нигерия, Руанда, Сенегал, Сьерра-Леоне, Сомали, Южно-Африканская Республика, Судан, Танзания, Того, Тунис, Уганда, Замбия, Зимбабве.

⁶ Армения, Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Молдавия, Таджикистан, Узбекистан.

⁷ Египет, Иран, Ирак, Израиль, Иордания, Кувейт, Ливан, Палестина, Катар, Саудовская Аравия, Сирия, ОАЭ, Йемен.

⁸ Дополнительные материалы к статье (Приложения 1,2,3) размещены в электронном виде на сайте журнала (www.sov-europe.ru) на странице номера.

ми (в то время как в модели со случайными переменными этого не наблюдается). Вследствие инвариантности фиктивных переменных содержательно больше подходит модель со случайными эффектами (Приложение 3), т. к. в отличие от модели с фиксированными эффектами она позволяет оценить коэффициенты при инвариантных по времени переменных.

Личностные и профессиональные характеристики

При прочих равных условиях с возрастом уровень зарплаты респондентов сначала увеличивается, а потом – уменьшается (уравнения 1a, 1b, см. Приложение 3). Для людей, рожденных в Германии, этот *threshold* возраст составляет 62 года¹, для мигрантов – 63 года². Мужчины в среднем зарабатывают больше, чем женщины, при этом для мигрантов эта разница более существенна, чем для немцев. Уровень образования и наличие работы оказывают высокое, положительное, статистически значимое влияние на доход респондентов. Коэффициенты при переменной *Edu* свидетельствуют о несколько меньшем влиянии уровня образования на благосостояние мигрантов в сравнении с коренными немцами. В целом все знаки перед вышеуказанными переменными личностных и профессиональных характеристик соответствуют ожиданиям.

Что касается семейного положения, одинокие и разведенные респонденты, как рожденные в Германии, так и за ее пределами, имеют более высокий уровень дохода по сравнению с другими респондентами (Приложение 3). Женатые/замужние коренные жители Германии, как правило, имеют меньший уровень реального дохода, что может быть обусловлено следующими причинами: лица в браке менее охотно меняют работу и несклонны к риску в целях повышения уровня заработной платы, т. к. от них зависит благополучие семьи; заработная плата людей в браке может быть ограничена их семейными обязанностями, т. е. вместо работы сверхурочно, женатые/замужние респонденты предпочитают проводить время дома, а также могут прибегать к различным формам нетипичной занятости – неполной, незначительной, ограниченной по времени занятости и временной работе [Камкин, 2015]; средний возраст первого вступления в брак в Германии остается высоким и продолжает увеличиваться (32 года – для женщины и 34 года – для мужчины по состоянию на 2019 г.). Не исключено преднамеренное снижение уровня заработной платы в процессе проведения интервью, чтобы не предавать огласке реальный доход (например, в случае проведения совместного интервью с супругой/супругом). Для мигрантов брак не является статистически значимым фактором, вероятно, потому,

¹ Рассчитано с учетом коэффициентов модели (1a) путем нахождения экстремума функции $y = -0,000914 * age^2 + 0,114 * age + 1,872$
Производная функции y : $(-0,000914 * age^2 + 0,114 * age + 1,872)' = 0,114 - 0,001828 * age = 0$,
отсюда $age = 62,4$

² Рассчитано с учетом коэффициентов модели (1b) путем нахождения экстремума функции $y = -0,000765 * age^2 + 0,097 * age + 2,426$
Производная функции y : $(-0,000765 * age^2 + 0,097 * age + 2,426)' = 0,097 - 0,00153 * age = 0$, отсюда $age = 63,4$

что вне зависимости от наличия семьи мигрантам приходится больше усилий прикладывать для получения работы и повышения заработной платы, и они более склонны к риску. Однако наличие супруга/супруги за рубежом оказывает отрицательное воздействие на доход. Среди возможных причин – отправка части своего дохода семье по согласованию с работодателем, а также то, что мигранты еще не полностью ассимилировались в Германии и/или же имеют непостоянный характер работы (им приходится чаще уезжать на Родину, чтобы навестить семью).

Мигранты и беженцы

В уравнении (2) описанные выше детерминанты сохраняют свои знаки и значимость. Что касается новых переменных, знак перед *Refugee* – отрицательный, т. е. благосостояние беженцев ниже других респондентов, в то время как знак перед *Migrant* – положительный и означает, что реальный доход мигранта в среднем превышает уровень реального дохода лиц, рожденных в Германии, с похожими личностными и профессиональными характеристиками. Если отрицательный знак перед переменной *Refugee* ожидаем, в т. ч. из-за неопределенности в части наличия работы по прибытии и других характерных вызовов (знание языка, интеграция в социум, более низкий уровень образования или профессиональных навыков и др.), то положительный знак перед переменной *Migrant* является дискуссионным в исследовательских работах. В контексте Германии этот вопрос также неоднозначен: с одной стороны, в среднем мигранты в Германии зарабатывают меньше, чем коренные немцы [Ingwersen, Thomsen, 2021], с другой стороны – по данным переписи населения Германии за 2021 г., ежемесячный доход домохозяйств, где есть лица с миграционным прошлым, превышает доход домохозяйств, в которых нет мигрантов¹. При этом в первом случае уровень дохода заметно увеличивается, если кто-либо из членов домохозяйства является аусзидлером.

В контексте Германии предполагается, что более высокое благосостояние мигрантов при прочих равных условиях обусловлено рядом причин, в т. ч. хорошей репутацией Германии среди талантливых иностранных студентов (страна занимает третье место в мире после Швейцарии и Норвегии по показателю привлекательности для получения высшего образования², и многие иностранные студенты пытаются проявить себя во время учебы, чтобы после окончания обучения остаться в Германии); высоким притоком квалифицированных мигрантов (более 60% ежегодно, см. Рис. 2); более высокой мотивацией у мигрантов, чем у коренных немцев; ускоренной ассимиляцией мигрантов, в частности, благодаря национальным про-

¹ Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Bevölkerung mit Migrationshintergrund. Ergebnisse des Mikrozensus 2021. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/Publikationen/Downloads-Migration/migrationshintergrund-2010220217004.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 07.08.2022)

² Migration policy affects attractiveness of OECD countries to international talent. 2019. URL: <https://www.oecd.org/newsroom/migration-policy-affects-attractiveness-of-oecd-countries-to-international-talent.htm> (дата обращения: 07.08.2022)

граммам поддержки и развитым мигрантским сетям. Еще один фактор – нелинейный процесс роста доходов мигрантов.

Рисунок 2

Квалифицированные и низкоквалифицированные трудовые иммигранты из третьих стран (по типу полученного вида на жительство)



Источник: Mayer (2018) Factsheet Migration. Bertelsmann Stiftung. URL: http://aei.pitt.edu/102585/1/factsheet_Migration_2017.pdf (дата обращения: 07.08.2022)

Продолжительность миграции

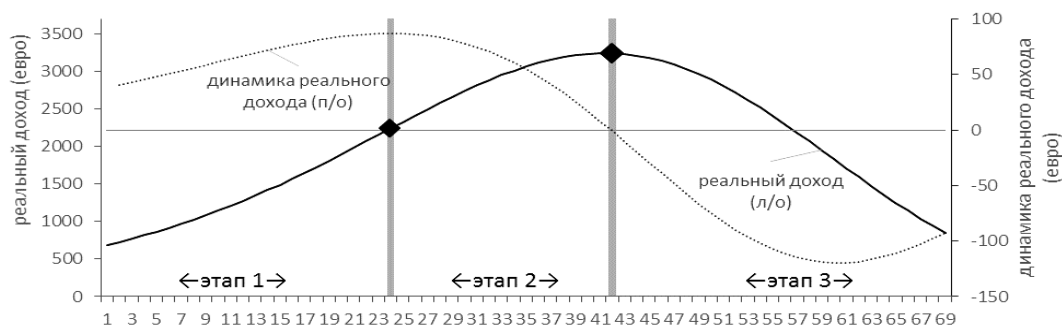
Время пребывания в Германии статистически значимо для уровня реального дохода иммигрантов (модель 3). Например, для мигранта-мужчины, который приехал в Германию в 20 лет, не имеет семьи, работает и имеет среднее общее образование (учился 10 лет), эффект времени пребывания в Германии определяется в рамках трех этапов, для которых характерны следующие временные интервалы (Рисунок 3):

1. Первые 24 года проживания в Германии реальный доход мигранта увеличивается постоянно растущими темпами. Это происходит из-за ряда причин: мигрант обладает низким уровнем первоначального дохода (эффект низкой базы); он, вероятно, фокусируется на карьерном росте и еще не успел создать семью; у мигранта появляется больше возможностей для улучшения своих навыков и/или поиска работы с более высоким уровнем дохода на фоне усиления интеграции в социум и мигрантские сети; мигрант может также получить вид на жительство или гражданство и тем самым претендовать на более высокую заработную плату, но для этого необходимо время и др. В конце периода, скорее всего, достигается конвергенция доходов мигранта с доходами коренных немцев, если мигрант остается жить в Германии.
2. С 25 лет по 42 года реальный доход продолжает расти, но темпы роста замедляются, что обусловлено смещением приоритетов мигранта в сторону создания семьи, саморазвития и др.

3. С 43 лет по 69 год¹ проживания в Германии реальный доход начинает снижаться главным образом из-за приближения к пенсионному возрасту и/или его достижения.

Рисунок 3

Продолжительность миграции и ее влияние на реальный доход



Источник: рассчитано авторами на основе данных *SOEP*.

Этапы могут смещаться в ту или иную сторону для отдельных мигрантов, т. к., во-первых, уровень дохода зависит от положительной взаимосвязи между доходом в текущем и прошлом периодах, что актуально не для всех мигрантов. Например, низкоквалифицированные работники, а также работники, занятые в теневом секторе и/или в сезонной деятельности, могут иметь непостоянный доход. Во-вторых, такая взаимосвязь может сильно различаться в разных мигрантских диаспорах из-за различий в социальном капитале.

Происхождение мигрантов

Что касается благосостояния иммигрантов из разных стран (модель 4), выходцы из стран ЕС в целом зарабатывают больше, чем остальные респонденты. Это связано с более высоким качеством образования, профессиональных навыков и отсутствием значимых барьеров для миграции. При этом реальные доходы респондентов из разных стран ЕС различаются. Наибольший уровень дохода зафиксирован у респондентов из северных стран ЕС (вероятно, из-за того, что ВВП по ППС и доходы населения в Финляндии, Швеции и Дании выше, чем в Германии, а миграция предполагает улучшение своих доходов). Далее по уровню дохода следуют мигранты из Западной и Восточной Европы, для которых характерна миграция высококвалифицированной рабочей силы. Происхождение мигрантов из южных стран ЕС не ока-

¹ 69 лет — максимальное значение длительности пребывания иммигрантов в Германии в данных.

зывает влияния на доход из-за социокультурных особенностей (в т. ч. более низкого уровня мотивации).

Высокая реальная заработная плата респондентов из стран Африки обусловлена другими причинами: лояльностью к национальным меньшинствам в Европе, высокой мотивацией африканских мигрантов работать и остаться жить в европейской стране при относительно адекватном уровне образования¹, знанием европейских языков и др. [Abdi et al., 2021].

Доходы мигрантов из Турции, Ближнего Востока, России и других стран СНГ также выше, чем у остальных респондентов. Это связано с характерным для этих стран реляционным коллективизмом, который больше ориентирован на небольшие межличностные сети (семью, друзей и коллег). В результате среди мигрантов-выходцев из этих стран наблюдается более тесная взаимосвязь между благосостоянием и наличием сетевых ресурсов. Следовательно, развитые мигрантские сети из-за высокой численности представителей диаспор позволяют значительно снизить риски (финансовые и нефинансовые) и расширить возможности для поиска более высокооплачиваемой работы. Качество человеческого капитала также оказывает положительное влияние на доходы респондентов из стран СНГ.

Мигранты из Украины – единственные, чей реальный доход ниже, чем у других участников опроса. Украинские мигранты в странах ЕС, как правило, выполняют менее квалифицированную работу, несмотря на образование и профессиональный опыт, из-за трудности подтверждения их академической квалификации [Utios, 2010].

Выводы

Германия занимает второе место в мире после США по численности иммигрантов, проживающих в стране. Привлекательность Германии как принимающей страны обусловлена значительным количеством программ поддержки мигрантов и предоставлением бесплатного высшего образования для студентов, приезжающих из-за рубежа, но приоритетным фактором для миграции (в особенности на постоянное место жительства) остается перспектива повышения экономического благосостояния.

Вопрос разницы в уровне благосостояния (и заработных плат) мигрантов и коренного населения принимающей страны остается предметом научных дискуссий. Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о том, что в Германии благосостояние лиц с миграционным прошлым выше, чем коренных немцев с похожими характеристиками. Это, с одной стороны, противоречит результатам ряда научных исследований, с другой – соответствует данным переписи населения. Более высокие доходы мигрантов при прочих равных условиях обусловлены рядом причин: привлекательностью Германии для обучения среди талантливых иностранных студентов и для работы среди высококвалифицирован-

¹ За последние 30 лет в странах Африки зафиксирована колоссальная утечка мозгов, повлекшая миграцию от 33 до 55% африканцев с высшим образованием в развитые страны.

ных иностранных специалистов; реформами, способствующими ускоренному процессу ассимиляции мигрантов; более высокой мотивацией мигрантов по сравнению с коренными немцами.

Конвергенция доходов мигрантов и немцев происходит с течением времени на фоне нелинейного трехэтапного процесса и для каждого отдельного иммигранта зависит не только от личностных и профессиональных характеристик, но и от страны или региона происхождения. Мигранты из северных стран Евросоюза и Африки имеют самый высокий уровень реального дохода, затем следуют мигранты из других стран ЕС, СНГ, Ближнего Востока, Турции и России. У мигрантов из Украины уровень благосостояния ниже по сравнению с местным населением и остальными рассмотренными группами мигрантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Камкин А.К. (2015) Актуальное состояние рынка труда ФРГ и перспективы его развития. *Современная Германия. Экономика и политика*. Под ред. В.Б. Белова. ИЕ РАН, Издательство «Весь Мир», Москва. С. 143–158.

Куприна Т.В. (2017) Особенности миграционных потоков стран ЕАЭС: сравнительно-сопоставительный анализ. *Демографический потенциал стран ЕАЭС: VIII Уральский демографический форум. Институт экономики УрО РАН. № 2*. С. 308–314.

Пасякина Л.С. (2011) ЕС и трудовая миграция. *Современная Европа. № 3*. С. 100–110. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020100110>.

Суринов А.Е., Луппов А.Б. (2022) Дифференциация доходов населения и стоимость жизни на субрегиональном уровне. Оценки для России. *Экономический журнал ВШЭ*. Т. 26. № 4. С. 552–578.

Abdi T.A., Peiró J.M., Presti A.L. (2021) Antecedents of career success of African migrant workers in Europe: A 2011–2019 systematic literature review and future research agenda. *Australian Journal of Career Development*. Vol. 30. No. 3. P. 211–225. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/10384162211066380>.

Adedeji A., Silva N., Bullinger M. (2021) Cognitive and structural social capital as predictors of quality of life for Sub-Saharan African migrants in Germany. *Applied Research in Quality of Life*. Vol. 16. No. 3. P. 1003–1017. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11482-019-09784-3>.

Bauer T. K., Sinning M. G. (2011) The savings behavior of temporary and permanent migrants in Germany. *Journal of Population Economics*. No. 24. P. 421–449.

Becker R., Tremel P. (2006) Auswirkungen vorschulischer Kinderbetreuung auf die Bildungschancen von Migrantenkindern. *Soziale Welt*. Vol. 57. No. 4. P. 397–418. URL: <https://www.jstor.org/stable/40878547> (accessed: 04.03.2022)

Beine M., Docquier F., Özden Ç. (2011). Diasporas. *Journal of Development Economics*. Vol. 95. No. 1. P. 30–41.

Bhugra D., Becker M.A. (2005) Migration, Cultural Bereavement and Cultural Identity. *World Psychiatry*. Vol. 4. No. 1. P. 18–24.

Blanko L. (2004) Does Marriage after Migration Lead to Better Labor-Market Outcomes? *Migraciones Internacionales*. Vol. 2. No. 3. P. 173–179.

Bobowik M., Basabe N., Páez D. (2014) Well-Being and Values of Immigrants to Spain. *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. Ed. by A.C. Michalos. Springer, Dordrecht, Netherlands. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-007-0753-5_3907.

Bondarenko K.A. (2021) Labor Migration from Uzbekistan: a Family and Community Promoted Big Bang. *Reg. Res. Russ.* Vol. 11. P. 273–284. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2079970521020039>.

du Plooy D.R., Lyons A., Kashima E.S. (2020) Social capital and the well-being of migrants to Australia: Exploring the role of generalized trust and social network resources. *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 79. P. 1–12.

Dustmann C., Glitz A. (2011) Migration and Education. *Handbook of the Economics of Education*. Vol. 4. P. 327–439. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53444-6.00004-3>.

Fahr R. (2011) Job design and job satisfaction – empirical evidence for Germany? *Management revue*. Vol. 22. Issue 1. P. 28–46. DOI: https://doi.org/10.1688/1861-9908_mrev_2011_01_Fahr.

Gruber S., Sand G. (2022) Does Migration Pay Off in Later Life? Income and Subjective Well-Being of Older Migrants in Europe. *Social Indicators Research*. Vol. 160. P. 969–988. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-020-02502-9>.

Ingwersen K., Thomsen S.L. (2021) The immigrant-native wage gap in Germany revisited. *The Journal of Economic Inequality*. Vol. 19(4). P. 825–854.

Mincer J. (1994) The Production of Human Capital and the Lifecycle of Earnings: Variations on a Theme. NBER Working Papers 4838. National Bureau of Economic Research, Cambridge, USA. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w4838/w4838.pdf (accessed: 07.08.2022)

Nesterko Y., Braehler E., Grande G., Glaesmer H. (2013) Life satisfaction and health-related quality of life in immigrants and native-born Germans: the role of immigration-related factors. *Quality of Life Research*. Vol. 22. P. 1005–1013.

Schaewitz J., Wang M., Rieger M.O. (2022) Culture and Institutions: Long-lasting effects of communism on risk and time preferences of individuals in Europe. *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 202. P. 785–829.

Urios, A.S. (2010) Ukrainian Migration to European Union Countries: The Case of Spain. *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne Des Slavistes*. Vol. 52(1/2). P. 153–167. URL: <http://www.jstor.org/stable/40871521> (дата обращения: 07.08.2022)

Well-being of Immigrants in Germany: Country of Origin and Income Convergence

K.A. Bondarenko*

Senior lecturer, Faculty of World Economy and International Affairs /

School of World Economy

National Research University Higher School of Economics

20, Myasnitskaya st., Moscow, Russia, 101000

***E-mail:** xenabondarenko@gmail.com

N.A. Kharitonova**

4th year student, Bachelor's Program "World Economy"

Teaching assistant, Faculty of World Economy and International Affairs /

School of World Economy

National Research University Higher School of Economics

20, Myasnitskaya st., Moscow, Russia, 101000

****E-mail:** nakharitonova_1@edu.hse.ru

Abstract. As of 2021, Germany is a host country for 22,3 million people with a migration background, that amounts to 26,9% of the total population of the country. Most of migrants come to Germany to improve their level of welfare, and seek for getting the same income as the locals do. The article outlines econometric modeling of the well-being of ethnic Germans and migrants living in Germany based on the statistics from the World Bank and the data from a representative longitudinal study of private households by the German Socio-Economic Panel (SOEP-Core), which covers more than 683,000 respondents for 1984–2019. Based on the SOEP data, it is possible to reveal the real socio-economic conditions surrounding both the local population and the migrants in Germany. It is concluded that respondents with migration background tend to have higher real income (a proxy for wealth) rather than their peers born in Germany. However, migrants' real income varies significantly depending on the country of origin/birth (i. e. newcomers from Northern Europe and Africa earn the most) and has non-linear relationship with the duration of staying in Germany. Personal characteristics (age, gender) and professional qualities (education, employment status) have generally similar impact on real income both for migrants and ethnic Germans, while the effect of marital status varies case by case (i. e. married local Germans have lower real incomes than their peers, while for migrants the effect of marriage is insignificant).

Key words: Germany, migration, real incomes, duration of migration, country of origin, econometric analysis.

DOI: 10.31857/S0201708323020158

EDN: ovqyec

REFERENCES

- Abdi T.A., Peiró J.M., Presti A.L. (2021) Antecedents of career success of African migrant workers in Europe: A 2011–2019 systematic literature review and future research agenda, *Australian Journal of Career Development*, 30(3), pp. 211–225. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/10384162211066380>.
- Adedeji A., Silva N., Bullinger M. (2021) Cognitive and structural social capital as predictors of quality of life for Sub-Saharan African migrants in Germany, *Applied Research in Quality of Life*, 16(3), pp. 1003–1017. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11482-019-09784-3>
- Bauer T.K., Sinning M.G. (2011) The savings behavior of temporary and permanent migrants in Germany, *Journal of Population Economics*, 24, pp. 421–449.
- Becker R., Tremel P. (2006) Auswirkungen vorschulischer Kinderbetreuung auf die Bildungschancen von Migrantenkindern. *Soziale Welt*, 57(4), pp. 397–418. URL: <https://www.jstor.org/stable/40878547> (accessed: 04.03.2022)
- Beine M., Docquier F., Özden Ç. (2011). Diasporas, *Journal of Development Economics*, 95(1), pp. 30–41.
- Bhugra D., Becker M.A. (2005) Migration, Cultural Bereavement and Cultural Identity, *World Psychiatry*, 4(1), pp. 18–24.
- Blanko L. (2004) Does Marriage after Migration Lead to Better Labor-Market Outcomes? *Migraciones Internacionales*, 2 (3), pp. 173–179.

Bobowik M., Basabe, N., Páez, D. (2014) Well-Being and Values of Immigrants to Spain, in Michalos A.C. (ed.) *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*, Springer, Dordrecht, Netherlands. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-007-0753-5_3907.

Bondarenko K.A. (2021) Labor Migration from Uzbekistan: a Family and Community Promoted Big Bang, *Regional Research of Russia*, 11, pp. 273–284. URL: <https://doi.org/10.1134/S2079970521020039>

du Plooy D.R., Lyons A., Kashima E.S. (2020) Social capital and the well-being of migrants to Australia: Exploring the role of generalized trust and social network resources, *International Journal of Intercultural Relations*, 79, pp. 1–12.

Dustmann C., Glitz A. (2011) Migration and Education. *Handbook of the Economics of Education*, 4, pp. 327–439. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53444-6.00004-3>

Fahr R. (2011) Job design and job satisfaction – empirical evidence for Germany? *Management revue*, 22(1), pp. 28–46. DOI: https://doi.org/10.1688/1861-9908_mrev_2011_01_Fahr.

Gruber S., Sand G. (2022) Does Migration Pay Off in Later Life? Income and Subjective Well-Being of Older Migrants in Europe, *Social Indicators Research*, 160, pp. 969–988. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-020-02502-9>.

Ingwersen K., Thomsen S. L. (2021) The immigrant-native wage gap in Germany revisited, *The Journal of Economic Inequality*, 19(4), pp. 825–854.

Kamkin A.K. (2015) Aktual'noye sostoyaniye rynka truda FRG i perspektivy yego razvitiya. Sovremennaya Germaniya [The current state of the German labor market and the prospects for its development], in Belov V.B. (ed.) *Sovremennaya Germaniya. Ekonomika i politika*, IYE RAN, Izdatel'stvo «Ves' Mir», Moscow, Russia, pp. 143–158. (In Russian).

Kuprina T.V. (2017) Osobennosti migracionnyh potokov stran EAES: sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz [Features of migration flows of the EAEU countries: a comparative analysis], *Demograficheskij potencial stran EAES: VIII Ural'skij demograficheskij forum. Institut ekonomiki UrO RAN*, 2, pp. 308–314. (In Russian).

Mincer J. (1994) *The Production of Human Capital and the Lifecycle of Earnings: Variations on a Theme*, NBER Working Papers 4838, National Bureau of Economic Research, Cambridge, USA. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w4838/w4838.pdf (accessed: 07.08.2022)

Nesterko Y., Braehler, E., Grande G., Glaesmer H. (2013) Life satisfaction and health-related quality of life in immigrants and native-born Germans: the role of immigration-related factors, *Quality of Life Research*, 22, pp. 1005–1013.

Pasyakina L.S. (2011) ES i trudovaya migraciya [EU and labor migration], *Sovremennaya Evropa*, 3, pp. 100–110. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020100110> (In Russian).

Schaewitz J., Wang M., Rieger M.O. (2022). Culture and Institutions: Long-lasting effects of communism on risk and time preferences of individuals in Europe, *Journal of Economic Behavior & Organization*, 202, pp. 785–829.

Surinov A.E., Luppov A.B. (2022) Income Inequality and the Cost of Living at the Sub-Regional Level. Estimates for Russia, *HSE Economic Journal*, 26(4), pp. 552–578. (In Russian).

Urios, A.S. (2010) Ukrainian Migration to European Union Countries: The Case of Spain, *Canadian Slavonic Papers. Revue Canadienne Des Slavistes*, 52(1/2), pp. 153–167. URL: <http://www.jstor.org/stable/40871521> (accessed: 07.08.2022)

УДК 324, 323.15

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ В ЛАТВИИ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ЭФФЕКТ¹

© 2023 **ЖИРНОВА** Лидия Сергеевна*

*Научный сотрудник Центра пространственного анализа
международных отношений ИМИ МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76*

***E-mail:** l.zhironova@inno.mgimo.ru

Поступила в редакцию 03.09.2022

После доработки 05.12.2022

Принята к публикации 09.02.2023

Аннотация. В статье проанализирован пространственный эффект в проявлении этнического фактора в электоральной системе Латвии на парламентских выборах 2011, 2014 и 2018 гг. Корреляция электоральной поддержки с долей русских в самоуправлении характерна для партий «Согласие» и «Русский союз Латвии», опирающихся на русскоязычный электорат. При анализе локальных индикаторов пространственной автокорреляции результатов партий выявлены кластеры соседства регионов с их высокой поддержкой в Латгалии и с низкой поддержкой в Курземе. Очертания этих кластеров слабо меняются от цикла к циклу. При электоральном районировании Латвии методом пространственно ограниченной иерархической кластеризации на базе результатов всех парламентских партий выделяется кластер, объединяющий регионы в латвийско-российском и латвийско-белорусском приграничье. Эта линия размежевания является наиболее глубокой не только в латвийском контексте, но и по сравнению с электоральными расколами в 11 странах, граничащих с Россией.

Ключевые слова: пространственный анализ, электоральная география, Латвия, Латгалия, русские, этнолингвистический раскол, выборы, партии, электоральное районирование.

DOI: 10.31857/S020170832302016X

EDN: ovzbnq

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10004.

Латвия – яркий пример этнически гетерогенного общества в современной Европе. Крупнейшее этническое меньшинство – русские, но в социологических исследованиях часто используется более инклюзивная категория «русскоязычные», т. к. языковой фактор для многих постсоветских меньшинств более релевантный, чем этническая принадлежность. В 2021 г. русскоязычные составляли более трети населения Латвии¹, но чуть более четверти граждан.² Значительная часть меньшинства остается негражданами и не имеет права голоса.

Доля русскоязычного электората искусственно ограничивается, однако этнический фактор остается определяющим для латвийских выборов. Партии условно можно разделить на русские и латышские. Последние не готовы сотрудничать с первыми на национальном уровне. Показателен пример социал-демократической партии «Согласие», которая неоднократно побеждала на выборах, но не допускалась к формированию правящей коалиции. Ее попытки привлечь латышских избирателей не привели к успеху, однако некоторые малые латышские партии популистского толка смогли привлечь часть русскоязычного электората за счет лозунгов межнационального примирения [Жирнова, 2022: 152–153].

Роль русских в электоральной системе Латвии неоднократно становилась предметом изучения. Математические методы пространственного анализа на базе геоинформационных систем позволяют проверить и детализировать выводы, сформулированные ранее с помощью других методик. Цель статьи – уточнить роль этнического фактора в электоральной системе Латвии за счет анализа его пространственных характеристик. Для этого при помощи инструментария геоинформационной системы *GeoDa* оценивается эффект соседства в голосовании за партии «Согласие» и «Русский союз Латвии» (РСЛ), опирающиеся преимущественно на русскоязычный электорат; рассчитывается корреляция и пространственная автокорреляция их поддержки с долей русских в самоуправлениях; проверяется, насколько выявленные линии размежевания проявляются при электоральном районировании Латвии на базе результатов всех парламентских партий.

Хронологические рамки исследования охватывают три электоральных цикла: парламентские выборы 2011, 2014 и 2018 гг.³ Для анализа этнического фактора используются данные по доле русских в 119 самоуправлениях в 2019 г. на основе сведений Центрального статистического управления Латвии⁴. Решено остановиться именно на доле русских, а не русскоязычных, поскольку последние данные по язы-

¹ Iedzīvotāju skaits un īpatsvars pēc tautības un valstiskās piederības gada sākumā. Centrālā statistikas pārvalde. URL: <https://stat.gov.lv/lv/statistikas-temas/iedzivotaji/iedzivotaju-skaits/tabulas/ire060-iedzivotaju-skaits-un-ipatsvars-pec> (дата обращения: 30.09.2021)

² 60,8 % Latvijas iedzīvotāju dzimtā valoda ir latviešu. Centrālā statistikas pārvalde. URL: <https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/iedzivotaji/meklet-tema/2747-608-latvijas-iedzivotaju-dzimta-valoda-ir-latviesu> (дата обращения: 30.09.2021)

³ По данным ЦИК Латвии. URL: <https://www.cvk.lv/lv/velesanas/saeimas-velesanas> (дата обращения 29.08.2022)

⁴ Iedzīvotāju skaits un īpatsvars pēc tautības un valstiskās piederības gada sākumā. Centrālā statistikas pārvalde. URL: <https://stat.gov.lv/lv/statistikas-temas/iedzivotaji/iedzivotaju-skaits/tabulas/ire060-iedzivotaju-skaits-un-ipatsvars-pec> (дата обращения: 30.09.2021)

ковому составу населения в разбивке по регионам доступны только за 2011 г. и не учитывают депопуляционные тенденции последнего десятилетия, которые неравномерно затронули русских и латышей.

Особенности латвийской партийно-политической системы

При анализе латвийской партийно-политической системы следует учитывать, что традиционное разделение на левые и правые партии в Латвии неактуально. Оно трансформируется под воздействием этнолингвистического раскола и настороженного отношения в латышском политическом мейнстриме к левой политической повестке, что обусловлено взглядом на советский опыт. В итоге разделение на левые и правые партии определяется принадлежностью к латышским или русским партиям. Первые, как правило, характеризуются как правые или правоцентристские, а вторые – как левые или левоцентристские [Ikstens, Balcere, 2019: 258]. Русские партии, на протяжении практически всего периода независимости остававшиеся в оппозиции, ассоциируются не с альтернативной программой социально-экономического развития, а с пророссийской ориентацией [Воротников, 2018: 85].

С одной стороны, партийная система отражает этнолингвистическое размежевание в латвийском обществе, с другой – сами партии усугубляют его, активно используя лозунги этнической борьбы в работе с избирателями [Zepa, Šūpule, 2006: 36]. Наибольший рост национализма наблюдается перед выборами как в среде национальных меньшинств, так и латышского большинства [Nakai, 2018: 214]. Как показали на латвийском материале М. Хигашийма и Р. Накаи, партии этнического характера стимулируют этническую идентификацию как у собственных избирателей, так и у других групп [Higashijima, Nakai, 2016].

В пользу того, что острое этническое противостояние во внутренней политике обусловлено внутренней логикой межпартийного взаимодействия, говорит тот факт, что в неполитических сферах латыши и не латыши сосуществуют мирно и поддерживают большое число горизонтальных связей [Bennich-Björkman, Johansson, 2012]. Различия между этнолингвистическими общинами в Латвии весьма значительны, однако именно конфликтный характер этнолингвистический раскол приобретает из-за усилий политиков. Вероятно, поэтому латышским националистам не удалось возложить вину за экономический кризис 2008–2009 гг. на русскоязычных и избиратели отдали предпочтение партиям, выдвигавшим лозунги борьбы с экономическими проблемами без этнической окраски [Bloom, 2012: 175–176].

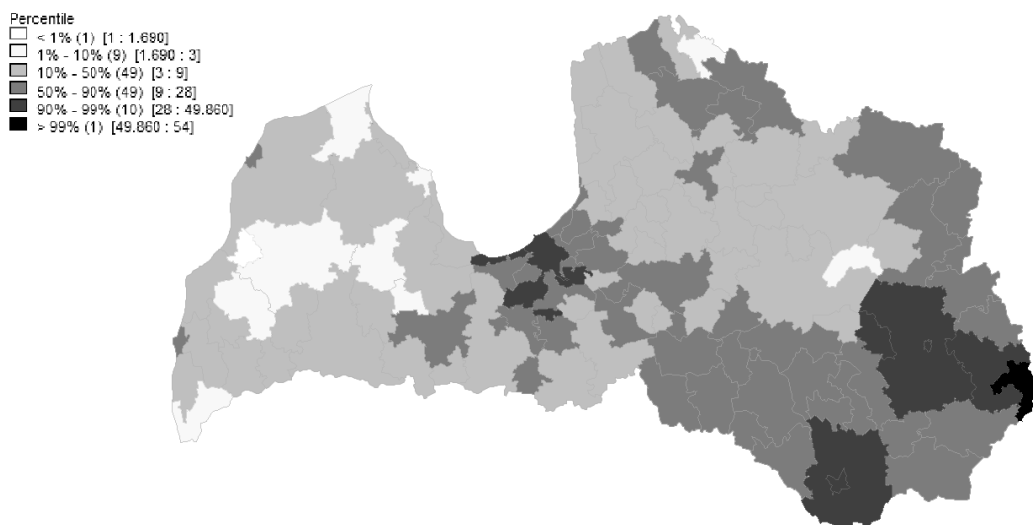
В начале 2010-х гг. латвийский политолог Ю. Розенвалдс отмечал тенденцию к большему допуску представителей национальных меньшинств к управлению государством, тем более партии, опирающиеся на русскоязычный электорат, стали дистанцироваться от Москвы [Розенвалдс, 2012: 160]. Этот процесс он обозначил как дегерметизацию латышской политической элиты. Однако после неудачи референдума о предоставлении русскому языку статуса второго государственного стало понятно, что это предположение не оправдалось [Ijabs, 2016: 308–309]. Этнолингвистический раскол только обострился, и в преамбулу Конституции внесли поло-

жение о примате латышского языка и культуры. Геополитическая обстановка в рассматриваемых электоральных циклах только накалялась. На этом фоне латышские партии выступали против допуска партии «Согласие» в правительство, несмотря на ее высокие результаты на выборах.

Этнолингвистический раскол остается ключевым для политической системы: результаты партий в региональном разрезе соответствуют схеме расселения русскоязычных. Партии, опирающиеся на русскоязычный электорат, получают больше голосов в Риге и других крупных городах, а в сельских регионах их результаты слабее, за исключением латгальских сельских самоуправлений ближе к границе с Россией и Беларусью, где преобладает нелатышское население [Солопенко, 2014: 30]. Латгалия обладает рядом специфических черт: социальных (высокая доля нелатышского населения и наибольшие темпы депопуляции), политических (высокий процент поддержки русских партий и отличное от остальной страны голосование о статусе русского языка в 2012 г.), экономических (сильное отставание в экономическом развитии). Эти особенности определяют статус Латгалии как внутреннего Другого в национальном строительстве Латвии¹. Исторически близость Латгалии к России и Беларуси повлияла на этнический состав и электоральную специфику региона. Однако нарастания поддержки условных русских партий в регионе по мере приближения к границе не наблюдается. Намного большее значение имеет этнолингвистический состав муниципалитета и личность выдвигаемых кандидатов [Paideris, Paideris, 2014].

Рисунок 1

Картограмма перцентилей по доле русских в регионах Латвии



Источник: составлено автором по данным ЦСУ Латвии.

¹ О значимости внутреннего Другого в формировании национальной идентичности см.: [Джонсон, Коулман, 2012: 110]

Пространственный эффект в голосовании за русские партии: этнический фактор

Рассмотрим этнический фактор в голосовании за партии «Согласие» и «Русский союз Латвии» и проанализируем, как в этой связи проявляется пространственный эффект. РСЛ однозначно позиционирует себя как русская партия. За «Согласие» и центристов также преимущественно голосует русский электорат, причем ей несколько раз удалось собрать больше всех голосов латвийцев.

Для выявления влияния этнического фактора на голосование использован коэффициент детерминации R^2 , который показывает, насколько распределение поддержки партий совпадает с географией расселения русских. Во всех рассматриваемых электоральных циклах показатели РСЛ и «Согласия» в разбивке по регионам демонстрировали высокий уровень корреляции с долей русского населения.

Большая корреляция с долей русских в самоуправлениях наблюдается у «Согласия». В 2014 г. (коэффициент детерминации 0,871) она практически удвоилась по сравнению с 2011 г. (0,441), а в 2018 г. (0,869) осталась примерно на том же уровне, что и в 2014 г. Корреляция доли русских с результатами РСЛ оставалась достаточно высокой, но год от года снижалась: 0,777 в 2011 г., 0,660 в 2014 г. и 0,608 в 2018 г.

Пространственная автокорреляция наблюдается в случае обеих партий. Индекс Морана I показывает, с какой вероятностью высокий уровень голосования за определенную партию в регионе будет сочетаться с высоким уровнем ее поддержки в соседних муниципалитетах, и наоборот. Во всех трех электоральных циклах индекс Морана I по результатам партии «Согласие» показывал умеренную положительную корреляцию (0,600 в 2011 г., 0,586 в 2014 г. и 0,584 в 2018 г.).

Пространственная автокорреляция результатов РСЛ ниже: индекс Морана I составляет 0,406 в 2011 г., 0,394 в 2014 г. и 0,362 в 2018 г., т. е. эффект соседства в голосовании за Русский союз Латвии выражен меньше, чем в голосовании за «Согласие». Это свидетельствует о более спорадическом расселении сторонников первой, что негативно отражается на ее способности обеспечить функционирование большого числа жизнеспособных региональных отделений.

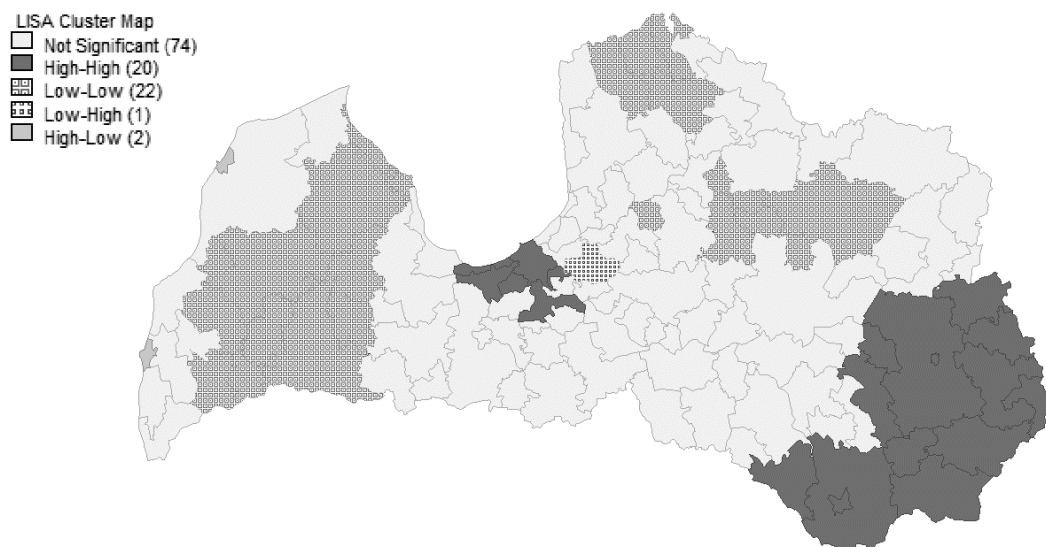
Индекс Морана I фиксирует пространственную автокорреляцию в среднем по всем регионам, а картограмма локальных индикаторов пространственной автокорреляции (*LISA*) указывает на отдельные кластеры, в которых эффект соседства работает (кластеры высоких значений в регионе и у соседей – *high-high*; кластеры низких значений в регионе и у соседей – *low-low*) и в которых он опровергается (кластеры, где высокие значения показателя в регионе сочетаются с низкими у соседей – *high-low*; кластеры, где низкие значения показателя сочетаются с высокими значениями в соседних самоуправлениях – *low-high*).

Поскольку пространственная автокорреляция для результатов «Согласия» выше, и эта партия набирает значительно больше голосов, рассмотрим картограммы локальных индикаторов пространственной автокорреляции по ее результатам. В трех электоральных циклах выявлены два устойчивых пространственных кластера

с высокой значимостью: первый кластер с высокой поддержкой партии в Латгалии, второй – с низкой поддержкой в Курземе. В 2014 и 2018 гг. к ним добавляются три кластера, характеризующиеся меньшей значимостью: кластер с высокой популярностью «Согласия» в районе Риги и Юрмалы и два кластера с низкой поддержкой партии в Видземе (район Гулбене и Цесиса, а также район Мазсалацы и Руйиены).

Рисунок 2

Картограмма локальных индикаторов пространственной автокорреляции по результатам «Согласия» на парламентских выборах 2014 г.

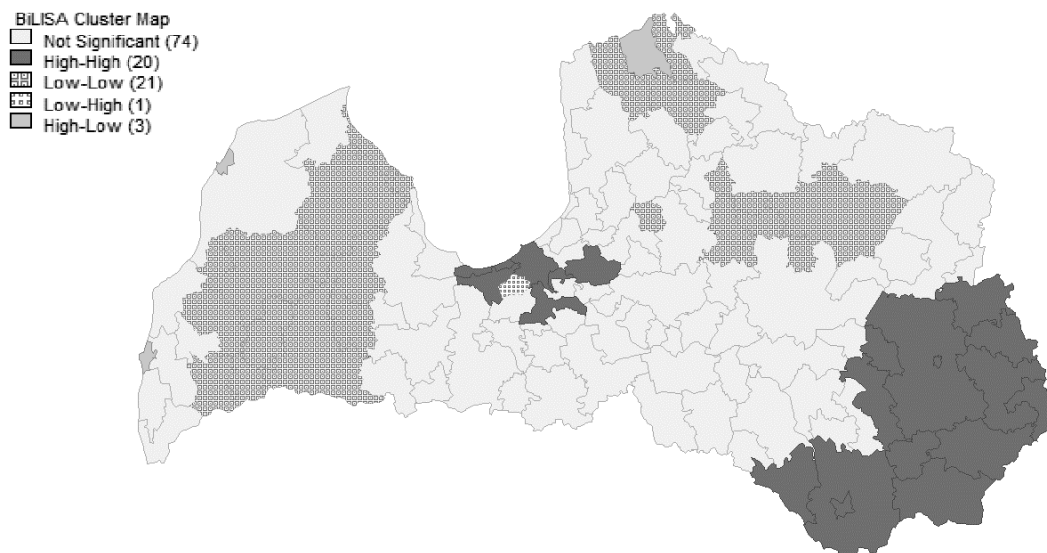


Источник: составлено автором по данным ЦИК Латвии.

Для анализа влияния этнического фактора на голосование за «Согласие» использован двухфакторный индекс Морана и картограмма двухфакторной пространственной автокорреляции. Они показывают, с какой вероятностью высокое значение одного показателя в самоуправлении сочетается с высоким значением другого показателя в соседних регионах, и наоборот. Во всех рассматриваемых электоральных циклах двухфакторный индекс Морана фиксирует умеренную положительную связь между долей русских и долей проголосовавших за «Согласие» (0,381 в 2011 г., 0,530 в 2014 г., 0,521 в 2018 г.). Методика выявляет практически те же кластеры, что и однофакторный анализ по результатам «Согласия»: проявляется кластер высоких значений в Латгалии и кластер низких значений в Курземе, а в 2014 и 2018 гг. отображены два кластера низких значений в Видземе и один кластер высоких значений в районе Риги и Юрмалы.

Рисунок 3

Картограмма двухфакторных локальных индикаторов пространственной автокорреляции по доле русских в регионе и доле проголосовавших за «Согласие» в соседних регионах в 2014 г.



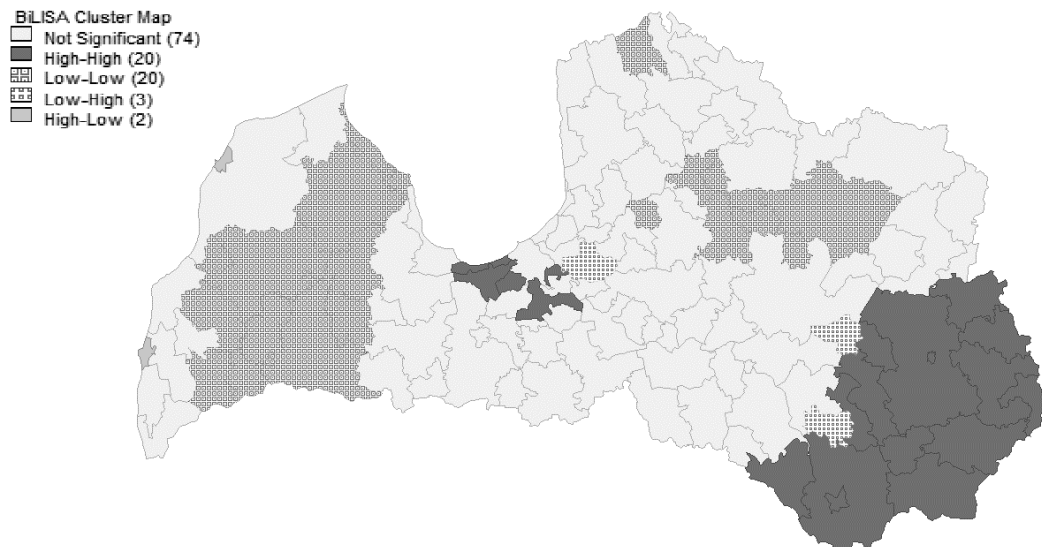
Источник: составлено автором по данным ЦИК Латвии.

Если рассматривать уровень электоральной поддержки «Согласия» в регионе и долю русских в соседних самоуправлениях, показатели индекса Морана в трех электоральных циклах оказываются несколько выше, чем в случае доли русских в регионе и поддержки партии в соседних регионах, но все равно находятся в умеренных значениях: 0,428 в 2011 г., 0,055 в 2014 г. и 0,546 в 2018 г. Картограмма двухфакторных локальных индикаторов пространственной автокорреляции между поддержкой «Согласия» в регионе и долей русских в соседних регионах фиксирует примерно такие же кластеры, что и в случае с долей русских в регионе и результатами партии в соседних муниципалитетах.

Для РСЛ также характерны кластеры высокой поддержки в Латгалии и кластеры низкой поддержки в Курземе. В обоих случаях пространственная автокорреляция также наблюдается при расчете с учетом доли русских в регионе.

Рисунок 4

Картограмма двухфакторных локальных индикаторов пространственной автокорреляции между поддержкой «Согласия» в регионе и долей русских в соседних регионах за 2014 г.



Источник: составлено автором по данным ЦИК Латвии.

Электоральное районирование Латвии методом пространственно ограниченной иерархической кластеризации

Электоральное районирование позволяет представить деление страны на регионы с учетом неоднородности электорального поведения и поддержки разных партий. В статье обобщены данные по голосованию в трех электоральных циклах за все парламентские партии и РСЛ. Программа *Geoda* позволяет провести электоральное районирование методом пространственно ограниченной иерархической кластеризации (*Spatially Constrained Hierarchical Clustering, SCHC*)¹ – агломеративной кластеризации с дополнительным ограничением в виде требования общих границ у элементов одного кластера.

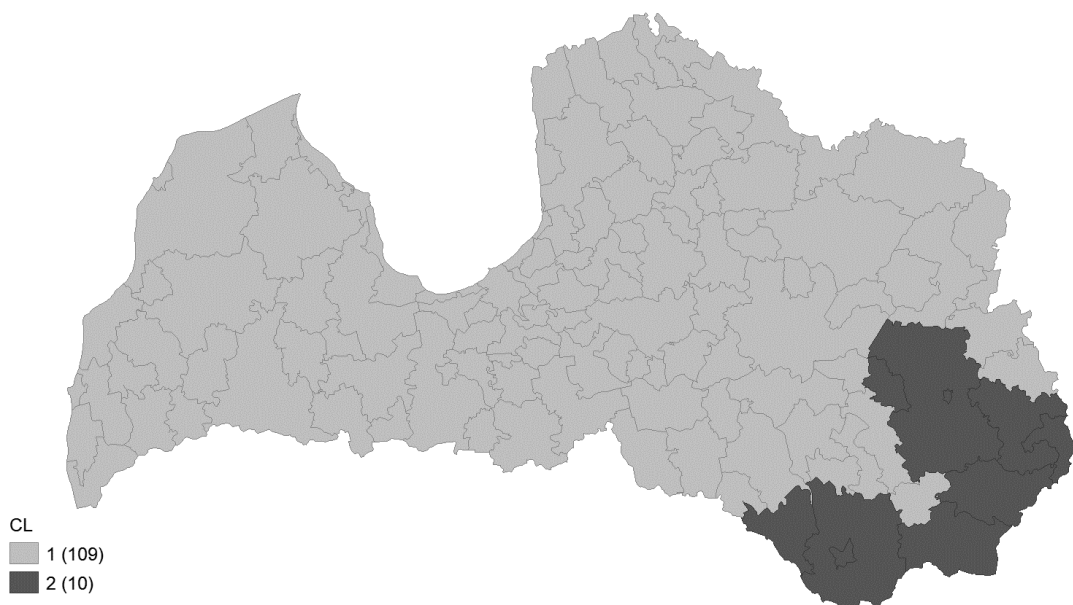
Метод позволяет последовательно разделить изучаемую страну на возрастающее число кластеров и выделить регионы, наиболее отличные от остальных по электоральному поведению. Если задать деление на два кластера, наиболее отличными от остальных будут приграничные муниципалитеты Латгалии, которые ха-

¹ Luc Anselin. Spatially Constrained Clustering – Hierarchical Methods. GeoDa: An Introduction to Spatial Data Science. 21.11.2020. URL: https://geodacenter.github.io/workbook/9c_spatial3/lab9c.html#:~:text=Spatially%20constrained%20hierarchical%20clustering%20is,imposed%20on%20classic%20clustering%20algorithms. (дата обращения: 29.08.2022)

рактизуются высокой долей русскоязычного населения и зачастую попадали в кластеры высоких значений по итогам автокорреляционного анализа голосования за русские партии (города Даугавпилс и Резекне, Вилянский, Дагдский, Зилупский, Краславский, Лудзенский, Резекненский, Илукстский, Даугавпилский края).

Рисунок 5

Картограмма электоральных кластеров в Латвии, выделенных методом пространственно ограниченной иерархической кластеризации (деление на два кластера)

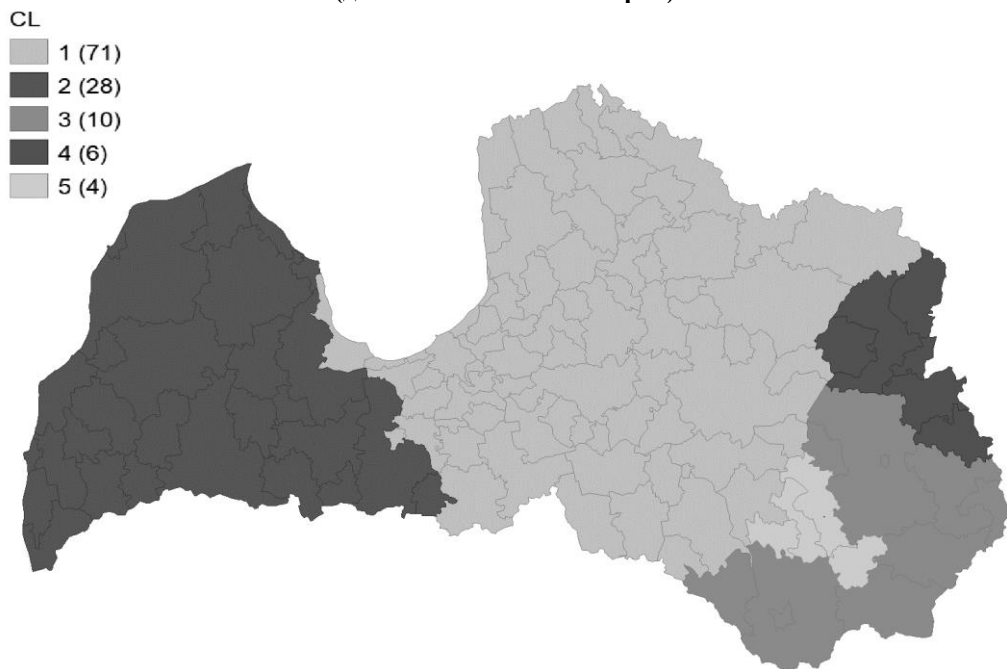


Источник: составлено автором по данным ЦИК Латвии.

При выделении трех кластеров наряду с латгальскими самоуправлениями обособляются самоуправления Курземе и большая часть самоуправлений Видземе. Именно здесь фиксировались наиболее устойчивые кластеры соседства с низким уровнем поддержки русских партий. При увеличении числа кластеров до четырех и пяти обособляются муниципалитеты Латгалии сначала на севере региона (Ругайский, Карсавский, Балтинавский, Балвский, Вилякский и Циблский края), а затем в его центральной части (Прейльский, Риебиньский, Варкавский и Аглонский края). Дальнейшее деление на цельные кластеры указанным методом невозможно.

Рисунок 6

Картограмма электоральных кластеров в Латвии, выделенных методом пространственно ограниченной иерархической кластеризации (деление на пять кластеров)



Источник: составлено автором по данным ЦИК Латвии.

Метод *SCHC* подчеркивает электоральную специфику Латгалии, которая выделяется не только в контексте Латвии. При анализе результатов¹ парламентских выборов за последние четыре электоральных цикла в 11 странах, граничащих с Россией (Норвегия, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Беларусь, Украина, Грузия, Казахстан, Монголия), метод фиксирует, что указанная линия размежевания является наиболее сильной среди всех территориальных электоральных разломов. При делении общего электорального ландшафта на 11 кластеров по числу стран массив разбивается в соответствии с границами стран, что объяснимо их разнородной партийно-политической системой и электоральной историей. Если задать деление на 12 кластеров, оформится кластер в Латгалии как наиболее отличный по сравнению с электоральными расколами в других анализируемых государствах.

¹ На основе базы, собранной ЦПАМО ИМИ по данным ЦИК соответствующих стран. База представлена на сайте МГИМО. URL: <https://mgimo.ru/upload/2021/10/Electoral%20preferences%20in%20bordering%20states.zip> (дата обращения: 29.08.2022)

Выводы и перспективы

Этнолингвистический раскол остается ключевым для латвийской политической системы: результаты партий совпадают со схемой расселения русскоязычных и латышей. В особенности такое распределение характерно для русских партий Латвии. Однако эффект соседства в голосовании за «Русский союз Латвии» менее выражен, чем в поддержке «Согласия», что говорит о более спорадическом расселении сторонников РСЛ и ограничивает возможности партии увеличить число активных региональных отделений. То же касается корреляции и пространственной автокорреляции с долей русских в самоуправлениях: у «Согласия» она выше. Для обеих партий характерны пространственные кластеры высокой поддержки в Латгалии и низкой поддержки в Курземе. Именно они отличались наибольшей статистической значимостью и устойчивостью на протяжении рассмотренных электоральных циклов.

Глубину линии размежевания с восточными регионами Латгалии, населенными преимущественно русскоязычными, подтвердил анализ базы электоральной статистики по 11 странам, граничащим с Россией.

Статистика прошедших 1 октября 2022 г. выборов в Сейм Латвии не включена в исследование, однако можно заключить, что минувшее голосование в целом подтверждает указанные тенденции, в особенности электоральную специфику Латгалии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Джонсон К., Коулман А. (2012) Внутренний «Другой»: диалектические взаимосвязи между конструированием региональных и национальных идентичностей. *Культурная и гуманитарная география*. Т. 2. № 2. С. 107–125.

Жирнова Л. С. (2022) Региональные тенденции электоральной поддержки латвийских партий: фактор соседства. *Балтийский регион*. Т. 14, № 1. С. 138–158. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-1-9.

Розенвалдс Ю. (2012) Проблема «(де)герметизации» политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства. *Сравнительная политика*. № 3(3(9)). С. 149–161. DOI: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3\(9\)-149-161](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3(9)-149-161)

Солопенко А.В. (2014) *Электоральное поведение жителей Латвии на парламентских выборах 1993–2011 гг.* LAP Lambert Academic Publishing, Германия. 52 с.

Bennich-Björkman L., Johansson K. (2012) Explaining moderation in nationalism: Divergent trajectories of national conservative parties in Estonia and Latvia. *Comparative European Politics*. No. 10. P. 585–607. DOI: <https://doi.org/10.1057/cep.2011.28>

Bloom S. (2012) Does a Nationalist Card Make for a Weak Hand? Economic Decline and Shared Pain. *Political Research Quarterly*. No. 65(1). P. 166–178. DOI: <https://doi.org/10.1177/1065912910388187>

Higashijima M., Nakai R. (2016) Elections, Ethnic Parties, and Ethnic Identification in New Democracies: Evidence from the Baltic States. *Studies in Comparative International Development*, No. 51. P. 124–146. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12116-015-9187-1>

Ijabs I. (2016) After the Referendum: Militant Democracy and Nation-Building in Latvia. *East European Politics and Societies*. Vol. 30. Issue 2. P. 288–314. DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325415593630>

Ikstens J., Balcere I. (2019) Latvia: Office-seeking in an Ethnically Divided Polity. *Coalition Governance in Central Eastern Europe*. Eds. G. Ilonszki, T. Bergman, W. C. Muller. Oxford University Press, UK. P. 252–302. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/oso/9780198844372.001.0001>

Nakai R. (2018) Does Electoral Proximity Enhance National Pride? Evidence from Monthly Surveys in a Multi-ethnic Society – Latvia. *Studies in Ethnicity and Nationalism*. P. 198–220. DOI: <https://doi.org/10.1111/sena.12285>

Paideris J., Paideris J. (2014) EU border proximity effect on political choice in parliamentary elections of Latvia. *Regional Formation and Development Studies*. DOI: <http://dx.doi.org/10.15181/rfds.v9i1.59>

Zepa B., Šūpule I. (2006) Ethnopolitical Tension in Latvia: Factors Facilitating and Impeding Ethnic Accord. *Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions*. Ed. Nils Muižnieks. Latvijas Universitāte, Riga, Latvia. P. 33–40.

Ethnic Factor in Electoral Behavior in Latvia: Spatial Effect

L.S. Zhirnova*

Research fellow at the Center for Spatial Analysis in International Relations

IIS, MGIMO University

76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

***E-mail:** l.zhirnova@inno.mgimo.ru

Abstract. The article analyses the way the spatial effect is reflected in the ethnic voting in Latvia at the parliamentary elections of 2011, 2014 and 2018. The study reveals that the electoral support of both parties relying on Russian-speaking voters correlates with the share of Russians living in a municipality. However, in case of Social Democratic Party "Harmony" the correlation is higher than that of the Latvian Russian Union. The local indicators of spatial association display neighborhood clusters of high support of these parties in Latgale and those of low support in Kurzeme. The shape of these clusters does not change considerably from one electoral cycle to another. Municipalities with primarily non-Latvian population in Eastern Latgale close to the border with Russia and Belarus differ in their electoral behavior the most. Electoral zoning of Latvia by the method of spatially constrained hierarchical clustering based on the results of all parliamentary parties first and foremost indicates the cluster close to the border of Latvia with Russia and Belarus. Moreover, the cleavage in electoral behavior between these Latgalian municipalities and other Latvian regions appears to be the strongest not only in the Latvian context, but in comparison with electoral cleavages in eleven other countries bordering Russia.

Key words: spatial analysis, electoral geography, Latvia, Latgale, Russians, ethnic cleavage, elections, parties, electoral zoning.

DOI: 10.31857/S020170832302016X

EDN: ovzbmq

REFERENCES

- Bennich-Björkman L., Johansson K. (2012) Explaining moderation in nationalism: Divergent trajectories of national conservative parties in Estonia and Latvia, *Comparative European Politics*, 10, pp. 585–607. DOI: <https://doi.org/10.1057/cep.2011.28>
- Bloom S. (2012) Does a Nationalist Card Make for a Weak Hand? Economic Decline and Shared Pain, *Political Research Quarterly*, 65(1), pp. 166–178. DOI: <https://doi.org/10.1177/1065912910388187>
- Higashijima M., Nakai R. (2016) Elections, Ethnic Parties, and Ethnic Identification in New Democracies: Evidence from the Baltic States, *Studies in Comparative International Development*, 51, pp. 124–146. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12116-015-9187-1>
- Ijabs I. (2016) After the Referendum: Militant Democracy and Nation-Building in Latvia, *East European Politics and Societies*, 30(2), pp. 288–314. DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325415593630>
- Ikstens J., Balcere I. (2019) Latvia: Office-seeking in an Ethnically Divided Polity, in Ilonszki G., Bergman T., Muller W.C. (ed.) *Coalition Governance in Central Eastern Europe*. Oxford University Press, UK, pp. 252–302. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/oso/9780198844372.001.0001>
- Johnson C., Coleman A. (2012) Vnutrennij «Drugojj»: dialektiche-skie vzaimosvjazi mezhdu konstruirovaniem regional'nykh i nacional'nyj identichnostej [The Internal Other: Exploring the Dialectical Relationship Between Regional Exclusion and the Construction of National Identity], *Kul'turnaja i gumanitarnaja geografija*. 2(2), pp. 107–125. (In Russian).
- Nakai R. (2018) Does Electoral Proximity Enhance National Pride? Evidence from Monthly Surveys in a Multi-ethnic Society – Latvia, *Studies in Ethnicity and Nationalism*, pp. 198–220. DOI: <https://doi.org/10.1111/sena.12285>
- Paiders J., Paiders J. (2014) EU border proximity effect on political choice in parliamentary elections of Latvia, *Regional Formation and Development Studies*. DOI: <http://dx.doi.org/10.15181/rfds.v9i1.59>
- Rozenvalds J. (2012) Problema «(de)germetizacii» politicheskoy jelity Latvii i Estonii: perspektivy russkojazychnogo men'shinstva. [(De)germetization of the Political Elite in Latvia and Estonia: the Prospects of the Russian-speaking Minority], *Sravnitel'naja politika*, 3(3(9)), pp. 149–161. DOI: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3\(9\)-149-161](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3(9)-149-161). (In Russian).
- Solopenko A.V. (2014) *Jeletoral'noe povedenie zhitelej Latvii na parlamentskih vyborah 1993-2011 gg.* [Latvians' Electoral Behaviour at the Parliamentary Elections in 1993-2011]. LAP Lambert Academic Publishing, Germany, 52 p. (In Russian).
- Zepa B., Šūpule I. (2006) Ethnopolitical Tension in Latvia: Factors Facilitating and Impeding Ethnic Accord, in Muižnieks N. (ed.) *Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions*, Latvijas Universitāte, Riga, Latvia, pp. 33–40.
- Zhirnova L.S. (2022) Regional'nye tendencii jeletoral'noj podderzhki latvijskih partij: faktor sosedstva [Regional Trends in Electoral Support for Latvian Parties: Neighbourhood Effect], *Baltic Region*, 14(1), pp.138–158. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-1-9. (In Russian).

ВТОРОЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕМИНАР ИЕ РАН И ИНИОН РАН: РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР

28 февраля 2023 г. в ИНИОН РАН состоялся Европейский семинар «Религиозный фактор в современной политической и экономической жизни Европы». Организаторами мероприятия выступили ИНИОН РАН и Институт Европы РАН. С приветственными словами к участникам семинара обратились директор ИНИОН РАН, чл.-корр. РАН А.В. Кузнецов и директор ИЕ РАН, чл.-корр. РАН Ал.А. Громыко. А.В. Кузнецов отметил, что Институт Европы РАН и ИНИОН РАН проводят уже второй Европейский семинар. Первый состоялся 8 ноября 2022 г. в ИЕ РАН при участии Ассоциации европейских исследований (АЕВИС) и Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК). По словам А.В. Кузнецова, новым явлением последних десятилетий стало изменение религиозного ландшафта Европы. Кроме того, фактор ислама стал играть значительную роль в европейском контексте.

Ал.А. Громыко указал на актуальность обсуждаемой тематики и сделал экскурс в историю и современное состояние роли религиозного фактора в общественной и политической жизни Европы. Религия уходит на второй план в государственной и общественной жизни по сравнению с ее влиянием в прошлом. Показателен отказ от упоминания христианства в проекте Конституции Евросоюза в середине 2000-х гг. Однако в настоящее время религиозные различия проявляются с новой силой. Вестфальский мир решил проблему внутрирелигиозных войн (между христианами). До этого межрелигиозные войны веками происходили в эпоху крестовых походов. В последние годы религиозными расколами объята Украина. В западном мире усиливается ультралиберальная политика в отношении основополагающих религиозных ценностей и моральных принципов. Об этом свидетельствует казус с обсуждением гендерно нейтрального Бога в Англиканской церкви.

В рамках семинара состоялось десять выступлений: пятеро спикеров представляли ИНИОН РАН и пятеро – ИЕ РАН. С докладами выступили: С.В. Мельник, д. филос. н., заведующий Отделом философии ИНИОН РАН («Межрелигиозный диалог в современном мире»); Р.Н. Лункин, д. полит. н., главный научный сотрудник, заместитель директора ИЕ РАН по научной работе, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН («Религия и миротворчество»); В.П. Любин, д. и. н., ведущий научный сотрудник Отдела истории ИНИОН РАН («Христиане Италии и Германии: роль Ватикана»); В.Е. Язькова, к. и. н., старший научный сотрудник Центра по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН («Позиция Католической церкви в период пандемии и украинского кризиса (на материале Италии)»);

О.К. Шиманская, к. филос. н., старший научный сотрудник Центра по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН («Работа церквей среди беженцев в ходе СВО»); А.И. Шумилин, д. полит. н., главный научный сотрудник, руководитель Центра «Европа-Ближний Восток» ИЕ РАН («Радикальный ислам в европейском обществе»); С.В. Погорельская, к. полит. н., старший научный сотрудник Отдела философии ИНИОН РАН («Мусульмане в Германии – опасность радикализации»); О.П. Бибикова, к. и. н., старший научный сотрудник Отдела Азии и Африки ИНИОН РАН («Мусульманское сообщество Бельгии: мультикультурализм и этнорелигиозная идентичность»); В.Д. Останин-Головня, научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН («"Евроислам", мультикультурализм и проблема адаптации мусульманских диаспор в ЕС»); А.А. Рожин, младший научный сотрудник Центра проблем социального развития ИЕ РАН («Религиозные организации в социальной сфере Германии»).

С.В. Мельник выступил с докладом «Межрелигиозный диалог в современном мире», в котором рассказал об основных этапах и тенденциях развития межрелигиозных отношений. Докладчик отметил, что началом современного этапа межрелигиозного диалога считается Всемирный парламент религий, который прошел в 1893 г. в Чикаго. На нем были продекларированы следующие цели, которые актуальны для межрелигиозного диалога и сегодня: укрепление мира, братство, стремление узнавать друг друга и совместно отвечать на общие вызовы. В 1960–1970-х гг. резко активизируется миротворческий межрелигиозный диалог, направленный на гармонизацию отношений между верующими, профилактику и разрешение социальных конфликтов. В его рамках богословская проблематика, вопросы сравнительного изучения представлений разных религий (когнитивный диалог) зачастую не принимались во внимание. В последние десятилетия заметно расширяется партнерский аспект межрелигиозных отношений, который выражается в том, что верующие не ограничиваются задачей укрепления согласия, а стремятся развивать сотрудничество во имя всеобщего благополучия в различных сферах (гуманитарная, социальная, образовательная, экологическая). Именно диалог, ставящий своей целью миротворчество и внесение религиями позитивного вклада в жизнь общества, в котором богословские проблемы отошли на второй план, стал магистральным направлением развития межрелигиозных отношений. С.В. Мельник привел ряд примеров межрелигиозных инициатив в России и за рубежом, которые иллюстрируют обозначенные тенденции.

Главным для религиозных объединений в современном мире, по мнению Р.Н. Лункина, стало их участие в социальном капитале и укреплении солидарности. Сообщества практикующих и непрактикующих (не ассоциирующих себя с определенным институтом или конфессией) верующих органично вписались в гражданское общество и глобальные процессы, диалог культур и миротворчество. Христианство, ислам, буддизм, индуизм, иудаизм в той или иной степени стали мировыми миссиями. Они вместе с правилами рыночной экономики и демократическими механизмами, которые стали частью проповеди у протестантов, католиков, православных, частично у мусульман, успешно преодолели границы национальных государств и континентов. Стереотип «церковь как музей» был также успешно преодо-

лен в процессе социальной трансформации религии. Ее основные черты: превращение общин и миссий в сетевое сообщество, что характерно для ислама, протестантизма, католических НКО (у евангелистов формирование своего рода религиозных транснациональных корпораций было доведено до совершенства); чрезвычайная мобильность в сфере социальной помощи, волонтерства в кризисные периоды (что ярко проявилось в ходе помощи беженцам с Ближнего Востока, пандемии, украинского конфликта); адаптация к процессам цифровизации, зеленой и гендерной повестке (практически во всех конфессиях есть концепции по этим темам).

Религиозные институты превратились в эффективные и многофункциональные социальные структуры, сакральность которых часто неочевидна и неважна для окружающих. Большинство религиозных деятелей вполне комфортно себя чувствуют в качестве лидеров таких обществ, которые для светских людей мало отличаются от смеси финансовой пирамиды, психотренинга и социально-волонтерского проекта. Это согласие не только вынужденное. Таким образом религиозные сообщества исполняют заповеди, связанные с любовью к Богу и миру Им созданному, милосердием и помощью ближнему, что для них естественно. Тем более это позволяет избавиться от ошибок и обвинений прошлого в использовании власти, поддержке рабства или крепостничества, оправдании тоталитаризма и т. п. (т. е. от всего того, за что периодически кается Ватикан). В таком социальном статусе религиозные организации стали даже «более святыми» чем прежде.

Между тем состояние «социальной святости» религии не устраивает в первую очередь политические элиты светских государств, которых всеобщий мир вообще редко удовлетворяет. Продвижение своих интересов на международной арене требовало дополнительной (а не основной, как до Вестфальского мира) священной легитимации действий политиков. Именно они вовлекают конфессии в междоусобные конфликты и раскалывают мир. Однако религия не желает выходить из «зоны комфорта» и оказывает сопротивление столь вредной для нее деглобализации (выстраивание новых границ между странами, культурами и нациями), несмотря на желание встроить ее в разные схемы противостояний, подчеркнул Р.Н. Лункин.

В.П. Любин в своем выступлении проанализировал положение Католической и Евангелической церквей Германии, стоящие перед ними проблемы и попытки их решения. Отмечалось, что католики в стране составляют 26% населения (в 1991 г. – 35%), протестанты – 23%, общее число верующих христиан по данным на начало 2023 г. – 51%. Две христианские церкви собрали в 2021–2022 гг. 12 млрд евро налогов. Размер налога для прихожанина составляет 8% в Баварии и Баден-Вюртемберге, в остальных 14 федеральных землях – 9% от получаемого дохода. В позиции церквей по специальной военной операции России на Украине (СВО), доминирует подход, аналогичный линии политического руководства страны. В Италии, в отличие от Германии, религия однородна. Ранее считалось, что около 80% населения – католики. Однако, по новым данным, с 2000 по 2019 гг. их численность сократилась и составляет 60,1%. Число атеистов удвоилось и достигло 33,4%. Только 13% в возрастной группе от 18 до 29 лет посещают воскресные мессы. Упадок католицизма повсюду и в частности в Италии сопровождается моральными издержками: во многих странах выявлялись новые истории со священниками-педофилами. В 2014 г.

была создана ватиканская комиссия по защите несовершеннолетних. За сексуальные преступления по отношению к малолетним Папа Франциск I в 2016 г. лишил сана 127 священников. Авторитет католической церкви, к которой, как считается, принадлежит 1,3 млрд людей по всему миру, продолжает падать. Освещающая роль Ватикана по достижению мира на Украине, докладчик подчеркнул, что позиция понтифика идет вразрез с мнением многих церковных иерархов и вызывает критику в политическом истеблишменте западных стран. Папа допускает, что НАТО несет ответственность за начало военного конфликта на Украине. Он заявил, что идет третья мировая война и отказался весной 2022 г. поехать на Украину. Позиция вызвала критику со стороны руководства ЕС и Украины. Они считают, что из-за этого католическая церковь теряет доверие. По выдвинутой в феврале 2023 г. миротворческой инициативе Китая Ватикан не высказал определенное мнение.

В.Е. Язькова выступила с докладом на тему «Позиция Католической церкви в период пандемии и украинского кризиса (на материале Италии)». Эта тема, как пояснила докладчица, включает два сюжета, которые могут показаться связанными только хронологически, но на самом деле объединены целым рядом факторов. Их суть можно сформулировать следующим образом: события 2020–2022 гг. актуализировали для Церкви вопрос, как выживать в условиях глобализма. Сведя воедино позицию Католической церкви по отношению к пандемии и к украинскому кризису, В.Е. Язькова выявила закономерность: церковные иерархи констатируют крах доверия в обществе буквально ко всему: институтам власти, любым источникам информации, науке, самой Церкви, – а также взлет интереса к конспирологическим теориям, жесточайший социальный пессимизм. Опираясь на материалы итальянского архиепископа Джампаоло Крепальди, выступившего в мае 2022 г. с лекцией «Глобализм, суверенитет и национальная идентичность», докладчик выявила тенденции в трактовке Церковью вызовов и рисков глобализма.

Известный в католической среде специалист по социальному учению Церкви Дж. Крепальди усматривает в глобализме как идеологии глобализации «формы, опасные для общего блага», «искусственный концепт, созданный и служащий частным интересам», манипулирующим терминами «глобального» и «универсального» гражданства. Архиепископ подчеркнул, что для Церкви неприемлема модель, навязывающая объединение всего мира в «одной универсальной общности, объединенной единой моралью и единой (глобальной) светской религией», свободной от догм и заключающейся в «хороших социально одобряемых поступках», неизвестно кем установленных свыше. В.Е. Язькова отметила, что не менее важным симптомом глобализма, по словам высокого прелата, стало такое явление, как превалирование государства над обществом, практически полностью раздавленным пандемией, увлечение так называемой китайской моделью, крайне ангажированная апелляция к «экспертам», распространение политического нарратива, лоббируемого властью. Ограничение прав и свобод, прочитанное в глобалистском ключе, стало, по мнению Дж. Крепальди, «приглашением к цифровизации, которая может затронуть другие области» и закончится тем, что подчинит своему контролю всю нашу жизнь. В.Е. Язькова пояснила в заключении доклада, что такой емкий анализ современных реалий глобализма с однозначной оценкой – знаковое явление в среде

католических иерархов. Наряду с положениями энциклики папы Франциска от 2020 г. «Все братья», он представляет безусловный интерес, т. к. констатирует риски и опасности и объясняет позицию Церкви в условиях вызовов современности.

Военные действия на Украине, как отметила О.К. Шиманская, вызвали крупнейший со времен Второй мировой войны гуманитарный кризис на Европейском континенте, связанный с быстрым и масштабным перемещением украинских беженцев на территорию соседних государств. По данным ООН, в течении 6 недель после начала конфликта более 4,3 млн человек покинули Украину, а еще 7,1 млн стали перемещенными лицами внутри страны. Был разработан Региональный план реагирования на нужды беженцев, рассчитанный до конца 2022 г. и собравший более 110 партнеров, включая более 50 неправительственных организаций (НПО) и религиозных организаций. Сформирован двухуровневый подход к оказанию поддержки беженцам и внутренне перемещенным лицам. Первый уровень включает помощь со стороны межгосударственных и государственных институтов, второй связан с деятельностью НПО, среди которых важное место занимают религиозные организации разных стран, разрабатывающие принципы каритативной деятельности на основе присущих их вероучениям гуманных установок и оказывающие систематическую и разнообразную помощь нуждающимся и обездоленным.

Основной принцип деятельности религиозных организаций и ассоциированных с ними НПО – оказывать конкретную помощь (медицинскую, продовольственную, переводческую, организационную, транспортно-логистическую, духовно-пастырскую) бедствующим людям в любом месте. Выполняя миссию помощи беженцам, религиозные организации задействуют свой духовный авторитет и сетевые общинные структуры на территории разных стран, в т. ч. противоборствующих в условиях конфликта и стремятся обеспечить защиту мирного населения. Активную роль в работе среди беженцев сыграли православные церкви сопредельных с Украиной стран. Самую заметную поддержку беженцев комплексом гуманитарных мероприятий оказали крупнейшие православные юрисдикции – Русская православная церковь Московского патриархата и Румынская православная церковь. Важную миссию помощи беженцам взяла на себя Автокефальная Польская православная церковь, где действует благотворительный центр «Элеос», основанный в 1996 г. Митрополитом Саввой (Грыцуняк). В условиях гуманитарного кризиса на Украине и роста притока беженцев в Польшу центр взял на себя роль координатора помощи со стороны православных общин в Польше. К нему присоединились Центр православной культуры в Варшаве и общество «Братство Благодатного Огня». Был организован сбор гуманитарной помощи и медикаментов, беженцев размещали по православным приходам и монастырям, было запущено несколько языковых интеграционных клубов при городских православных приходах.

В своем докладе А.И. Шумилин обратил внимание на причины повышенного внимания правительств и экспертных кругов многих стран Евросоюза к деятельности религиозно-политической ассоциации «Братья-мусульмане» (БМ) в границах ЕС. Это связано не только с терактами исламистов во Франции и Австрии в 2020 г., но и с растущим влиянием этой категории мусульманских организаций и группировок на общественную и политическую жизнь стран Европы на фоне заметного

падения авторитета и влияния БМ в арабских странах. По мнению автора доклада, это связано с тем, что «братьям» удается скрывать исламистскую сущность под покровом левой, прогрессистской риторики, которая позволяет вписаться в актуальный политико-идеологический дискурс в странах пребывания. Однако по мере обострения межкультурных отношений в Европе группировки БМ все чаще вынуждены выходить из своих традиционных «укрытий». Они публично претендуют на статус «защитников дискредитируемых мусульман», но на самом деле пытаются легализовать и популяризировать радикальные взгляды и позиции. Выявляющийся масштаб их присутствия и влияния в европейских обществах пугает истеблишмент и население стран Европы.

Сегодня все чаще группировки исламистов определяются как экстремистские и угрожающие безопасности стран Старого Света. Между тем справедлива, по мнению докладчика, оценка, согласно которой группировки БМ стали не только фактором внутренней политики в странах Европы, но и начинают оказывать воздействие на формирование внешней политики. Это особенно заметно в отношениях ЕС с Турцией и Катаром, которые активно поддерживают БМ.

В сообщении С.В. Погорельской вероятный радикальный потенциал мусульманской общины Германии рассматривался в связи с этническим и религиозным разнообразием данной общины и мерами, предпринимаемыми государственными структурами для профилактики исламского терроризма и борьбы с ним.

По мнению С.В. Погорельской, наиболее опасны не радикальные группировки (они находятся под наблюдением спецслужб), а сложившаяся в стране за годы формирования параллельных обществ и политики мультикультурализма разветвленная логистика исламистов, корни которой уходят в глубины осевших в Германии семейных кланов и в многочисленные «культурные» организации и союзы. Она пересекает немецкие границы, функционируя как в ЕС, так и в ближневосточных странах, где находятся тренировочные лагеря исламистов. В докладе показана политика государства, направленная на встраивание интегрируемой части диаспоры в систему правовой государственности, и политическая маргинализация радикальных исламистов. Кроме того, рассмотрена деятельность германских спецслужб по предотвращению исламистской опасности, реализуемая в общем правовом поле антитеррористической борьбы ЕС.

О.П. Бибилова выступила по теме «Мусульманское сообщество Бельгии: мультикультурализм и этнорелигиозная идентичность». Она отметила, что Бельгия – первая страна в Европе – признала ислам Законом от 19 июля 1974 г. Сегодня до четверти населения Брюсселя являются эмигрантами из мусульманскими стран, но практикующими мусульманами можно назвать только половину из них. Марокканцы – самое многочисленное этнокультурное меньшинство иностранного происхождения в стране (430 тыс.). Турецкая диаспора представлена третьим поколением – около 220 тыс. турок, курдов или бельгийцев турецкого происхождения. Марокканцы в основном приехали из области Риф, где основным занятием является выращивание каннабиса. Для них более характерна склонность к криминальным действиям. Турецкие иммигранты демонстрируют стремление вернуться на Родину по достижению пенсионного возраста, что подтверждает активное строительство домов в Турции. По

мнению докладчика, разница в ментальности этих двух сообществ определяется принадлежностью марокканцев к маликитскому толку ислама и турок к более либеральному – ханифитскому.

О.Б. Бибилова заключила что, привлечение иммигрантов властями Бельгии не решило главную задачу – возместить утраченное за годы войны население. К тому же структура страны – трехязычие коренного населения (фламандский, французский и немецкий), проживающего в трех почти автономных областях, – предполагает создание аналогичных анклавов с иммигрантским населением.

В докладе В.Д. Останина-Головни рассматривался феномен «евроислама» в контексте проблемы адаптации мусульманских диаспор в странах Евросоюза. Докладчик представил компаративный анализ авторских концепций современного исламского либерализма Бассам Тибби и Тарика Рамадана, которые предлагают альтернативные подходы к развитию миграционной политики ЕС. В рамках концепта «ведущая культура» Б. Тибби описал конкретную модель преодоления острых противоречий автохтонного большинства с приезжим меньшинством путем подчинения их идентичности западным ценностям. Версия «евроислама» Т. Рамадана рассматривает культурный плюрализм как инструмент внедрения мусульманской компоненты в европейский идейно-ценностный ландшафт. Особое внимание в ходе выступления уделялось сопоставлению мультикультурализма, культурного плюрализма и традиционного исламского деления мира.

Генеральный секретарь Российской ассоциации религиозной свободы и член Совета при президенте РФ О.Ю. Гончаров в своем выступлении отметил, что период СВО стал серьезным испытанием для религиозных общин России. Однако не было замечено случаев давления со стороны властей на религиозных лидеров с требованием предоставить определенную политическую оценку происходящему. В основном все объединения сконцентрировались на социальной помощи нуждающимся. Несмотря на различные политические заявления со стороны церковных деятелей, в организации гуманитарной проектов все едины, подчеркнул Гончаров. Естественно, что большую часть пожертвований и иной помощи собирает РПЦ, но протестантские евангельские церкви также внесли значительный вклад. Около 1 млрд рублей все религиозные организации России собрали в период СВО в помощь нуждающимся. С апреля 2022 г. протестанты регулярно оказывают поддержку жителям Мариуполя, на Донбассе различные церкви осуществляли проекты с 2014 г. Как отметил Гончаров, большое впечатление на него произвела поездка в декабре 2022 г. в Луганск, где православные, мусульмане, протестанты, иудеи вместе раздавали продукты детям и пожилым людям.

Примеров капелланского служения среди протестантов, подобного институту военного духовенства РПЦ, по словам Гончарова, пока нет, но церкви ведут работу с Министерством обороны. У евангелистов, в частности у адвентистов, сложился положительный опыт сотрудничества с управлением МО РФ по взаимодействию с религиозными объединениями по вопросу альтернативной гражданской службы. Адвентисты, которые отказываются брать в руки оружие и принимать присягу, работают в медицинских, санитарных, тыловых частях. Верующим также необходимо

духовное окормление, поэтому лидеры будут и дальше ставить вопрос о направлении военных капелланов в воинские части.

В новых регионах России, как подчеркнул О.Ю. Гончаров, возникают большие проблемы с регистрацией церквей и их недвижимости. Это связано с постепенным переходом новых субъектов Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областей на законодательство РФ. Многие чиновники не знают, что делать и как регистрировать общины, на местах практически отсутствуют специалисты по государственно-конфессиональным отношениям. Существуют сложности с действовавшими в украинский период церквями, поскольку в большинстве случаев их руководители убежали на Украину или в страны Запада, взяв с собой все документы как на церковь, так и на недвижимость. Вместе с тем российские власти стараются оказывать всемерную поддержку общинам и демонстрируют пример уважения к чувствам верующих в непростое время, отметил О.Ю. Гончаров.

В ходе дискуссии заместитель председателя Российского союза евангельских христиан-баптистов Виктор Игнатенков добавил, что евангельские церкви обладают значительным миротворческим потенциалом. Их патриотизм заключается не в поиске врагов, а в обретении друзей. По его словам, поездка руководства РСЕХБ в братские церкви в Германии показала, что христианский мир неоднороден, народ поддерживает те общины, которые проповедуют консервативные библейские ценности, дистанцируется от политики, ищет добрых отношений с Россией и уважает российскую позицию, отметил В.В. Игнатенков. Как подчеркнул заместитель директора ИЕ РАН Р.Н. Лункин, для церквей обеих сторон украинского конфликта (УПЦ, РПЦ, протестантские церкви) характерна ярко выраженная патриотическая позиция, которая отражает настроения верующих и роль церкви как института гражданского общества. В ходе дискуссии также выступили профессор Ленинградского университета им. А.С. Пушкина М.Ю. Смирнов и Е.М. Мирошникова и др.

В ходе обсуждения докладов рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с моделированием межрелигиозного диалога в современном мире, миротворческим потенциалом религий и религиозных институтов, мультикультурализмом и феноменом «евроислама», ролью религии и религиозных организаций в разрешении глобальных проблем современности, в т. ч. связанных с пандемией коронавируса и украинским кризисом, радикализацией некоторых исламских общин в Европе (в Германии, Бельгии, Италии). Участники семинара отметили востребованность продолжения научно-исследовательской работы в области изучения религиозного фактора в социальной жизни Европы, которая имеет большое практическое значение.

ЖУРНАЛ «СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПА» ВОШЕЛ В ЧИСЛО ЛУЧШИХ ИЗДАНИЙ SCIENCE INDEX

Журнал «Современная Европа» вошел в число лучших изданий рейтинга *Science Index* Научной электронной библиотеки.

В интерактивной таблице можно сравнивать журналы по тематике и большому числу других параметров.

В обновленном индексе журнал «Современная Европа», соучредителями которого являются Российская академия наук и Институт Европы Российской академии наук, располагается на 4-ом месте по тематике «Комплексное изучение отдельных стран и регионов» (из 47 журналов), на 6-ом месте по тематике «Политика. Политические науки» (112 журналов) и на 21-ом месте по тематике «Экономика. Экономические науки» (388 журналов).

Помимо этого, журнал «Общественные науки и современность», соучредителем которого с 2023 г. по решению НИСО РАН станет Институт Европы РАН, занял 3-е место по тематике «Мультидисциплинарные журналы» (419 журналов). В последние годы журналом руководили ученые ИЕ РАН.

Журнал «Современная Европа» издается с 2000 г., он включен в Перечень ВАК РФ, индексируется в РИНЦ (*Russian Science Index*), входит в *Scopus* и *Emerging Sources Citation Index* на платформе *Web of Science*.

Журнал имеет второй квартиль по политическим наукам и третий квартиль по экономическим наукам.

Страница журнала и полные тексты его номеров располагаются на сайте ИКЦ «Академкнига»: <https://sciencejournals.ru/journal/modeur>

Полную информацию о журнале можно найти на сайте: <http://www.sov-europe.ru>

С основными принципами построения рейтинга *Science Index* можно ознакомиться здесь: https://www.elibrary.ru/projects/science_index/ranking_info.asp



Журнал «Общественные науки и современность» – один из ведущих российских научных междисциплинарных изданий.

Учредитель – Российская академия наук. Журнал издаётся под руководством Президиума РАН.

«Общественные науки и современность» посвящён актуальным фундаментальным и прикладным исследованиям в социогуманитарных науках. На страницах журнала представлены статьи по политологии, международным отношениям и праву, экономике и социологии, философии и истории, культурологии и психологии.

«Общественные науки и современность» поддерживает самые высокие стандарты отбора материалов, их рецензирования, публикационной этики.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по специальностям:

08.00.00 – экономические науки;
22.00.00 – социологические науки;
23.00.00 – политология

Индексирование: **RSCI, РИНЦ**

ISSN (print): 0869-0499

Год основания: 1976

Импакт-фактор: 0,862

Подписной индекс: 70677

Периодичность: 6 раз в год.

